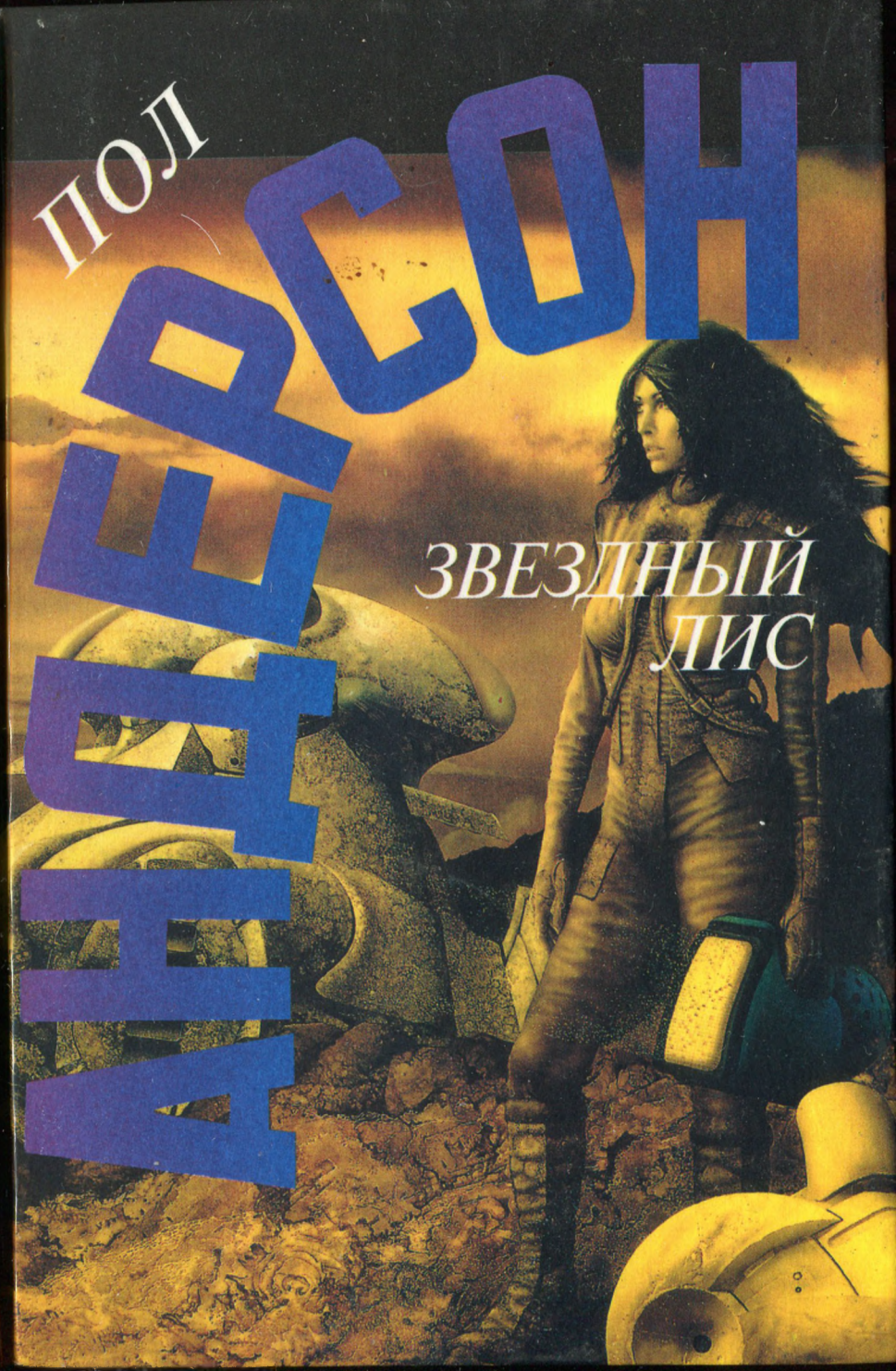


ПОЛ АНДЕРСОН

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛИС

ПОЛ
АНДЕРСОН

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛИС



АНГЛО – АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА

XX века

Пол АНДЕРСОН

Кеннет БАЛМЕР

Джеймс БЛИШ

Джеймс БАЛЛАРД

Джон БРАННЕР

Мэрион Зиммер БРЭДЛИ

Альфред ВАН ВОГТ

Стенли ВЕЙНБАУМ

Джин ВУЛФ

Джек ВЕНС

Гордон ДИКСОН

Абрахам МЕРРИТ

Ларри НАЙВЕН

Андрэ НОРТОН

Брайан ОЛДИСС

Эдгар ПАНГБОРН

Фредерик ПОЛ

Джерри ПУРНЕЛЛЬ

Джоанна РАСС

Фред САБЕРХАГЕН

Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ

Джек УИЛЬЯМСОН

Филипп Хосе ФАРМЕР

Фрэнк ХЕРБЕРТ

Пирс ЭНТОНИ

Poul ANDERSON

The star fox
Planet of no return



Amber, Ltd.
Sigma-press
1995

Пол АНДЕРСОН

Собрание сочинений

Звёздный лис
Планета, с которой
не возвращаются



Амбер, Лтд. Ангарск
Сигма-пресс. Москва
1995

ББК 84.7 США
А 65

Перевод с английского
А. Бурцева
Издания Пола Андерсона выходят под общей
редакцией Вл. Гакова

В этой книге знаменитого американского писателя-фантаста Пола Андерсона читатель познакомится с новыми увлекательными приключениями в космосе.

Андерсон Пол. Вып. 13

А 34 Звездный лис. Пер. с англ. — Ангарск. «Амбер, Лтд», Москва. «Сигма-пресс». 1995—416 стр.

А $\frac{4703010100-11}{И22(03)-95}$ без объявл.

ISBN 5-88358-054-8

THE STAR FOX

© 1965 by Poul Anderson

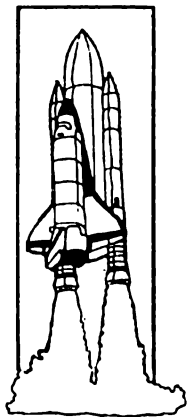
PLANET OF NO RETURN

© 1957 by Poul Anderson

© Издательство «Амбер, Лтд.», 1995 г.

© Пер. с англ. Бурцев А.

ЗВЁЗДНЫЙ ЛИС



The Star Fox



ЧАСТЬ 1. КАПЕРСТВО И РЕПРЕССАЛИИ

ГЛАВА 1.

Король велел бить в барабан... — пел кто-то по-французски.

Гуннар Хейм остановился как вкопанный. Некоторое время он стоял, озираясь в поисках источника голоса, звучавшего в темноте.

— Чтобы увидеть этих дам,

И первая, кого увидел...

Голос доносился откуда-то издалека, изрядно заглушаемый грохотом машин на берегу у доков. Лишь один человек этой ночью в Сан-Франциско мог исполнять подобную пародию на злую старинную балладу.

— Тара-ра-ра, тру-ту-ту,

Его пленила душу...

Хейм пошел на голос. Он еще не утратил способности двигаться быстро и бесшумно и через мгновение услышал сердитое дребезжание струн.

— Тара-ра-ра, тара-ра-ра...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. КАПЕРСТВО — нападение частных торговых вооруженных судов воюющего государства с его разрешения (каперское свидетельство) на торговые суда неприятеля.

2. РЕПРЕССАЛИИ — принудительные меры, принимаемые государством в ответ на незаконные действия другого государства.

Справа темной стеной громоздились пакгаузы. В этот час, когда до рассвета оставалось не так уж и много, город тускнел, утопая в тумане, лишь над крышами виднелась розовая дымка да башни дворца на Нобл-Хилл светились горсткой далеких огней. Слева, словно лоснящийся дракон, лежала грузовая субмарина, покрытая лунной чешуей, но возле нее не было ни людей, ни роботов-грузчиков. Гладкая и блестящая гавань напоминала эбеновое дерево. Горы на восточном берегу, в нескольких километрах от порта, образовывали темный массив, усыпанный искусственными звездами. Настоящие звезды были весьма тусклыми, как и спутник защиты, быстро поднимавшийся над горизонтом, словно все светила удалились от планеты, утратившей силу. Луна находилась в полупаузе возле зенита. Через сырой осенний воздух было невозможно различить светлое пятно Аполло-сити на ее темной стороне.

— Маркиз, скажи мне, кто она?

Маркиз, скажи мне, кто она?

Маркиз ответил: "Тра-та-та,

Сир, то моя жена!" Хейм обогнул сарай у пирса и увидел менестреля. Он сидел лицом к воде, еще более жалкий и маленький, чем ожидал Хейм. Его пальцы с таким остервенением дергали двенадцать струн, словно он сражался с врагом, а лицо, залитое луной, было мокро от слез.

Хейм остановился в тени у стены. Не стоило прерывать песню. В салуне космонавтов сказали, что этот парень — пьяница и дикарь.

— Истратив последний пенни, он заявил, что будет петь за выпивку, — сказал Хейму бармен. — Я объяснил, что у нас здесь ничего такого не принято. Он заорал, что пел так на дюжине планет, а вся беда Земли в том, что его просто не хотят слушать. Тогда я сказал, что через несколько минут по видео будут показывать стриптиз и завсегдатаи хотят именно этого, а не какой-то там чужеземной ерунды. Ну, он мне ответил, что будет петь звездам или что-то вроде этого — бред душевнобольного, одним словом. Я велел ему убираться, пока его не выкинули. Он и ушел. Это было с час назад. Ваш друг, что ли?

— Возможно, — ответил Хейм.

— О, тогда вы могли бы пойти поискать его. Он может нарваться на неприятности. Не ровен час, его завывание привлечет любителей легкой добычи.

Хейм кивнул и допил вино. Секция Благоденствия в любом большом городе небезопасна для одиноких ночных прогулок. Даже полиция западных стран не предпринимала почти никаких попыток контролировать тех, кого еще до рождения заменили машины. Она ограничивалась тем, что удерживала их бешенство и никчемность в границах отведенного района, в достаточном удалении от жилищ тех людей, чьи способности были нужны обществу. Предпринимая вылазки в субпопуляцию лишних людей, Хейм всегда брал с собой станнер и иногда вынужден был пускать его в ход.

Однако некоторые здесь его знали. Хейм сказал им, что он звездолетчик в отставке (что-либо более близкое к правде было бы просто неблагоприятно), и вскоре его уже считали вполне подходящим в компании для выпивки или картежной игры, более своим парнем, чем многие из космофлота, появлявшиеся и исчезающие перед их безразличными взорами.

Хейм помахал рукой нескольким знакомым, одни из которых были грубыми дикарями, а другие давно поддались безнадежности, и вышел из бара.

Поскольку менестрель, должно быть, пошел в порт, Хейм тоже направился туда, постепенно ускоряя шаг. Сначала он не ставил себе целью непременно отыскать этого парня, просто был повод для еще одного путешествия по трущобам. Но по мере того как Хейм шел, в его сознании вдруг стали вырисовываться возможные последствия встречи с "певцом".

И теперь, когда поиски увенчались успехом, услышанная песня что-то затронула в нем, и Хейм почувствовал, как участился пульс. Незнакомец, возможно, и в самом деле кое-что знал о происшествии среди тех созданий...

— Жена букет послала роз

И с пряным запахом мимоз,

И катафалк маркиза от этих роз увез...

Когда старинная баллада, тоже повествующая о тирании, предательстве и смерти, подошла к концу, у Хейма созрело решение.

— Трата-та-та, трата-та-та,
Жена свободна, как вода.

Наступила тишина, нарушаемая лишь плеском воды и бесконечной пульсацией огромного двигателя, которым являлся город. Хейм сделал несколько шагов вперед.

— Добрый вечер, — сказал он.

Певец вздрогнул, прерывисто вздохнул и повернулся. Хейм улыбнулся и протянул руки ладонями вверх.

— Я не замышляю ничего плохого, — сказал он, — просто наслаждаюсь вашим концертом. Не возражаете, если я составлю вам компанию?

Менестрель ожесточенно протер глаза. Затем тонкое лицо с заостренными чертами обратилось в оценивающий взгляд. В таком месте трудно сохранить невозмутимость при встрече с Гуннаром Хеймом. Рост того достигал почти двух метров, а ширина плеч соответствовала росту. Черты лица были грубоваты и просты. В рыжевато-каштановых волосах, несмотря на сравнительно молодой возраст — сорок пять лет, — блестела седина, бровь пересекал зигагообразный старый шрам. Но одет Хейм был весьма прилично, в плащ с высоким воротником и брюки, заправленные по последней моде в мягкие полуботинки. Капюшон плаща был откинут назад. По всей видимости, Хейм не имел при себе оружия.

— Что ж, — певец нервно передернул плечами, — здесь не частная территория. — По-английски он говорил бегло, но с большим акцентом, нежели по-французски.

Хейм выгашил из кармана плоскую бутылку виски.

— Не желаете ли выпить со мной, сэръ?

Менестрель схватил бутылку. Смакуя каждый глоток, он сначала произнес:

— Ах! — а после: — Простите мои дурные манеры, но мне страшно хотелось выпить. Прозит! — Он поднял бутылку, снова отпил глоток и вернул ее Хейму.

— Прозит! — Хейм сделал большой глоток и сел на каменный причал, прислонившись к палу. Все выпитое бурлило в нем вместе с нарастающим возбуждением. Это была попытка сохранить расслабленное состояние.

Менестрель слез с пала и сел рядом с Хеймом.

— Так, значит, вы не американец? — спросил он. Его голос слегка дрожал, он явно старался сохранить спокойствие и безучастность, в то время как на лице с высокими скулами стыли слезы.

— Вообще-то по характеру я американец, — ответил Хейм, — но мои родители были норвежцами. Я родился на Гее, Тау Кита-2.

— Что? — Лицо менестреля, как и надеялся Хейм, приняло выражение крайней заинтересованности. Он насторожился, выпрямился. — Вы астронавт?

— Служил в военном флоте лет пятнадцать назад. Меня зовут Гуннар Хейм.

— А меня... Андре Вадаж. — Тонкие пальцы исчезли в широкой ладони Хейма. — Венгр, но последние десять лет провел вне Земли.

— Да, знаю, — мягко сказал Хейм. — Недавно я видел вас в программе новостей.

Вадаж скривил губы и сплюнул в воду.

— В интервью вы успели рассказать не слишком много, — закинул удочку Хейм.

— Да, уж они-то постарались вовремя заткнуть мне глотку, — Вадаж расплылся в слащавой улыбке, передразнивая "их".

— Значит, вы музыкант, мистер Вадаж. С помощью любых подвернувшихся под руку способов вы прокладываете путь от звезды к звезде, неся колонистам и нелюдям песни Матери-Земли. Это ведь так интересно, не правда ли?

Струны гитары жалобно вскрикнули от гневного удара.

— Вы хотели рассказать о Новой Европе, но они упорно отвлекали вас от этой темы, — продолжал Хейм. — Интересно знать почему?

— Они получили приказ от ваших драгоценных американских властей под давлением великой бравой Всемирной Федерации. Было уже слишком поздно отменять мое выступление, поскольку оно было объявлено, но мне решили заткнуть глотку. — Вадаж расхохотался, запрокинув голову, его смех напоминал лай койота в лунную ночь. — Что я — параноик и мне только кажется, что меня преследуют? Но что

если заговор против меня и в самом деле существует? Имеет ли тогда значение, в своем я уме или нет?

— Гмм... — Хейм потер подбородок, подавив эмоции, готовые вырваться наружу. Он не относился к числу импульсивных личностей. — С чего вы это взяли?

— Куинн сам признал это, когда я его упрекнул. Он сказал, что студия может лишиться лицензии, если... э-э... прибегнет к голословным заявлениям, которые могут смутить Федерацию в это трудное время. Не скажу, что я был слишком удивлен. По прибытии на Землю я беседовал с разными официальными лицами, как гражданскими, так и военными. Самыми добрыми словами, которые я услышал от них, были слова о том, что я, должно быть, ошибаюсь. И при этом они понимали правоту моих доказательств, они знали...

— А вы не пробовали обратиться к французам? Мне кажется, они скорее предприняли бы что-нибудь.

— Да? В Париже я не прошел дальше помощника заместителя министра. Мой рассказ так напугал его, что он ни в какую не хотел допустить меня к кому-либо повыше, кто мог бы поверить. Я отправился в Будапешт, где меня приняли родственники. Отец устроил мне встречу с самим министром иностранных дел. Тот был, по крайней мере, честен со мной. Венгрии, которая в любом случае не могла бы пойти против всей Федерации, не было дела до Новой Европы. Выйдя из его кабинета, я несколько часов бродил по улицам. Наконец, когда уже стемнело, я сел возле памятника Свободе. Я смотрел в лицо Имре Нэги, но это была лишь холодная бронза. Я глядел на фигуры мучеников, умиравших у его ног, и понял, почему никто не станет меня слушать. Поэтому напился, как свинья. — Вадаж потянулся за бутылкой. — С тех пор я почти всегда пьян.

Теперь Мы спросим его, молнией мелькнуло в голове Хейма. Он больше не мог управлять голосом, прежнего спокойствия как не бывало. Но Вадаж не замечал этого.

— Насколько я понял по тем крохам, — сказал Хейм, — которые все же прошли сквозь сито офи-

циальной цензуры, вы хотели рассказать о том, что люди на Новой Европе еще живы. Так?

— Совершенно верно, сэр! Они бежали в горы все до одного.

— Оут Гаранс, — кивнул Хейм. — Для партизанской войны лучше места не найти. Куча укрытий, большинство из которых не отмечены на картах, где не обязательно жить непосредственно на земле.

— Вы там были?! — Вадаж опустил бутылку и уставился на Хейма.

— Частенько, когда служил во флоте. Это было излюбленное место для капремонта и космических отпусков. Я сам провел на Новой Европе четырнадцать месяцев подряд, залечивая это, — Хейм прикоснулся к шраму на лбу.

Вадаж всмотрелся в лицо Хейма, на котором лежали пятна лунного света.

— Работа алеронов?

— Нет, это произошло более двадцати лет назад. Я заработал этот шрам, когда мы занимались ликвидацией индо-германского конфликта на Лилит. Вероятно, вы его не помните, поскольку слишком молоды. Стички с алеронами начались позднее.

В голосе Хейма звучала растерянность, его возбуждение и гнев растворились в воспоминаниях...

Красные крыши и крутые упочки Бон Шанса, тянущиеся вдоль реки Карсак к Байе де Пишур, простирающейся пурпур и золото до самого края света. Праздные дни, проводимые за перно в уличном кафе, красновато-коричневое солнце, которое хочется пить и пить, подобно тому, как кот лакает молоко. И когда дело пошло на поправку — охотничьи вылазки в горы с Джеквесом Буссардом и Тото Астьером... Отличные ребята, открытые души и честные сердца. Немножко сумасшедшие; как и положено молодым людям. Медилон...

Хейм встряхнулся.

— Вам известно, кто был или является ответственным лицом? — резко спросил он.

— Полковник де Виньи из планетарной полиции. После того как мэрия подверглась бомбежке, он взял на себя командование и организовал эвакуацию.

— Уж не старик ли Роберт де Виньи? Бог мой, я его знал! — Пальцы Хейма сжали бетон папа. — Да, раз так, стало быть, война действительно продолжается.

— Она не может длиться бесконечно, — пробормотал Вадаж. — Алеронам спешить некуда, и в конце концов они выследят всех поодиночке.

— Я тоже знаю алеронов, — кивнул Хейм.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на звезды. Не туда, где находилась звезда Аврора — удаленная на сто пятьдесят световых лет, она все равно была бы недоступна глазу, к тому же входила в созвездие Феникса, закрытое сейчас горизонтом. Но Хейм не мог смотреть в глаза менестреля, задавая вопросы.

— Не встречалась ли вам некая Медилон Дюбуа? Это ее девичья фамилия. Наверное, она давно уже замужем.

— Нет, — пропитой голос Вадажа тотчас стал тихим и мягким. — Мне очень жаль, но я ее не встречал.

— Ну что ж... — сделав усилие, Хейм равнодушно пожал плечами. — У вас для этого не было почти никаких шансов. Предположительно, численность человеческого населения на Новой Европе достигала полумиллиона. Кстати, каковы были... потери?

— Я слышал, будто Сюр д'Ивонн в долине Пейз д'Ор был разрушен ракетой. Или же... Нет, я не верю в это. Сражения велись в основном в космосе после того, как флот алеронов уничтожил несколько кораблей из флота Федерации, оказавшихся поблизости. Впоследствии они высадились в полном составе, поначалу в пустынных местностях, так что ничего, кроме парочки рейдов с применением лазеров и химических бомб, им сделать не удалось, поскольку почти все города успели к тому времени эвакуироваться. Разумеется, алероны продвигались быстро и предлагали им сдаться, но де Виньи отказался, и за ним пошло столько людей, что в конце концов все оставшиеся присоединились к ним.

“Черт побери, — подумал Хейм, — придется и дальше делать вид, что все это меня не особенно волнует. По крайней мере, до тех пор, пока я не узнаю больше”.

— Как вам удалось выбраться оттуда? В выпусках новостей, упоминавших о вас, когда вы только что прилетели на Землю, почти ничего об этом не говорилось. Вероятно, специально.

Вадаж встряхнул бутылку и в ней забулькало.

— Когда произошло нападение, я был там, — сказал он снова осипшим голосом. — Французы реквизировали торговый корабль и послали его снова за помощью, но он был уничтожен, едва выбрался за пределы атмосферы. Если бы не один рудокоп из наквсов... — Он произнес это слово из языка расы нелюдей почти правильно. — Возможно, вы знаете, что не так давно между людьми и наквсами было подписано соглашение, что последним разрешается добывать руду в Терра де Суд за арендную плату. Поэтому, находясь в такой дали, они ничего не видели и не знали, а облачный покров над Гарано держал их в полном неведении относительно происходивших событий. После переговоров по радио командующий алеронов разрешил наквсам удалиться, и возьму на себя смелость утверждать, что сделал он это, просто не желая вступать в конфликт с двумя расами сразу. Разумеется, их кораблю было запрещено брать пассажиров. Но еще до этого я как-то раз побывал там и завоевал их симпатии, особенно капитана, тем, что проявил интерес к их песням, а некоторые даже выучил. Поэтому он протаскил меня на борт своего корабля и сумел перехитрить инспекторов алеронов. Де Виньи надеялся, что я смогу доставить его послание... гм, гм!.. — Смех Вадажа перешел в почти истерический, слезы опять хлынули из глаз. — От наквсов мне пришлось, по выражению тех, кто брал у меня интервью, “прокладывать себе путь любым подвернувшимся под руку способом”. На это потребовалось время. И все, все оказалось ни к чему!

Схватив гитару, он ударил по струнам и запел низким голосом:

“Прощай, прощай, тебя я покидаю,

С тобою вместе быть уже не суждено...” Хейм взял бутылку, но тут же резко поставил ее так, что она звякнула. Вскочив, он принялся расхаживать туда-сюда. Его тень то и дело падала на менестреля, плащ

развевался за спиной, отражаясь в освещенной лунном свете воде.

— Нет, это невозможно! — яростно выкрикнул он по-норвежски.

— А? — глядя на него, растерянно заморгал Вадаж.

— Послушайте, вы сказали, что у вас есть доказательства?

— Да, я предлагал дать показания под гипнозом. К тому же де Виньи снабдил меня письмами, фотографиями, целыми пакетами микропленок. Но никто на Земле не желает признать эти материалы подлинными. Многие вообще не желают посмотреть их.

— А я желаю, — сказал Хейм, чувствуя, как шумит в голове кровь.

— Ладно, ладно. Можно прямо здесь, у меня все с собой. — Вадаж принялся рыться в складках одежды.

— Нет, подождем немного. Пока я поверю вам на слово. Все, что вы рассказали, вполне согласуется с другими фактами, которые мне удалось собрать.

— Значит, одного человека я все-таки убедил, — с горечью произнес Вадаж.

— Не только... — Хейм сделал глубокий вдох. — Слушай, друг, с искренним к тебе уважением — а я уважаю всякого, у кого кишка не тонка поступать так, как он считает нужным, — хочу сообщить, что я не самозванный трубадур, похожий на косматого осла. Я — главный владелец Хеймдела.

— Фирмы по производству ядерных двигателей? — Вадаж ошалело потряс головой. — Ноу. Нон. Найн... Нет! Это не можете быть вы. Я видел ваши двигатели в такой дали от дома... аж во владениях Риджель.

— Ага, чертовски хорошие машины. Прежде чем обосноваться на Земле, я всесторонне изучил все "за" и "против". Офицеры военного флота, уходящие в отставку и не желающие летать на "курицах", имеют почти сто шансов за то, чтобы окончить свою карьеру среди безработных. Но я понимал, что те, кто первым возьмется за внедрение двухфазовой системы управления, изобретенной алеронами, станет центром притяжения на рынке нашей расы и на рынках половины рас нелюдей. И когда техническая

разведка производила вскрытие корабля алеронов, захваченного нами в бою возле Акернара, я был на месте и не зевал. Мой отчим изъявил желание поддержать меня материально, рассчитывая, разумеется, на мою благодарность. И вот сегодня я... ну, далеко не финансовый гигант, но все же кое-какие деньжата имею. Кроме того, я продолжал поддерживать связь со своими друзьями по академии. Сейчас уже некоторые из них адмиралы, и мои идеи для них — не пустой звук. К тому же я аккуратно плачу взносы в казну партии Сторонников Свободы Воли, что означает неизменное внимание к моему мнению со стороны Тваймена. И право же, это в его интересах!

— Нет! — Голова с темными взъерошенными волосами уныло качнулась из стороны в сторону. — Не может быть, чтобы я наконец кого-то нашел.

— Но это так, брат мой. — Хейм с силой ударил кулаком по своей ладони. В его сознании промелькнуло мгновенное удивление собственной радостью. Была ли она вызвана подтверждением того, что люди на Новой Европе все еще живы, или открывавшейся перед ним, Гуннаром Хеймом, возможностью лично устроить "короткое замыкание" проклятым алеронам? Или, может быть, просто внезапно возникшей целью в жизни после пяти лет без Конни? Именно сейчас как никогда остро он ощутил всю пустоту и бессмысленность этих лет.

Неважно! Радость росла и росла. Нагнувшись, Хейм одной рукой поднял Вадажа, другой бутылку.

— Прозит! — прокричал он Ориону-Охотнику и сделал такой глоток, что малютка Вадаж чуть не задохнулся от удивления. — Фу-у!.. Пошли, Андре. Я знаю места, где мы можем отпраздновать это событие так, как нам захочется, черт побери! Мы будем петь песни, и рассказывать сказки, и пить с заката до рассвета, а потом начнем работать. Верно?

— Да, да... — Вадаж, все еще не опомнившийся от изумления, сунул гитару под мышку и поплелся позади Хейма. В бутылке еще булькало, когда Хейм затыкнул "Голубых ландскнехтов", песню такую же печальную и яростную, как он сам. Вадаж повесил гитару на шею и начал подыгрывать. Потом они спели вместе "Марсельезу", "Двух гренадеров", "Шкипера

Булларда", и к этому времени вокруг них собралось столько буйных компаньонов, что в конце концов они неплохо провели вместе время.





ГЛАВА 2.

Когда в Сан-Франциско было 17.00, в Вашингтоне уже пробило 20.00. Но Гарольд Тваймен, старший сенатор из Калифорнии и лидер большинства среди представителей Соединенных Штатов в парламенте Всемирной Федерации, был очень занят, так что секретарша не могла устроить конфиденциальный телефонный разговор пораньше, тем более после столь краткого уведомления, какое сделал Хейм. Однако последнего это вполне устраивало, поскольку давало время прийти в себя после предыдущей ночи, не пользуясь чрезмерным количеством препаратов, а также позволяло передать наиболее важные дела на заводе Хеймдел нужным людям и изучить доказательства Вадажа. Венгр все еще спал в комнате для гостей. Его организм, претерпевший слишком много злоупотреблений, нуждался теперь в капитальном ремонте.

Незадолго до того, как часы показали 17.00, Хейм решил, что достаточно познакомился с материалами, собранными Робертом де Виньи. Он выключил экран, потер глаза и вздохнул. Боль в разных частях тела все еще потихоньку грызла его. Когда-то — Боже, кажется, это было совсем недавно! — он запросто бы вынес двадцать таких попок и после этого был бы еще способен три-четыре раза подряд заняться любовью, а на следующее утро лететь хоть в другую Галактику.

“У меня теперь трудный возраст, — криво усмехнувшись, подумал он, — я слишком стар для лечения

препаратами антистарения, чтобы... Чтобы что? Ничего, клянусь сатаной! Просто в последнее время немного засиделся дома. Стоит разок по-настоящему прошвырнуться, и, глядишь, этого брюшка, которое становится все заметнее, как не бывало”.

Хейм втянул живот, достал трубку и набил ее с ненужной силой.

“Почему бы на самом деле не взять отпуск, — подумал он, — побродить по лесам и поохотиться?” У него имелось бессрочное приглашение посетить игорный заповедник Яна Маквея в Британской Колумбии. Или отправиться на своем катамаране на Гавайи, или воспользоваться своей межпланетной яхтой, полазить по Лунным Альпам, по марсианским горам, а то Земля слишком заполнена вонючими толпами туристов. Или даже взять билет на межзвездный рейс. Хейм не был на своей родине Гее с тех пор, как родители отправили его на Ставанджер, чтобы он мог получить подходящее образование. За Ставанджером последовали академия Гринленд, флот Глубокого Космоса и снова Земля — дел всегда было по горло.

В памяти Хейма всплыла, обдав сердце острой болью, забытая картина: в небе, точно шар из красного золота, Тау Кита. Горы спускаются к самому морю, как в Норвегии. Но океаны на Гее были теплыми, зелеными и преследовали его странными запахами, которым не было названия на человеческом языке. Синдабаны — его товарищи в мальчишеских играх, смеющиеся, как и он, когда они вместе несутся к воде, и лезут гурьбой в пирог, и поднимают парус, и скачут по волнам наперегонки с ветром. Бивачный костер на острове, отблески пламени, выхватывающие из поющей ночной темноты ветви даоды и тоненькие, покрытые мехом фигурки друзей, и песни, и барабаны, и необыкновенные обряды, и... и...

— Нет! — сказал Хейм вслух, разжег трубку и глубоко затянулся. — Когда я покинул Гею, мне было двенадцать лет. Родители уже умерли, а синдабаны стали взрослыми членами племени, которое люди до сих пор пытаются понять. Я нашел бы там лишь небольшую научную базу, ничем не отличающуюся от десятков таких же, виденных мной на разных планетах. Время — улица с односторонним движением.

Кроме того... — Его взгляд упал на микропленки, лежащие на столе, — ...здесь пока хватит работы.

За дверью кабинета раздались шаги. Желая хоть немного отвлечься, Хейм встал и пошел на звук этих шагов. Шаги привели его в гостиную. Как он и думал, дочь вернулась домой и, как всегда, плюхнулась в кресло.

— Привет, Лиза, — сказал Хейм. — Как дела в школе?

— Так себе. — Она нахмурилась и высунула язык. — Старик Эспиноза сказал, что мне придется переписать сочинение.

— Много ошибок? Что ж, если бы ты взялась наконец за дело и выучила...

— Ошибки не только в правописании. Не знаю, с чего все делают из этого такую трагедию... Он сказал, что мои семантики — что-то невообразимое! Старый зануда!

Хейм оперся о стену и, тыча в сторону Лизы чубуком трубки, сказал:

— Семантика — существительное единственного числа, да будет тебе известно. Твоя грамматика ничуть не лучше орфографии. И вообще, пытаться писать, говорить или думать, не зная семантики, все равно что пытаться танцевать, не научившись ходить. Боюсь, что мои симпатии в данный момент на стороне мистера Эспинозы.

— Но, папа, — заныла она, — ты не понимаешь! Мне придется переделать все с самого начала!

— Разумеется.

— Я не могу! — Ее глаза, такие же голубые, как у него, — в остальном она до боли походила на Конни — заволоклись дымкой, предвещавшей слезы. — У меня свидание с Диком... Ой! — она сконфуженно зажала рукой рот.

— С Диком? Ты имеешь в виду Ричарда Уолдберга?

Лиза отчаянно замотала головой.

— Лжешь! — прорычал Хейм. — Я много раз повторял тебе, черт побери, что ты не должна встречаться с этим неотесанным деревенщиной!

— Но, папа, просто это...

— Конечно, возвышенные чувства. Я бы сказал, что в лице сына Уолдберг-старший приобрел злобно-го хулигана и недурного растлителя. Любая девушка, которая свяжется с этой компанией, рано или поздно попадает в беду. Впрочем, ничего опаснее беременности ей не грозит...

Хейм почувствовал, что почти кричит. Взяв себя в руки, он продолжал вежливо-приказным тоном:

— Короче говоря, это свидание — не только непослушание с твоей стороны, но и предательство. Ты сделала это за моей спиной. Прекрасно! Неделю ты будешь находиться под домашним арестом все время, проводимое вне школы. А завтра я должен увидеть твоё сочинение, написанное без ошибок.

— Ненавижу тебя! — крикнула Лиза, вскочила с кресла и выбежала из комнаты. На мгновение перед Хеймом мелькнуло яркое платье, хрупкая фигурка и мягкие каштановые волосы, затем она исчезла. Хейм слышал, как она пнула дверь своей комнаты.

— А что еще, по-твоему, мне остается? — крикнул он вслед, но ответа, разумеется, не получил. Хейм выбил трубку, рывкнул на служанку, посмевавшую войти с вопросом, и прошел на увитую розами террасу, откуда открывался вид на Сан-Франциско.

В пучах заходящего солнца город лежал холодный, подернутый дымкой. Отсюда, с Телеграфной горы, Хейму были видны шпили зданий и надземные магистрали, сверкающая вода и островки садов. Вот почему он выбрал это место после того, как Конни погибла в нелепой катастрофе при столкновении двух флайеров и дом в графстве Мендосо стал слишком большим и безмолвным. Где-то в прошлом году Лиза начала ныть, что этот район якобы недостаточно фешенебельный. Ну и пошла она к черту!

Хейм снова ощутил невыносимую тоску, охватывающую его всякий раз, когда он вспоминал о жене. Лиза жила своей жизнью, в которой не было места отцу. Да это его и не особенно расстраивало.

Нет, непонимание между ними всего лишь результат переходного возраста Лизы — четырнадцать лет. Причина должна быть только в этом. К тому же без матери... Вероятно, ему стоило жениться ради Лизы, возможностей было хоть отбавляй. Но в

большинстве случаев все оканчивалось только как... именно как случай, потому что ни одна женщина не была Конни. Или даже Медилон. Если не считать Джосли Лори, но она безнадежно погружена в свое проклятое движение за мир и вообще... А между тем он, возможно, совершает ошибку за ошибкой, в одиночку воспитывая Лизу. Во что теперь превратилось маленькое трогательное существо с ямочками на щеках?..

Хейм взглянул на часы и выругался. Давно было пора звонить Тваймену.

Вернувшись в кабинет, Хейм подождал, пока секретарь соединит его с боссом и подключит экранировку. Не в силах усидеть на месте, он расхаживал по кабинету, трогая книги, настольный компьютер, свои сувениры, захваченные с улана "Звездный лис", которым он когда-то командовал. Тяжело было расставаться с кораблем. После женитьбы он еще в течение года мог служить в военном флоте, но это не решило бы проблемы, да и было бы нечестно по отношению к Конни. Хейм погладил фотографию жены, не решаясь оживить ее.

— В конце концов, все образовалось, родная, — вздохнул он. — Ты вполне стоила этого.

Раздался мелодичный звонок, и на загоревшемся экране появилось лицо секретаря.

— Сенатор на проводе, — сказал он.

Изображение секретаря тотчас же сменилось знакомой седой головой Тваймена. Хейм сел на краешек стула.

— Привет, Гуннар, — сказал Тваймен. — Как жизнь?

— С переменным успехом, — ответил Хейм. — А у тебя?

— Представь себе загнанную лошадь, и ты меня поймешь. Сам знаешь, конфликт с алеронами...

— Как раз об этом и я хотел с тобой поговорить.

Хейму показалось, что Тваймен встревожился.

— Я не могу сказать слишком много, — предупредил сенатор.

— Почему?

— Ну... Просто пока что сказать особо нечего. Их делегация находится здесь всего лишь третью неделю, если ты помнишь, так что никакие официальные дискуссии еще не проводились. Такова уж традиция дипломатии между различными расами. Приходится проворачивать массу кропотливой работы по подготовке, проводить обмен информацией, семантические, ксенологические и даже эпистемологические исследования, прежде чем обе стороны смогут пройти полпути к уверенности, что говорят об одних и тех же вещах.

— Гарри, — сказал Хейм, — я не хуже тебя знаю, что все это — пустая болтовня. Неофициальные конференции благополучно проводятся и в данный момент. Когда парламент встречается с алеронами, у вас — ребят, которые находятся в курсе дела, — все трюки заготовлены наперед, аргументы представлены в нужном порядке, голоса подсчитаны, так что остается лишь тушить свет и отправляться на ратификацию — решение вы уже вынесли.

— Ну... как... Нельзя же, скажем, ожидать, чтобы представители империи Кении смогли понять нечто, настолько сложное...

Хейм снова разжег трубку:

— Как бы там ни было, что вы собираетесь делать?

— Извини, этого я не могу сказать.

— Почему же? Разве наша Федерация не является "демократией государств"? Разве ее Конституция не гарантирует свободного доступа к информации?

— Ты получишь столько информации, сколько потребуется, — сухо сказал Тваймен, — когда мы начнем действовать на официальном уровне.

— Тогда будет слишком поздно, — вздохнул Хейм. — Но неважно, я могу подсчитать, сколько будет дважды два. Вы собираетесь уступить Новую Европу алеронам, не так ли?

— Я не могу...

— Это и не обязательно. Признаков, что так и произойдет, более чем достаточно. Главы государств, уверяющие свои народы, что для паники нет причин, что мы не собираемся вступать в войну. Политики и комментаторы, осуждающие "экстремистов". Подав-

ление любого намека на то, что может возникнуть вполне обоснованная причина для войны...

— К чему ты клонишь? — расвирипел Тваймен.

— Я встречался с Андре Вадажем, — ответил Хейм.

— С кем? А, да, с этим авантюристом, который возомнил... Послушай, Гуннар, некоторая опасность войны действительно существует, я этого не отрицаю. В особенности Франция охвачена сейчас стремлением вооружаться, демонстрациями, забастовками, во время которых чернь буквально сдирает и топчет флаги Федерации. У нас и без того дел по горло, не хватает еще, чтобы такие тронутые, как этот Вадаж, мутили воду и еще больше раздували страсти.

— Он не тронутый. К тому же его правоту подтверждает само прошлое алеронов. Спроси любого из военного флота.

— Именно так, — упрямо возразил Тваймен. — По мере того, как мы вторгаемся в сферу их интересов, число конфликтов неизбежно возрастает. И вправе ли ты винить их в этом? Они совершали круизы в районе Феникса еще тогда, когда люди только обжиwali пещеры. Этот район принадлежит им.

— Однако Новая Европа им не принадлежит. Ее открыли люди, и они же основали там колонию.

— Знаю, знаю. Звезд столько... Вся беда в том, что мы всегда были алчными. Мы забрались слишком далеко и слишком быстро.

— Звезд много, — согласился Хейм, — но планет, пригодных для заселения людьми, не такое уж великое множество. Они нам нужны.

— Алеронам тоже.

— Да? Какой же, интересно, им прок от планет земного типа? Даже если сравнить масштабы деятельности, прежде чем мы начали осваивать эту область.

— Массовая колонизация стала их ответом на наш вызов, — сказал Тваймен. — Что бы ты стал делать на их месте, если бы чужая культура начала осваивать планетарные системы, расположенные к Солнцу так же близко, как Аврора к Эйфу? — Он откинулся назад. — И не надо повторять мне прописные истины. Алероны не святые. Иногда они даже

ведут себя как злодеи, по нашим понятиям. Но нам приходится соседствовать с ними в космическом пространстве. Война немыслима.

— Почему? — медленно спросил Хейм.

— Что? Гуннар, уж не свихнулся ли ты? А может, ты никогда не читал историю? И не видел кратеров? И не понимал, каким тревожным звонком был Ядерный Обмен?

— Этот звонок был настолько тревожным, что с тех пор человеческая раса не в состоянии рационально подходить к данному вопросу, — отозвался Хейм. — Но мне приходилось изучать некоторые объективные анализы. И даже ты должен признать, что Обмен и его последствия избавили нас от неких идеологических правительств.

— Межзвездная война может "избавить" нас от Земли!

— Ерунда! Планета с такой космической защитой, как у нас, не может быть атакована извне ни одним ныне существующим флотом. Любой луч будет погашен, любая ракета перехвачена, любой корабль уничтожен.

— В отношении Новой Европы это было не так, — сказал Тваймен, злясь все больше.

— Ну, разумеется, нет. У Новой Европы нет ни космических крепостей, ни собственного флота. Ничего, кроме нескольких улан и преследователей, оказавшихся поблизости, когда нагрянула армия алеронов.

— Не ерунди, Гуннар. Это была всего лишь очередная стычка, которая, правда, вышла из-под контроля.

— То же самое говорят и алероны, — пробормотал Хейм. — Если это правда, то почему ни один из наших кораблей не вернулся оттуда?

Тваймен проигнорировал этот вопрос.

— Мы никогда не сможем точно узнать, кто сделал первый выстрел. Но можно быть уверенным в том, что алероны не стали бы атаковать Новую Европу ракетами, если бы наш корабль с командующим не попытался бы заманить их корабль вниз, в атмосферу, дабы сделать из них котлету. Какая еще могла быть для этого мыслимая причина?

Если Новая Европа и в самом деле была бы атакована ракетами, подумал Хейм. Но этого не было.

Сенатор немного помолчал, чтобы справиться с негодованием, затем продолжал почти ласково:

— Весь этот эпизод в целом продемонстрировал, насколько невыносимой стала ситуация и как далеко все может зайти, если мы не остановимся, пока еще не поздно. За что мы хотим сражаться? За несколько несчастных планеток? Единственное, что от нас требуется, — оставить в покое традиционную сферу влияния алеронов, и тогда для нас будет открыта вся остальная Галактика. Драться из мести? Ну, разумеется, невозможно проигнорировать факт гибели полумиллиона человеческих существ, но остается и тот факт, что они уже мертвы. Я не хочу, чтобы вслед за их жизнями последовали другие.

— О'кей, — спокойно ответил Хейм. — И что же вы собираетесь делать?

Тваймен пристально посмотрел на него, прежде чем ответить:

— Ты мой друг, и я могу рассчитывать на то, что ты не станешь болтать. И на то, что окажешь мне поддержку... сам знаешь когда. Идет?

— Насчет секретности... ну, ладно. А вот насчет поддержки... Там видно будет. Продолжай.

— Подробности все еще обсуждаются, но в общем алероны предлагают нам за Новую Европу компенсацию. Вполне приличную. Кроме того, они были бы не против откупиться и от других наших интересов в Фениксе. Окончательные условия договора еще придется утвердить — вероятно, они не смогут заплатить все сразу, — но проект выглядит неплохо. Если мы покинем их сферу, они сделают то же самое в отношении околосолнечного пространства. Но как ты, надеюсь, понимаешь, мы не собираемся возводить никаких стен. Мы будем обмениваться послами и культурными миссиями. В свое время будут обсуждены и условия торговли. Вот так. Тебя это удовлетворяет?

Хейм посмотрел в глаза человеку, который, как он когда-то считал, был честен с самим собой, и покачал головой:

— Нет.

— Почему? — вкрадчиво спросил Тваймен.

— С точки зрения будущего ваш план не принимает во внимание натуру алеронов. Они будут уважать наши интересы в Солнечной системе ровно столько, сколько им потребуется для укрепления своей сферы, которую вы сейчас собираетесь им уступить ни за что ни про что. Да-да, именно так, потому что пока не будет заключен договор о торговле — а я полагаю, он никогда не будет заключен, — каким образом мы сможем использовать ту валюту, которую они столь великодушно собираются нам всучить в качестве компенсации?

— Гуннар, я знаю, что несколько твоих друзей погибли от рук алеронов. Но это породило в тебе манию преследования.

— Вся беда в том, Гарри, — позаимствовал Хейм мысли Вадажа, — что преследование действительно существует. Ты живешь словно во сне. Ты настолько поглощен идеей избежать войны, что все остальное совершенно не принимаешь во внимание. В том числе и честь.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Тваймен.

— Новая Европа не была атакована ракетами. Колонисты не погибли. Они укрылись в горах и ждут, когда мы придем им на помощь.

— Это не так!

— Доказательство лежит на моем столе.

— Ты имеешь в виду документы, подделанные этим... бродягой?

— Документы не подделаны, и это можно доказать. Подписи, отпечатки пальцев, фотографии, да хоть сами коэффициенты изотопов в пленке, изготовленной на Новой Европе. Гарри, я никогда не думал, что ты сможешь продать полмиллиона людей.

— Все это чушь, — ледяным тоном произнес Тваймен. — Вы фанатик, мистер Хейм, вот и все. Даже если бы то, что вы говорите, было правдой... как вы представляете себе спасение хотя бы одного человека на планете, которая оккупирована и охраняется из космоса? Но это неправда. Я говорил с теми, кто остался в живых и кого алероны доставили сюда. Должно быть, вы сами видели их по стереовизору. Они подтверждают факт ракетной атаки.

— Гм... А ты помнишь, откуда они?

— Из района Сюр д'Ивонн. Все остальные уничтожены.

— Так говорят алероны, — возразил Хейм. — И спасенные тоже так считают. Все, кто считает не так, были бы отсортированы во время допроса. Я утверждаю, что Сюр д'Ивонн был единственным местом, куда ударила ядерная ракета. Я также утверждаю, что мы сможем бороться, если таков будет наш долг, и сможем победить. В космической войне. Я не собираюсь нести чушь насчет "атаки неприступного Алерона", которую наши дрессированные комментаторы непрерывно вкладывают нам в умы, "умы экстремистов", к тому же Земля в неменьшей степени неприступна. Далее я утверждаю, что, если мыотреагируем быстро и в полную силу, нам, вероятно, можно будет избежать войны. Алероны пойдут на попятный. Они недостаточно сильны, чтобы задирать перед нами нос... Пока недостаточно. Наконец, я утверждаю, что если мы оставим в беде людей, которые верят в нас, то все, что алероны в конечном итоге сделают с нами, будет заслуженным. — Он набил трубку по новой. — Таково мое мнение, сенатор.

— Тогда мое слово, Хейм, будет таким, — дрожа от ярости, ответил Таймен. — Мы переросли этап саблезубого милитаризма, и я не собираюсь допускать, чтобы нас отбросили назад, на тот же уровень. Если ты настолько ослеплен, что станешь разглашать все сказанное мной в частной беседе, я уничтожу тебя. Через год ты окажешься в районе Благоденствия или на исправлении.

— О нет, — покачал головой Хейм, — я всегда держу клятву. Факты сами скажут за себя, мне достаточно лишь указать на них.

— Давай-давай, если хочешь лишиться денег и репутации. Ты станешь таким же посмешищем, как и остальная воинствующая толпа.

Ошеломленный Хейм криво усмехнулся. В течение последних недель, после новостей с Новой Европы, он видел, что сделали средства массовой информации с теми, кто говорил так, как говорит он сейчас. Точнее говоря, с теми, кто пользовался влиянием и кого поэтому требовалось опрокинуть. Простые

люди, не имевшие отношения к политике, были не в счет. Ученые мужи попросту заявили, что Всемирное Мнение требует мира. Однако, прислушавшись к разговорам немалого числа людей, от инженеров и физиков до космических чернорабочих и механиков, высказывавших свое мнение, Хейм засомневался, что Всемирное Мнение было передано правильно. Но он не видел никакого способа доказать это. Провести голосование? Нет. В лучшем случае, результаты напугали бы лишь нескольких профессоров, которые быстро пришли бы к выводу, что голосование было основано на ложных статистических данных, да несколько студентов этих профессоров, которые организовали бы демонстрацию, требуя осуждения монстра по фамилии Хейм.

Пропаганда? Лавирование? Общество Поля Риверы?.. Хейм тряхнул головой и тяжело ссутулился.

Лицо Тваймена смягчилось.

— Прости, Гуннар, — сказал он. — Ты ведь знаешь, я по-прежнему твой друг, независимо от того, куда пойдет очередное пожертвование твоей компании. Звони в любое время. — Поколебавшись, он добавил лишь “пока” и исчез с экрана.

Хейм подошел к письменному столу, чтобы взять хранившуюся там бутылку. Пока он доставал бутылку, его взгляд упал на модель “Звездного лиса”, которую подарил ему экипаж улана при уходе в отставку. Модель была сделана из стали, оставшейся от боевого корабля алеронов, в который улан засадил атомную торпеду в бою у Акернара.

“Интересно, — подумал Хейм, — используют ли алероны наши подбитые корабли в качестве трофеев? Гм... Странно, прежде я никогда не думал об этом...” Усевшись в кресло, Хейм положил ноги на стол и поднес бутылку к губам. А почему бы мне не загнать в угол одну из их делегаций и не спросить об этом у них?

Он чуть не поперхнулся виски и сплюнул. Ноги сползли со стола на пол, но Хейм не заметил этого. Последняя мысль слишком озадачила его.

А почему бы и нет?



ГЛАВА 3.

На потолке отражался слабый свет красного карликового солнца, отбрасывающего кровавые блики на листья, побеги ползучих растений и медленно закрывающиеся цветы. Там, где растения образовывали особенно густой полог, стояла группа земных приборов: телефон, стереовизор, компьютер, диктофон, инфотрив, кубики обслуживания, аппарат для контроля окружающей среды — все это являло собой крайне неуместное здесь зрелище. Тишина была столь же глубокой, как и пурпурные тени вокруг. Синби неподвижно ждал.

Камера декомпрессии завершила свой цикл, и Гуннар Хейм вышел из нее. Сухая, разреженная атмосфера обожгла горло, но он почти не заметил этого, настолько ошеломительными показались запахи. Он не мог определить, какой из них — сладкий, острый, едкий, мускусный — исходил от какого растения — их множество росло вдоль стен, поднимаясь до самого потолка и вновь изгибаясь книзу водопад голубовато-стальных листьев, местами взрывававшихся фейерверком красных, розовых, оранжевых, алых, черных и фиолетовых цветов. Пониженная гравитация, казалось, заставляла слегка кружиться голову, что было весьма неприятно и непривычно для Хейма. Перистый мох пружинил под ногами, точно резина. Было тепло, как в тропиках. Хейм чувствовал, как инфракрасные лучи нагревают кожу.

Хейм остановился и огляделся. Наконец, глаза привыкли к необычному освещению, какое могли бы дать тлеющие угли в догорающей печи, и все же детали очертаний, столь непривычных для Земли, он разглядел далеко не сразу.

— Имбак дистра? — неуверенно произнес Хейм. — Мой повелитель? — Его голос дрогнул в разряженном воздухе.

Синби рю Тарен, Интеллектуальный Властитель Сада Войны, адмирал флота и военный специалист Главной Комиссии Посредников, семенящими шажками выступил из-под деревьев.

— Добро пожаловать, сэр, — пропел он. — Значит, вы понимаете Высокую Речь?

Хейм сделал приветственный поклон, в этике алеронов означавший, что он, индивидуум высокого положения, приветствует другого индивидуума, занимающего иное, но равное по высоте положение.

— Нет, мой повелитель, о чем весьма сожалею, — сказал он. — Всего лишь несколько фраз. Для любого представителя моей расы этот язык очень труден.

Прекрасный голос Синби охватывал музыкальный диапазон, до сих пор неведомый человеку.

— Не желаете ли присесть, капитан Хейм? Могу распорядиться насчет чего-нибудь освежающего.

— Не надо, благодарю, — сказал Хейм, поскольку не хотел терять определенного психологического преимущества, которое давал ему рост, да и пить вино врага тоже было не в его привычках. В душе он был озадачен. Капитан Хейм? Откуда это знал Синби? И сколько еще известно ему?

Времени для наведения справок было достаточно, поскольку с момента запроса о данной аудиенции прошло уже два дня. Но разве можно было предположить, что сверхповелитель алеронов так заинтересуется простым индивидуумом? Вполне вероятно, что просьба Хейма была удовлетворена под нажимом Гарольда Тваймена, а не по какой-то иной причине. Сенатор твердо верил в полезность дискуссии между оппонентами. Любой дискуссии. "Мы можем сесть в лужу, но, по крайней мере, сделаем это разговаривая" — таков был его неосознанный девиз.

— Надеюсь, путешествие было приятным? — ханжеским тоном осведомился Синби.

— Ну... В общем да, мой повелитель, особенно если учесть, что я обожаю тщательные обыски и путешествие с завязанными глазами.

— Весьма сожалею, но это вызвано необходимостью держать в тайне местонахождение нашей делегации, — кивнул Синби. — Ведь ваши... фанатики...

Последние слова были произнесены полутонированным глассандо, в котором звучало столько презрения, что Хейм и не подозревал о таких возможностях.

— Да, — Хейм с трудом взял себя в руки. — В вашей цивилизации массы лучше... контролируются.

Смех Синби рассыпался, словно весенний дождь.

— Вы меткий стрелок, капитан. — Синби прилизился, двигаясь, точно неуклюжий кот. — Вы не против прогуляться по моему лесу, пока мы с вами будем разговаривать? Возможно, вам не выпадало случая попасть в список тех немногочисленных людей, которые когда-либо ступали на землю алеронов.

— Да, мой повелитель, сожалею, но не имел этого удовольствия.

Синби остановился. Мгновение они рассматривали друг друга в сумеречном свете, и Хейм в это время думал лишь о том, насколько красивы алероны.

Длинные ноги, слегка наклоненное туловище, грудь такая же сильная и талия такая же тонкая, как у борзой, хвост-противовес, находящийся в постоянном движении, иногда едва заметном, — все это вызывало невольное восхищение. Как сверкал лоснящийся мех, отражая блески света, как уверенно опирались о землю три длинных пальца пальцеходящих ног, какими грациозными были жесты рук, как гордо поднята тонкая шея. Мало кто из людей мог бы позволить себе одеться подобно Синби, в цельнокроеный покров из металлический сетки, закрепленной на шее, запястьях и лодыжках медными полированными застежками. Такой наряд слишком многое оставлял неприкрытым. Однако голова алерона кого угодно могла привести в замешательство. Меховой покров кончался на шее, и лицо Синби — цвета

мрамора, с огромными глазами под изогнутыми бровями, маленьким носом, ярко-красными губами, широкими скулами и узким подбородком — походило на женское. Правда, не совсем: различие было в одной детали, не свойственной людям. Начиная от остроко-
нечных ушей Синби по спине и до половины хвоста струилась грива густых, шелковистых волос золотисто-медного цвета. Человек, который стал бы глядеть в это лицо слишком долго, рисковал забыть о прилагавшемся к нему теле.

И мозге, мысленно добавил Хейм.

Опустившаяся мигательная перепонка скрыла на миг изумрудный цвет кошачьих глаз с длинными ресницами. Синби улыбнулся и взял Хейма за руку. Три двухсуставчатых и один большой палец сомкнулись в осторожном пожатии.

— Идемте, — пригласил алерон.

Хейм пошел рядом с ним в темноту под деревьями.

— Мой повелитель, — произнес он охрипшим голосом, — я не хочу отнимать у вас время. Давайте поговорим о деле.

— Быть по сему, капитан. — Свободной рукой Синби ударил о фосфоресцирующую ветку.

— Я здесь по поводу новоевропейцев.

— По поводу мертвых, которых уже оплакали? Мы провели репатриацию оставшихся в живых, и они, должно быть, уже в безопасности.

— Я имею в виду живых, которые остались на планете. А это почти все население Новой Европы.

— Ах-х-х, — выдохнул Синби.

— Сенатор Тваймен, должно быть, предупредил вас о том, что я подниму данный вопрос.

— Верно. Однако он утверждал, что никто не верит вашему голословному заявлению.

— Большинство его сторонников просто не решается поверить в это, а те, кто поверил, не решаются в этом признаться.

— Подобное обвинение могло бы подвергнуть опасности мирные переговоры.

Хейм не сумел уловить, в какой степени насмешка прозвучала в замечании Синби. Споткнувшись в темноте о что-то невидимое, он выругался и с об-

легчением увидел, что они выходят из зарослей на небольшую лужайку, усыпанную цветами. Впереди возвышалась внутренняя стена, на которой располагались полки с сотнями книг — не только длинные, узкие фолианты алеронов, но и многочисленные древние земные книги. Хейм не мог разобрать их названий. Соседняя комната алеронских апартаментов, в которую вел вход под аркой, тоже была ему не видна, но он слышал, что где-то рядом плещет фонтан.

Хейм остановился и, глядя прямо в лицо алерону, сказал:

— У меня есть доказательства, что Новая Европа не была полностью очищена от людей. Конкретно говоря, они отступили в горы и продолжают сопротивляться вашим оккупационным силам. Свидетельства этого находятся в надежном месте... — Боже, не слишком ли мы мелодраматичны, подумал он, но продолжал: — ...и я планирую опубликовать их, что было бы, как вы справедливо заметили, несколько не ко времени для участников вашей конференции.

В глубине души Хейм таил почти отчаянную надежду на то, что алерон недостаточно хорошо знаком с жизнью на Земле, чтобы понять, насколько безнадежна эта угроза. Однако по лицу Синби понять это было невозможно. Все, что тот позволил себе, это лишь невозмутимо поднять уголки рта, затем последовал ответ:

— У меня такое впечатление, будто вы решили пойти другим путем, капитан.

— Это зависит от вас, — отозвался Хейм. — Если вы репатрируете всех людей, оставшихся на Новой Европе, я отдам вам все вышеуказанные документы и не скажу никому ни слова.

Синби отвернулся, сделав вид, будто заинтересовался побегом какого-то выходящего растения. Лиана обвилась вокруг его руки и потянулась цветами к лицу.

— Капитан, — произнес он наконец, — вы не глупый человек. Допустим, вы искренне верите в то, что говорите. Но даже если так, то каким образом мы могли бы заставить подойти к своим кораблям охваченных яростью людей, скрывающихся в горах?

— Они сражаются, поскольку ждут помощи. Если бы представитель французского правительства приказал им вернуться сюда, они бы подчинились. Переговоры можно вести с помощью радио.

— Но разве согласилась бы Франция действовать подобным образом?

— У нее не было бы выбора. Вы должны знать лучше меня, что большая часть Федерации не желает отстаивать свои права на Новую Европу. Пожалуй, единственное, что могло бы спровоцировать вооруженный конфликт, это насилие над колонистами. Дайте им вернуться на Землю невредимыми и... И вы одержите свою чертову победу!

— Возможно. — Свет красноватой рябью скользнул по роскошной гриве Синби, когда тот кивнул в ответ на слова Хейма, по-прежнему не поднимая глаз от цветов. — Но после? — тихо пропел он. — После?

— Понятно, — сказал Хейм. — Новоевропейцы были бы живым доказательством вашей лжи — лжи не только о них самих, но обо всем конфликте, доказательством того, что все произошло не потому, будто какой-то воинствующий маньяк нажал на спусковой крючок, а потому, что ваше нападение было заранее подготовлено. — Хейм ощутил во рту мерзкий привкус и, сглотнув, продолжал: — Что ж, почтите земную историю, мой повелитель, и вы поймете, что мы, люди, относимся к подобным вещам не столь серьезно, сколь могли бы. Пожж считается нормальным явлением в дипломатии, и несколько потерянных кораблей, несколько убитых людей — мелочи жизни. Если хотите, ваша уступка только укрепит партию мира. Смотрите же, скажут сторонники мира, алероны не такие уж плохие, с ними можно иметь дело, наша политика спасла жизнь оставшимся на Новой Европе и помогла избежать дорогостоящей войны.

На этот раз женственное лицо наконец повернулось, и несколько мгновений сияющие глаза смотрели на Хейма. Он почувствовал, как забилося сердце. Плеск фонтана, казалось, умолк, а горячая красноватая мгла вокруг сгустилась.

— Капитан, — пропел Синби таким низким голосом, что его почти не было слышно, — Эйф — древ-

нее светило. Цивилизованные алероны возникли за миллион лет до вас. Мы не стремимся сделать свою империю слишком обширной, ибо это может нарушить старый, устоявшийся порядок, но наши Странники отправлялись в дальние скитания, а наши Умы размышляли. Возможно, в разнообразных проявлениях судьбы мы мудрее, чем какой-либо беспечный пришелец. Возможно, мы постигли вашу собственную сущность глубже, чем вы сами. Я сказал "после". Это слово приобретает иной вес, если отзывается через миллион лет. Я имел в виду не десятки лет, не поколение, не век. Я смотрю дальше в будущее. Пусть в пределах этих стен все, что вы говорите, будет правдой. Тогда признайте правдой и то, что алероны не могут доставить сюда полмиллиона индивидуумов, чтоб они пропитали всю расу ненавистью. Если бы они сдались, все было бы иначе. Мы сообщили бы на Землю, что битва была скорее случайной, чем спровоцированной и что теперь мы должны иметь свою сферу, где не будет никаких чужаков. Но те колонисты, которые пожелали бы остаться, могли бы это сделать, если бы приняли подданство Алерона. Мы предложили бы провести инспекцию с тем, чтобы Земля смогла убедиться, что ее колонисты не подвергаются притеснениям. Поскольку столь небольшие владения, окруженные чужой территорией, не имеют особого значения, алероны нашли бы способ осуществить их интеграцию со своей цивилизацией. Способ этот не такой уж быстрый с точки зрения времени, очень тонкий, но в то же время вполне надежный. Внутри этих стен я могу признаться, что колонисты не пожелали сдаться. Даже если бы мы смогли захватить их живыми — а сделать это на планете, о которой идет речь, невозможно, — даже тогда они могли бы не принять подданство Алерона. А пленные, которые представляли бы собой постоянную опасность и вечно сохраняли бы надежду на то, что Земля освободит их, нам не нужны. Тем не менее, если бы Франция приказала им вернуться домой, они восприняли бы это как предательство тех, кто не сдался, и стали бы добиваться, чтобы в правительство Федерации вошли более смелые мужчины. Я смотрю в будущее и вижу, как они обвиняют сторонников

миролюбивой политики... Да-да, капитан, именно это, неуповимое и непостижимое, и движет вашу историю. К такому уж типу животных вы относитесь. Действительно, войны за возвращение Новой Европы могло бы и не быть. Ваши лидеры отлично понимают — что с возу упало, то пропало. Так, кажется, принято у вас говорить? Но когда возникнет другой спорный вопрос... Ах-ах!

“Так, значит, очередной спорный вопрос все же должен возникнуть, — подумал Хейм. — Ничего такого, о чем бы я уже не догадался, он не сказал. Однако хотелось бы знать, когда у них запланирован второй кризис. Возможно, до него я уже не доживу. Но Лиза, несомненно, станет его очевидцем”.

Когда Хейм заговорил, собственный голос, бесстрастный и далекий, показался ему чужим, словно говорил не он, а кто-то другой:

— Значит, вы не собираетесь признавать факт, что колонисты живы. И что вы станете делать? Постепенно вылавливать их?

— Я команду воздушными силами, капитан, а не наземными войсками.

— К удивлению Хейма, ресницы Синби затрепетали, он опустил взгляд на свои руки. Пальцы плотно сжались. — Я и так уже сказал вам больше, чем положено. Но если на то пошло, я не принадлежу к числу Старых Алеронов. Мой тип индивидуума появился после того, как с Земли начали прилетать корабли чужаков. И... я был у Акернара. — Он поднял глаза. — Капитан “Звездного лиса”, пожмете ли вы мне на прощание руку по земному обычаю?

— Нет, — сказал Хейм, повернулся на каблуках и зашагал в направлении камеры декомпрессии.



ГЛАВА 4.

Сопровождавший Хейма эскорт из рядовых мирового контроля развязал ему глаза и выпустил из правительственного флайера в порте Джонсон, штат Делавер. Кружной маршрут, которым они летели, занял больше времени, чем ожидал Хейм. Могло сорваться свидание с Кокелином. Хейм поспешно вскочил в бус, направляющийся к гражданским гаражам. Протолкавшись через толпу у входа, он обнаружил, что всю дорогу придется стоять.

Ярость Хейма утихла за те часы, что он сидел с завязанными глазами во флайере, обмениваясь банальными фразами с честным молодым офицером из охраны. ("Синоптики явно проворонили последний ураган, как по-вашему?.." — "Да, с Новой Европой дела плохи, но в то же время мы переросли такие гадости, как империализм и месть, не так ли? Во всяком случае, Галактика велика..." — "Я вам так завидую, вы повидали весь космос. Конечно, по долгу службы нам тоже приходится путешествовать в разные уголки Земли, но люди с каждым годом становятся все больше похожими друг на друга..."). Хейм не надеялся достичь каких-то ощутимых результатов во время встречи с алероном. Это попытка была не чем иным, как просто выполнением долга.

Его не покидало мрачное настроение.

"Не представляю, что мне удастся сделать в Париже", — подумал он.

Хейма толкнул мужчину в поношенной одежде, настроенный агрессивно без всякой причины. Хейм с трудом сдержался — он ненавидел скопища людей — и не стал отвечать взаимной грубостью. Нельзя винить бедолагу за то, что он враждебно относится к человеку в дорогой одежде, выдававшей принадлежность к техноаристократии.

Вот почему мы должны осваивать космос, в тысячный раз сказал себе Хейм. Простор, возможность выбраться из ужасающей земной сутолоки, чувствовать себя свободно, быть самим собой, попробовать новые способы жить, работать, мыслить, творить, удивляться. На Новой Европе на каждого из полумиллиона людей приходилось больше счастья, чем когда-либо мог представить любой из десяти миллиардов землян.

Что в них живет — страх, инерция, отчаяние или старое, как мир, невежество? Что заставляет их глотать болтовню насчет того, что для них открыта вся вселенная? Это пустая болтовня. Пригодных для заселения планет не так уж и много. И большинство из тех, что известны, имеют своих разумных аборигенов, остальные же большей частью колонизованы другими. Хейм не хотел, чтобы его расу принудили к крайней мере безнравственности — отбирать у кого-то владения, принадлежавшие тому по праву.

Но вопрос с Фениксом имел еще более важную подоплеку. Утрата мужества. История неоднократно доказывала, что уступка несправедливому требованию ради нескольких лет мира всегда была первым шагом по наклонной плоскости, принятием весьма порочного принципа "сфер интересов". В космосе не должно быть никаких границ. И разумеется, самодовольная глупость, категорический отказ ознакомиться с документами, доказывающими, каковы на деле намерения алеронов в отношении Земли, положительная готовность предоставить врагу время и ресурсы, необходимые для подготовки очередного вторжения.

Но что мог сделать с этим человек?

В гараже Хейм затребовал свой флайер, с беспокоеством и раздражением подозревая, что служба движения сделает все зависящее от нее, чтобы задержать его отлет. И в самом деле, прошло немало

времени, прежде чем он с облегчением услышал звук двигателя своей машины. Сначала он включил ручное управление, ощущая удовлетворение от того, что наконец-то сам может что-то сделать, дабы поскорее убраться отсюда. Гравитроны его "мунрейкера", сделанные по заказу, имели достаточную мощность, чтобы поднять машину высоко в стратосферу. В остальном флайер ничем не отличался от других подобных машин. Хейм был совершенно равнодушен к земным благам. Поручив автопилоту взять курс на Орли, он принял горячую ванну, достал из холодильника мясо, приготовил ужин и подремал пару часов.

Часовой механизм разбудил его "Увертюрой легкой кавалерии" и подал кофе. Надев чистую одежду — нечто официальное, с золотом по воротнику и лампасам, — Хейм приготовился к выходу: флайер уже заходил на посадку. Мгновение Хейм колебался, брать ли с собой оружие, поскольку при нем был пакет Вадажа, но решил, что это может возбудить больше недоверия, чем того стоит. Если и здесь ничего не выйдет, будут ли иметь смысл дальнейшие хлопоты в отношении Новой Европы? Что еще можно будет предпринять? Разве что напиться до поросячьего визга и отправиться в эмиграцию на какую-нибудь особо удаленную планету.

Пройдя в канцелярию Доуэйна, Хейм предъявил документы и получил разрешение на пребывание в течение тридцати дней. Менее перенаселенная, чем большинство других стран, Франция весьма неохотно принимала чужих. Но служащий буквально растаял, лишь только прочел имя Хейма.

— Да, месье, мы были предупреждены о том, что будем иметь счастье принять вас. Машина к вашим услугам. Желает ли месье сделать распоряжение насчет багажа? Нет? Сюда, пожалуйста, и позвольте пожелать вам приятно провести время.

Весьма ощутимый контраст по сравнению с тем, какой прием был, должно быть, оказан Андре Вадажу. Но он всего лишь музыкант. А Гуннар Хейм возглавляет широко известный промышленный концерн и приходится пасынком Курту Вингейту, заседавшему в правлении "Дженерал Нуклеонис". Если Гуннар Хейм просит разрешения на конфиденциальную беседу с

Мишелем Кокелином, главой французского правительства во Всемирном Парламенте — пожалуйста, пожалуйста.

И тем не менее Хейм выбился из расписания. Тваймен ударился в крайность, когда, решив угодить Хейму, устроил ему встречу с Синби. Однако торговцы миром, без сомнения, послали своих агентов следить за ним, так что, если не поторопиться, они могут найти способ воспрепятствовать его дальнейшему расследованию.

Машина въехала в Париж по наземной дороге. Голубые сумерки сгущались, превращаясь в ночь. Деревья вдоль бульваров роняли пожелтевшие листья, которые яркими брызгами осыпались на величавые старые стены Барона Хайсманна и шуршали под ногами хорошеньких девушек, прогуливавшихся под ручку со своими кавалерами. Открытые кафе, как обычно в этот сезон, пустовали. Хейм был рад этому. Париж мог навязать на него слишком много воспоминаний.

Машина остановилась возле Кви д'Орсей. Хейм вышел. Было слышно, как под пронизывающим холодным ветром плещется Сена. Если не считать этого, вокруг было тихо. Шум большого города, казалось, совершенно отсутствовал здесь, но свет, поднимавшийся в небо, затмевал звезды.

У входа стояли часовые. Их лица над хлопающими на ветру накидками застыли в напряжении. Вся Франция была сейчас в напряжении и ожесточении. По длинным коридорам, где в этот поздний час все еще работало немало людей, Хейма провели в приемную Кокелина.

Министр отодвинул в сторону стопку бумаг и встал, чтобы приветствовать гостя.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос был усталый, но по-английски этот человек говорил безупречно. Это было кстати. С годами Хейм почти совсем забыл французский язык. Кокелин жестом указал на потертое, но, судя по всему, очень удобное кресло рядом с собой:

— Садитесь, пожалуйста. Не хотите ли сигарету?

— Нет, спасибо, я курю трубку. — Хейм достал трубку из кармана.

— Я тоже, — улыбнулся Кокелин, собрав лицо в крупные морщины, сел и принялся набивать еще более позорную, чем у Хейма, старую курительную трубку из корня эрики. Он был невысок, но мощного телосложения, с бесстрастным выражением лица, пысый, с высоким лбом и твердым взглядом карих глаз.

— Ну, мистер Хейм, чем могу быть вам полезен?

— Гм... Это касается Новой Европы.

— Я так и думал. — Улыбка исчезла с лица Кокелина.

— По моему мнению... — Хейм замолчал, ему показалось, что это звучит слишком напыщенно. — Месье Кокелин, — снова начал он, — мне кажется, Земля должна сделать все необходимое, чтобы вернуть Новую Европу.

Раскуривая трубку, Кокелин внимательно изучал лицо своего собеседника.

— Благодарю вас, — произнес он наконец. — Мы здесь, во Франции, чувствуем себя одинокими в этом мнении.

— У меня с собой есть материалы, которые, возможно, могли бы пригодиться.

Кокелин втянул воздух сквозь стиснутые зубы:

— Будьте любезны, продолжайте.

Пока Хейм говорил, он сидел, сохраняя абсолютно бесстрастное выражение лица, курил и неотрывно смотрел на своего собеседника. Лишь раз он прервал его:

— Синби? Ах да, я знаком с ним. Тот, кого разместили в... Но, пожалуй, не стоит говорить где. Официально считается, что мне это неизвестно. Продолжайте.

Когда Хейм закончил, Кокелин открыл пакет, достал несколько пленок, вставил в аппарат. Стоявшая в комнате тишина, казалось, готова была взорваться. Хейм пускал клубы дыма, подобно вулкану, смотрел через окно в темноту и слушал биение собственного сердца.

— До меня доходили слухи об этом, — пробормотал наконец Кокелин.

Хейм повернулся в кресле так, что оно застопило.

Наступила еще одна пауза, после чего Кокелин продолжал:

— Насколько я понимаю, вы с Вадажем готовы вступить в легион Чести, что бы ни случилось.

— А что должно случиться? — спросил Хейм, до боли сжимая челюсти в ожидании приговора.

Кокелин пожал плечами.

— Вероятно, ничего, — скучным голосом произнес он. — Они явно настроены купить то, что у них называется миром.

— О да, вы ведь, должно быть, в курсе. Могу вам сказать, что я тоже знаю их планы.

— Отдать алеронам Новую Европу? Ладно, мы можем говорить в открытую. Естественно, мне необходимо — это вопрос чести — не разглашать обсуждение вопроса и решение до тех пор, пока мои коллеги по комитету не придут к полному единодушию относительно этого вопроса, и если бы я нарушил данную мной клятву, это было бы с моей стороны весьма легкомысленным поступком с гибельными политическими последствиями. Поэтому я бесконечно рад заполучить в качестве собеседника по данному вопросу человека со стороны. — Кокелин провел рукой по глазам. — Но мы не так уж много можем сказать друг другу, верно?

— Ну почему же? — воскликнул Хейм. — Во время очередного официального заседания вы можете представить эти материалы парламенту вместе с научными подтверждениями их подлинности. Вы можете спросить, стоит ли им рассчитывать на избрание после того, как они продадут столько людей.

— Да, да... — Кокелин рассматривал свою трубку, огонь в которой то разгорался, то угасал. — Кое-кто скажет, что я лгу, что мои доказательства подделаны, а ученые подкуплены. Остальные скажут: "Увы, это ужасно, но полмиллиона человек?.. Ведь несколько ракет, если они ударят по наиболее густонаселенным центральным территориям Земли, могут уничтожить в двадцать, в сотню раз больше, к тому же мы не имеем права на территорию Феникса. Ничего не остается делать, как подружиться с алеронами, иначе придется ждать войны, которая продлится десятилетия. Так что мы можем лишь сожалеть о людях,

оставшихся там, но помочь им не в силах". — Он криво усмехнулся. — Полагаю, в их честь воздвигнут монумент. Принесенные в жертву миру...

— Но это же нелепо! Землю не будут атаковать. А даже если и будут, то же самое относится и к Алерону. Они не станут провоцировать нападение, зная, что мы вдвое сильнее их. Одна-единственная флотилия хоть сейчас выживет их из системы Авроры.

— Половина военного флота отозвана для защиты внутренних территорий, — возразил Кокелин. — Другая половина рассредоточена вдоль спорной полосы и ведет наблюдение за флотом алеронов, который тоже курсирует в этом районе. Даже некоторые адмиралы, с которыми я советовался, не желают выделять флотилию для Авроры. Вам должно быть известно, месье, что каждой из сторон вовсе не обязательно иметь большое количество кораблей, когда одно судно с ядерным вооружением обладает такой разрушительной мощью.

— Стало быть, мы будем сидеть сложа руки? — скрипучим голосом спросил Хейм. — В данный момент даже один корабль мог бы... мог бы нанести серьезный урон противнику. Пока что у них наверняка нет крупных сил в районе Авроры. Но дайте им год-другой, и они сделают Новую Европу такой же неприступной, какой является Земля.

— Я знаю. — Кокелин сделал оборот на вращающемся кресле, положил руки на стол и втянул голову в плечи. — Я буду спорить. Но... сегодня я чувствую себя стариком, месье Хейм.

— Боже мой, сэръ! Если не желает действовать Федерация, то как насчет самой Франции?

— Это невозможно. Согласно Конституции, в качестве отдельной страны мы не вправе даже вести переговоры с какой-либо внеземной цивилизацией. Нам не разрешается иметь никаких вооруженных сил, никакого военного аппарата, кроме того, что не превышает уровня полиции. Это находится в компетенции только властей мирового контроля.

— Да, да, но...

— Фактически... — Кокелин взглянул на Хейма, на щеке у него дергался мускул. — Когда я думаю о

документах, что вы мне принесли, я не знаю, стоит ли предавать их гласности.

— Что?!

— Подумайте сами. Франция и так достаточно разъярена. Стоит лишь допустить, чтобы стала известна вся правда, включая предательство, и я не возьму на себя смелость предсказывать, каковы могут быть последствия. И самой Федерации это повредит еще больше, чем Франции. Лояльность по отношению к Федерации следует ставить превыше всего. Земля слишком мала для национального суверенитета. А ядерное оружие слишком мощное.

Хейм смотрел на склоненную голову и чувствовал, что готов разорваться на клочки от бушевавшей в нем ярости.

— Я бы сам полетел туда! — крикнул он.

— Это было бы пиратством, — вздохнул Кокелин.

— Нет! Поймите, поймите... — Хейм внезапно вскочил. — Каперство! Давным-давно существовали военные корабли, принадлежавшие частным владельцам.

— О, я вижу, вы кое-что читали по истории, — немного ожил Кокелин, выпрямился и насторожившимся взглядом оглядел огромную фигуру своего собеседника. — Но я читал больше. Каперство было объявлено вне закона еще в девятнадцатом веке. И даже страны, не подписавшие этот пакт, соблюдали запрет, пока он не вошел в международные законы. Конечно, в федеральной Конституции не упоминается столь архаичный вопрос, но все же...

— То-то и оно! — взревел Хейм. Или это кричал демон, проснувшийся в нем?

— Нет-нет, — помотал головой Кокелин. — Стоит только пренебречь законом, и тут же появится стража мирового контроля. Я слишком старый и уставший человек — я лично, чтобы предстать перед Всемирный Судом, не говоря уже о трудностях практического характера. Франция сама по себе не может объявить войну. Франция не в состоянии производить ядерное оружие, — печально усмехнулся Кокелин. — По образованию я юрист. Если бы в данном деле была... как это называется?.. хоть какая-нибудь

пазейка, я, быть может, и попытался бы пролезть через нее. Но, увы...

— Я могу достать оружие, — прервал его Хейм. Кокелин подскочил в кресле.

— Где вы его возьмете? — от волнения он заговорил по-французски.

— Не на Земле. Я знаю одно место. Разве вы не понимаете? Алеронам придется держать космическую защиту на орбите вокруг Новой Европы, иначе она не выдержит даже самой маленькой преднамеренной атаки. — Навалившись на стол, Хейм вплотную придвинулся к собеседнику и тараторил как из пулемета. — Новая Европа имеет ограниченно развитую промышленность, поэтому большую часть оборудования алеронам придется доставлять со своей планеты. Это очень длинная линия снабжения. Один космический пират, грабящий коммерческое судно... какое он будет иметь отношение к занимаемой ими сейчас торговашеской позиции? Какое он будет иметь отношение к нашим бедным, загнанным в ловушку людям? Один корабль...

— Но я уже говорил вам...

— Вы мне сказали, что фактически и легально это невозможно. Я берусь доказать физическую возможность. Ведь вы говорили, что когда-то были юристом.

— Я говорил вам...

Кокелин поднялся, подошел к окну и посмотрел куда-то вдаль через Сену. Хейм принялся мерить шагами комнату, сотрясая пол. В голове его бурлили избытки планов, фактов, злости и надежды. Давно он уже не испытывал такого прилива сил и энергии, с тех пор, как стоял, широко расставив ноги, на капитанском мостике у Альфы Эридана.

Потом Кокелин повернулся. В тишине раздался его шепот.

— Была не была, — произнес он по-французски, вернулся к письменному столу и застучал ключами инфотрива.

— Что вам там понадобилось? — требовательно спросил Хейм.

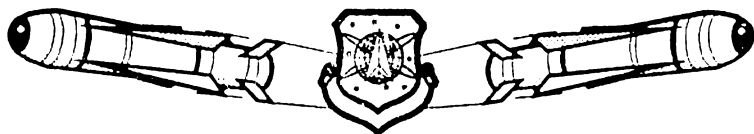
— Все детали того времени, когда еще не все страны вступили в Федерацию. Мусульманская Лига

не сочла себя вправе иметь с ней дело. Поэтому во время каких-либо беспорядков властям вменялось в обязанность защищать интересы Федерации в Африке.

Кокелин целиком погрузился в работу. Один раз, правда, он встретился взглядом с Хеймом, и Хейм увидел в глазах министра кое-что новое — энтузиазм, задор, жажду жизни.

— Приношу вам сердечную благодарность, мой друг, — по-французски сказал Кокелин. — Может, всего на одну ночь, но вы вернули мне молодость.





ГЛАВА 5.

Андре Вадаж снял крышку с котелка, вдохнул великопный аромат, встряхнул содержимое и опустил крышку на место.

— Почти готово, — сказал он. — Надо бы еще сделать салат. Компоненты готовы?

— Я... — покраснела Лиза Хейм. — Боюсь, я не особенно хорошо умею резать огурцы и прочее.

— Плевать! — Вадаж вывалил кучу зелени в большую чашу. — Для курсанта ты справилась нормально... Найди мне еще приправы, идет? Надо быть инженером, чтобы управляться с этой чертовой преисподней, которая почему-то называется кухней. Бывало, я говорил, когда был маленьким и меня заставляли что-то делать на кухне: "Очевидно, мне хотят присвоить звание повара и младшего мойщика бутылок. Контрольное задание: голова хряка с красными яблоками во рту и полевыми ягодами вместо глаз. Все это с капустой и заварным кремом".

Лиза хихикнула, вспорхнула на стол и уселась, болтая ногами и глядя на Вадажа со смущающей симпатией. У него и в мыслях не было добиваться расположения девушки, он просто пытался составить хорошую компанию дочери своего гостеприимного хозяина, пока тот отсутствовал. Вадаж уделил травам и специям больше внимания, чем это было необходимо.

— Мамаша научила меня испанской пословице, — продолжал он. — Для приготовления салата нуж-

ны четыре человека: транжир для масла, философ для приправ, скряга для уксуса и сумасшедший для перемешивания.

Лиза снова хихикнула:

— А вы остроумный.

— Начнем, пожалуй. — Вадаж принялся не спеша помешивать салат, напевая:

В Иерусалиме жил богач.

Глория, аллилуйя, хи-ро-де рунг!

Носил цилиндр и пугач.

Хи-ро-де рунг, хи-ро-де рунг!

Скиннки-маринки дудл ду!

Скиннки-маринки дудл ду!

— Это тоже настоящая старинная песня? — спросила Лиза, когда Вадаж сделал паузу. Он кивнул.

— Я просто обожаю ваши песни! — воскликнула Лиза.

— Однажды у его ворот

Бедняк уселся, словно кот, — поспешно продолжал Вадаж.

— *Глория аллилуйя, хи-ро-де рунг!*

На нем одет был котелок

Без верха — только ободок.

Глория аллилуйя, хи-ро-де рунг!

Скиннки-маринки дудл ду!

Скиннки-маринки дудл ду!

И попросил бедняк поесть,

Сказав: "Не ел я дней уж шесть".

Глория аллилуйя, хи-ро-де рунг!

— Глория аллилуйя, хи-ро-де рунг! — присоединился к их дуэту бас, подобный реву быка, и в кухню ворвался Гуннар Хейм. — Скиннки-маринки дудл ду!

Хейм стащил Лизу со стола, подбросил к потолку так, что она чуть не пробила его головой, поймал и принялся кружить ее по комнате. Вадаж весело скакал вокруг них. Хейм еще раз пропел припев, не выпуская из рук вконец обессиленную Лизу, которая пронзительно визжала.

— Богач сказал: "А мне плевать!" — продолжал Вадаж.

— *Пошел ты в ад, дай мне поспать!*

Скиннки-маринки дудл ду!

Скиннки-маринки дудл ду!

*Бедняк помер через полчаса,
Душа вспарила в небеса!
Там ангелочков хоровод
Зимой и летом, круглый год.
Глория аллилуйя, хи-ро-де рунг!*

— Папа! — Лиза корчилась в приступах смеха.

— Добро пожаловать домой, — сказал Вадаж. — Вы выбрали весьма удачное время для возвращения.

— Но что здесь происходит? — осведомился Хейм. — Для чего в прекрасно оборудованной кухне походный котелок? Вам что, автоматов мало?

— Видите ли, машины — весьма компетентные повара, но ни одна из них не сможет стать шеф-поваром, — ответил Вадаж. — Я обещал вашей дочери гуляш, но не ту лишенную вкуса и запаха липкую тушенку, а настоящий, ручного приготовления гуляш, который раз нюхнешь — и сутки чихаешь от удовольствия, столько там всяких специй.

— Превосходно! Только я, пожалуй...

— Ерунда, на всех хватит! Накрывая на стол, венгр всегда умножает количество едоков на два. Если хотите, можно добавить к этому немного красного вина. Итак, еще раз добро пожаловать домой! Рад видеть вас в таком хорошем настроении.

— На то есть причина, — Хейм потер огромные ручищи и улыбнулся улыбкой счастливого тигра. — Да, кажется, я действительно счастлив.

— А что случилось, папа? — спросила Лиза.

— Я не могу этого сказать. Пока... — Заметив первые признаки мятежа, он взял Лизу за подбородок и добавил: — Это для твоего блага.

— Я не ребенок и ты это знаешь! — Лиза топнула ногой.

— Ну-ка, ну-ка, — вмешался Вадаж, — не будем портить друг другу настроение. Лиза, надеюсь, ты не откажешь в любезности приготовить приборы? Мы будем ужинать по высшему разряду, Гуннар, в вашей солнечной комнате.

— Разумеется, — вздохнула Лиза, — если вы мне включите общий интерком — и звук, и изображение. Ну, пожалуйста, папа!

Хейм издал короткий смешок, прошел из кухни к центральной панели и разблокировал систему вклю-

чения, автоматически задействовал интерком. Теперь Лиза могла видеть и слышать все, что происходит здесь, из любого помещения дома. Тут же раздался голос Вадажа:

*— Но вскоре умер тот богач,
И не помог ему пугач.
Глория аллилуйя, хи-ро-де рунг!
Он рухнул пропасть, в самый ад,
Откуда нет пути назад.
Глория аллилуйя...*

Вернувшись, Хейм спросил вполголоса, поскольку Лиза, наверное, была начеку:

— Она не желает даже на секунду расстаться с тобой?

— Гуннар, я не собирался... — Прекрасно вылепленное лицо Вадажа стало печальным.

— Что ты городишь! — Хейм хлопнул Вадажа по спине. — Ты представить себе не можешь, как я был бы рад, если бы она стала увиваться вокруг тебя, чем возле какой-то желторотой дряни. Кажется, фортуна наконец-то повернулась ко мне передом!

Лицо венгра просветлело.

— Надеюсь, — сказал он, — это означает, что вам удалось придумать какой-нибудь особо предательский способ вырвать наших друзей из лап алеронов.

— Тсс! — Хейм ткнул большим пальцем в сторону экрана интеркома. — Давай посмотрим, какое вино мне выбрать для твоего коронного блюда.

— Ого, да тут целый список! Вы что, содержите отель?

— Нет, по правде говоря, жена пыталась сделать из меня знатока вин, но продвинулась не слишком далеко. Я всегда не прочь выпить, но не обладаю особым вкусом. Так что если я не в компании, то обхожусь пивом и виски.

На экране появилось лицо Лизы. Она пела:

*— И черт сказал: "Здесь не отель.
Тебе — котел, а не постель!"
Глория аллилуйя, хи-ро-де рунг!*

Вадаж приложил большой палец к кончику носа, а остальные растопырил и зашевелил ими. Лиза высунула язык. Все они улыбались, но шире всех улыбался Хейм.

Ужин прошел в атмосфере такого веселья и домашнего очага, каких Хейм не помнил с тех пор, как умерла Конни. Впоследствии он не мог бы сказать, о чем они говорили за столом — большей частью добродушно подтрунивали друг над другом и пели песни.

Потом Лиза собрала приборы в кьюбикл обслуживания и скромно удалилась к себе в спальню. Она даже поцеловала отца на прощание. Хейм и Вадаж спустились в кабинет. Хейм закрыл дверь, достал из стола шотландское виски, а из холодильника лед и содовую, наполнил бокалы.

Вадаж взял бокал и чокнулся с Хеймом.

— ...И напутственный глас, — произнес он тост. — Кто за Победу? Кто за Свободу? Кто за возвращение домой?

— Я выпью за это, — сказал Хейм и сделал большой глоток. — Откуда эти строчки?

— Они принадлежат Г.К.Честертону, жившему пару столетий назад. Вы не слышали о таком? Впрочем, конечно, на Земле больше не интересуются такими наивными вещами. Только в колониях люди настолько простодушны, что считают, будто победы возможны.

— Быть может, нам удастся изменить мнение по этому вопросу. — Хейм сел и достал трубку.

— Итак, — бесстрастным голосом произнес Вадаж, но по его лицу прошел трепет, — приступим к делу. Что же все-таки произошло за несколько дней, которые я провел в безделье?

— Начну с самого начала, — сказал Хейм. Он не чувствовал ни малейших угрызений совести, рассказывая о своей беседе с Твайменом, поскольку вполне доверял собеседнику. Знакомство с Вадажем, хотя и короткое, было тем не менее, весьма плодотворным.

Однако венгр не был удивлен:

— Я знал, что они не намерены возвращать Новую Европу, но никто не желал меня слушать.

— А мне удалось найти человека, который все же пожелал выслушать меня, — сказал Хейм и продолжал свой рассказ. По окончании его у Вадажа отвалилась челюсть, и раздавшийся при этом звук

был достаточно громким, что даже Хейм расслышал его.

— Капер? Вы это серьезно, Гуннар?

— Конечно, черт побери! Так же настроен Кокелин и еще несколько человек, с которыми мы беседовали. — Веселье Хейма исчезло. Он глубоко затянулся, выпустил мощные струи дыма через раздувшиеся ноздри и продолжал: — Ситуация такова: один торговый пират в районе Феникса может натворить столько дел, что это не войдет ни в какое сравнение с его возможностями. Кроме срыва планов и расписаний он свяжет немалое количество боевых кораблей, которым придется либо охотиться за ним, либо конвоировать свои корабли. В результате силы алеронов, противостоящие нашим вдоль спорной полосы, уменьшатся и равновесие нарушится в нашу пользу. И если тогда Земля проявит твердость как в космосе, так и за столом переговоров — причем нам не придется быть особенно жестокими, не будет никаких крутых мер, по поводу которых могли бы поднимать шум торговцы миром, всего лишь один хороший нажим военного флота, пока пират будет дразнить корабли алеронов, — и мы сможем заставить их вернуть Новую Европу, а также для разнообразия пойти на некоторые другие уступки.

— Возможно, возможно, — Вадаж по-прежнему оставался спокойным. — Но где вы достанете боевой корабль?

— Куплю обычный и переоснащу. Что касается оружия, то я собираюсь вскоре отправить пару надежных людей на быстроходном судне, принадлежащем компании, к Строну. Слышали про такой?

— Ага, приходилось! — Вадаж щелкнул пальцами, в его глазах загорелись огоньки.

— Там-то и завершится работа по переоснастке нашего корабля. А потом — вперед, к системе Авроры.

— Но... не превратитесь ли вы в пирата с точки зрения закона?

— Над этим пока еще работает Кокелин. Он говорит, что в принципе считает возможным придать всему этому легальный характер и в то же время воткнуть клин в задницу Тваймену и всей его деше-

вой банде. Но это не простая задача. Если корабль посчитают "Веселым Роджером", то Кокелин не без основания предполагает, что Франция имеет право подвергнуть команду суду, признать ее виновной и вынести оправдательный приговор. Конечно, парням после этого, возможно, придется остаться на французской территории или вообще покинуть Землю и отправиться в какую-нибудь колонию, но они будут миллионерами, а Новая Европа, без сомнения, устроит им триумфальный прием. У меня нет времени обдумывать это, — продолжал Хейм. — Придется просто идти напролом и рисковать возможным арестом. Поскольку, как вы сами понимаете, Кокелин и его сторонники во французском правительстве — или в любом другом, поскольку не все еще нации на Земле заимели заячьи душонки, — короче, согласно Конституции, ни одна страна не имеет права на военные приготовления. И если бы мы все же получили какую-то помощь из официальных источников, это означало бы конец всем надеждам на легализацию операции. Нам даже следует воздержаться от набора экипажа в одной стране, тем более во Франции. В общем, все зависит от меня. Мне нужно купить корабль, произвести переоснастку, запастись топливом, набрать экипаж и отправить его в космос — и все в течение двух месяцев, поскольку именно тогда запланировано начало переговоров между парламентом и делегацией алеронов. — Лицо Хейма стало унылым. — Придется забыть о том, что такое сон.

— Экипаж... — нахмурился Вадаж. — Непростая проблема. Сколько человек?

— Пожалуй, около сотни. Гораздо больше, чем нужно, но единственный способ финансировать данное предприятие — захват трофеев. А это значит, что нам понадобится штурмовая команда. К тому же... всякое может случиться.

— Понятно. Желательно, чтобы эти сто человек были умелыми, надежными астронавтами, предпочтительно с опытом службы в военном флоте, поскольку это самое рискованное предприятие с тех пор, как Аргилус сопровождал ведьму Хелену. Где их взять? Гм... Возможно, я знаю парочку мест, где можно попытаться счастья.

— Я тоже. Надеюсь, вы понимаете, что открыто вербовать людей в команду капера мы не можем. Если наша истинная цель не будет сохранена в тайне вплоть до последней миллисекунды, мы окажемся в кутузке так быстро, что нас непременно посетит призрак Эйнштейна. Но мне кажется, с помощью самых обычных психологических тестов мы сможем проверить отношение интересующих нас людей к известной проблеме и таким образом узнать, кому можно доверить правду. Этих людей мы и найдем.

— Не говори "гоп", пока не перепрыгнешь, — возразил Вадаж. — Я имею в виду, что сперва необходимо найти такого психолога, которому можно будет доверять.

— Да, я привлеку к этому делу Вингейта, моего отчима, и попрошу его кооптировать такого человека. Надо сказать, мой приемный папаша — хитрый и умный старый плут, имеющий связи буквально повсюду, и если вы думаете, что мы одни недолюбливаем алеронов, то послушали бы его, когда он говорит о них. — Хейм искоса взглянул на модель "Звездного лиса", сверкавшую в противоположном углу комнаты. — Я не думаю, что будет так уж трудно найти обычных астронавтов. После того как три года назад урезали ассигнования на военный флот, немало парней оказалось не у дел, и, не желая дни напролет ковырять пальцем в носу в каком-либо учреждении, они подавали в отставку. Мы можем задействовать тех, кто вернулся на Землю. Но вот подобрать капитана и главного инженера будет потруднее. Люди с такой квалификацией обычно не болтаются без дела.

— Капитана? Что вы имеете в виду, Гуннар? Вы и будете капитаном.

— Нет, — тяжело помотал головой Хейм, от его недавней самонадеянности почти не осталось следа. — Боюсь, что нет. Я бы хотел

— Боже, как бы я этого хотел, — но, увы, мне приходится быть благоразумным. Космические корабли стоят недешево, так же, как и топливо, а в особенности оружие. Расчеты говорят, что мне придется ликвидировать все имеющиеся в наличии активы и, возможно, заложить остальное, чтобы снарядить такой корабль. А если я брошу дело на попечение

кого-то другого, Хеймдел может разориться. Бог свидетель, у меня будет достаточно конкурентов, которые сделают все, что в их силах, чтобы фирма потерпела крах. А Хеймдел... В общем, это нечто, созданное мною и Конни. Ее отец немного помогал нам материально, но она работала в конторе, а я руководил магазином в течение первых трудовых лет. Хеймдел — единственная собственность, оставшаяся у меня в память о Конни, не считая, конечно, дочери.

— Я понимаю, — сочувственно произнес Вадаж. — К тому же у девушки нет матери, и вы не должны подвергать ее риску потерять еще и отца.

Хейм кивнул.

— Однако вы простите меня, если я полечу? — спросил Вадаж.

— О да, Андре! Я был бы свиньей, если бы стал удерживать вас. Вы ведь имеете офицерское звание: главный стюард, что, впрочем, означает должность шеф-повара. И вы привезете мне еще несколько песен. Идет?

Вадаж не ответил. Он смотрел на друга, скованного цепями собственности и власти, и в голове у него проносились строчки старинной песни. Ритм мелодии уже проник в кровь, и, осознав, что сделал Хейм и что это значит, Вадаж вскочил и принялся прыгать по кабинету, распевая во весь голос свою победную песню так, что эхо отдавалось от стен:

— *Хи-ро-де рунг! Хи-ро-де рунг!*

Скиннки ма-ринки дудл ду!

Скиннки ма-ринки дудл ду!

Глория аппилуя, хи-ро-де рунг!



ГЛАВА 6.

Из газеты "Уорлдвик":
"31 октября.

Гуннар Хейм, главный владелец американской фирмы "Хеймдел моторс", приобрел у компании "Бритиш минералз" звездолет "Ручей Балмахи". В коммерческих кругах эта сделка произвела настоящий фурор тем, как быстро была завершена. Хейм предложил цену, против которой невозможно устоять, но при этом поставил условие, что звездолет должен немедленно стать его собственностью. Он заявил, что намерен снарядить экспедицию с целью поиска новых миров, пригодных для колонизации.

— Похоже, в Фениксе мы потеряли то, что принадлежало нам по праву, — сказал он в интервью Джону Филипсу, корреспонденту стереовидения. — Честно говоря, бездействие Земли в ответ на предпринятую алеронами атаку Новой Европы произвело на меня шокирующее и отталкивающее впечатление. Но здесь я бессилен что-либо сделать, кроме как попытаться найти для нас какое-нибудь новое место, которое, я надеюсь, у нас хватит мужества защитить.

Построенный в Глазго "Ручей Балмахи", по величине и мощи не уступающий военным кораблям, первоначально предназначался для разведки месторождений драгоценных металлов и руд. Однако пробные полеты показали, что найденные месторождения недостаточно богаты, чтобы окупить стоимость межзвездных перевозок, тем более что в самой Солнеч-

ной системе еще имеются действующие прииски. Таким образом, в течение последних четырех лет корабль находился на околоземной орбите.

Сэр Генри Шервин, председатель правления компании "Бритиш минералз", сказал Филипсу:

— Мы рады избавиться от этого белого слона, но, должен признаться, я чувствую себя в связи с этим немного виноватым.

7 ноября.

Сенатор США Гарольд Тваймен (Калифорния), высокопоставленный член Федеральной комиссии по предварительным переговорам, которые проводятся с алеронами, в четверг опубликовал заявление, опровергающее слухи о якобы готовящейся продаже Новой Европы.

— Разумеется, мы уже ведем с ними предварительные переговоры, — заявил он, — а это, кстати, медленный и трудный процесс. Алероны чужды нам по своей биологии и культуре. В прошлом наши контакты с ними были далеко не достаточны, а те, что все же имелись, являлись большей частью враждебными. Понимания не достигнешь в противоборстве. Несколько лучших ксенологов Земли работают день и ночь, пытаясь почерпнуть знания в тех глубинах, которые нам следовало постичь лет тридцать назад. Но мы все же знаем, что кое в чем алероны сходны с людьми. Они тоже относятся к числу рациональных существ. И тоже хотят жить. Их древняя цивилизация, достигнувшая миллиона лет стабильного существования, могла бы многому нас научить. И, без сомнения, мы тоже могли бы научить их кое-чему. Однако ни та, ни другая сторона не может этого сделать до тех пор, пока мы не разорвем порочный круг недоверия, соперничества, вражды и мести. Вот почему Флот Глубокого Космоса получил приказ открывать огонь только в целях самозащиты. Вот почему мы не оказываем давления на правительство Алерона — если это действительно то, что мы понимаем под словом "правительство", — чтобы система Авроры была очищена от их присутствия. Вот почему мы и distinguished делегация не спешим в работе. Кстати, позволю себе напомнить, что данная делегация прибыла к нам по инициативе самих алеронов.

Согласно Конституции, только парламент как таковой уполномочен вести переговоры с государствами нечеловеческих рас. Разумеется, Исполнительный Комитет обязан соблюдать данный закон, что он и делает. Однако нельзя ожидать, чтобы такая обширная организация, как парламент, стала заниматься кропотливой подготовкой в столь сложном и запутанном деле. Это было поручено ее представителям, выбранным должным образом и в должное время. Мы надеемся, что через несколько недель будем готовы представить полный проект предварительного договора. К этому же времени мы сможем принять любое возможное возражение против его содержания. Однако до тех пор пристальный взгляд общественности был бы большой помехой в нашей работе. Но мы не собираемся — повторяю, не собираемся — действовать в ущерб любым жизненным интересам человеческой расы. Переговоры — процесс двусторонний и взаимный. Нам придется немного уступить, но взамен мы тоже получим уступку. Алероны это прекрасно понимают, быть может, даже лучше, чем некоторые представители нашей молодой, самонадеянной расы. Я уверен, в конечном итоге все люди доброй воли поймут, что мы открыли новую и перспективную эру космической истории. Люди на Новой Европе погибли не напрасно.

14 ноября.

Вице-адмирал в отставке Пит ван Риннемок, 68 лет, возвращаясь в понедельник вечером в свой особняк в Амстердаме, подвергся нападению шайки хулиганов численностью примерно в двадцать человек и получил тяжелые побои. Когда на место происшествия прибыла полиция, нападавшие разбежались с насмешливыми выкриками: "Поджигатель войны!" По мнению очевидцев, это были люди разных национальностей. Ван Риннемок выступал в качестве прямого оппонента политике "потакания алеронам", как он ее окрестил, и его перу принадлежит так называемая "Петиция мужественности", сторонники которой пытаются собрать миллиард подписей в пользу применения Землей политики силы, если это будет необходимо для возвращения Новой Европы. Большинст-

во социологов считают, что подобная надежда — безумие чистой воды.

Состояние вице-адмирала внушает серьезные опасения.

Доктор Джонс Ио, основатель организации "Военные мира за мир", сделал в своем чикагском кабинете следующее заявление:

— Конечно, наша организация сожалеет о случившемся и надеется на скорое выздоровление адмирала ван Риннемока. Но давайте не будем кривить душой. Адмирал лишь сам прочувствовал, каково оно насилие, которое он взялся защищать. Стоящий перед нами вопрос — это вопрос жизни и смерти. "ВММ" проголосует за жизнь. К несчастью, многие неинформированные люди решили дать выход своим эмоциям и требуют крови, не думая о последствиях. "ВММ" существует для того, чтобы бороться с этой тенденцией, бороться за здравомыслие, нанести атавизму воинственности смертельный удар с помощью любых средств, которые потребуются для этого. Мы не собираемся угрожать, но предупреждаем: милитаристы, берегитесь!

21 ноября.

В прошлый вторник человечество всей Солнечной системы стало свидетелем беспрецедентного события. Синби рю Тарен, член пребывающей на Земле делегации алеронов, выступил по официальному стереовидению с ответами на вопросы, заданные ему кронпринцем Италии Умберто, представляющим Всемирную Федерацию.

Вопросы были выбраны из сорока миллионов, присланных со всех уголков земного шара, и Синби ответил на дюжину из посланного списка. Как он заметил с мрачным юмором в последовавшем интервью:

— Тринадцать всегда считалось у вас несчастливым числом. Последняя единица в нем включала либо того, кто предавал, либо того, кто был убит.

В целом он повторил заявления, которые уже были сделаны по поводу трагедии на Новой Европе. Как это произошло?

— Наши корабли проводили маневры, — объяснил Синби. — Они действительно зашли в район Ав-

роры, поскольку алероны не признают никаких претензий на суверенитет в Фениксе. Возможно, командующий земным кораблем решил, что это атака, поскольку, признаемся честно, такие случаи раньше бывали. Он открыл огонь, мы ответили, сами не ожидая того, что последствия будут столь губительны. Останки земного корабля вошли в атмосферу, чтобы совершить маневр с целью радиационной защиты. Дабы экипаж мог спастись, находившийся ближе всех отряд наших кораблей сбросил мегатонные ракеты. Это произошло над континентом, который люди называли Пэйз д'Жэспо. На орбитальной высоте боеголовки разожгли огненный смерч. Он пронесся, сея смерть, по всему побережью. Когда мы смогли приземлиться, нам не удалось найти живых, кроме нескольких человек в южном районе, куда тоже попала ракета. Мы передали их землянам вместе с нашей искренней скорбью. Однако тем самым тринадцатым — предателем — был как раз тот капитан, который не подумал о населении Новой Европы, прежде чем стрелять по нашим кораблям.

Почему алероны до сих пор остаются на Новой Европе?

— Смешение владений еще никогда не приводило ни к чему, кроме неприятностей. Люди то и дело вытесняли нас с планет, которые мы открыли тысячи лет назад и покой которых не был нарушен грохотом машин, стуком чужих шагов. Сказать по правде, мы часто испытывали желание вернуть наши пространства, даже силой очистить их от первых поселенцев. Расы, в течение тысячелетий поддерживающие с нами контакты, в последнее время стали испытывать к нам вражду, смущенные тем, о чем рассказывали и что продавали им люди. Мы лишились необходимых источников сырья. Из всего этого возникало напряжение, которое нередко переходило в прямые конфликты. Давно минули времена, когда мы должны были бы положить конец всему этому.

Почему алероны не разрешают визит на Новую Европу земной инспекционной комиссии?

— Насколько мы понимаем символику вашей культуры, такой шаг с нашей стороны был бы равносильно признанию собственной слабости и неправоты.

Кроме того, мы не можем пойти на риск шпионажа или, чего доброго, самоубийственного визита земных кораблей с контрабандными атомными бомбами на борту. Я не хочу сказать, что ваш парламент когда-либо пошел бы на подобную авантюру, но в вашем обществе, в том числе и среди вашего высшего командования, есть личности, рассуждающие иначе. Быть может, позже, когда будет достигнуто взаимопонимание...

26 ноября.

"Алерономания" уже широко распространенная в Северной Америке, получила такой толчок от недавнего появления на стереовидении делегата Синбрия Тарена, что в течение последней недели пронеслась, подобно метеориту, среди подростков, принадлежащих к высшим слоям общества разных стран. Эта пихорадка поразила также многих в районе Благоденствия. Девушки, которых природа наградила длинными волосами натуральных светлых оттенков, щеголяют ими перед своими сестрами, выстаивающими очереди, чтобы купить парики и накидки из металлической сетки. То же самое относится и к их братьям. По-видимому, никакие дисциплинарные меры, предпринимаемые родителями или учителями, не в силах удержать детей от напевания каждого произносимого ими слова. Только наушники могут спасти от преследующего повсюду мяуканья в минорной тональности: "Алерон, Алерон", раздающегося по радио, стереовидению и с тайперных лент. Скользящий рэмбл алеронов вытеснил с танцплощадок даже популярный в последнее время виггл. В пятницу в Лос-Анджелесе на большом экране в парке Ла Бреа демонстрировалась учебная программа — вторичный показ исторического интервью. Полиции пришлось в течение трех часов утихомиривать разошедшихся учеников высшей школы.

С целью выяснить, является ли это простой причудой или довольно истерическим выражением искреннего стремления планеты к миру, наши корреспонденты взяли интервью у нескольких типичных представителей молодого поколения страны. Вот некоторые из них.

Люси Томас, 16 лет, Миннеаполис:

— Я просто балдею от него. Даже во сне я заново переживаю увиденное. Эти глаза... Они завораживают и одновременно заставляют таять. Ах-х-х!

Педро Фраго, 17 лет, Буэнос-Айрес:

— Они не могут быть существами мужского пола. Ни за что не поверю!

Машико Ичикава, 16 лет, Токио:

— Самураи и они поняли бы друг друга. Такая красота! Такая доблесть!

Симон Мбулу, 18 лет, Найроби:

— Конечно, они испугали меня. Но это составная часть чуда.

Георг де Рувси, 17 лет, Париж, позволил себе высказать грубые угрозы:

— Не знаю, какая муха укусила всех этих молодых верблюдов. Я скажу вот что. Если бы Мы увидели девушку в таком обличье, то содрали бы с нее парик вместе с ее собственными волосами.

От делегатов, местопребывание которых по-прежнему остается в тайне, нам не удалось получить никаких комментариев по этому поводу.

5 декабря.

Лиза Хейм, 14 лет, дочь промышленника и будущего предпринимателя космических исследований Гуннара Хейма из Сан-Франциско, в среду исчезла при загадочных обстоятельствах. Попытки напасть на след девушки пока ни к чему не привели. У полиции имеются опасения, что она, возможно, похищена с целью шантажа. Ее отец назначил награду в один миллион американских долларов "любому, кто поможет ее найти". Он также добавил, что готов увеличить сумму выкупа, если потребуется.



ГЛАВА 7.

Утхг-а-к, тхакв пригнул лицо как можно ниже, что удалось ему в весьма незначительной степени, и наставил обе пары хемосенсорных усиков прямо в лицо Хейма. В таком положении третий глаз на макушке позади дыхательного отверстия был виден человеку. Но именно передние глаза, находившиеся по обе стороны от мясистых щупалец, устремили пристальный взгляд на Хейма. Из безгубой дыры рта раздалось подобие хрюканья:

— Значит, говоришь, война. Нам, жителям Наквсы, мало что известно о войне.

Хейм отступил на шаг, поскольку дыхание этого существа казалось человеку невыносимым, как смердение гнилого болота, но все равно ему приходилось смотреть вверх. Утхг-а-к, тхакв возвышался над ним на восемнадцать сантиметров. В голове Хейма пронеслась мимоветная мысль: может, в этом и заключается причина столь предубежденного отношения к наквсам?

Обычным объяснением данного факта была их из ряда вон выходящая внешность. Утхг-а-к, тхакв напоминал дельфина ядовито-желтого цвета с зелеными пятнами неправильной формы, с раздвоенным хвостом, образующим две короткие ластоподобные ноги. Бугры, выступавшие под тупой головой, служили подобием плеч для рук, до смешного напоминавших человеческие, если не брать во внимание их величину и плавательные перепонки, проходящие от

локтей до таза. За исключением мешка, свисавшего с единственного более-менее узкого места на всем теле, которое было призвано обозначать нечто вроде шеи, наксв был абсолютно гол и обладал явными признаками мужского пола. Психологи утверждали, будто людей оскорбляет как раз не отличие наксвов от человеческой расы, а напротив, именно то, что в некоторых аспектах они были как бы параллельны людям и в то же время отличались от них, словно являя собой грязную пародию на гомо сапиенса. Запах, слюнявость, склонность к отрывке, признаки пола... Но они большей частью тоже были космическими путешественниками, разведчиками, колонистами, фрахтовщиками, торговцами, составляя нам сильную конкуренцию, с иронией подумал Хейм.

Лично его все эти пустяки никогда не смущали. Наксвы были хитры, но в среднем более нравственны, чем люди. Да и внешне их можно было считать весьма привлекательными, если взглянуть с функциональной точки зрения. А их личная жизнь никого не касалась. Тем не менее факт оставался фактом: большинство людей с негодованием отнеслось бы даже к мысли о пребывании на одном корабле с наксвами, не говоря уж о том, чтобы находиться у них в подчинении. И... Дэйв Пиойер был бы вполне компетентным капитаном, в отставку он ушел в звании заместителя командующего. Но Хейм не был уверен, что ему хватит твердости в экстремальных ситуациях, если таковые возникнут.

Отгнав тревожные мысли, Хейм сказал:

— Верно. Фактически, это круиз с целью грабежа. Ну как, ты все еще заинтересован?

— Да. Разве ты забыл тот кошмар, из-за которого я так влип?

Этого Хейм не забыл. Проследив распространение слуха вплоть до их источника, он обнаружил этот источник в нью-йоркских кварталах Благоденствия, что устрашающе действовало даже на него. Наксв, очутившийся на Земле, был подобен выброшенному на мель кораблю. Он был абсолютно беспомощен. Утхг-а-к,тхакв прежде служил по договору техническим советником на звездолете с планеты, которую люди называли Калибан и наиболее передо-

вое племя которой решило принять участие в космической игре. При входе в пределы Солнечной системы неопытный шкипер корабля столкнулся с астероидом и погубил свое судно. Оставшиеся в живых были доставлены на Землю звездолетами военного флота. Калибанцев отправили домой. Однако с наксами Земля не вела прямой торговли, и ввиду кризиса в Фениксе, где находились их владения, возвращение туда Утхг-а-к,тхаква постоянно откладывалось.

“Черт побери, — подумал Хейм, — вместо того чтобы валять дурака с этим ублюдком-алероном, парламенту лучше следовало бы заняться выработкой соглашения о помощи пострадавшему астронавту”.

— У нас нет возможности провести глубокую проверку твоего сознания, подобную той, что мы проводим с людьми, — прямо сказал Хейм.

— Поэтому мне приходится полагаться лишь на твое обещание молчать. Я думаю, ты прекрасно понимаешь, что если передашь данную информацию куда следует, то вознаграждения за это тебе вполне хватит, чтобы купить возвращение домой.

Утхг-а-к,тхакв что-то пробулькал через дыхательное отверстие. Хейм не был уверен, означает ли это смех или выражение негодования.

— Я дал слово. К тому же эти алероны мне осточертели. Я не прочь подраться с ними. Кстати, сакв, надеюсь, часть добычи достанется мне?

— О’кей. Значит, с этой минуты ты — наш главный инженер, — сказал Хейм, а про себя добавил: — Потому что корабль скоро должен стартовать, а кроме тебя, мне негде взять кого-то, кто в случае нужды справился бы с ремонтом главного двигателя... Теперь обсудим подробности, — сказал он вслух.

— Почта, сэр, — произнес интерком голосом служанки.

— Прошу прощения, — сказал Хейм. — Я сейчас вернусь. Не стесняйся, чувствуй себя как дома.

Утхг-а-к,тхакв что-то просвистел в ответ и взгромоздил скользкую тушу на стоявший в кабинете диван. Хейм поспешно вышел.

Вадаж сидел в гостиной с бутылкой в руке. Последние несколько дней он очень мало говорил и не спел ни единой ноты. В доме стояла тишина, словно

в гробнице. Сперва в посетителях не было недостатка — полиция, друзья. Курт Вингейт и Гарольд Тваймен приехали одновременно и обменялись рукопожатиями. Из всех близких знакомых Хейма одна только Джоселин Лори не дала знать о себе. Все это казалось Хейму расплывчатым. Он продолжал заниматься подготовкой корабля, полностью поглощавшей его внимание, и даже не заметил, когда визиты прекратились. Времени не хватало, работать приходилось круглые сутки, так что Хейм волей-неволей прибегал к помощи допинга. Даже исчезновение Лизы отступило на второй план. Сегодня утром, взглянув в зеркало, он заметил, что здорово похудел, но это оставило его равнодушным.

— Наверняка обычная ерунда, — пробормотал Вадаж по поводу только что полученной почты. Хейм смахнул со стола кучу конвертов. Под ними оказалась плоская посылка. Он содрал с нее пластиковую обертку, и на него глянуло лицо Лизы. Это было звуковое письмо. Хейм нажал кнопку аниматора, и губы, в точности такие же, как у Конни, шевельнулись.

— Пап, — произнес тихий голос, — Андре. Со мной все в порядке. Я имею в виду, что мне не причинили никакого вреда. Когда я стояла на остановке элвея, чтобы поехать домой, ко мне подошла женщина. Она сказала, что у нее ослабла магнитная застежка лифчика, и попросила меня помочь застегнуть. Я никогда не думала, что кто-нибудь из высшего класса может быть опасен. Она была прекрасно одета, говорила превосходным языком и все такое. Мы сели в машину и зашторили окна. Потом она выстрелила в меня из станнера. Очнулась я уже здесь. Я не знаю, что это за место. Здесь несколько комнат, окна всегда закрыты. При мне находятся две женщины. Они не делают ничего плохого, просто не выпускают меня отсюда. Они говорят, что это ради мира. Пожалуйста, сделай так, как они хотят.

Монотонность речи Лизы говорила о том, что ей сделан укол антифобика с целью предупреждения невроза страха. Но вдруг ее словно прорвало.

— Я так одинока! — выкрикнула она, затем посыпался плач.

На этом запись кончалась. Вадаж указал Хейму записку, которая тоже находилась в посылке. Текст в ней был отпечатан. Хейм, прищурившись, прочитал:

“Мистер Хейм!

Вот уже несколько недель, как вы предоставили свое имя и влияние в помощь милитаристам. Вами фактически оплачены все объявления, содержащие лживое и провокационное утверждение, что большинство населения Новой Европы будто бы осталось в живых. Теперь мы получили информацию о том, что вы замышляете более радикальные меры с целью подорвать мирные переговоры.

Если это правда, человечество не может этого допустить. Во имя гуманизма мы не имеем права допустить этого. Во имя гуманизма мы не имеем права даже оставлять возможность того, что это может стать правдой.

Ваша дочь будет содержаться в качестве заложницы ради вашего примерного поведения до тех пор, пока не будет заключен договор с алеронами, а также, если мы сочтем необходимым, в течение некоторого последующего времени. Если в этот период вы публично признаетесь во лжи относительно Новой Европы и не станете больше ничего предпринимать, дочь вернется к вам.

Излишне предупреждать вас о том, что полиция ничего не знает и не должна знать о данном послании. Движение за мир повсюду имеет столько преданных сторонников, что, если вы все же обратитесь в полицию, нам это станет известно. В этом случае мы будем вынуждены наказать вас посредством вашей дочери. С другой стороны, если вы будете вести себя должным образом, то и впредь станете иногда получать от нее известия.

Искренне ваши — сторонники мира и здравомыслия”.

Хейм прочел письмо три-четыре раза, прежде чем содержание дошло до его сознания. За суматохой последних дней он почти забыл об этом происшествии и вообще не придавал ему большого значения, думая, что похищение было совершено с целью вымогательства денег. Однако теперь дело принимало совершенно иной оборот.

— Манера речи, типичная для Сан-Франциско, — сказал Вадаж, скомкал пластиковую обертку и швырнул ее в стену. — Хотя это ничего не значит.

— Боже милосердный! — Спотыкаясь, Хейм подошел к креслу, рухнул в него и уставился в одну точку ничего не выражающим взглядом. — Почему они не вышли прямо на меня?

— Именно так они и сделали, — возразил Вадаж.

— На меня лично!

— Вы были бы слишком рискованной мишенью для насилия. С молодой и доверчивой девушкой все гораздо проще.

У Хейма была такой чувство, что сейчас он заплачет от досады и бессилия. Но глаза по-прежнему оставались сухими и горячими, словно угли.

— Что же делать? — прошептал он.

— Не знаю, — каким-то механическим голосом ответил Вадаж. — Очень много зависит от того, кто они. Очевидно, это не официальные лица. Правительству было бы достаточно просто арестовать вас по какому-нибудь поводу.

— Значит, военные. Джонс Ио. — Хейм встал и направился к выходу.

— Куда вы? — Вадаж схватил его за руку, однако это было все равно что пытаться остановить лавину.

— Возьму оружие, — сказал Хейм, — и в Чикаго.

— Нет, постойте! Да стой же, дурак чертов! Что вы можете сейчас сделать, кроме как спровоцировать убийство Лизы?

Хейм остановился.

— Возможно, Ио знает об этом, а может, и нет, — продолжал Вадаж.

— Нет никаких сомнений в том, что конкретной информацией о ваших планах никто не располагает, иначе они просто подключили бы к этому мировой контроль. Возможно, похитители не имеют ничего общего с военными. Страсти постепенно накаляются. И эти люди, должно быть, ощущают потребность непременно изображать из себя героев драмы, нападать на прохожих на улицах, устраивать похищения, ублажать свои грязные душонки... Да, на Земле таких много даже в высших классах, и все сходят с ума от

собственной никчемности. Им все равно, какой лозунг избрать. Просто "Мир" — наиболее престижный.

Хейм вернулся, взял бутылку, трясущимися руками налил себе в бокал.

— Они хотят убрать меня с дороги, — пробормотал он. — Убрать с дороги... Хоть убей, но я не вижу никакого выхода! — выкрикнул он.

— Как?

— Лиза в руках фанатиков. Что бы ни случилось, они не перестанут меня ненавидеть. И все время будут опасаться, что Лиза сможет их узнать. Андре, помоги мне!

— У нас еще есть время! — рявкнул Вадаж. — Лучше провести его с пользой, чем закатывать истерики!

Хейм поставил бокал и постарался собраться с мыслями.

"Раньше мне приходилось нести ответственность за жизнь людей, — подумал он, и в нем разом проснулись старые рефлексy командира. — Надо составить смелую теоретическую матрицу и выбрать курс с минимальными негативными затратами".

Его мозг заработал, словно компьютер.

— Спасибо, Андре, — сказал Хейм.

— Может, насчет своих людей в полиции — это просто блеф? — предположил Вадаж.

— Не знаю, но лучше не рисковать.

— Значит... Мы откладываем экспедицию, отказываемся от того, что говорили о Новой Европе, и ждем?

— Возможно, это единственное, что нам остается. — Голова у Хейма гудела. — Но я считаю, что это будет неверный шаг, даже если мы сделаем его ради спасения Лизы.

— Что же тогда? Нанести ответный удар? Каким образом? А может, частные детективы смогли бы отыскать...

— Где? По всей планете? Можно, конечно, попробовать, но... Нет, пока у меня не возникла идея с капером, я словно сражался с туманом, и вот теперь я снова в тумане и должен выбраться из него. Нужно что-то определенное, такое, о чем они не догадаются, пока не будет слишком поздно. Ты прав, нет

смысла угрожать Ио и даже, как мне кажется, обращаться к нему с просьбой. Единственное, что имеет для него значение, — выбранный им курс. Если бы мы тоже могли придерживаться...

Хейм вдруг взревел так, что задрожали стены. Вадаж едва не был сбит с ног, когда огромное тело Хейма пронеслось мимо него к видеофону.

— В чем дело, Гуннар?

Хейм отпер ящик письменного стола и достал оттуда свой телефонный справочник. В нем среди прочих номеров был закодирован номер неофициального видеофона Мишеля Кокелина в Париже. Хейм поспешно нажал на кнопки.

На экране появился личный секретарь Кокелина:

— Бюро... О, мистер Хейм!

— Пожалуйста, соедините меня с министром, — сказал по-французски Хейм.

Несмотря на обстоятельства, Вадаж поморщился, услышав варварское произношение своего патрона, которое, по мнению последнего, было весьма сносным.

Секретарь увидел его выражение лица, подавил вздох и нажал кнопку. Его изображение тотчас сменило усталое лицо Кокелина:

— Гуннар! В чем дело? Новости о вашей дочери?

Хейм рассказал ему обо всем. Лицо Кокелина стало пепельно-серым.

— О нет, — прошептал он. — Это конец всему.

— Да, — отозвался Хейм, — лично я вижу лишь один реальный выход. Команда уже набрана, парни что надо — хоть в огонь и в воду. А вам известно местопребывание Синби?

— Вы с ума сошли? — заикаясь, проговорил Кокелин.

— Дайте мне все подробности: точное место, как туда добраться, сведения об охране и сигнализации, — потребовал Хейм. — Я вытащу его оттуда. Если ничего не получится, я не стану впутывать в это дело вас. Я хочу спасти Лизу, предоставив ее похитителям право выбора: либо я дискредитирую их и их движение, вылив на них всю грязь, в которой у меня не будет недостатка, либо я получаю Лизу назад, публично объявляю себя пжецом и, дабы доказать свое

раскаяние, кончаю жизнь самоубийством. Мы можем устроить все так, что у них не будет сомнений в решительности моих намерений.

— Я не могу... Я...

— Я знаю, для вас это трудно, Мишель, — сказал Хейм. — Но если вы мне не поможете, тогда я связан по рукам и ногам, мне придется делать то, что они хотят. И полмиллиона людей на Новой Европе погибнут.

Кокелин облизнул губы, выпрямился и спросил:

— Ну, предположим, я скажу вам, Гуннар. И что дальше?





ГЛАВА 8.

Космояхта "Махаон", ГБ-327-РП, вызывает Джорджтаун, Остров Вознесения. Мы терпим бедствие. Джорджтаун, вы нас слышите? Отзовитесь, Джорджтаун!

Свист рассекаемого воздуха перешел в рев. Сквозь передний защитный экран мощной волной хлынул жар. Иллюминаторы на мостике, казалось, были охвачены пламенем, а экран радара словно взбесился. Хейм крепче затянул привязные ремни и сосредоточил внимание на ускользавшем из-под рук пульте управления.

— "Махаон", говорит Гаррисон, — говоривший по-английски голос был едва слышен: волны мазера с трудом пробивались сквозь ионизированный воздух, окружавший стальной метеорит. — Мы держим вас под контролем. Прием.

— Подготовьтесь к аварийной посадке, — сказал в микрофон Дэвид Пионер, его соломенные волосы сплились в мокрые от пота пряди. — Прием.

— Здесь садиться нельзя. Остров временно закрыт для посещения. Прием.

Каждое слово, казалось, было окутано облаком статического электричества.

На корме запели двигатели. Силовые поля начали дикую пляску в четырех измерениях сквозь гравитоны. Внутренние компенсаторы сохраняли стабильность, и чудовищное торможение, которое заставляло стонать корпус корабля, внутри почти не ощуща-

лось. Яхта быстро теряла скорость, пока наконец тепловой эффект не пошел на убыль.

Видение пылающего горна за стеклами иллюминаторов сменилось гигантской дугой южного Атлантического побережья. Над сверкающей поверхностью Атлантики висели густые облака. Линия горизонта была темно-голубой и постепенно переходила в черноту космоса.

— Какого там черта нельзя? — заорал Пионер.
— Прием!

— А что у вас случилось?

На этот раз слышимость была гораздо лучше.

— Когда мы вышли на суборбитальную скорость, что-то засвистело. У нас в хвосте дыра, мы потеряли управление. Пока еще удастся сохранить частичный контроль над главным двигателем. Я думаю, мы можем сесть на Вознесении, но где именно, трудно сказать. Прием.

— Садитесь на воду. Мы вышлем подку.

— Ты что, старик, не слышал, что я сказал? У нас пробит корпус. Мы камнем пойдём на дно. Может, скафандры и спасательные жилеты выручат нас, а может, и нет. Но в любом случае потеря яхты стоимостью в миллион фунтов не доставит лорду Понсонби особой радости. Если у нас есть хоть какой-то шанс спасти эту посудину, мы должны его использовать. Прием.

— Ну что ж... Не отключайтесь, я соединю вас с капитаном.

— Не надо. Нет времени! Не волнуйтесь, в Гаррисон мы не врежемся. Наш вектор нацелен на юг. Мы попытаемся дотянуть до одного из плато. Как только приземлимся, будем передавать вам сигнал, чтобы вы могли указать нам дорогу. Надеюсь, долго ждать вам не придется. Пожелайте нам удачи. Связь кончаю.

Пионер отключил радио и повернулся к Хейму.

— Ну, а теперь надо пошевеливаться, — прокричал он сквозь грохот.

— Как только они перестанут нас слышать, сразу вышлют несколько вооруженных флайеров.

Хейм кивнул. За те секунды, что длился этот разговор, "Конни" пулей пролетела все необходимое расстояние. Теперь она находилась в объятиях дико-

го, темного ландшафта. Детекторы фиксировали металл и энергию. Должно быть, берлога Синби была здесь. Между "Конни" и радарам Джорджтауна возвышался окутанный туманами пик Зеленой горы. Теперь уже не было необходимости использовать лишь главный двигатель. Самая рискованная часть операции осталась позади.

Хейм снова включил управление. Завывая по-волчьи, яхта описала дугу. В иллюминаторах показалась крохотная посадочная полоса, высеченная в вулкане. Хейм направил судно вниз, и оно провалилось в взметнувшийся фонтан пыли.

Опоры коснулись поверхности площадки. Хейм выключил двигатели и сбросил с себя ремни.

— Остаешься за меня, Дэйв, — бросил он и зашагал к главному шлюзу.

Вместе с ним кроме Дэйва прилетели еще два десятка верных парней. Они были в космическом снаряжении, оружие блестело в падающем сверху свете ламп.

Хейм проклинал предохранительный клапан, из-за которого шлюз открывался с садистской медлительностью. Снаружи просачивался свет полуденного солнца.

Не дожидаясь, пока аппарель выдвинется до конца, Хейм соскочил с нее и упал в оседавшую пыль.

Как и говорил Кокелин, в конце поля располагались три здания, казарма на пятнадцать человек, ангар и укрывавший их купол. Четверо стоявших снаружи человек настолько растерялись, что даже забыли направить на Хейма оружие. Еще двое, охранявшие транспортер ракеты ГТА, тоже разинули рты. Разумеется, им звонили из штаба Джорджтауна с приказом не стрелять, если они заметят какой-нибудь летательный аппарат. Остальные охранники выбегали из задней двери здания.

Хейм быстро сосчитал их. Пока на виду были еще не все... Прихрамывая, он направился к ним.

— Аварийная посадка, — крикнул он на ходу. — Я увидел ваше поле...

Парень с нашивками лейтенанта мирового контроля, который, вероятно, был здесь за старшего, выглядел испуганным.

— Но... — он запнулся и затеребил ворот.

Хейм подошел поближе.

— В чем дело? — спросил он. — Почему мне не следовало садиться на ваше поле?

Он знал, что это весьма каверзный вопрос. Существование данной площадки никогда официально не признавалось армией мирового контроля.

Верховных лидеров алеронов, входивших в состав делегации, нельзя было размещать вместе, у них это было не принято. Если бы им не смогли обеспечить абсолютного уединения, они сочли бы это за оскорбление, а возможно, это даже представляло бы угрозу для их жизни. Поэтому их пришлось разбросать по всей Земле. Остров Вознесения был выбран весьма удачно. Этот район, если не считать маленькой базы полиции Мирового океана, был абсолютно пустынным. Таким образом, отъезды и приезды инопланетянина оставались в тайне.

— Таков приказ, — уклончиво ответил лейтенант, покосившись на серебристое копье яхты. — Я бы не сказал, что вы похожи на потерпевших серьезную аварию.

Можно было подделать название и регистрационный номер "Конни", но с наружными повреждениями дело обстояло иначе. Из казармы вышли последние два охранника. Хейм поднял руку и, повернувшись к яхте, сказал:

— Пробойна с той стороны... — В следующее мгновение, опуская руку, он резко закрыл защитное стекло своего шлема.

Две фигуры из шлюза шагнули назад, наружу выдвинулся ствол прятанной за ними газовой пушки. Из ее жерла хлынула под давлением в пятьдесят атмосфер струя анестезирующего аэрозоля.

Один из охранников открыл огонь. Хейм бросился в пыль. Перед глазами из скалы брызнули каменные крошки. В каком-то миллиметре над головой с гудением пронеслась мощная струя желтого аэрозоля. Парни из его экипажа уже бежали в конец поля со станнерами наизготовку. Никакого смертоносного

оружия. Хейм скорее позволил бы убить себя, чем выстрелить в человека, исполняющего свой долг. Но в данном случае в атаку шли бойцы, выдавшие и не такие виды. Доводить дело до убийства было совсем не обязательно.

Короткая яростная схватка закончилась. Хейм вскочил и что было сил бросился к куполу. Сзади бежали Цуккони и Люповец, таща за собой на гравипривязи таран. Медицинская команда "Конни" тем временем занялась оказанием в необходимых пределах помощи упавшим охранникам.

— Сюда, — сказал Хейм по внутренней связи. Цуккони и Люповец нацелили таран и включили мотор. Стальная болванка весом в пятьсот килограммов принялась методично долбить стенку купола. В усыпляющем тумане этот звук казался совершенно неуместным. Хейм прыгнул в пролом, в свет красного солнца. За ним последовало еще человек двенадцать.

— Он где-то здесь, в этой каше, — сказал Хейм. — Рассредоточьтесь. До появления копов у нас есть минуты три.

Он пригнулся и бросился в джунгли. Хлестали ветки, разлетались лианы, под ногами захрустели опавшие цветы. Мелькнула какая-то тень...

— Синби! — крикнул Хейм и рванулся вперед.

Зашипело испепеляющее пламя лазера. Хейм ощутил жар и увидел, как защитная нагрудная пластина испаряется в испепеляющем огне. В следующее мгновение он бросился на алерона и выбил у него из рук оружие.

Вплотную прижиматься нельзя, мелькнуло у Хейма в голове, он может обжечься о раскаленный металл.

Лицо Синби перекосила яростная ухмылка. Он захлестнул хвостом ноги Хейма. Хейм упал, но Синби не ослаблял захвата. В это время подбежали остальные, схватили свою добычу, предварительно отцепив хвост от командира, и поволокли по-лягушачьи поджавшего ноги Интеллектуального Хозяина Сада Войны к выходу. Снаружи, вдохнув дурманящее испарение, Синби впал в полную прострацию.

“Будем надеяться, что биомедики правы, утверждая, будто эта штука безвредна для него”, — подумал Хейм.

Выбежав на поле, Хейм забыл разом все, о чем думал. В небе показались два флайера АМК. Словно стервятники, они дружно спикировали вниз, обстреливая отряд Хейма. Хейм увидел, как пунктирная линия взметаемых пулями фонтанчиков пыли приблизилась к нему, в наушниках раздался треск и свист.

— Откройте! — крикнул он, горло невыносимо жгло. — Пусть они увидят, кого мы ведем!

Флайеры взревели и стали набирать высоту.

— Если мы не сможем быстро подняться, они попытаются вывести из строя яхту.

Впереди была аппарель, показавшаяся чертовски крутой. Над Зеленой горой появилась целая эскадрилья. Хейм взобрался на аппарель и остановился. Мимо проскочили люди из группы захвата. Теперь Синби был на борту, и все остальные тоже. Один из флайеров нырнул вниз. Хейм услышал, как за ним по пятнам забарабанили о стальную поверхность аппарели пули.

Он перепрыгнул через комингс. Кто-то моментально задраил шлюз.

“Конни” встала на хвост пламени и устремилась в небо.

Некоторое время Хейм лежал неподвижно. Затем встал, поднял стекло шлема и пошел на мостик. Пространство вокруг сияло звездами, но Земля уже начала затенять их.

— Прижимают нас книзу? — спросил Хейм.

— Да, — ответил Пионер. Напряжение предыдущих часов прошло, на его мальчишеском лице сияла широкая улыбка. — Надо поскорей убираться, пока они не прислали весь военный флот. Сейчас пробьем потолок и двинем за их радарный горизонт.

Яхта описала длинную дугу над атмосферой, идя на приличной скорости, чтобы опередить момент включения орбитальных детекторов мирового контроля, потом понеслась к обратной стороне планеты. Операция прошла без сучка без задоринки, что являлось для капера хорошей приметой. Если такая удача

будет сопутствовать "пиратам" и дальше — это будет то, что нужно.

Хейм повесил скафандр и погрузился в обычную рутину радиопереклички со всеми отсеками корабля. Это занятие вернуло ему самообладание. Все было тип-топ, не считая нескольких выбоин, оставленных пулями на внешней обшивке. Когда Люповец доложил, что пленник очнулся, Хейм почувствовал не волнение, а лишь прилив силы воли.

— Приведите его ко мне в каюту, — приказал он.

Яхта кралась сквозь ночь, постепенно снижаясь. Правильный расчет времени был очень важен. Русская Республика добродушно поплеывала на контроль перемещений, как, впрочем, и на многое другое, поэтому, если соблюдать осторожность, после наступления темноты можно было сесть где-нибудь в сибирской тундре абсолютно незамеченными. Хейм ощутил легкую вибрацию и понял, что "Конни" пошла на посадку. Когда замолкло урчание двигателя, наступившая тишина показалась чудовищной.

Двое охранников у капитанской каюты отдали честь. Хейм прошел внутрь и закрыл дверь.

Синби стоял возле койки. Он был совершенно неподвижен, лишь самый кончик хвоста слегка подрагивал да ветерок, создаваемый вентилятором, чуть вздымал шелковистую гриву. Однако при виде Хейма на его красивом лице появилась улыбка, от которой кровь стыла в жилах.

— Ах-х-х, — промурлыкал он.

Хейм приветствовал его официальным жестом алеронов.

— Имбиак, прошу меня простить, — сказал он. — Я доведен до безумия.

— Должно быть, это так, — трелью зазвенело у него в ушах, — если вы надеетесь таким образом спровоцировать войну.

— Нет, на это я не надеюсь. Что может лучше дискредитировать мои взгляды, чем подобный поступок? Просто мне нужна ваша помощь.

Зеленые глаза сощурились.

— Довольно странный способ обращаться с просьбой, капитан.

— Другого не было. Послушайте, напряжение между лагерями войны и мира на Земле достигло апогея, то и дело оно выливается в насилие. Несколько дней назад была похищена моя дочь. Я получил предупреждение, что, если не перейду на другую сторону, она будет убита.

— Сожалею. Тем не менее что я могу сделать?

— Не стоит изображать сочувствие. Если бы я отступил, вам бы это пошло на пользу. Так что не имело смысла просить у вас помощи. Да и вообще, что бы я ни предпринял, я не склонен верить в их обещания. Мне нужно было заполучить рычаг управления. Я подкупил кое-кого, кто знает о вашем местопребывании, нанял эту шайку и... И теперь мы позволим главе организации агитаторов примирения.

Хвост Синби хлестнул по подыжкам.

— Допустим, я отказываюсь, — прозвучала холодная музыка.

— Тогда я убью вас, — зло отозвался Хейм. — Не знаю, пугает вас это или нет, но на следующей неделе ваша делегация встречается с парламентом. Лишившись военного эксперта, она окажется в невыгодном положении. Кроме того, дальнейшие переговоры вряд ли пойдут гладко после бучи, какую я могу поднять.

— Однако, капитан, разве нельзя допустить мысль, что вы собираетесь прекратить мое существование в любом случае, чтобы я не смог обвинить вас потом в шантаже?

— Нет. Дайте согласие помочь мне, и я отпущу вас. Зачем мне совершать убийство, последствия которого отзовутся на всей планете? Меня бы непременно нашли. Один мой корабль был бы достаточной ниточкой к разгадке подобного преступления, поскольку у меня нет алиби на время похищения.

— Тем не менее вы так и не сказали, почему считаете, что я не стану выступать с обвинением против вас.

— Это было бы не в ваших интересах, — пожал плечами Хейм. — Слишком грязная история всплыла бы при этом наружу. Безответственное похищение, организованное сторонниками войны, и так далее. Я предал бы гласности свои документы с Новой Евро-

пы. Я дал бы показания под цереброскопом о нашем разговоре и тех признаниях, которые были сделаны вами во время него. О, я бы дрался не на жизнь, а на смерть. Настроение на Земле — штука весьма тонко сбалансированная. Возможно, одного моего процесса оказалось бы достаточно, чтобы склонить чашу весов на нашу сторону.

Глаза Синби затянулись мигательной перепонкой. Он почесал тонкой рукой подбородок.

— Фактически, — продолжал Хейм, — будет лучше всего, если вы заявите в АМК, что вас якобы похитила группа неизвестных с целью сорвать переговоры. Вы убедили их в том, что похищение в первую очередь невыгодно им самим, и вас отпустили. Затем вы настаиваете, чтобы наши власти полностью замяли это дело. Они с радостью согласятся, если вы так захотите. Публичный скандал на данном этапе был бы весьма некстати.

Алерон по-прежнему был погружен в свои мысли.

— Синби, — сказал Хейм со всей мягкостью, на какую был способен, — вы не понимаете людей. Мы так же чужды вам, как вы нам. До сих пор вам удавалось без труда надувать нас, но стоит появиться какому-нибудь новому фактору — и чего тогда будет стоить весь ваш план?

Пленка, прикрывавшая глаза Синби, исчезла.

— Я не вижу при вас никакого оружия, — монотонно пропел алерон. — Если я откажусь вам помочь, как вы меня убьете?

— Вот этими руками, — Хейм растопырил пальцы.

В каюте раздался смех, похожий на звон колокольчика:

— Ну что ж, капитан "Звездного лиса", давайте сюда радиотелефон.

В Чикаго было позднее утро. Появившееся на экране лицо Джонаса Ио — лицо пуританина — выражало недовольство:

— Что вам угодно, Хейм?

— Вам известно о похищении моей дочери?

— Нет. Я хочу сказать, что выражаю свое сожаление если не вам, то ей, но какое отношение это может иметь ко мне? Я не располагаю никакой информацией.

— Мне сообщили, что похитители принадлежат к фракции сторонников мира. Погодите, я не обвиняю лично вас в участии в этом грязном деле. У каждой группы свой лидер. Но если вы потихоньку отдадите приказ о персональной проверке каждого члена вашей организации, прямо или косвенно вам удастся выйти на них.

— Слушайте, вы, негодяй!..

— Включите магнитофон. Я хочу, чтобы вы записали и потом на досуге поразмыслили над тем, что скажет вам сейчас делегат Синби рю Тарен. — Несмотря на то, что Хейм старался говорить спокойно, его сердце готово было выскочить из груди.

Алерон скользнул к экрану.

— Боже мой! — Ио чуть не задохнулся от изумления. Выпучив глаза, он смотрел на инопланетянина.

— Капитан Хейм во имя чести обратился ко мне за помощью, — пропел Синби. — Нас связывают прошлое и будущее: однажды мы участвовали в сражении. Кроме того, ни одна древняя раса не позволит себе испытать чашу позора. Если этот ребенок не будет возвращен, мы покинем вашу планету и будем вынуждены применить дезинфицирующее средство, каковым является война. Поэтому я приказываю вам подчиниться требованиям капитана Хейма.

— Б-боже мой... я... Да! Немедленно!

Хейм выключил видеофон. Воздух со свистом вырвался из его легких, ладони были мокры от пота.

— С-спасибо, — заикаясь, произнес он. — Как только Вадаж сообщит о ее возвращении, мы начнем подниматься. Доставим вас поближе к городу.

Некоторое время Синби оценивающе смотрел на него, прежде чем спросить:

— Вы играете в шахматы, капитан? Из всего, что создано на Земле, это, пожалуй, самое прекрасное. Кроме того, мне бы хотелось, чтобы вы на время отвлеклись от всех проблем.

— Нет, благодарю, — сказал Хейм. — Мне известно ваше умение делать мнимый мат. Вы все время будете выигрывать. Я лучше прослежу, чтобы наши фальшивые опознавательные знаки были заменены на настоящие.

Он был рад выйти на зимний холод, ударивший снаружи.

Они уже почти закончили, когда в проеме воздушного шлюза темным пятном на светлом фоне возник Синби.

— Поторопитесь, капитан, — высоким голосом произнес он. — Из вашего дома вас вызывает бродячий певец. Она доставлена.

Хейм быстро прошел в радиорубку и закрыл за собой дверь.

С экрана видео на него смотрела Лиза:

— О, папа!

— С тобой все в порядке? — спросил Хейм.

— Да. Они... Они не причинили мне никакого вреда, только усыпили. Когда я проснулась, мы были уже в городе. Мне сказали, что дальше я должна добираться элвеем. У меня все еще сильно кружилась голова, и я не обратила внимания на знаки.

— Когда ты приедешь?

— Часа через два-три. — Лиза все еще находилась под влиянием наркотиков, и речь ее была довольно вялой. — Мне кажется, я знаю, как это случилось, пап. Прости меня, пожалуйста. В ту ночь вы с Андре говорили о вашем... ну, ты сам знаешь... В общем, ты забыл выключить интерком. Я все слышала из своей комнаты.

Хейм вспомнил, как загадочно она вела себя в течение двух последовавших недель, что называется, "тише воды, ниже травы". Он приписал это ее желанию понравиться Вадажу. Теперь Хейм полностью осознал свою беспечность. Удар был не из легких.

Лиза, вероятно, уловила его мгновенную перемену в лице:

— Не волнуйся, я никому об этом не говорила. Честно. Только когда Дик с остальными стали приставать ко мне, почему я не занимаюсь этим дурацким подражанием алеронам, я разозлилась и ответила, что один человек стоит больше сотни таких выродков и что мой отец собирается это доказать. Больше я ничего не говорила. Но теперь мне стало ясно, что слухи до кого-то дошли, потому что женщины все время спрашивали меня, что я имела в виду. Я сказала, что просто наврала, и даже когда они обе-

щали меня побить, продолжала говорить то же самое. По-моему, они поверили, потому что так и не стали меня бить. Пожалуйста, не сходи с ума, папа.

— Ладно, — резко бросил Хейм, — я просто получил по заслугам. Отправляйся в постель, я скоро приду.

Экран погас. Хейм с облегчением вздохнул.

Негромко заурчали двигатели, и "Конни" оторвалась от земли.

Хейм помог Синби сойти на землю. Земля была мерзлая и звенела под ногами. Из окон домов, стоявших на окраине, струился свет, сквозь мглу сияли зимние звезды.

— Вот, — Хейм неловко протянул Синби теплую накидку — вам это будет не лишнее.

— Благодарю, — словно свирель пропела из-под серебрившихся на морозе коконов. — Когда за мной придут ваши власти, я все скажу так, как вы хотели. Это будет наиболее мудрым решением и для алеронов, и для меня, поскольку я не хочу, чтобы ваши страдания продолжились.

Хейм смотрел на тонкий снежный наст, сверкавший, словно мех Синби.

— Прошу простить меня, — пробормотал он. — Мне не следовало обращаться с вами подобным образом.

— Я не держу на вас зла, — низким голосом пропел Синби. — Прощайте.

— До свидания, — на этот раз Гуннар Хейм пожал руку алерону.

Яхта взмыла вверх, вышла на орбиту и по стандартной траектории двинулась в направлении порта Мохав. Официально ее вылет был зарегистрирован как имеющий целью проверку загрузки межзвездного транспорта. Хейм с удивлением заметил, что не испытывал желания немедленно увидеть дочь. А ведь им оставалось быть вместе совсем недолго. Корабль должен стартовать через несколько дней, и Хейм летел на нем в качестве капитана.

От прежнего решения остаться на Земле Хейм в конечном итоге отказался. Зло стало настолько могущественным, что он побоялся бросить ему вызов, рассчитывая применить при этом только часть своих

сил. А полную силу он мог обрести лишь среди звезд, а не на этой планете.

Лизу он собирался оставить на попечении Вингейта. В этом случае она была бы в полной безопасности. Что же касается компании Хеймдел, то в отсутствие хозяина она могла развалиться, но могла и выжить. Все зависело от обстоятельств. Но в любом случае Вингейт не оставил бы Лизу без средств к существованию. Кроме того, не следовало сбрасывать со счетов и возможную крупную добычу.

Хейму хотелось смеяться.

— Возможно, я просто рационализирую эгоистичное, атавистическое желание взбудоражить преисподнюю, — сказал он вслух. — О'кей, ну и что с того? Значит, так тому и быть.





ГЛАВА 9.

Они отмечали канун Рождества. В гостиной сиротливо поблескивала огнями елка. В стекла барабанил дождь.

— Как ужасно, — сказала Лиза, — что война неизбежна.

— Насчет неизбежности ты ошибаешься, — возразил Хейм. — По сути дела, все, что мы сейчас предпринимаем, имеет главную цель — предотвращение войны.

Лиза с изумлением взглянула на него.

— Если мы не дадим сейчас отпор алеронам, — продолжал Хейм, — беды начнутся одна за другой, и мы постоянно будем в проигрыше, пока они наконец не загонят Землю в угол. А если загнать человеческую расу в угол, она будет сражаться, как бы напрасно это ни было, — так было и будет всегда. Планета против планеты — это было бы настоящее светопреставление. Все, что нам сейчас требуется, — просто дать им понять, что мы не позволим помыкать собой. Потом уже можно будет говорить с ними по-деловому, так как космос и в самом деле достаточно просторен для всех, если признавать право каждого на существование. — Он надел плащ. — Пора.

Они молча спустились в гараж и заняли места во флайере — Хейм, Лиза, Вингейт, два мощных телохранителя, приставленных к девушке на время отсутствия отца, и Вадаж. Выскользнув из ворот гаража, флайер стал набирать высоту, пробиваясь через бурю.

Корпус вздрагивал и резонировал, но когда флайер поднялся в более высокие слои атмосферы, их окружило голубое спокойствие. Внизу, словно снежные горы, проплывали облака.

Вингейт достал сигарету и закурил. Его лицо — лицо щелкунчика — смялось в гримасе недовольства.

— Не люблю все эти проводы, — пролаял он наконец, — ожидания, когда настает время расставаться, сидишь и не можешь придумать, что бы такое сказать. Давайте лучше посмотрим репортаж из дворца парламента.

— Не стоит, — отозвался Хейм. — Они предполагают целую неделю провести в предварительных дискуссиях, прежде чем пригласить делегацию алеронов. Каждому грошовому политику хочется непременно быть выслушанным хотя бы раз.

— Согласно вчерашним новостям, — сказал Вингейт, — по алфавитной жеребьевке Франции достался номер где-то в самом начале. С минуты на минуту может начаться выступление Кокелина.

— Он... Ну, ладно, — Хейм включил видео.

В Мехико-сити времени было не намного больше, но по залу Капитолия это было незаметно. Камера показала большие трибуны — лица, лица, белые, желтые, коричневые, черные, чьи глаза были устремлены на рострум, с которого только что сошел оратор, представлявший Финляндию. Президент Фазиль стукнул молотком — в затаенной тишине этот звук походил на звук заколачиваемого в гроб гвоздя. Вингейт, плохо знакомый с испанским, повернул шкалу транслятора до отметки "английский".

— ...уважаемый оратор от лица Франции господин Мишель Кокелин.

Хейм включил автопилот и откинулся назад, чтобы удобнее было смотреть. Квадратная фигура с нарочитой медлительностью, словно насмехаясь, начала продвигаться между рядами.

Камера показала крупным планом лицо Кокелина — очень старое, но достойное быть отлитым в бронзе.

— Мистер президент, высокочтимые делегаты, леди и джентльмены. Я не стану надолго задерживать ваше внимание. Миру известно об отношении

Франции к вопросу о Новой Европе. Моя страна хочет, чтобы положение этой планеты стало ясным до конца, прежде чем будут начаты дискуссии по данному вопросу. Поскольку для этого необходимо широкое обсуждение, я рекомендую повременить с оглашением моего заявления, пока distinguished делегаты не огласят свои.

— Вот видите? — сказал Хейм. — Он должен выиграть время, чтобы мы внесли ясность в этот вопрос. Франции просто не повезло, что ее очередь выступать выпала так рано. Но Кокелин все упадит.

— И все-таки что он собирается сказать? — спросила Лиза. — Не может быть, чтобы он позволил обвинить вас в разбое.

— Поживем — увидим, — ухмыльнулся Хейм.

— Мистер президент! Прошу порядка! — Камера развернулась и остановилась, нацелив объектив на Гарольда Тваймена. Тот вскочил на ноги и, казалось, был очень зол. — В таком важном деле уклонение от прав первенства должно быть одобрено голосованием.

— Я не понимаю, — поднял брови Кокелин, — почему должны быть какие-то возражения против того, чтобы Франция уступила право первенства.

— Мистер президент, уважаемые члены этого собрания, — с напором продолжал Тваймен. — Высокочтимый оратор от лица Франции предупредил, что намерен сделать сюрприз. Однако сейчас время для серьезного обсуждения, а не для дискуссионных трюков. Если мы окажемся втянутыми в дебаты, вызванные неожиданным заявлением, наша встреча с уважаемыми делегатами Алерона вполне может быть отложена еще на неделю. И так промедление уже было слишком долгим. Я настаиваю, чтобы собрание проголосовало за то, разрешить или не разрешить господину Кокелину играть с нами.

— Мистер президент...

Фазиль не дал Кокелину договорить, стукнул молотком и объявил:

— Председатель считает претензию обоснованной, хотя и изложенной с некоторой излишней горячностью. Хочет ли кто-нибудь проголосовать за то, чтобы заявление французской делегации было отсроче-

но до тех пор, пока не закончат свои выступления представители других наций?

— Ого, — пробормотал Вадаж, — не очень-то хорошее начало.

Хейм протянул руку и настроил автопилот на максимальную скорость. Жужжание двигателя усилилось. Сквозь шум он услышал, как представитель Аргентины сказал:

— Я голосую за это.

— Я поддерживаю, — отозвался датчанин.

— Проголосовано и поддержано...

— А что если ему не разрешат? — заныла Лиза.

— Тогда нам надо пугей вылетать из района Венеры, — отрезал Хейм.

Кокеллин начал говорить о пользе голосования. Через несколько минут Вадаж прищелкнул языком:

— Никогда не слышал ничего более красноречивого. Этот человек — артист!

— Гм... — хмыкнул Вингейт. — Вероятно, он терпеть их не может.

— Само собой, — ничего не выражающим голосом сказал Хейм. — Он не надеется на выигрыш, каким бы этот выигрыш ни был.

Прения продолжались. Флайер оставил бурю позади и теперь летел над обширной холмистой местностью. Далеко на востоке сверкали вершины Сьерры. Однажды мы можем потерять всю эту красоту, подумал Хейм.

Наконец показался космодром Мохав. "Конни" стояла на просторном поле. Техосмотр машины, формальности проверки документов, долгий путь по бетонной полосе под палящим солнцем — быть может, это от света у Хейма предательски защипало в глазах?

Они остановились у аппарели.

— Ну что ж, — грубовато сказал Вингейт, — нечего терять время. Да будет с вами Бог. — Он разорвал рукопожатие.

К Хейму подошла плачущая Лиза:

— Папа, папа, прости, все это из-за меня!

Хейм обнял ее и потрепал по волосам:

— Не говори ерунды. Мы скоро вернемся. Вернемся богатыми, знаменитыми и расскажем миллион всяких историй. Будь умницей. Пока...

Он подтолкнул Лизу к Вадажу и тот, осторожно обняв девушку, поцеловал ее в мокрую щеку.

— До встречи, — тихо сказал венгр. — Я привезу тебе новую песню.

Затем они поспешно взбежали наверх, постояли в створе шлюза и помахали на прощание руками, пока аппарель не была убрана. В следующий момент люк закрылся перед ними.

— Спасибо, Андре, — сказал Хейм и повернулся на каблуках. — Ну что ж, поехали.

Яхта могла бы совершить прыжок прямо на орбиту, однако демонстрировать такую беспричинную поспешность было ни к чему. Поэтому Хейм поднимался постепенно, как положено. Небо вокруг становилось все темнее, оживали звезды, и, наконец, судно словно очутилось внутри огромной шкатулки с драгоценными камнями. Вадаж от нечего делать крутил ручки настройки аппаратуры связи и неожиданно поймал репортаж из Мехико, передаваемый спутником.

Прения и голосования по внесенным предложениям подходили к концу. Результаты переклички возвестили ошеломляющее поражение.

— Мистер президент, — прозвучал голос Кокелина, расплывчатый и тихий, как у насекомого, — в намерения Франции не входило ничего, кроме обыкновенной учтивости. Поскольку мне рекомендовано огласить основное политическое заявление моей страны сегодня, я это сделаю. Однако позволю себе заметить, что время приближается к полудню, и должен предупредить, уважаемый председатель, что мое выступление будет несколько пространным. В связи с этим я предлагаю сначала сделать перерыв на ленч.

— Президиум принимает данное предложение, — уступил Фазиль. — Заседание возобновится ровно в четырнадцать часов. — Молоток ударил по подставке.

— Я же говорил, артист, — рассмеялся Вадаж.

— Пара часов — это не так уж много, чтобы вывести корабль на нужный курс, да еще с новым

экипажем, не успевшим обвыкнуться, — напомнил ему Хейм.

В поле зрения появились очертания огромной торпеды, которая росла на глазах по мере того, как яхта приближалась к ней, и наконец полностью закрыла носовые иллюминаторы. Пока что корабль не был замаскирован и яростное солнце сверкало на его суровой экипировке. Системы двигателей, кольца, орудийные башни, открытые крышки люков отбрасывали длинные тени на металлические бока.

— Яхта "Конни" вызывает крейсер "Лис-2". Мы на подходе. Приготовьтесь. Отбой.

Вингейт был против изменения названия корабля.

— Я понимаю, что это означало для тебя, Гуннар, — сказал он, — но ты рискуешь навлечь на себя лишние неприятности, если не откажешься от названия, присвоенного кораблю флотом.

— Ничего подобного, — ответил тогда Хейм. — Насколько я знаю, лисы пока еще относятся к общественной собственности. Кроме того, мне ужасно хочется утереть кое-кому нос, показав, чем должен заниматься военный флот. И чем он фактически хочет заниматься.

Четвертый створ был открыт специально для него. Хейм ввел туда яхту — размером она была как раз со вспомогательный корабль — и нетерпеливо дождался, когда воздушные насосы поднимут давление. Позади в коридорах раздавался суматошный шум и металлический плязг. На корабле имелось достаточно опытных людей, на которых можно было положиться, но Гуннар ужасно жалел, что у него не было времени для пробного рейса.

На капитанском мостике его приветствовал первый помощник Пиойер:

— Добро пожаловать, сэр.

До этого момента воспоминания об одиночестве, на которое обречен каждый капитан, еще не проснулись в душе Хейма.

— Вот полное расписание нарядов. Работа идет полным ходом. Расчетное время ускорения — двадцать три часа по Гринвичу.

— От этой цифры надо отнять по меньшей мере час, — сказал Хейм.

— Сэр?..

— Вы меня слышали. — Хейм сел и бегом просмотрел руководство по управлению кораблем. — Например, вот здесь. Бортинженеру вовсе не обязательно еще раз проверять компенсаторы внутреннего поля. Если они окажутся в неисправности, наше ускорение не сможет превысить 1,5. Тогда, перейдя в режим свободного полета, мы приведем их в порядок, хотя придется немного поработать в невесомости. Да и то это весьма гипотетично. С какой стати здесь должны быть какие-то неполадки? Бортинженер у нас — парень что надо. Пусть лучше он сразу приступит к настройке импульсных систем. Чем точнее будет выполнена эта работа, тем быстрее мы сможем развивать ускорение.

— Да, сэр. — Пионер с заметной неохотой включил интерком и вызвал Утхг-а-к, тхаква. Хейм продолжал листать руководство, выискивая, что бы еще урезать.

И в конце концов дело было сделано как бы само по себе — манера, вполне типичная для человека. В 21.45 завывала сирена, раздались команды, во фьюж-генераторах вспыхнуло атомное пламя и гравитационные силы взялись за пространство. Медленно, плавно, с утробным ворчанием, которое не столько воздействовало на слух, сколько ощущалось внутренней вибрацией организма, "Лис-2" покинул орбиту Земли.

Хейм стоял на мостике и смотрел, как удаляется его мир. Земля все еще господствовала в небе, огромная и бесконечно прекрасная, с облаками и морями в сапфировой оправе атмосферы. По мере того как корабль огибал планету, взору Хейма представляли континенты во мраке ночи или в сиянии дня: колыбель человечества Африка, Азия, где человек впервые перестал быть дикарем, Европа, где он отбросил думы и обратился к звездам, Австралия, обетованная земля, Антарктида, край героев. Но Хейм был счастлив, что ему довелось увидеть, прежде чем корабль устремился к звездам, последней Америку — страну, первой издавшей закон о свободе человека.

Сомнения и страхи, даже тоска по дому исчезли. Хейм принял на себя ответственность, и в душе его бурлила радость.

— Согласно показаниям приборов режим работы всех систем удовлетворительный, — доложил через некоторое время Пиойер.

— Очень хорошо. Так держаты! — Нажав кнопку интеркома, Хейм вызвал камбуз: — Андре? Не могли бы там некоторое время обойтись без тебя? Ну и прекрасно... О'кей, топай на мостик. И захвати с собой гитару. Возможно, она потребуется.

— Капитан, вы слушали репортаж из зала парламента? — в голосе венгра послышалась тревога.

— Э-э... Нет. Был слишком занят. А, черт, так ведь уже прошло больше часа с тех пор, как они продолжили!

— Да, мы поймали луч, передаваемый на Марс. Я смотрел репортаж и... В общем, отсрочку Кокелину не дали. Он пытался тянуть как мог, с помощью длинного вступления, но председатель рекомендовал ему держаться ближе к делу. Тогда он попробовал представить доказательства касательно Новой Европы, кто-то возразил, и решили провести голосование, чтобы определить, уместно ли это в данный момент. Голосование еще не закончилось, но уже ясно, что большинство против.

— Ого! — Эта новость не испугала и не поколебала Хейма, ведь сегодня он вновь принял командование кораблем, призванным защитить интересы Земли, но кровь в его жилах побежала быстрее, принуждая к немедленным действиям. — Мистер Пиойер, — приказал он, — дайте сигнал к максимальному ускорению и направьте всех, кого только можно, к аварийным системам.

Помощник вытаращил глаза, однако немедленно и беспрекословно повиновался.

— Радисты, переключите дискуссию на наш стереовизор, — продолжал Хейм. — Мистер Вадаж, придите, пожалуйста, на мостик. — Он невесело усмехнулся. — И захвати все же гитару.

— Что случилось, сэр? — спросил наконец встревоженный Пиойер.

— Скоро увидите, — ответил Хейм. — Франция вот-вот швырнет бомбу. Мы планировали увести “Лиса” к этому времени достаточно далеко. Ну а теперь нам нужна удача, как бывают нужны ум и красота.

Вспыхнул экран, изображая какое-то смутное движение. Усилившийся гул двигателей почти совсем заглушал голос Кокелина. Земля уменьшалась, теряясь среди звезд, и все ближе придвигался щербатый лик Луны.

— ...собрание решило не уступать моей стране ни единого сантиметра. Как хотите, леди и джентльмены. Я собирался преподнести вам это постепенно, поскольку удар в лучшем случае будет не из легких. Теперь вы вынуждены слушать меня независимо от того, готовы вы к этому или нет.

Камера давала изображение таким крупным планом, что лицо Кокелина заняло весь экран.

“Паршивый трюк”, — подумал Хейм. Но если только он не стал жертвой невольного самообмана, на этот раз дешевый прием операторов не достиг своей цели. Вместо того, чтобы подчеркнуть все недостатки — бородавки, прыщи, волосинки, морщины, — экран показывал гнев и несокрушимую силу. Словно подтверждая, что это не показалось Хейму, в следующее мгновение изображение отодвинулось, представив Кокелина маленьким, перебирающим на трибуне бумаги.

— Мистер президент, досточтимые делегаты... — Звуковой перевод лишь отчасти передавал интонации голоса Кокелина, обычно мягкого, но теперь ставшего похожим на сухую и невыразительную декламацию прокурора, излагающего технические подробности. — Федерация была основана и существовала до сих пор для того, чтобы покончить с трагической анархией, преобладавшей ранее среди наций, и подчинить их закону, который служит всеобщему благу. Закон не может существовать без соблюдения равной справедливости. Популярность того или иного довода не должна приниматься во внимание. Относящимся к делу следует считать лишь то, что законно. Исходя из этого, я от лица Франции уполномочен сделать следующее заявление:

1. Конституция запрещает каждой нации, входящей в состав Федерации, иметь вооруженные силы численностью выше полицейского уровня или каким-либо образом нарушать территориальный суверенитет любой нации. Для проведения в жизнь данного закона Организация мирового контроля облечена исключительной военной властью. Она имеет право и должна принимать те меры, которые необходимы для пресечения актов агрессии, в том числе и тогда, когда подобные акты осуществляются заговорщиками. Индивидуумы, несущие перед законом ответственность за противоправные действия, должны быть арестованы и представлены перед Всемирным Судом.

2. Военный флот, как часть Организации мирового контроля, использовался за пределами Солнечной системы лишь для выполнения сравнительно небольших акций по подавлению мятежей и бунтов либо по защите жизни и собственности людей на удаленных планетах. Уполномочивая флот на подобные действия и заключая соглашения с разными чужаками, Федерация тем самым признала положение, предусматривающее в первую очередь соблюдение интересов инопланетных сообществ, — положение, которое было традиционным среди правительств на Земле во времена, предшествующие Конституции. Таким образом, Земля в целом — суверенное государство с законной прерогативой самозащиты.

3. Совершив нападение на Новую Европу и проводя ее последовательную оккупацию, Алерон совершил акт территориальной агрессии.

4. Если Алерон не считается суверенным государством, ведение с ним переговоров незаконно и ОМК следует предпринять военные действия против того, что может рассматриваться не иначе как бандитизм.

Зал загудел. Фазиль ударил молотком по столу. Кокелин ждал с сардонической улыбкой на губах. Когда порядок был восстановлен, оратор от лица Франции продолжал:

— Вполне очевидно, что данная ассамблея считает Алерон таким же суверенным государством, как и Земля. Исходя из этого:

5. Если Алерон действительно полноправное государство со всеми законными правами и обязанностями, тогда, согласно преамбуле Конституции, он принадлежит к семье наций. В этом случае он должен считаться либо как: а) обязанным воздерживаться от территориальной агрессии под угрозой военной санкции, либо б) не обязанным это делать, поскольку не является членом Федерации.

6. В случае а) Алерон автоматически подвергается военным санкциям со стороны Организации мирового контроля. Однако и в случае б) ОМК тоже предписывается, согласно Конституции и прошлым прецедентам, охранять интересы отдельных людей и государств, входящих в состав Федерации. Еще раз подчеркиваю, эта обязанность возложена на ОМК. Не на данную высокочтимую ассамблею, не на Всемирный Суд, а на ОМК, действия которой в зависимости от обстоятельств должны носить военный характер.

7. В соответствии с вышеизложенным в настоящее время в любом случае между Алероном и Всемирной Федерацией возникает состояние войны.

Все смешалось в невообразимом хаосе.

Вошел Вадаж, некоторое время смотрел на экран, показывающий сотни людей, вскочивших с мест и издававших грубые возмущенные или приветственные возгласы, потом пробормотал:

— А здесь нет какого-нибудь слабого места?

— Нет, — отозвался Хейм. — Вспомни дело Мусульманского Союза. Кроме того, я заново перечитал Конституцию, там все сказано вполне ясно. Конечно, наше счастье, что она была написана до того, как мы встретились с иножителями, не уступающими нам по развитию. — Он повернулся к помощнику: — Как радар?

— Что?.. О да! По правому борту на высоте около 10000 километров, вектор примерно тот же, что и у нас.

— Черт побери! Это, должно быть, одно из соединений военного флота, вызванного для обороны Земли. Ну что ж, поживем — увидим.

Не обращая внимания на беснующуюся толпу на экране, Хейм смотрел на холодное спокойствие Млечно-

го Пути, думая о том, что хотя бы это должно сохраниться.

Каким-то образом все же удалось восстановить тишину. Кокелин терпеливо дождался этого момента, взял другой листок с отпечатанным текстом и продолжал тем же сухим тоном:

— 8. В случае территориальной агрессии государства — члены Федерации обязаны оказывать ОМК любую посильную помощь во имя Федерации.

9. В понимании Франции это подразумевает неотъемлемую обязанность оказать любую посильную помощь колонистам Новой Европы. Однако — член Федерации не имеет права на производство или владение ядерным оружием.

10. Подобного запрета не существует для индивидуумов, которые вне Солнечной системы могут иметь такое оружие для собственных нужд при условии, что не допустят его проникновения в пределы системы.

11. Не существует также закона, запрещающего любому государству — члену Федерации проявлять одностороннюю инициативу по предоставлению свободы действий частной военной экспедиции, которая берет на себя все связанное с этими расходами. Мы допускаем, что они, частные предприниматели, должны формально считаться гражданами страны, под флагом которой выступают, и что это, возможно, противоречит национальному закону о разоружении. Мы допускаем также, что окончательная выдача каперских свидетельств и свидетельств, санкционирующих репрессалии, была запрещена Парижской Декларацией от 1856 года. Однако, в то время как данная Декларация связывает тех, кто под ней подписался, она не распространяется на Федерацию в целом, поскольку Федерация не подписывала данный документ и поскольку ее членами являются такие страны, как, например, США, которые тоже под ней не подписывались. А мы уже убедились на основе вышеизложенного, что Федерация — это суверенное государство, обладающее всеми правами и обязанностями, которых оно должно четко и ясно придерживаться.

12. Таким образом, Федерация имеет ничем не ограниченное право на выдачу каперских свидетельств, санкционирующих репрессалии.

13. Исходя из этого, а также согласно параграфам 7, 8, 9 Франция имеет право и обязана выдавать каперские свидетельства и свидетельства, санкционирующие репрессалии, во имя Федерации.

Именно так Франция и поступила.

Стереовизор пищал все слабее с каждой минутой, по мере того как "Лис-2" наращивал ускорение и все быстрее удалялся от Земли. В то время как луч, направленный на Марс, потерялся и прием пропал, в Капитолии все еще продолжалась заваруха.

— Ну и ну! — сказал Пиойер. — Что же теперь будет?

— Бесконечные споры, — ответил Хейм. — Кокеллин будет драться за каждую запятую. Между тем ничего нельзя поделаться с проявлением мягкотелости по отношению к алеронам. Будем надеяться, что люди, не лишенные мозгов, поймут, что Кокеллин выиграл начало сражения, сплотятся вокруг него и... Я не знаю.

— Но что будет с нами?

— Возможно, нам удастся удрать, прежде чем кто-либо догадается, о каком французском предпринимателе шла речь. Конечно, официально они не имеют права задерживать нас без санкции Министерства военного флота, а вам хорошо известно, сколько времени уходит на получение такой санкции. Но ядерный снаряд — своего рода итог, и тот, кто его выпустит, приобретет в лице членов Суда могущественных друзей.

Вадаж настроил гитару и негромко запел:

— Моргенрот, моргенрот...

Хейм долго не мог понять, что это такое, пока не вспомнил старый-престарый кавалерийский марш австрийцев. Но эта песня была из категории грустных, ее пели хором отряды молодых людей, которые скакали верхом на резвых конях, и солнце ярко освещало их знамена и пики.

Хейм громко рассмеялся:

— Эй, вы заметили? Речь Кокелина состояла ровно из тринадцати пунктов. Интересно, случайность это или нет?

Никто не отозвался, кроме струн. Хейм погрузился в собственные мысли. Конни, Медилон, Джоселин... Земля и Луна остались далеко позади.

— ПСА СН "Нептун" вызывает крейсер "Лис-2". Подойдите поближе, "Лис". — Раздавшийся внезапно голос буквально подбросил их.

— Господи Иисусе, — прошептал Пиойер. — Блестящий корабль.

Хейм проверил показания радара:

— Идет курсом, параллельным нашему, и собирается идти на перехват. К тому же говорят с нами по-английски, хотя у нас французские опознавательные знаки. Стало быть, они знают... — Прикусив губу, Хейм сел за передатчик. — "Лис-2" вызывает "Нептун". Слышим вас. На связи капитан. Каковы ваши намерения? Прием.

— На связи контр-адмирал Чинг-Кво, командир "Нептуна". Сбросьте ускорение и будьте готовы принять на борт наших людей. Прием.

У Хейма засосало под ложечкой.

— Что это значит? — процедил он. — У нас есть разрешение на полет. Прием.

— Вы подозреваетесь в незаконных намерениях. Вам приказано вернуться на орбиту Земли. Прием.

— У вас есть предписание Министерства? Прием.

— Я покажу вам документ, удостоверяющий мои полномочия, когда ступлю к вам на борт, капитан. Прием.

— Если у вас нет предписания, то окажется, что я напрасно потерял время. Установите видеокontakt и покажите мне его. В противном случае я не обязан повиноваться вам. Прием.

— Капитан, — сказал Чинг-Кво, — у меня есть приказ. Если вы откажетесь следовать инструкции, я буду вынужден открыть по вам огонь. Прием.

Взгляд Хейма блуждал среди звезд.

Нет, нет, только не это! Еще час, и мы были бы уже далеко!

Один час!..

Внезапно словно пламя охватило его.

— Ваша взяла, адмирал, — собственный голос показался ему чужим. — Я уступаю, хотя и против своей воли. Дайте хотя бы время на вычисления, и мы пойдем вам навстречу. Отбой и конец связи. — Он рывком выключил передатчик и нажал кнопку связи с машинным отделением.

— Капитан вызывает главного инженера. Ты меня слышишь?

— Слышу, — рыкнул Утхг-а-к, тхакв. — Все нормально?

— Если бы. Кто-то выпустил джинна из бутылки. Возле нас болтается бласт-корабль и обещает обстрелять, если мы не остановимся и не сдадимся. Приготовься к переходу на ускорение Маха.

— Капитан! — завопил Пиойер. — Вы что, собираетесь так глубоко забираться в солнечное поле?

— Если синхронизатор в порядке, это осуществимо, — спокойно ответил Хейм. — Если же нет... Тогда мы просто станем мертвецами, не более того. Утхг-а-к, тхакв, как ты думаешь, не слабо нам проверить этот трюк?

— Гвуррру! Что за вопрос!

— Ты сам осматривал двигатели, — продолжал Хейм, — и я тебе доверяю.

За его спиной запела гитара Вадажа.

Мгновение интерком передавал только пульсацию механизмов, затем раздался голос Утхг-а-к, тхаква:

— Капитан, я не бог, но мне кажется, у нас неплохие шансы. Я доверяю тебе.

Хейм включил общий интерком.

— Слушайте все, — произнес он на фоне музыкального сопровождения Вадажа. — Немедленно приготовиться к ускорению Маха.

Пиойер сжал кулаки.

— Есть, сэр.

Гудение на корме все нарастало, пока не превратилось в гул, напоминающий порывы шквального ветра и шум огромных волн. Пространство искривилось. В иллюминаторах плясали звезды.

Ключ к этому феномену был подобран в далеком прошлом Эрнстом Махом из Австрии. Ничто не существует изолированно. Инерция не имеет никакого значения без инерционной системы координат, кото-

рой должна являться вся вселенная. Эйнштейн доказал, что инерционная и гравитационная массы — это одно и то же. Но что касается явлений самих по себе... Гравитационную можно рассматривать как выравнивание искривленного пространства. Тогда инерция — это индукционное влияние на массу космического гравиполя. Если гравитроны вашего корабля способны прогибать пространство — не в той незначительной мере, которая необходима только для взлета и короткого броска, а по замкнутой кривой, — то ускоряющая его сила не встречает никакого сопротивления. Теоретически вы можете двигаться с любой скоростью. Границ больше не существует.

“Нептун” выстрелил. Недолет в миллион километров. Адмирал корабля бросился к приборам. Возможно, так и есть, его надежда не оправдалась: этому помешали силы, порожденные чудовищным смещением координат здесь, где все подчиняло себе Солнце. На приборах никаких показаний: ни обломков, ни следов — ничего, кроме завывания протонов, отброшенных дугообразной волной, поднятой обгоняющим свет кораблем. Адмирал не осмелился преследовать его.

Хейм выпрямился и расслабился.

— Ну что ж, — сказал он, — дело сделано.

Ликование, бушевавшее в нем, невозможно было выразить никакими словами. Что же касается Вадажа, то он что есть мочи вопил:

— Аллилуйя, gloria, gloria!

Вот теперь мы и на воле!

ЧАСТЬ 2.

ПОРТ АРСЕНАЛ

ГЛАВА 1.

Когда прибыл корабль с Земли, Гуннар Хейм торговался с посыльным из ядерной кузницы. Аэри Требогир, от имени которого говорил Ро, мог продать оружие, но при этом выдвинул некоторые условия.

Изобилующая свистящими и шипящими звуками речь инопланетянина звучала в наушниках и тут же переводилась Грегориусом Кумандисом:

— ...ракета развивает такую скорость, поскольку пусковой толчок ей дают гравитроны ее собственного корабля.

Хейму хотелось изобразить колебания наподобие того, какое, бывало, проявляли раньше при покупке лошадей, задумчиво почесать в затылке или сделать что-то в этом роде. Но в данных обстоятельствах это выглядело бы глупо. Проклятый скафандр! Как жаль, что нельзя его снять. Хейм стоял на специальной платформе, поддерживающей его вес в пределах нормы, но даже его двухметровое тело, которому за время полета он вернул первоклассную форму, ощущало тяжесть скафандра, который приходилось таскать на себе. Сначала Хейм не собирался выходить из корабля, рассчитывая установить наружную стереосвязь из "Конни" и таким образом встретиться с представителями Сторна, но Кумандис отговорил его.

— Они отнесутся к вам с большим уважением, если вы посетите их лично, — сказал грек. — Это, разумеется, иррационально, однако они придают большое значение физической силе. А те, к кому они

проникаются уважением, удостоиваются и лучшего обращения.

— Итак, — Хейм прищурился на ослепительно-голубое солнце, — я вижу некоторые преимущества. Однако, будучи ограничен в маневренности, я превращусь в подсадную утку.

Кумандис передал его возражения на языке, преобладавшем на территории от Кимретских высот до Железного моря. Ро удивительно по-человечески развел руками:

— Утрата маневренности еще не самое страшное, поскольку для стрельбы требуется лишь доля секунды. После этого корабль вновь приобретает полную силу маневра. Для верности необходимо осуществить синхронизацию системы с двигательным комплексом, но сделать необходимые изменения на вашем корабле, я думаю, будет не так уж сложно.

Хейм непроизвольно взглянул на небо. Где-то за этим пурпурным сводом, за голубовато-педяными облаками вращался на орбите вокруг Сторна "Лис-2", а грузовые ракеты метались туда и обратно со своим смертоносным грузом, и люди вместе с инопланетянами ползали по крейсеру, словно муравьи, делая одно дело: подготавливая корабль к войне. Оставалось уже не очень много, и Хейм каждой клеточкой рвался в небо. Ведь каждый день, проведенный здесь, означал, что алероны стали еще сильнее, а судьба людей на Новой Европе — еще безнадежнее. И все же капер, совершающий рейды в Фениксе, был ужасно одинок. Поэтому если появлялась любая возможность, даже самая микроскопическая, получить какие-то преимущества, капитан не имел права упускать ее. Например, то, что, по утверждению Ро, можно изготовить в Аэри Требогир. Предложение было заманчивое...

— Сколько времени потребуется на установку всей системы? — спросил Хейм.

Четыре костистых пальца, расположенные по всей окружности ладони, снова пришли в движение.

— Несколько дней. Точнее сказать нельзя, поскольку наши техники недостаточно хорошо знакомы с судами вашего класса. Могу ли я сделать капитану предложение, чтобы он послал своего высокочтимого

го главного инженера для обсуждения некоторых деталей с нашими специалистами?

— Гм... — Хейм задумался. Его взгляд перешел с Ро на Гальвета, который бесстрастно ждал, не коснется ли разговор Ложи. Но бласт-ружье неподвижно покоилось в руках наблюдателя. Если на лице Гальвета и появилось какое-то выражение, то не иное, как выражение сонливости, при котором его желтые глаза то и дело устало закрывались. Таким образом человеку невозможно было понять, какие мысли бродят в узких головах сторнов.

Их было трудно даже отличать друг от друга. Различия не бросались в глаза из-за своей абсолютной чужеродности. Оба — и Ро, и Гальвет — достигали в длину около трех метров, но половину ее составлял толстый хвост, имевший на конце нечто вроде рулевой стойки, на двойной спирали которой покоилось безногое туловище. Килевая кость выступала вперед, словно нос корабля. Лицо представляло собой острую морду с волчьими клыками и маленькими круглыми ушами. Оно здорово напоминало маску, и это впечатление создавалось не столько темной полосой, проходящей через глаза, сколько ноздрями, спрятанными под подбородком. Сероватая поросль — не шерсть и не перья, а нечто среднее между ними — покрывала всю поверхность тела. Одежды не было никакой, кроме двух поясов с кармашками, идущих крест-накрест от плечей к талии. И на все это ложилась тень от двух гигантских, как у археоптерикса, крыльев — семи метров в размахе.

Если приглядеться повнимательнее, можно было заметить различия. Гальвет отличался некоторой худобой, а его покров имел серебристый оттенок, что было равнозначно седине. Ро все еще был в полном расцвете сил, свойственном молодости. Кроме того, Гальвет носил нечто вроде упряжи с золотым орнаментом, которая была отличительным знаком Ложи, в то время как Ро имел черно-красную татуировку с геометрическим рисунком — такую же, как и другие жители Требогира.

— Ну, а что ты думаешь? — спросил Хейм Кумандиса.

Тучный переводчик пожал плечами:

— Я не специалист в этих вопросах.

— Но, черт побери, вы с Вонгом провели здесь пару месяцев. Должны же вы были заметить, кто компетентен в таких делах, кому можно верить, а кому нет.

— А, вы насчет этого! Разумеется, правитель Требогира — не какой-нибудь грабитель. У него доброе имя, и с ним можно вести дела.

— О'кей, — Хейм пришел к решению. — Тогда скажи посланнику, что его предложение заинтересовало меня. Я вызову с "Лиса" бортинженера при первой же возможности. Сейчас он занят, поскольку должен проконтролировать работу подрядчиков из Хест Венилвейна, устанавливающих компьютеры по управлению режимом работы огневых установок. Потом мы приедем с ним в Аэри и на месте обсудим все детали.

— Вы не должны быть столь прямолинейны, — сказал Кумандис. — Члены Ложи есть члены Ложи, но все они разные. Например, в Ложе Гнезда цветистые фразы любят не меньше, чем в Японии или где-нибудь в арабских странах. — Сказав это, он повернулся к посланнику и, тщательно подбирая слова, стал передавать сказанное Хеймом в своей интерпретации.

Внезапно сквозь ветер, шуршавший красной лис-твой низкорослого песка, окружавшего космопорт, сквозь шум прибоя в километре от него пробился жалобный вой. Он нарастал, превращаясь в громоподобный рев, тяжелый воздух раскололся, и на бетонное поле и здания из лавровых блоков упала тень. Все подняли головы.

На поле опускался закругленный цилиндр. Беловато-голубые отсветы на его металлической поверхности были такими ослепительными, что Хейм отвернулся. Но он узнал эту конструкцию и почувствовал, как дрогнуло сердце:

— Звездолет земной конструкции!.. Что происходит?

— Я... не знаю. — Лицо Кумандиса с багровым носом приобрело такой багровый оттенок, что он стал заметен даже сквозь темное стекло шлема.

— Мне никто ничего не говорил. Гальвет! — Он повернулся к сторну и нервно выпалил вопрос.

Член Ложи нехотя пробормотал что-то в ответ.

— Он говорит, что не придавал этому значения и не знал, что это заинтересует нас, — перевел Кумандис.

— Проклятье! — чертыхнулся Хейм. — Но ведь он же знает об алеронском кризисе! Он наверняка получил какую-нибудь писанину о наших трениях с собственным правительством. Ложа, должно быть, остановила этот корабль для инспекции не далее как вчера. Почему же нас не предупредили?

— Никогда нельзя знать наверняка, насколько хорошо понимают нас сторны, — ответил Кумандис. — На их взгляд это смешно, что мы не могли вооружиться дома, а затем отправиться куда захотим. Кроме того, эти люди не могут иметь при себе серьезного оружия, иначе им не разрешили бы совершить здесь посадку.

— У них может быть ручное оружие, — огрызнулся Хейм. — У нас же оно есть. Постарайся отделаться от этих ублюдков как можно скорее, Грег, и возвращайся на корабль. Я пока предупрежу наших ребят.

Хейм быстро зашагал по платформе к посадочной аппарели и взбежал по ней к воздушному шлюзу. Там он вынужден был стоять и ждать, пока сменится атмосфера, а сам он подвергнется декомпрессии. При мысли о том, что все достигнутое с таким трудом может пойти насмарку, Хеймом вновь овладела слепая ярость, которая, как он полагал, осталась на Земле. За две недели, которые были необходимы "Лису" для преодоления пути в сотню с лишним световых лет к этой звезде, и за три недели, последовавшие за первыми двумя, в течение которых корабль переоснащался, могло произойти все что угодно. Если партия умиротворения одержала победу, если его каперское предприятие было объявлено вне закона...

Конечно, снова и снова говорил себе Хейм, корабль не принадлежит военному флоту Федерации. Это просто маленькое гражданское судно. Если оно доставило мне официальный приказ вернуться домой... Что ж, отлично! Тогда встает вопрос: что делать в

таком случае? Продолжать, что намечено, уже в качестве пирата? От этого будет мало толку. Вся идея заключалась в том, чтобы создать ситуацию, из которой Земля могла бы извлечь пользу. Если Земля отказывается от этого шанса и отрекается от нас, нам остается одна возможность — стать всего лишь источником неприятностей для алеронов до тех пор, пока нас не загонят в угол и не прикончат. Я больше никогда не увижу Землю.

Он словно бы вновь увидел планету, где встретил свою единственную, неповторимую любовь и где был счастлив.

Но, может, что-то удалось бы даже пирату? Был ведь когда-то Дрейк... Правда, тогда были иные времена, и люди не отличались такой феноменальной трусливостью.

Внутренняя дверь открылась. Хейм вошел в яхту, исполнявшую теперь роль вспомогательного судна при звездолете, и открыл шлем.

Андре Вадаж был на мостике. Он смотрел в иллюминатор, сквозь толстое стекло которого был виден чужой корабль, приближающийся в искаженных гравитронами лучах света. Когда шаги Хейма прогрохотали по палубе, Вадаж не оглянулся, только сказал ничего не выражающим голосом:

— Я приказал членам экипажа находиться в боевой готовности и принес из каюты вашу лучшую винтовку.

— Молодец! — Хейм положил оружие на сгиб локтя. Массивность винтовки и ее красивые очертания словно придавали уверенности. Это была циклическая винтовка тридцать второго калибра системы Браунинга, способная выпускать сорок пуль в минуту в любой атмосфере или при отсутствии таковой, — гордость коллекции Хейма. Вадаж, тоже в расстегнутом скафандре с открытым шлемом, сидел возле лазерного орудия.

— Не знаю, — заметил венгр, — смогут ли шесть человек сделать что-нибудь, если они попытаются атаковать нас. В этом кораблике их как минимум в пять раз больше.

— Мы можем продержаться, пока не прибудет помощь с "Лиса", — ответил Хейм. — А там у нас, в

общей сложности, около сотни. Это в том случае, если Ложа не остановит сражение.

— О, в этом я сомневаюсь, — с легкой улыбкой пробормотал Вадаж. — Их прекрасный космопорт вряд ли пострадает, к тому же, судя по всему, что я слышал о сторнах, препятствовать кровопролитию не в их правилах.

— Он указал на несколько крылатых теней, круживших на фоне туч над западной оконечностью острова Орлинг. — Они с удовольствием посмотрят этот спектакль.

Хейм приказал радисту связаться с "Лисом". На это потребовалось некоторое время. Луч должен пройти через наземную станцию и пару ретрансляционных спутников. Уонг находился на орбите в качестве переводчика при рабочих отрядах землян и сторнов, а радисты плохо знали местный язык. Пришелец должен был приземлиться с минуты на минуту.

Это просто мнительность, пытался успокоить себя Хейм. Но, с другой стороны, зачем сюда лететь земному кораблю, если не в связи с моей авантюрой? Торговать? Да, время от времени торговые корабли наведывались сюда с Земли, Наквсы или какой-нибудь другой планеты, имеющей космический флот. Вот почему производители оружия на Сторне готовы были принять от меня кредиты Федерации. Но уж, конечно, не сейчас, когда алеронский кризис близок к взрыву.

Вадаж тихонько насвистывал — самое подходящее время! Впрочем, он, может, просто хотел вспомнить, пока еще есть такая возможность...

Земля, корпус яхты и тело Хейма в последний раз вздрогнули, когда стойки неизвестного корабля коснулись бетонной полосы. Его тень, упавшая на "Конни", целиком поглотила яхту. Через интерком Хейм слышал крепкие словечки, отпускаемые членами экипажа, бормотание радиста, сидящего у передатчика, и храп ядерного двигателя, приведенного в состояние готовности. Вентилятор овеивал прохладой его лицо, покрытое капельками пота. Когда на мостике появился Кумандис, Хейм повернулся к нему с поспешностью, обнаружившей все его напряжение.

— Ну, ты что-нибудь узнал? — рывкнул он.

— Мне кажется, все в порядке, сэр; — с облегчением выдохнул грек.

— Насколько я понял Гальвета, они хотят побыть здесь некоторое время, осмотреться и кое-что узнать. Короче говоря, ксенологическая экспедиция.

— На эту планету? — недоверчиво спросил Хейм.

— В конце концов, мы находимся в Гидре, — заметил Вадаж. — А вся заваруха происходит в Фениксе. Отсюда до Феникса вполне приличное расстояние.

— От Эйта не дальше, чем Альфа Эридана, — возразил Хейм, — где у нас состоялась самая крупная стычка с алеронами. Это было много лет назад. С тех пор они расползлись по всему этому сектору. Кроме того, на организацию экспедиции нужно время. Почему же мы ничего не слышали о ней на Земле?

— Мы были слишком заняты, — сухо ответил Вадаж и подошел к радиофону. — Может, стоит попробовать связаться с ними?

— Что?.. Да, разумеется.

Хейм мысленно чертыхнулся, потому что забыл о такой простой вещи.

Связь установилась сразу же.

— М.Д.С. "Поиск", США, — произнес мягкий молодой голос. — Капитан занят, сэр, но могу соединить вас с доктором Брэгдоном. Он возглавляет научную команду.

Облегчение, испытанное Хеймом, было подобно удару. Он буквально осел в скафандре:

— Так значит, вы здесь для того, чтобы проводить исследования?

— Да, сэр. Экспедиция Гавайского университета по согласованию с научно-исследовательским филиалом Федерации. Одну секунду, пожалуйста. — Экран замерцал, на нем появилось изображение каюты, до отказа забитой различными книгами. Человек на переднем плане тоже был молод — этаким здоровяк с темными волосами и крупными чертами лица.

— С вами говорит Виктор Брэгдон... — начал он, и вдруг челюсть его отвисла. — Боже мой! Так это вы, Гуннар Хейм?!

Капитан капера не ответил. Он сам был слишком ошеломлен. Женщина, стоявшая позади Брэгдо-

на, склонилась над его плечом и встретила широко раскрытыми глазами со взглядом Хейма. Она была высокой, простой серый костюм на молнии плотно облегал сильную, женственную фигуру. Ее лицо тоже привлекало внимание не столько заурядной миловидностью, сколько выражавшейся в нем силой: прямой нос, большой рот, высокие скулы и лоб, обрамленный вьющимися каштановыми волосами. Несколько лет назад это лицо не давало Хейму заснуть. Когда он увидел имя Джоселин Лори в заголовке листовки, выпущенной организацией "Военные мира за мир", в нем ожила старая боль и он с еще большим рвением продолжал приготовления к войне.

Ошеломление первых секунд прошло, уступив место подозрению. Хейм почувствовал, как напряглись мышцы.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.





ГЛАВА 2.

Впоследствии Хейм с грустной иронией вспоминал о своей осторожности. Ссылаясь на срочную необходимость своего присутствия на борту "Лиса-2", он поднял яхту, когда не прошло и часа со времени приземления "Поиска". Однако Кумандис вызвался остаться на борту прилетевшего корабля, дабы нанести визит вежливости.

Хейм знал, что грек выполнил большую работу по заключению предварительных договоров на Сторне. Неизвестно, конечно, удастся ли ему столь же успешно достичь взаимопонимания с собратьями-землянами, но у Хейма не было большого выбора. Остаться должен был либо Кумандис, либо Уонг — единственные бегло говорящие на местном языке, поэтому они могли пользоваться лазерной линией косморта, гарантирующей невозможность подслушивания.

По прошествии двух вахт от Кумандиса поступило донесение:

— С ними все в порядке, шкипер. Меня провели по всему кораблю, я имел возможность поговорить с каждым. В экипаже у них пять человек плюс капитан, помощник и бортинженер. Все они — самые обычные косморабочие, подписавшие контракт на этот круиз, как подписались бы на любой другой исследовательский полет. Тут не ошибешься, иначе им надо быть очень хорошими артистами. Но такие работают на стереовидении, а не в космосе.

— Им вовсе не обязательно играть, — сказал Хейм. — Достаточно надеть на себя ничего не выражающую маску.

— Но эти парни совсем не такие. Они обступили меня и буквально засыпали вопросами о нашей экспедиции. В целом они считают, что наша идея чертовски удачна. Двое из них даже изъявили желание присоединиться к нам.

— Ага, это меня не удивляет. Простые люди часто проявляют больше здравого смысла, чем представители интеллектуальной элиты. Но, постой, к числу последних относится кто-нибудь из офицеров?

— Да, инженер. А капитан Гутьерец и первый помощник... В общем, они были непроницаемыми, как метеориты. Я до сих пор не знаю, что у них на уме. Возможно, в принципе они воспринимают нас негативно, полагая, что война — дело регулярного военного флота. Но я постарался доказать оправданность нашей экспедиции, упомянул ее бескорыстные цели, официальные документы, подтверждающие ее законность, и так далее.

— А как насчет ученых?

— Разношерстная компания. Мне кажется, Брэгдон и мисс Лори — единственные когда-либо бывавшие за пределами Солнечной системы. Среди них есть еще ксенолог, семантик, глоссоаналитик, биолог и полдюжины аспирантов в качестве помощников. Насколько я понял, никто из них не бывал на Сторне.

— Странно.

— Чарли Уонг и я тоже впервые попали сюда, когда вы послали нас, босс. Они сделали то же самое, что и мы, опираясь на имевшуюся информацию, и по дороге выучили основной язык с помощью РНА-электро. Этот аппарат кого угодно натаскает за какие-нибудь две-три недели. Как бы то ни было, я могу вам с уверенностью сказать, что людей этого типа можно не опасаться. Не думаю, чтобы кто-нибудь из них, кроме Брэгдона, умел обращаться с ручным или каким-нибудь другим оружием. Мы и наши убеждения их не очень волнуют, так что взаимоотношения между нами все равно были бы слегка натянутыми, даже если бы по отношению к ним не было проявления

никакой грубости. Но они не представляют для нас угрозы.

— Это можно сказать про всех? — спросил Хейм, вдруг ощутив странный упадок духа.

— Нет. Забавно, но мистер Брэгдон и мисс Лори весьма дружелюбны. Один раз Брэгдон заметил, что не согласен с вашими идеями, но очень уважает вас за мужество, а мисс Лори сказала, что надеется вскоре снова увидиться с вами. Может, вы все же нанесете им визит?

— Да, — тихо ответил Хейм. — Да.

Через час "Конни" уже набирала скорость, возвращаясь с орбиты к планете.

Сидя на мостике, Хейм слушал гудение яхты и биение собственного сердца под мелодию фламенко, исполняемую Вадажем. Некоторое время оба молчали, не отрывая глаз от зрелища в иллюминаторах.

Сторн — диаметр в два с половиной раза, а масса в девять с половиной больше земной — гигантским шаром катился среди непроглядной тьмы. Моря сияли благородной голубизной. Континенты, испещренные пятнами белоснежных облачных скоплений, были коричневато-желтыми или цвета киновари. Вдоль линии горизонта атмосфера образовывала неистовый яркий обод. И над всем этим озаренным горячим солнцем класса Ф-5 струилось свечение, превращавшееся возле полюсов в огромное заревое знамя, взметнувшееся высоко вверх, в космос. Позади виднелись две луны, сиявшие ледянистым светом, а еще дальше мерцали странные созвездия.

— Когда я вижу что-либо наподобие этого, — пробормотал Хейм, — то всегда удивляюсь.

Вадаж перестал играть и, по-птичьи наклонив голову, взглянул на него:

— Чему удивляешься?

— Какого черта мы теряем время на то, чтобы ненавидеть и убивать, когда можем потратить его на... А, не имеет значения. — Хейм достал трубку. — Все это лишь служит поводом для раздоров.

Вадаж пристально посмотрел на него.

— Я уже изучил тебя достаточно хорошо, Гуннар, — сказал он. — Ты не подходишь на роль Гамлета. Что случилось?

— Ничего!

— Прости, если я сую нос не в свои дела, но успех всего предприятия зависит от тебя. Причиной расстройства послужило появление леди, не так ли?

— Я всего лишь удивился. Когда-то мы были друзьями... — Хейм принялся старательно набивать трубку, но твердый взгляд венгра заставил его продолжать: — Несколько лет назад мы с женой довольно много общались с четой Пори. Незадолго до смерти Конни они улетели на Уранию, в систему Ипсилон Инди, чтобы оборудовать в тамошней колонии фабрику по производству станков. Должно быть, дела там пошли не очень хорошо, потому что в прошлом году она вернулась оттуда, уже разведясь с мужем. Конфликт с алперонами находился в серьезной стадии, хотя еще не дошло до нападения на Новую Европу, и она стала активно участвовать в движении за мир. У нее совсем не было свободного времени: постоянные разъезды, митинги, собрания... Поэтому мы виделись всего несколько раз, да и то мельком, на больших официальных встречах, где любят много и без толку болтать. Я... э-э... почти не сомневался, что она не захочет разговаривать со мной теперь, после того, что я сделал.

— И был приятно удивлен, а? Она действительно привлекательна. И тебе это должно быть особенно заметно.

— Что ты имеешь в виду? — огрызнулся Хейм.

— О... — Улыбка Вадажа была обезоруживающей. — Не стоит слишком пристально вглядываться в интимную жизнь своего ближнего. Однако, Гуннар, хотя ты был слишком занят, я чувствовал, что ты совершаешь ошибку. Ну... как бы это сказать... В общем, ты не подготавливаешь себя к длительному путешествию в исключительно мужском обществе.

Хейм усмехнулся ему в ответ.

— На Земле мне и так стоило немалого труда сочинять всякие небылицы в оправдание твоих частых отлучек. Как я мог сказать Лизе, что ее герой занят любовными похождениями?

— Тише! — Вадаж покраснел, как помидор, и принялся радостно дергать струны на гитаре.

“Однако в его словах есть доля истины, — подумав, решил Хейм.

— Я мог бы... Конни поняла бы меня. Так же, как когда-то поняла в случае с Джоселин. Одному Богу известно, сколько с тех пор могло быть других женщин... Быть может, я слишком много думал о Медилон, оставшейся на Новой Европе. Проклятая глупость! Мм... Не знаю, все так перепуталось”.

Не совсем уверенно Хейм нажал кнопку на двери ее каюты. Она открыла, когда еще не стих звон колокольчика.

— Гуннар, — сказала Джоселин и взяла обе его руки в свои, — я так рада, что ты смог прийти.

— С твоей стороны было очень мило пригласить меня, — ответил он.

— Ерунда. Когда встречаются старые друзья на полпути между домом и Южным Крестом, что они еще могут сделать, кроме как устроить небольшую пирушку наедине? Ну, входи же...

Дверь закрылась за ним. Хейм огляделся. Каюта была большая и комфортабельная, и Джоселин сумела сделать ее уютной. Хейм узнал некоторые вещицы из ее бывшего дома в Сан-Франциско — репродукции Матисса и Хиросиги, несколько потрепанных томиков Катуппа, Йетса, Тагора, Пастернака и Мозуник-Лопеса. Флейта... Когда-то Хейму нравилось слушать, как Джоселин играет на ней. Были здесь и сувениры из системы Ипсилон Инди — не столько с Урании, сколько с застывшего Нового Марса. Затем внимание Хейма вновь переключилось на хозяйку, и он замер. На Джоселин было голубое платье из электрика и массивное серебряное ожерелье, какие носят на Гане. Ее туалет был одновременно и скромным, и ошеломляющим. Или так просто казалось, поскольку под ним легко угадывались знакомые линии.

— Очнись, парень, — сказал про себя Хейм, а вслух произнес: — Ты не изменилась.

— Лунишка. Однако я благодарна. — Глаза Джоселин задержались на нем. — А вот ты изменился. Усталый, сердитый...

— Ну почему же? Сейчас я чувствую себя счастливее, чем...

Не дав договорить, она отпустила его руки и направилась к столу, на котором стояли бутылки и лед.

— Давай чего-нибудь выпьем, — сказала Джоселин. — Насколько я помню, ты любишь шотландское виски. А вот еще глентвейн.

— Как? Ты ведь всегда предпочитала легкие вина!

— Видишь ли, Вик — ну, конечно, ты понял, доктор Брэгдон, — он разделяет твои вкусы и любезно предоставил в наше распоряжение свой бар.

Она начала разливать вино. Несколько мгновений бульканье льющегося в бокалы напитка было единственным звуком во вселенной.

“Черт меня дери, — подумал Хейм, — какое право я имею на ревность?”

— Я не совсем понял, что ты тут делаешь? — спросил он вслух.

— Официально я — секретарь экспедиции. Определенные навыки этой работы я получила еще до замужества, затем постепенно утратила их, вступив в движение за мир. Потом они снова пригодились мне на других планетах, включая планеты, где для жизни требуется специальное снаряжение. Мне приходилось довольно часто бывать на Новом Марсе — якобы для того, чтобы сопровождать геологоразведчиков с Эдгара, а на самом деле просто чтобы куда-нибудь убраться... Но это не важно. Все это в прошлом. Когда я услышала об этой экспедиции, то подала заявление с просьбой об участии и, к своему удивлению, получила положительный ответ. Наверное, потому что понастоящему соответствующие этой должности люди боялись оказаться в такой близости от большого коварного Алерона, а отчасти потому, что я могу справляться с этим. — Она подала ему бокал и подняла свой. — Добро пожаловать на борт нашего корабля, Гуннар. За прежние дни!

Они молча чокнулись.

— За те времена, когда жизнь была проста и прекрасна, — добавила Джоселин. Сделав глоток шабли, она произнесла следующий тост, на этот раз с вызовом: — А теперь за будущее. Сделаем его таким же!

— Что ж, будем надеяться.

Уголки губ Хейма чуть приподнялись. Джоселин всегда любила чересчур все драматизировать, но Хейму, с его флегматичностью, это даже нравилось.

— Садись. — Взмахом руки Джоселин указала ему на кресло, но Хейм сел на стул. Джоселин усмехнулась и, опустившись в кресло, принявшее форму ее тела, расслабилась. — Ну, а теперь, — сказала она, — расскажи мне о себе.

— Разве тебе еще не надоели сообщения обо мне в газетах?

— Да уж, недостатка в них не было. — Она прищелкнула языком. — Вся Солнечная система пришла в волнение. Половина требовала повесить тебя и сбросить на Францию водородную бомбу за содействие твоей авантюре. Остальные... — От ее веселости не осталось и следа. — Я не знала, что ваша политика имеет столько сторонников среди населения. Твой шаг как бы слил их всех воедино, выкристаллизовал в одно целое.

Усилием воли Хейм подавил вспыхнувшие эмоции.

— Честно говоря, именно на это я и рассчитывал. Один решительный шаг, чтобы пробиться сквозь эту чертову путаницу... Ладно, можешь выставить меня вон.

— Нет, Гуннар, никогда. — Джоселин наклонилась и легонько похлопала его по руке. — Я считаю, что ты неправ, ужасно неправ, но я никогда не сомневалась в честности твоих намерений.

— Разумеется, то же самое я мог бы сказать и о тебе. Мне бы хотелось, чтобы это относилось и к некоторым из твоих союзников. Да и чего греха таить — из моих тоже. Не могу также сказать, чтобы я питал особую любовь к некоторым особенно мерзким фанатикам.

— Я тоже. Военные... Я вышла из их организации, когда они начали открыто аплодировать насилию толпы.

— Они пытались шантажировать меня с помощью дочери, — сказал Хейм.

— О, Гуннар! — Джоселин сжала его пальцы. — Я даже не навестила тебя в это время. Постоянно было столько дел... Сначала движение за мир, потом

полет на Венеру, а когда я вернулась и узнала обо всем, все уже закончилось и ты улетел. Но... Ты серьезно? Неужели люди Ио в самом деле?..

— Я все уладил, — сказал Хейм. — Давай больше не будем об этом. Нам приходится держать это в секрете. Я рад, Джосс, что ты порвала с ними.

— С ними, но не с тем, что они представляли из себя в самом начале, — уточнила Джоселин. В ее продолговатых карих глазах внезапно блеснули слезы. Хейм не мог понять, чем они вызваны. — Еще одна причина разрыва — мое постоянное желание покинуть Землю. Все превратилось в такую отвратительную мешанину... Где ни копни, нигде нет ответа на вопрос: что такое "хорошо" и что такое "плохо"?

— Она перевела дух и продолжала с удивительной искренностью: — Но неужели ты не видишь, какой вред принесла Франция? Все вроде бы говорило за то, что конфликт с алеронами можно уладить мирным путем. Теперь сторонники мира объединились в легальную организацию, и это единственное, что они могут сделать, чтобы не позволить экстремистам взять контроль над парламентом в свои руки. Делегация Алерона заявила, что больше она не собирается ждать, и отбыла домой. Нам придется посылать за ними, когда мы найдем выход из этого тупика.

— Или пуститься за ними в погоню, если этот выход приведет туда, куда рассчитываю я, — сказал Хейм. — Вы не можете, не хотите видеть одной простой вещи, а именно: алероны не собираются заключать настоящий мир. Они хотят, чтобы Земля вообще убралась из космоса.

— Но почему? — с мольбой в голосе спросила Джоселин. — В этом же нет никакого смысла!

Хейм нахмурился, глядя в бокал:

— Готов признать, что это выглядит довольно странным. Для них это имеет смысл, но они мыслят не так, как мы. Взгляни на перечень их дел, а не красивых слов, с тех пор, как мы впервые столкнулись с ними, включая доказательства, подтверждающие, что они намеренно напали на Новую Европу и намеренно осуществляют свои действия по уничтожению французской колонии на этой планете. Твоя

фракция отрицает подлинность этих документов, но будь же честной сама с собой, Джос...

— Ты тоже будь честным, Гуннар... Нет, посмотри на меня. Что может сделать один-единственный капер, кроме того, как еще больше обострить враждебность и усложнить ситуацию? Ведь ты же прекрасно понимаешь, что никто не последует твоему примеру. Пока что Франции и ее союзникам удастся удерживать парламент от объявления твоей экспедиции вне закона. Но Министерство запретило все сделки по передаче кораблей в частные руки, и Франция не в силах устроить такой законодательный переворот, какой отменил бы данный запрет. Ты погибнешь здесь, Гуннар, в одиночестве ни за что ни про что.

— Надеюсь, во флоте начнется движение, — пояснил Хейм. — Если, как ты выразилась, мне удастся обострить враждебность... Не думай, что это магия величия. Просто надежда. Мужчина обязан думать и делать то, что в его силах, даже если этого слишком мало.

— Женщина тоже, — вздохнула Джоселин.

Внезапно вскочив с кресла, она взяла у Хейма бокал, чтобы наполнить его, и улыбнулась с усилием, но без притворства.

— Хватит споров. Давай остаток вечера будем самими собой. Мы так давно не виделись.

— Это уж точно. Мне хотелось увидеть тебя, я собирался непременно это сделать после твоего возвращения на Землю, но, мне кажется, мы оба были слишком заняты. Да и случая вроде бы как-то не выпадало.

— Слишком заняты, потому что слишком глупы, — кивнула в ответ Джоселин. — Настоящие друзья — большая редкость. А ведь когда-то мы были таковыми, верно?

— Верно, — сказал Хейм, стараясь, как и Джоселин, не сворачивать с безопасной, на первый взгляд, дороги. — Помнишь нашу пирушку в Европе?

— Разве я могу забыть? — Джоселин бросила на него ответный взгляд и снова села, на этот раз прямо, так что ее колени касались его. — Эта смешная маленькая таверна в Амстердаме, где ты стучался головой о потолок всякий раз, когда вставал, и в

конце концов тебе пришлось взять у полисмена напрокат его шлем. Вы с Эдгаром все время орали что-нибудь из "Эдды" и... Но как вы оба были прекрасны, когда мы в предместье Парижа, нагие, смотрели на восход солнца.

— Вы, женщины, были намного прекраснее, поверь мне, — сказал Хейм, ощущая некоторую неловкость. Последовало молчание. — Мне очень жаль, что у вас с Эдгаром все так получилось, — решил наконец нарушить тишину Хейм.

— Мы совершили ошибку, отправившись за пределы системы, — кивнула Джоселин. — К тому времени, когда мы поняли, как губительно действует на нервы окружающая обстановка, было уже слишком поздно. Сейчас он нашел себе очень хорошую жену.

— Ну что ж, это кое-что...

— А как ты, Гуннар? Это был такой ужас... Я о бедной Конни. Но ведь прошло уже пять лет. Неужели ты...

— Да, пять лет, и ничего, — бесстрастно сказал Хейм. — Не знаю почему.

Джоселин чуть-чуть отодвинулась и очень тихо спросила:

— Не смею льстить себя надеждой, но не я ли была тому виной?

Хейм покачал головой. Лицо его загорелось:

— Нет, с этим давно покончено. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Конечно, ведь вечер нашего воссоединения должен пройти весело. Салют!

Снова зазвенели бокалы.

Джоселин начала говорить о прошлом, Хейм подкидывал и дополнял — банальности, присущие всякой дружбе: а ты помнишь... как бы там ни было, мы тоже... однажды ты сказал... мы подумали... а помнишь... и потом там еще был... мы надеялись... а помнишь?..

И время, и слова, и пустые бокалы... Потом как-то само собой вышло, что Джоселин начала играть для него на флейте "Гаудеамус игитур", "Сентябрь", "Генандоа". Звуки мелодии, яркие и холодные, смешались в хороводе, кружили голову, и наконец Хейм перебрался в кресло и, откинувшись на спинку, стал

смотреть на блики света, отражавшегося в волосах Джоселин и исчезавшего в глубоких тенях внизу. Но когда Джоселин запела "Девушку из Скрайдструпа"...

Флейта упала ей на колени, и Хейм увидел, что глаза ее закрылись, а губы задрожали.

— Нет, — сказала она. — Прости, я не подумала. Ты научил меня этой песни, Гуннар.

Хейм выпрямился и положил ставшую вдруг странно нежной руку ей на плечо.

— Не думай об этом, — сказал он. — Не надо было мне раскрывать свою пасть. Лучше было помалкивать. Но ведь особого вреда не произошло. Это было не более чем... Не более чем обычное увлечение. Конни не держала на тебя зла. Она очень умело и осторожно избавила меня от этого наваждения.

— Мне повезло меньше, — прошептала Джоселин.

Ошарашенный, Хейм произнес, заикаясь:

— Джос, ведь ты сама не хотела продолжать!

— Я не смела. Но именно это было главной причиной, которая заставила меня уговорить Эдгара покинуть Землю. Я надеялась, Гуннар, что, когда вернусь... Почему мы оба были такими идиотами? — Она рассмеялась низким, грудным смехом, подошла к нему и прошептала: — Но ведь еще не поздно? Даже сейчас?..





ГЛАВА 3.

Период обращения Сторна составлял восемнадцать часов. По прошествии семи таких дней Утхг-а-к,тхакв закончил работу над компьютерами военного корабля и на грузовом судне прилетел в космопорт Орлинг.

Когда его огромная китообразная голова появилась в штурманской рубке яхты, Андре Вадаж, ожидающий прилета бортинженера, невольно попятился.

“Фу, — подумал он, — старательности и способностей у него не отнимешь, но каждый раз приходится заново привыкать к этой болотной вони... Интересно, а как он относится к моему запаху?”

— Привет, Б.И., — поздоровался он с Утхг-а-к,тхаквом, — надеюсь, вы еще не устали до смерти. Мы уже провели здесь слишком много времени.

— Да уж, — ответил грохочущий, булькающий голос, — мне все это надоело не меньше вашего. Остальное могут закончить без меня и, надеюсь, закончат одновременно с установкой спецкатапульты для ракет. Конечно, при условии, что система работы сторнов и в самом деле настолько хороша, насколько они ее расписывают.

— Именно вам и решать, так ли это, — кивнул Вадаж.

Еще одной чертой, раздражавшей его в наковсах, была привычка торжественно констатировать очевидные вещи. В этом плане они почти не уступали людям.

— Ну, я позаботился о вашем питании здесь. Собирайтесь и ждите нас на платформе лифта снаружи через полчаса.

— Нас-с-в? И кто отправится в это гнездо?

— Разумеется, вы со шкипером, чтобы принимать решения, и Грегориус Кумандис, чтобы переводить. Я... в общем, официально это касается и стюарда, потому что дополнительное вооружение повлияет на массу и объем груза. Но практически стюард в данный момент расслаблен, ему все надоело, и он страшно нуждается в увеселительной прогулке. И потом, там будут еще двое с "Поиска" — Виктор Брэгдон и Джоселин Лори.

— А они с какой стати?

— Насколько мне известно, они проводят здесь ксенологические исследования. Сопровождая нас в деловом визите к местной важной персоне, они получают уникальную возможность наблюдать здешние законы и обычаи в действии. Так что Брэгдон даже предложил нам один из своих флайеров, при условии, что мы возьмем их с собой. Фактически он был не прочь захватить еще нескольких своих людей, но "гнездовики" ограничивают число посетителей. Мнительные твари! Как бы там ни было, имея флайер, мы можем использовать яхту для срочной работы и таким образом быстрее завершим свое предприятие.

— Я чувю... Нет, по-английски говорят, понимаю, — безразличным тоном отозвался Утхг-а-к, такв повернулся и зашлепал на перепончатых ногах к своей каюте.

Вадаж задумчиво глядел ему вслед, пока он не исчез из вида.

Интересно, доходят ли до него наши людские междоусобные ссоры и трения, подумал венгр. Вероятней всего, нет. Он, видимо, просто считает, что отношения между Джоселин и Гуннаром — суцая чепуха, если, конечно, вообще замечает их. И возможно, он прав. По крайней мере, пока это выражается лишь в частых отлучках Гуннара с нашей посуды. На данном этапе эти отлучки не приносят особого вреда. Среди парней в экипаже уже ходят слухи, но, судя по интонации разговоров, это просто хорошая зависть. Что же касается меня, то я меньше

всего склонен завидовать другу, если ему удалось отхватить кусочек счастья. Тогда почему же, черт возьми, это не дает мне покоя?

Вадаж отогнал тревогу и нажал кнопку радиотелефонной приставки. Из салона "Поиска" на него глянуло лицо человека среднего возраста, по виду напоминавшего ученого.

— Добрый вечер, доктор Тауни, — бодрым голосом произнес Вадаж. — Не будете ли вы столь добры напомнить капитану Хейму, что до отлета осталось полчаса?

— Пускай сам себе напоминает, — огрызнулся глоссаналитик.

— Неужели ваша неприязнь к цели нашего пребывания здесь столь велика, что вы не хотите сказать человеку двух слов по интеркому? — со злостью ответил Вадаж. — Тогда, будьте добры, напомните об этом мадам Лори.

Тауни покраснел и выключил связь. Должно быть, он действительно страдает архаичными предрассудками. Вадаж усмехнулся и, насвистывая, пошел заканчивать собственные приготовления в дорогу.

— Мальбрук в поход собрался...

Тем временем на борту "Поиска" Хейм посмотрел на висевшие на шпангоуте часы, потянулся и сказал:

— Пожалуй, пора.

Джоселин положила одну руку на его волосы, другой взяла за подбородок и повернула к себе его лицо с тяжелым подбородком:

— А надо ли?

Тревога в ее глазах отозвалась в нем болью. Хейм попытался рассмеяться:

— Как, отменить путешествие и лишить Вика уникальных материалов? Он бы нам этого никогда не простил.

— Он был бы почти так же счастлив, как и я, потому что гораздо важнее всего этого то, что ты... что ты вышел наконец из лунатического состояния, Гуннар.

— Дорогая, — ответил Хейм, — единственное, что иногда портило прекрасные часы, проведенные вместе, были твои периодические попытки незаметно заставить меня отказаться от задуманного пред-

приятия. Но это не в твоих силах. Как говорили древние китайцы: "Почему бы тебе не расслабиться и не начать вкушать наслаждение?" — Он прикоснулся к ее губам.

Джоселин ответила на поцелуй, потом встала с постели и прошла в противоположный угол каюты.

— Если бы я снова стала молодой, — с горечью ответила она, — возможно, мне бы удалось это.

— Ну нет! А теперь послушай...

— Слушаю... — Она остановилась у туалетного столика и медленно провела руками по щекам, груди и бокам. — Да, для сорока трех я сохранилась неплохо. Но никуда не денешься от этих "гусиных лапок" в уголках глаз, от появившегося второго подбородка, да и вообще без одежды я проигрываю. В течение последних дней ты... ты вел себя хорошо, Гуннар, ты был добр. Но я заметила, что ты старался ничем не связывать себя.

Хейм поднялся, в два шага преодолел разделявшее их расстояние и остановился, возвышаясь над Джоселин подобно огромной башне. Что делать дальше, он не знал.

— А как я мог это сделать? — наконец решился спросить он. — Я понятия не имею, что может случиться с нами во время полета, и не имею права что-либо обещать или...

— Ты мог бы пообещать чисто условно, — сказала Джоселин. Мгновенное отчаяние прошло, или она сумела подавить его, лицо приняло загадочное выражение, а голос стал бесстрастным: — Ты мог бы сказать так: "Если я вернусь домой живым, то сделаю то-то и то-то, если ты согласишься".

Хейм не знал, что ответить. Джоселин вздохнула и отвернулась, опустив голову.

— Что ж, давай одеваться, — сказала она.

Двигаясь механически, Хейм натянул тонкий комбинезон, служивший поддевкой под скафандр. В голове у него была пустота, как в вакууме.

"Ладно, — подумал он, — так чего же я хочу? Много ли из того, что я чувствовал — и чувствую до сих пор, — было подлинным, а что — просто ностальгия, вызванная одиночеством и выведшая меня из равновесия? Не представляю".

Однако смущение Хейма длилось недолго, поскольку менее всего ему был нужен самоанализ. Он отогнал от себя все вопросы, чтобы затем изучить их на досуге, а вместе с ними и все вызванные ими эмоции. На переднем плане осталось чувство нежности к Джоселин, смешанное с сожалением, что он причинил ей боль, и смутное желание что-то предпринять в связи с этим, а над всем этим преобладало стремление побыстрее удалиться. Он и так уж чересчур долго прохлаждается на этом острове. Необходимость лететь на Требогир вполне оправдывала это стремление.

— Поехали, — сказал он, снова повеселев, и игриво шлепнул Джоселин по круглому задку. — Нас ждет хорошая прогулка.

Джоселин повернулась, ее глаза и губы выражали печаль.

— Гуннар... — Она была вынуждена опустить глаза и теперь стояла перед ним, сцепив руки. — Ты действительно не считаешь меня... в лучшем случае дурой, а в худшем предательницей из-за того, что я... не хочу войны?

— Только этого еще не хватало! — воскликнул Хейм, отшатнувшись. — Когда это я подал тебе такую мысль?

Она сглотнула и не нашла ответа.

Хейм взял ее за локти и мягко встряхнул.

— Ты дурочка, если думаешь, что я когда-либо так считал, — сказал он. — Джос, я ведь тоже хочу, чтобы не было войны. И верно, что демонстрация силы сейчас — предупредительный плязг зубов — может предотвратить фатальный исход в будущем. Только и всего... Ладно, у тебя иное мнение. Я уважаю его и уважаю тебя. Чем я заставил тебя думать по-другому? Пожалуйста, скажи. Может, в этом моя вина?

— Нет, ничем. — Джоселин выпрямилась. — Просто я дура, — добавила она. — Пожалуй, нам пора.

Они молча спустились вниз. У шкафчика возле эллинга-3 Виктор Брэгдон натягивал скафандр.

— Привет, — окликнул он их. — А я уже начал волноваться, не задержало ли вас что-нибудь. Во время прошлой вахты один из ваших людей доставил

сюда снаряжение, Гуннар. Восьма кстати. Мы бы вам, пожалуй, не нашли подходящего размера.

Хейм облачился в жесткий скафандр, застегнул все молнии, надел перчатки и ботинки с поддержками для подыжек, проверяя застёжки. Если кислород внутри скафандра смешается с наружным водородом, Хейм станет потенциальным факелом. Конечно, во флайере можно и не надевать полного снаряжения — это была всего лишь предосторожность, — но Хейму слишком часто приходилось видеть, как мало иногда нужно, чтобы свести на нет все меры безопасности. Подсоединяя шлем к резервуарам с воздухом под высоким давлением и к рециклятору, Хейм опустил с плеч снаряжение, но оставил клапаны закрытыми, а забрало шлема поднятым. Теперь — пояс с пищевыми и медицинскими трубками, фляга, емкость для отходов... Но никакого оружия, поскольку в Гнездо с ним не пустят.

Хейм заметил, что Джоселин никак не может справиться со скафандром, и поспешил на помощь.

— Он такой тяжелый, — пожаловалась Джоселин.

— Но ведь он точно такой же, как ты носила на Новом Марсе, — сказал ей Хейм.

— Да, но там сила тяжести вполтину меньше земной.

— Тогда радуйся, что мы не подвергнемся полной гравитации Сторна, — добродушно сказал Брэгдон, наклоняясь, чтобы поднять походную сумку.

— Что там у вас? — спросил Хейм.

— Дополнительное оборудование для съемок. Вспомнил в последнюю минуту. Но вы не беспокойтесь. Полевое аварийное снаряжение уже на борту и дважды проверено.

Направляясь к шлюзу, Брэгдон по-прежнему улыбался, повернувшись к Джоселин и показывая свой орлиный профиль. Хейму стало смешно.

Эплинг для шлюпки напоминал пещеру. Дополнительное место, специально отведенное здесь для отдыха, сейчас занимали три атмосферных флайера, предназначенных для работы на планетах класса Юпитер, и один из них отсутствовал, совершая предварительный картографический рейс. Люди прошли

шлюз флайера и пристегнулись к сиденьям. Брэгдон сел за пульт управления и связался с вахтенным. Из эллинга откачали воздух, заполнили его атмосферой Сторна и открыли внешний люк. Взревел мощный двигатель и флайер взлетел. Затем он вновь опустился, чтобы взять на борт Вадажа, Кумандиса и Утхгак-тхаква. В скафандре наковс выглядел еще более неуклюжим, словно дельфин в караульной будке, зато эта будка почти скрывала его аромат. Брэгдон в последний раз проверил приборы и вновь поднял машину в небо.

— Я волнуюсь, как мальчишка, — сказал он. — В первый раз увижу по-настоящему эту планету.

— Что ж, вполне можете считать себя туристом, — ответил Кумандис.

— Плохой погоды не предвидится. Хотя, конечно, во время бури мы в любом случае были бы вынуждены сделать посадку. Бури здесь свирепые.

— В самом деле? Я полагал, что в атмосфере с такой высокой плотностью скорость ветра должна быть невелика.

— Атмосфера Сторна не такая уж плотная, всего лишь в три раза превышает земное давление на уровне моря, что во многом объясняется здешней силой тяжести. Кроме того, не забывайте о водяных парах, которые, поднимаясь вверх, порождают грозы. Да еще такой чертовский избыток солнечной энергии.

— Что? — Джоселин бросила удивленный взгляд в направлении кормы, откуда было видно утреннее солнце. Находясь вполвину ближе к Сторну, чем Солнце к Земле, диск местного светила имел несколько меньший диаметр в угловых единицах, и, хотя сверкал почти вдвое ярче холодным голубоватым светом, его суммарное излучение немного уступало солнечному. — Нет, этого не может быть. Сторн получает всего лишь — сколько там? — на двадцать процентов больше радиации, чем Земля.

— Но ты забываешь, какая доля в нем принадлежит ультрафиолету, — напомнил ей Хейм. — И это при отсутствии свободного кислорода, способного создать озоновый барьер.

— Да, для колонии нудистов такое место вряд ли подошло бы, — глубокомысленно произнес Вадаж. —

Кто не задохнется здесь от водорода, гелия и азота, кого не отравит метан и аммиак, того ультрафиолет поджарит навроде бифштекса.

— Брр! Но все же до чего здесь красиво! — Джоселин прижалась носом к иллюминатору возле своего кресла и стала смотреть вниз.

Они уже поднялись на большую высоту, и Орлинг со сверхзвуковой скоростью исчез вдаль. Посреди индигового моря остров возвышался, подобно Гибралтару: обсидианово-черные берега, поверхность рябит всеми оттенками красного, образуемого растительностью. В последний раз сверкнул скелет радара космопорта, затем и этот блестящий шрам исчез из вида, осталось лишь смутное пятно, парившее под скопившимися на западе горами кучевых облаков. Где-то не пределе видимости, за несколько километров, виднелся клин петевшей по своим неведомым делам стаи сторнов.

Как будто стараясь избавиться от какой-то мысли, Джоселин указала на них и спросила:

— Простите мою тупость, но как они умудряются летать? Я имею в виду, разве существа, дышащие водородом, не должны обладать менее активным обменом веществ, чем кислорододышащие? Неужели достаточно здешнего атмосферного давления, чтобы они могли преодолеть гравитацию, почти вдвое превышающую земную?

— Их кости подобны птичьим, — пояснил Кумандис.

— Что же касается вопроса энергии, — добавил Хейм, — то водород действительно дает меньше энергии на грамм-молекулу, чем кислород, вступая в реакцию с углеводными соединениями. Но в клетках легких огромное количество водородных молекул. Кроме того, ферментные системы весьма эффективны. И... Но посуди сама. Растения Сторна синтезируют воду и метан для получения свободного водорода и углеводоов. Животные существуют, совершая обратный процесс. Лишь подвергаясь такому мощному потоку ультрафиолета, растения создают соединения, более богатые энергией, чем на Земле.

— Кажется, я поняла. — Джоселин вновь погрузилась в свои мысли.

Остров исчез за широким горизонтом. Они летели над тьмой цвета красного вина, вылитого в поскут белой пены, пока, наконец, вдали не показался материк. Там громоздились ярус за ярусом горы, красные внизу от покрывшей их растительности и серые с неровными тенями вверху. Солнце отражалась от далекого металлического пятнышка. Хейм настроил оптику своего иллюминатора и иллюминатора Джоселин на полное увеличение. Пятнышко стало флайером уродливой неземной конструкции, который патрулировал над скоплением башен из оплавленного камня, прилепившихся к пропасти в километре над кромкой прибоя.

— Карниз Радемира, — сказал Хейм. — Пожалуй, лучше взять чуть южнее, Вик. Мне говорили, что мы его несколько раздражаем, и не исключено, что у него вдруг возникнет желание напасть на нас.

— А почему? — Брэгдон подрегулировал автопилот.

— Когда мы с Чарли Уонгом прибыли сюда для предварительных переговоров, — объяснил Кумандис, — он хотел продать нам боеголовки. Но Гнездо Крейгана предложило более выгодную цену.

Брэгдон покачал головой.

— Ей-богу, не понимаю я эту культуру, — сказал он. — Анархия и атомная энергия — вещи абсолютно не совместимые.

— Что? — восторженно воскликнул Вадаж. — На Сторне есть настоящая литература, — медленно произнес он. — Неужели вы даже ничего не читали из нее?

— Читал, разумеется, — поспешно ответил Брэгдон. — Но это какая-то галиматья. Никакой научной основы. Моя полевая практика проходила, в основном на Исисе.

— Мы не можем сказать, что хорошо подготовились к экспедиции, — добавила Джоселин. — По сути дела, ее организация проходила в страшной спешке. Но, несмотря на беспокойную обстановку в этом секторе, Исследовательский Центр считал необходимым безотлагательно собрать достоверную информацию о сообществах, проживающих в границах данного сектора, — точнее, о некоторых из них, которые имеют выход в космос.

— Если уж быть точным до конца, то сторнов причислить к последним нельзя, — возразил Хейм. — Конечно, у них развита астронавтика, но все ее достижения используются в целях планетарной защиты. Они охотно торгуют с посетителями, но сами никогда не ищут торговых партнеров.

— Когда-нибудь начнут. Послушайте, — Брэгдон повернулся и посмотрел на остальных, — вот прекрасный способ убить время. Почему бы вам не изложить свою версию сложившейся здесь ситуации? Я, конечно, читал об этом, но весьма полезно выслушать чужое мнение.

Вадаж прищурился и ничего не сказал. Хейма занимала главным образом рука Джоселин, лежащая на его руке. Он подумал, что она непроизвольно продолжает просить его. О чем? О том, чтобы устранить разделяющую их преграду? Хейм откинулся назад, переместив основную тяжесть снаряжения на спинку и подлокотники.

— Я не специалист, но, насколько понимаю, сторны — большая редкость, чисто плотоядная разумная раса. Обычно плотоядные специализируются в совершенствовании физических, а не умственных способностей. Однажды я разговаривал с парнем, который побывал здесь и немного прошвырнулся по планете. Он сказал, что заметил кое-где окаменевшие обнаженные породы, которые давали повод предполагать, что давным-давно этот континент подвергся нашествию более крупных, но родственных сторнам биологических видов. Быть может, предкам сторнов пришлось пойти по пути совершенствования умственных способностей, чтобы спастись. Не знаю. Однако, как бы это ни происходило, в итоге возникла раса с мощными хищническими инстинктами, но лишенная признаков стадности. Основное социальное звено — это... э-э... нечто вроде семьи. Большая семья с системой парных браков, настолько сложной, что никому из людей еще не удалось ее понять, плюс слуги со своими собственными женскими особями и детенышами. Но доминирует в патриархальном семейном укладе по-прежнему крупный самец.

Флайер попал в полосу дождя. Хейм выглянул в иллюминатор. Они уже пересекали горный хребет.

На западе Хейм увидел горы, переходившие в красновато-коричневую равнину Тревожных Земель.

— Не думаю, чтобы это привело к развитию, намного превосходящему стадию первобытной дикости, — заметил Брэгдон.

— На Сторне все же удалось на время достичь такого развития. Не знаю, каким образом. И вообще, знает ли кто доподлинно эволюционные законы хотя бы нашей собственной человеческой цивилизации? Возможно, сторнам помогло то, что у них есть крылья и они более подвижны, чем мы. Со временем у них возникла общепланетная индустрия, они распались на отдельные федерации, изобрели научную методику и пошли экспонентной кривой открытий вверх, вплоть до ядерных двигателей.

— Я думаю, — прохрюкал Утхг-а-к,тхакв, — эти нации были построены на захватнических войнах и рабстве. Это неестественно, и отсюда их нестабильность.

Хейм удивленно взглянул на его физиономию со свисающими щупальцами и продолжал:

— Возможно. Сейчас имеется один стабилизирующий фактор. Мужские особи у сторнов гораздо темпераментнее мужчин-землян в течение периода половой активности, но по достижении "пожилого" возраста они претерпевают большие эндокринные изменения, чем мы. Во всех других отношениях они остаются по-прежнему сильными, однако теряют как половой инстинкт, так и воинственность и предпочитают тихо, спокойно жить дома. Мне кажется, это и послужило механизмом выживания, поскольку женские особи и детеныши, находясь в Гнезде, имели охрану в лице "пожилых" самцов, в то время как молодые охотились и воевали. В плане влияния на цивилизацию можно предположить, что этот фактор позволил ей в некотором смысле созреть. Старших принято уважать и прислушиваться к их мнению, принимая во внимание их жизненный опыт. Тем не менее промышленное общество разлетелось на куски во время ядерной войны. Накопленные знания и даже большая часть материальных ценностей не были утрачены, однако организация — увы! Сторны повсеместно вернулись назад, к баронским Гнездам. Сочетая од-

новременно производство на основе автоматизации и возрождение так называемых "больших охотничьих игр", каждое сообщество находилось чертовски близко к полной независимости. Уже никто не желает больше никаких замысловатых социальных структур. Настоящая жизнь устраивает их как нельзя лучше.

— А как насчет Ложи? — спросила Джоселин.

— О да, через некоторое время возникла необходимость в избрании какой-то центральной группы с тем, чтобы она могла решать спорные дела между Гнездами, осуществлять контакты с иными мирами. Ложа образовалась как... я думаю, как квазирелигиозная организация, хотя я ни черта не смыслю в символизме. Ее лидерами являются старые самцы. Наиболее активная работа поручается тем, кого мы могли бы назвать новообращенными и служками, с младшими помощниками и тому подобными, кто нанимается туда в поисках приключений и наложниц, в надежде быть когда-нибудь допущенными к полному посвящению. Такой механизм работает безотказно.

— В человеческом обществе он бы не сработал, — заметил Вадаж.

— Да, — кивнул Кумандис, — но эти ребята — не люди.

— Вот, пожалуй, и все, что мне известно, — подытожил Хейм. — Я уверен, что не сообщил ничего такого, что нельзя было бы найти в книгах и журналах.

Он снова выглянул наружу. Внизу быстро скользила прерия, слышался легкий свист, чувствовалась вибрация флайера. На фоне однообразной растительности мелькнуло и пропало из виду стадо несущихся животных. На востоке постепенно таяли последние различимые горные вершины. В течение довольно долгого времени все молчали. Позже Хейм поразился, осознав, как долго все сидели, погрузившись в свои мысли, пока Брэгдон не нарушил тишину:

— Кажется, я не понимаю одного. Вполне очевидно, что каждое Гнездо содержит ядерный арсенал и оборудование для военного производства. С какой целью?

— Чтобы сражаться, — ответил Кумандис. — Иногда Ложа не может разрешить к обоюдному со-

гласию тот или иной спорный вопрос, например относительно территории, и тогда — ого-го! Дым коромыслом, как говорится. Да мы, вероятно, еще увидим несколько кратеров.

— Но... Нет, вот такое безумие и сокрушило их цивилизацию.

— Предыдущую фазу их цивилизации, вы хотите сказать, — уточнил Хейм. — Гнездо обычно находится под землей, и даже здания, расположенные на поверхности, почти невозможно взорвать. Радиация влияет на сторнов неизмеримо меньше, чем на людей, поскольку они в повседневной жизни получают немалые дозы, а против чрезмерных у них имеются медицинские средства, как и у нас. Что же касается зажигательных бомб и тому подобного оружия, в водородной атмосфере оно бесполезно. Фактически до изобретения атомной энергии единственным способом расплавить металл было использование кратера вулкана — а вулканов на этой огромной планете с горячим ядром более чем достаточно.

— Значит, у них нет никаких ограничений, — пробормотала Джоселин, — в том числе даже на продажу оружия иножителям, чтобы те с его помощью убивали других.

— Что-то мы слишком часто стали касаться этой темы, чтоб она пропала! — проворчал Кумандис.

— Полегче, Грег, — сказал Хейм: лицо Джоселин выглядело таким несчастным.

Кумандис поерзал в кресле, выпянул в иллюминатор и вдруг застыл.

— Эй! — воскликнул он.

— В чем дело? — спросил Брэгдон.

— Как по-вашему, куда мы летим?

— К Аэри Требогиру, куда же еще?

Грек привстал и ткнул указательным пальцем в иллюминатор. Над горизонтом, подобно привидению, плавал белый конус. Равнина скатывалась под уклон в направлении ослепительно сверкающей белой нити, извивающейся в долине, по которой бежали тени облаков.

— Что за черт! — взорвался Кумандис. — Ведь это же река Морх. Наверняка она. Карту знаю только я один! Там, где живет Требогир, в упор не видно

никаких снежных пиков. Должно быть, мы находимся над нагорьем Кимрет, то есть в добрых пяти сотнях километров от того места, где должны быть!

На лбу Брэгдона выступил пот.

— Я действительно задал автопилоту кружной курс, чтобы лучше познакомиться с окрестностями, — признался он.

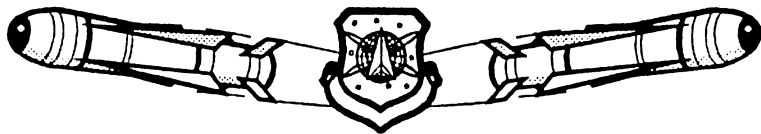
— И не поставили нас в известность? — Кумандис рванулся с кресла, забыв о пристегнутых ремнях. — И как я, дурак, раньше не заметил, что солнце находится не с той стороны? Убирайся от штурманского пульта! Я беру управление на себя!

Хейм перевел взгляд на Джоселин. Ее кулаки были сжаты, она дышала тяжело и прерывисто.

Брэгдон сунул руку в походную сумку, стоящую рядом с его сиденьем. Когда он выпрямился, Хейм увидел направленное на Кумандиса дуло лазерного пистолета.

— Сидеть! — приказал Брэгдон. — Первый, кто отстегнет ремни, будет тут же убит.





ГЛАВА 4.

Покинув воздушный шлюз и оказавшись вне поля флайера, Хейм почувствовал чудовищный рывок — тяготение Сторна полностью вступило в свои права. Он напряг мышцы ног, чтобы не упасть, и выпрямился. Несмотря на то, что вес снаряжения был хорошо сбалансирован, его тяжесть была ужасной.

Джоселин ушла вперед, чтобы держать пленников под прицелом по мере того, как они будут выходить. В скафандре она выглядела до абсурда не похожей на себя, темное стекло шлема напоминало надетую на лицо маску. Хейм двинулся к ней.

— Стоять! — Несмотря на встроенные в шлем наушники, специально предназначенные для компенсации параметров передаваемого звука, ее голос был до жути незнакомым. Хейм остановился под дулом ее автомата. Это было оружие калибра сорок пять, выпускавшее пули с мягким наконечником, которые при низкой скорости пробивали скафандр или другую защиту.

Хейм сделал глубокий вдох, второй. Воздух внутри скафандра представлял собой рассчитанную композицию при давлении в три атмосферы, чтобы компенсировать наружное давление и снабжать переутомленные клетки кислородом.

— Джос, что значит весь этот фарс? — загрохотал Хейм.

— Ты представить себе не можешь, как мне этого не хотелось, — сказала Джоселин нетвердым голосом. — Если бы ты послушал меня на корабле...

— Значит, с самого начала твоя цель заключалась в том, чтобы сорвать мой план? — бросил Хейм.

— Да, это было необходимо. Неужели ты не понимаешь — необходимо! Нет никаких шансов на переговоры с алеронами, потому что ты провоцируешь войну. Прежде чем покинуть Землю, их делегаты так официально и заявили.

— И вы им поверили? Может, расскажешь еще какую-нибудь сказку?

Джоселин, казалось, не слышала. Слова лились из нее потоком. Несмотря на звуковые искажения, Хейм различил в ее голосе мольбу:

— Разведка службы мирового контроля догадалась, куда вы направились, чтобы достать оружие. Они не могли послать военный корабль — сторны не разрешили бы ему посадку. Фактически Франция могла бы заблокировать любую информацию, любую официальную акцию. Но неофициальную... Мы снарядили экспедицию и бросились за вами в погоню. Я узнала об этом, потому что в РСМК стало известно кое-что, — твой старый друг вызвал меня на допрос. Я просила разрешить мне участвовать в экспедиции. Я думала, я надеялась, что сумею убедить тебя.

— Удобно во всех отношениях, — резко прервал ее Хейм. — Вот как это называется.

— Моя попытка не удалась, — продолжала Джоселин с безысходностью в голосе. — Тогда Вик решил, что настал его черед действовать, и придумал эту поездку. Мы не собираемся причинять вам зло. Мы отвезем вас обратно на Землю, и больше ничего. Вам даже не будет предъявлено никаких обвинений.

— А вот я мог бы предъявить обвинение в шантаже и насилии над нами.

— Как тебе будет угодно, — пробормотала Джоселин.

Хейм почувствовал безнадежность.

— Но что толку? — проворчал он. — Вы подыскали бы такого судью, который присудил бы вас к чисто условному наказанию.

Появился Вадаж, потом Кумандис, затем Утхг-а-к,тхакв. Из уст грека непрерывно лилась ругань.

“Без капитана и бортинженера “Лису” придется отправляться домой побежденному, прежде чем он успел нанести хотя бы один удар в сражении”, — подумал Хейм.

Он огляделся. Они приземлились на западном берегу реки Морх. Широкая сверкающая лента извивалась по песчаному, с примесью гальки руслу, ограниченному низким, отвесным берегом. В нескольких километрах, освещенные солнцем, виднелись горы Кимрет, казавшиеся вполне реальными в серо-голубоватой дымке и похожие на гигантский бастион, над которым возвышалась увиденная ими издалека вулканическая вершина. Почва под ногами была покрыта упругой, похожей на мох красновато-желтой растительностью, которая в этом мире являлась эквивалентом травы. Над головой изгибалась арка темно-сливового неба, по которому стремительно неслись гонимые ветром облака. Вдали показалась и вновь исчезла летучая стая существ, похожих на морских скатов.

— Куда нас завезли? И что теперь будет?

Вадаж незаметно придвинулся к Хейму, так что их шлемы соприкоснулись, и пробормотал:

— Только быстро: может, броситься на нее? Не думаю, чтобы ее намерения были такими уж безобидными.

— Мы не в состоянии быстро двигаться, — ответил Хейм.

— Хотя... Неужели ты действительно выстрелила бы в меня, Джос?

Сердце тяжело ухнуло, и Хейм почувствовал, как мгновенно взмок от пота. Но прежде чем он собрался с силами, из флайера вышел Брэгдон. Больше не приходилось сомневаться, будет ли пущен в ход лазерный пистолет.

— Г-ворр! — пробулькал Утхг-а-к,тхакв. — Вы забыли закрыть воздушный шлюз!

— А также задал автопилоту определенную программу, — сказал Брэгдон. — Всем лучше лечь.

С этими словами он опустился на землю.

Флайер взвыл и прыгнул вверх. Блеск его металлического корпуса ослепил Хейма. Казалось, словно комета, остановившись вдруг в сотне метров над поверхностью, сделала петлю и нырнула вниз. Хейм инстинктивно упал на живот и прикрыл руками голову.

Флайер разбился неподалеку от них. На месте взрыва взметнулся столб яркого пламени, над головой Хейма просвистели осколки. Раздалась еще серия мелких взрывов, и вскоре не осталось ничего, кроме столба густого дыма и пыли, да все еще вдалеке раздавалось эхо, но и его унесли порывы ветра.

Хейм с трудом поднялся на ноги. В голове все еще звенело. Остальные мужчины тоже встали. Джоселин осталась сидеть.

— Твою... душу... мать, — выдохнул Кумандис. — Что ты наделал!

— Не беспокойтесь, — сказал Брэгдон. — Вскоре за нами прибудет другое транспортное средство. — Он помолчал. — Впрочем, могу объяснить более подробно. Наша цель — парализовать вашу дьявольскую пиратскую затею, доставив вас обратно на Землю. Я разработал несколько различных вариантов осуществления данной задачи, но этот был наиболее простым. Сейчас один из наших флайеров на выпете, им управляют двое молодых людей, которым известно, что должно произойти, а также приблизительно известно место, где я намеревался все это осуществить. Разбитый флайер они смогут заметить издалека. Они возьмут нас на борт, и мы все вернемся на "Поиск". Правда, придется полежать на полу, чтобы нас не было видно, и — мне очень жаль — вас придется связать. Как только мы попадем на корабль, вас отведут в специально подготовленную каюту. Мы с Джоселин тоже будем скрываться. После того, как от вас не поступит никаких сообщений, ваш экипаж начнет беспокоиться и искать вас. Разумеется, капитан Гутьерец окажет любую помощь, какая только понадобится. Потом они обнаружат место крушения — несчастный случай, все погибли. Вряд ли кто-либо обратит внимание на то, что на месте катастрофы нет останков людей. Но даже если так случится, это можно будет легко объяснить предположением, что

мы покинули данный район в отчаянной попытке найти помощь и вскоре погибли. В конце концов, обе экспедиции, охваченные горем, будут вынуждены порознь вернуться домой.

— Вы уверены, что можете положиться на свою команду? — ледяным тоном спросил Вадаж.

— Они узнают правду не раньше, чем "Поиск" окажется в космосе, — сказал Брэгдон. — Капитан Гутьерец и первый помощник Герман уже в курсе. Не думаю, чтобы люди подняли мятеж.

— Ты, мерзкий ублюдок... — Кумандис двинулся к нему на негнущихся ногах.

— Стоять! — предупредил Брэгдон. — Если понадобится, я выстрелю, не задумываясь. С другой стороны, если вы будете вести себя как полагается, вас доставят на Землю в целостности и сохранности, после чего вы немедленно получите свободу.

— А вы уверены, что сможете помешать нам снарядить новую экспедицию? — осведомился Хейм.

— Вы кое о чем забыли. Ваш корабль оснащен ядерным вооружением. Как только он войдет в пределы Солнечной системы, мировой контроль согласно закону будет обязан конфисковать его. А куда еще, кроме Солнечной системы, могут отправиться ваши люди, лишившись командиров?

— На кого вы работаете, Брэгдон? — презрительно усмехнулся Хейм.

— На алеронов?

— На человечество, — гордо ответил Брэгдон. — Кстати, если хотите знать, никакой я не ксенолог, а офицер армии мирового контроля, находящийся в отпуске, и меня за это разжалуют. Хотя то, что мне удалось, этого стоит. Организация "Военные мира за мир" позаботится о том, чтобы я не остался без работы.

— Так, значит, это их рук дело? — фыркнул Кумандис. — Да, у них ведь есть свои люди даже в правительстве.

— Выходит, ты лгала мне, — обратился Хейм к Джоселин, — когда говорила, что бросила эту работу?

— Пожалуйста, пожалуйста... — ее шепот смешался с шумом ветра.

— Не мешало бы нам позаботиться об удобствах на ближайшие несколько часов, — сказал Брэдон. — Если мы этого не сделаем, гравитация вымотает нас до предела. Я говорю “часов”, потому что второй флайер вряд ли прилетит раньше. Мы не могли заранее рассчитать точное время аварии, а использовать радио было бы слишком большим риском. — Он повелительно взмахнул оружием. — Садитесь вы, потом я.

Вадаж стоял так близко от Хейма, что только капитан услышал его тихий свист и заметил, как нагнулся венгр.

— Хей-хо, Роджер! — пробормотал Вадаж. — Лови первую пулю.

— Что еще такое? — требовательно спросил Брэдон, заметив напряжение на лицах пленников.

— В присутствии леди я этого переводить не буду, — ухмыльнулся Вадаж.

Вдруг Хейма словно обожгло. Слэнг астронавтов, мелькнуло у него в голове, что-то должно случиться. Будь готов действовать в любую минуту.

Холод и тьма оставили его. Пульс участился в предчувствии схватки.

— Вообще, вы в своем уме? — продолжал Вадаж. — Мы не можем оставаться здесь.

— Что вы имеете в виду? — огрызнулся Брэдон.

— Возле такой реки, как эта, может быть внезапное наводнение. Нас опрокинет, скафандры порвутся, и мы погибнем, прежде чем выберемся куда-нибудь повыше.

— Вы лжете!

— Вот уж нет. Взгляните на эти горы и подумайте. Густая атмосфера при сильной гравитации имеет высокий градиент плотности и, как следствие, высокий температурный градиент. Сейчас осень. Ночью выше линии снегов холод такой, что замерзает аммиак, но около полудня все это снова разжижается и выливается в устья рек. Гравитация притягивает с такой силой, что они, прежде чем испариться, проходят пятьсот километров или даже больше. Так ведь, Грегориус? Ты мне сам об этом рассказывал.

— Именно так, — подтвердил Кумандис.

— Потому-то эта река и называется Морх, что на местном языке означает “наводнение”.

— Если это какой-то подвох... — начал Брэгдон.

“Ясно как день, что это так, — мелькнуло у Хейма в голове.

— Подобных феноменов здесь нет и в помине. Но для новичка эта сказка звучит довольно убедительно. Я надеюсь... Как я на это надеюсь!”

— Клянусь вам, что буду стрелять при первом же подозрении, — сказал Брэгдон.

Хейм пошел от него.

— Стреляй, если хочешь, — огрызнулся он. — Лучше умереть от пули, чем захлебнуться в аммиачном потоке. Ты не сможешь помешать мне попробовать забраться на вершину аммиачных холмов.

Его спина напряглась под прицелом лазерного пистолета.

— Не надо, Вик! — раздался крик Джоселин. — Что в этом опасного?

— Я... Наверное, ничего, только это очень трудно, — уступил Брэгдон. — О’кей. Джоселин будет держать вас под прицелом. Если вы намерены бежать, то, как только окажетесь за гребнем, я особо возражать не стану. Вы не сможете уйти слишком далеко, прежде чем прилетит наш флайер, а тогда мы вас быстро поймаем. И даже в том случае, если вы где-нибудь спрячетесь, я не стану беспокоиться, потому что Сторн сам убьет вас.

Хейм заковылял среди разбросанных скал, пока не добрался до берега реки. Это была голая, твердая, как железо, усеянная камнями земля, образовавшая невысокую и некрутую, но трудно преодолимую при таком тяготении возвышенность. Хейм стал карабкаться вверх по склону. Земля и камни со стуком полетели из-под ног, Хейм потерял равновесие и упал на четвереньки. С трудом выпрямившись, он осторожно двинулся дальше. Пот заливал глаза, сердце бешено колотилось, воздух обжигал горло. Затуманенным взором он видел тащившихся позади Вадажа и Кумандиса. Утхг-а-к,тхакву это удавалось более легко — он просто полз на животе, отталкиваясь широкими лапами и цепляясь за грунт мощными руками

пловца. И все же дыхание наквса перекрывало даже шум ветра.

Наконец они кое-как добрались до вершины. Хейм и бортинженер были первыми и помогли остальным. Потом они все вместе вползли на край холма и остановились передохнуть.

Хейм нащупал камень. Когда силы начали малопомалу возвращаться, он увидел, что Брэгдон уже проделал половину пути. "Ученый" рационально расходовал время, делал частые остановки, во время которых стоял, сжимая в руке пистолет и глядя на пленников. Джоселин дожидалась внизу. То и дело в нее летели песок и камешки, вырывавшиеся из-под ног Брэгдона, но она даже не пыталась увернуться. Ее фигура казалась черной на фоне ослепительного сияния голубого, словно молния, солнечного света, плавившегося на поверхности ее автомата.

Вадаж опустился на колени между Хеймом и Кумандисом и сжал им руки. Никакого иного сигнала или объяснения не требовалось.

Хейм метнул камень. Мгновением позже мимо просвистели камни его товарищей. Получив ускорение, равное 1900 см в сек. за сек., эти снаряды летели, словно выпущенные из катапульты.

Хейм не знал, кто попал в Брэгдона. Тот пошатнулся и упал. В ту же секунду Хейм с товарищами уже спускались вниз.

Прыжок — скольжение, короткая пробежка — снова прыжок... При этом нужно удержаться в образующемся небольшом обвале и правильно рассчитать, куда перенести центр тяжести, как рыцарь на полном скаку.

В Джоселин не попал ни один из камней. Хейм видел, как она, оступившись, сделала шаг назад, медленно и неуклюже. Со всевозможной скоростью он запрыгал вниз мимо сцепившихся Брэгдона и Кумандиса. Из-под ног столбом летела пыль. Дважды он чуть не упал. При скорости, с которой он двигался, это могло окончиться очень плачевно: ничего не стоило, к примеру, свернуть себе шею. Однако каким-то чудом Хейму удавалось сохранять равновесие, и он продолжал нестись подобно лавине.

Наконец-то подножие холма! Теперь либо рухнуть замертво, либо бежать дальше. Тело было сейчас взбунтовавшейся машиной, и Хейм изо всех сил старался подчинить его своей воле и затормозить, но инерция неудержимо влекла его вперед, все быстрее и быстрее. Каждый шаг отдавался болью в мышцах и костях, зубы выбивали барабанную дробь. Кровь гудела в ушах.

Во время его сумасшедшего рывка Джоселин один раз выстрелила. Пуля пролетела мимо. Хейм видел, как оружие описало дугу для более точного прицела, но ни бояться, ни надеяться уже было некогда. У него не было ничего, кроме скорости. Однако скорость была столь велика, что здравомыслящему человеку трудно было ее воспринять. Охваченная паникой и душевными муками, Джоселин промедлила со вторым выстрелом. Всего лишь на долю секунды, и, если бы все происходило на Земле, нападавший, вне всякого сомнения, получил бы пулю в лоб. Но прежде чем Джоселин успела нажать на спусковой крючок, Хейм пролетел мимо, выкинув в сторону руку. Ему не удалось выхватить автомат, однако удар застал Джоселин врасплох, и ее оружие отлетело на несколько метров.

На горизонтальной местности Хейму удалось наконец притормозить: сначала до нормального бега, потом до трусцы, а затем до полной остановки. Он круто повернулся и увидел, что удар не только выбил оружие из рук женщины, но и саму ее заставил упасть. Она пыталась подняться. Хейм дышал с шумом, но слышал, что она плачет. Спотыкаясь, он побрел, чтобы поднять автомат. Когда оружие оказалось в его руках, Хейм оглянулся и взглянул на остальных. Утхг-а-к, тхакв сидел на куче щебня у подножия склона, видимо, не в силах подняться. Неподалеку от него стояли, пригнувшись, двое. Один сжимал в руке лазер. Между ними неподвижно лежал третий в разорванном и потемневшем скафандре.

Подняв обеими руками автомат, Хейм прицелился в эту группу.

— Андре! — охрипшим голосом позвал он, чувствуя, как накатывает ужас.

— Со мной все в порядке, — отозвался человек с оружием, его слова тотчас умчал ветер. — А вот Грегориуса уже нет.

Хейм медленно потащился к ним. Сквозь запыленное стекло шлема погибшего ничего не было видно. Хейм с тоской подумал, что это к лучшему. Луч лазера располосовал ткань скафандра и тело, после чего газы смешались, и произошел взрыв. Все вокруг было забрызгано ярко-красной кровью.

Наквс вдруг издал какой-то ужасный звук, заунывный, похожий на вой:

— Гвурру схука эктуруш! Так вот, значит, это война? Мы такое дома — нет. Рахата, рахата.

— Должно быть, Брэгдон пришел в себя и выстрелил, когда Грегориус прыгнул на него, — мрачно сказал Вадаж. — От удара оружие вылетело у него из рук. Я подобрал его и вернулся к тому месту, куда они скатились.

Тем временем бортинженер прижимал Брэгдона к земле, чтобы тот не натворил что-нибудь еще.

Хейм долго смотрел на Брэгдона, наконец машинально спросил:

— Какие-нибудь серьезные травмы?

— Нет, — так же машинально ответил Брэгдон. — По крайней мере, все кости целы. Голова болит.

Он отошел и лег на землю, закрыв локтем стекло шлема.

— Я считал, что мы сможем обойтись без этого, — сказал Вадаж, глядя на погибшего.

— Да, могли бы, — отозвался Хейм. — Но на войне всякое случается.

— Он хлопнул Вадажа по плечу и пошел к Джоселин. Пот стекал по телу и хлопал в ботинках, в горле стоял комок, словно ему хотелось закричать, но он не мог.

Джоселин отшатнулась, когда Хейм спросил, все ли с ней в порядке.

— Я не причиню тебе зла, — сказал Хейм.

— Но я стреляла в тебя! — Ее голос был похож на голос испуганного ребенка.

— Это не считается, — Хейм обнял ее и положил ее голову себе на грудь. Джоселин зарыдала и долго не могла остановиться. Хейм терпеливо ждал, когда

она успокоится, но делал это лишь из смутного чувства долга. Не то чтобы он возненавидел ее, нет, просто то место, где она была в нем, заняла теперь странная пустота, заполненная пеплом. Все его эмоции были сейчас связаны с погибшим другом, а разум заполняли мысли о том, что предстояло сделать.

Наконец он смог оставить Джоселин, когда она опустилась на землю и умолкла, и пошел к разбитому флайеру. Обломки и остатки груза валялись кругом в невообразимом хаосе. Хейм нашел неповрежденную лопатку и несколько мачете.

— Начинай копать, Брэгдон, — сказал он.

— Что? — дернулся лежавший.

— Мы не собираемся бросать Грегга Кумандиса не похоронив. Глубокую могилу вырыть не удастся, но... Принимайся за работу. Кто-нибудь сменит тебя, когда ты устанешь.

Брэгдон медленно, сантиметр за сантиметром, поднимался с земли.

— Что вы натворили? — завопил он. — Я не убивал этого человека! Это вы, вы убили его в безумной попытке... Неужели вы думаете, что вам удастся отбиться от нашего флайера?

— Нет, — ответил Хейм. — Я не собираюсь дожидаться здесь, когда он прилетит.

— Но... но... но...

— Не трепись, лучше займись-ка делом. — Хейм вручил Брэгдону лопату, а сам продолжил разговор с Вадажем. Утхг-а-к,тхакв встал со щебня, встряхнулся и принялся помогать Брэгдону, откидывая землю когтистыми руками, словно ковшом.

— Ты о чем-то думал или просто пытался вернуть самообладание? — спросил венгра Хейм.

— Нет, — ответил Вадаж. — Просто смутные мысли о... Не знаю, о чем, но мои предки никогда не сдавались без борьбы.

— Садись, и посмотрим наши бумажки.

В каждом скафандре имелся карман, набитый картами и другой местной информацией. О Сторне из них можно было узнать не слишком много. Хейм развернул карту того района, в котором они находились. Карта затрепетала на ветру. Хейм расстелил ее на коленях.

— Грег бы понял, что означают эти символы. Но посмотри, — Хейм провел пальцем по контуру. — Эти горы — граница Кимрет, а это — река Морх. Это нам точно известно. Гора Лохан помечена как самая высокая в северной цепи. Фактически ни один другой пик не превышает ее по высоте. Стало быть, вон тот старый вулкан и есть Лохан. Тогда мы находимся где-то здесь.

— Да, — голос Вадажа немного ожил. — Вот это — Роцца Венилвейн на северном склоне Лохана. Как, по-твоему, отсюда по воздуху есть сотня километров? Сомневаюсь, чтобы мы могли выдержать такой длинный переход. Но если бы нам удалось добраться до дальних окрестностей, нас могли бы обнаружить патрульные машины с воздуха или охотники.

— Венилвейн нас знает? Угу. — Хейм покачал головой. — Должен признать, что шансы очень малы. Что это за районы, отделяющие нас от него? Ходячий Лес, Машины-убийцы, Дым Грома...

— Ну-ка, я попробую... — Вадаж перелистал тоненькую записную книжечку. — Нет, никаких пояснений. Конечно, ведь это только схема с пометками Грегориуса и Чарльза, составленная ими на основе того, что они узнали за время общения с аборигенами. Они наверняка рассчитывали окончательно обработать информацию по возвращении домой. Так всегда делается.

— Знаю. А Грега больше нет. Что ж, придется самим все выяснить.

— А что с этими? — Вадаж указал на Брэгдона, с трудом ковыряющегося в земле, и Джоселин, спрятавшуюся в стороне.

— Боюсь, что придется взять их с собой. С одной стороны, это на какое-то время озадачит и задержит их друзей, когда они никого не найдут здесь, а стало быть, даст нам время спрятаться. С другой, нам будет нужна каждая добавочная пара рук, особенно когда мы доберемся до подножия гор.

— Постой! — Вадаж хлопнул ладонью по земле. — Гуннар, у нас ничего не получится. У нас есть воздушные рециркуляторы, но никакого запаса воды, кроме дневной нормы во флягах. Этого не хватит даже на то, чтобы развести порошковую пищу. А ты

прекрасно знаешь, что если мы сумеем проходить по десять километров в день, то это будет фантастическая скорость.

Хейм поймал себя на том, что криво усмехается в ответ:

— Разве тебе никогда не приходилось совершать подобный трюк? Мы все время будем находиться вблизи от природных источников — взгляни на голубые линии на карте. Так что не составит особого труда наполнять фляги — переведем лазерный пистолет в режим широкого луча низкой интенсивности и выпарим аммиак.

— Расходуя при этом энергию батарей, — возразил Вадаж. — В таком случае нам нечем будет защищаться, кроме твоей пушки.

— Ерунда, Андре. С местными тиграми у нас не будет проблем. Мы для них столь же непривлекательны в качестве закуски, сколь неинтересны они для нас. Наш главный враг — гравитация. Враг номер два — дефицит пищевых запасов и медицинских препаратов. Может появиться враг номер три — плохая погода, если нам суждено попасть в таковую.

— Гм... Ну что ж, тебе видней. И все-таки мне бы хотелось точно знать, что это за Машины-убийцы. Но... Да, конечно, мы попытаемся это узнать. — Вадаж вскочил почти без видимого усилия. — Сказать по правде, ты меня так обнадежил, что я даже, кажется, чувствую в себе силы покопать.

У них было не слишком много времени — едва хватило на то, чтобы наскрести немного земли, засыпать ею погибшего и прослушать "Патер ностер" в исполнении Вадажа. Затем они отправились в путь.



ГЛАВА 5.

Пять дней по календарю Сторнэ? Шесть? Хейм точно не знал. Кошмар длился слишком долго.

Поначалу все шло неплохо. Местность плавно поднималась, покрытая редким лесом, который помогал путникам прятаться от высматривающих с воздуха и в то же время продолжать путь. Все находились в неплохой физической форме, и, что было совсем уж странно, броня скафандров казалась почему-то эталоном легкости и компактности. А между тем, добавок к весу скафандра, каждый нес груз, превышающий его собственный вес на Земле. "Неплохо" означало в среднем чуть больше одного километра в час. Затем местность пошла под уклон, и они очутились на склонах предгорьев хребта Кимрет. Хуже всего было то, что к этому времени начали появляться совокупные последствия нагрузки и перенапряжения. Это было не просто изнеможение. Без изолирующей палатки они не могли снять скафандры ни на минуту. Рециркуляторы нейтрализовали летучие подобные продукты метаболизма, но мало-помалу ничтожный процент вредных веществ, всякий раз ускользавший от химической абсорбции, стал нарастать. Зловоние и зуд сделались невыносимыми. Слишком много альдегида, органической кислоты и другой дряни.

Высокая гравитация оказывала на сердце более тонкое и более пагубное влияние, чем простая перегрузка. Она приводила в полное расстройство хрупкий и очень точный баланс жидкостей в теле —

баланс, выработанный за миллионы лет у человека, жившего на одной и той же планете меньшего размера. Сквозь стенки клеток стала просачиваться плазма. Кровь прилиwała к конечностям, лодыжки опухали, в то время как мозг, лишенный тока крови, отказывался работать. На Сторне этот процесс идет не быстро, но неуклонно.

Люди не протянули бы и трех дней, если бы в аптечках не было медикаментов: граванола, кинестана, различных стимуляторов и обезболивающего. Однако лекарства вскоре должны были иссякнуть, и тогда останется, быть может, один день, в течение которого люди еще смогут идти дальше, прежде чем упадут и умрут.

— Чего ради все это и стоит ли этого наша цель? — то и дело мелькала неясная мысль сквозь жернова, вращающиеся в голове Хейма. — Почему мы не вернулись домой? Этого я уже не помню”.

Мысли вновь смешались. Остатки внимания надо было уделять сизифову труду: поднять ногу, перенести вперед, опустить на землю, поднять другую, перенести... Тем временем правое плечо опустилось, на него навалилась смертельная тяжесть.

А, да, Джоселин, вспомнил Хейм словно из далекого прошлого.

Оставшиеся были вынуждены по очереди помогать ей идти.

Джоселин споткнулась, и оба они чуть не упали.

— Надо отдохнуть, — раздался ее нерешительный, искаженный голос.

— Ты отдыхала всего десять минут назад... Пошли! — Хейм грубо дернул за связывающую их импровизированную упряжь.

Пошатываясь и спотыкаясь, они продолжали путь в течение очередных пятидесяти минут. Когда они истекли, Вадаж крикнул: “Время!” Люди опустились на землю, распластавшись на спине и тяжело дыша.

Наконец Хейм встал на колени. В глазах у него немного прояснилось, в голове шумело не так сильно. Каким-то уголком сознания он отметил, что окружавший их пейзаж великолепен.

К востоку горы, по которым он с таким трудом поднимался, резко устремлялись длинными каньона-

ми и хребтами вниз, к необозримой, подернутой дымкой долине. Мягкий свет вечернего солнца сменил их окраску — рыжевато-коричневую с красными расплывчатыми пятнами в тех местах, где рос лес, на великолепную окраску тлеющего заката. Неподалеку сверкал ручеек, извиваясь между валунами, чтобы потом разветвиться на несколько пенистых водопадов, чей шум напоминал звон колокольчиков в неподвижном воздухе. Над образованными ими озерами роились насекомоподобные существа цвета смарагда, с радужными крылышками.

На западе горы высились черной громадой, освещаемые пучами заходящего солнца, которые словно бы зацепились за их вершины. Снежный пик Лохан, красотой и совершенством напоминавший Фудзи, поражал неземной зеленовато-голубой окраской на фоне фиолетового неба. Скалы вокруг него отбрасывали густые тени, скрывая от глаз Хейма то, что ждало их впереди. Но Хейм различал лес, до которого было чуть больше километра. С помощью полевого бинокля он определил, что этот лес довольно густой, с подлеском и зарослями кустарников. Но идти в обход было бы слишком далеко — даже в бинокль не было видно ни северной, ни южной оконечности леса, — в то время как ширина его могла оказаться совсем небольшой.

Вадаж тоже смотрел в ту сторону.

— Мне кажется, на сегодня хватит, — сказал он.

— Еще рано, — возразил Хейм.

— Но солнце вскоре скроется за высоким горизонтом, а мы чертовски устали. К тому же завтра предстоит продираться через эту чащобу. Хороший отдых для нас все равно что хорошее капиталовложение, Гуннар.

Черт, мы и так спим по девять часов из восемнадцати, подумал Хейм, глядя на остальных. Почти не видя их лиц, он уже научился легко узнавать спутников по скафандрам. Джоселин отключилась. Утхгактхакв походил на блин, растекшийся по земле. Вадаж и Брэгдон сидели по-турецки, согнув спины. У самого Хейма каждый нерв трепетал от страшного переутомления.

— Ладно, — сказал он.

Есть не хотелось, но Хейм заставил себя развести водой немного порошка и протолкнуть эту кашу через специальный шлюзик для питания. Когда и с этим было покончено, Хейм вытянулся на спине, насколько позволял рюкзак. Прошло некоторое время, прежде чем он осознал, что спать не хочется. Изнеможение, боль и шум в голове — да, это было, но желание спать отсутствовало. Хейм не знал, что тому виной: переутомление или зуд давно небритого лица и немывтого тела.

Боже мой, чего бы я только не отдал за душ, чистое белье и свежий воздух!

Хейм отогнал эту мысль. Положение и так было тяжелым, и лишний психологический риск ни к чему.

Поднявшись рывком, он сел и стал смотреть, как гаснет свет на горе Лохан. Небо темнело, возвещая о близости ночи. На нем уже задрожали несколько звезд и почти в самом зените застыл маленький полумесяц внешней луны.

— Вы тоже?

Хейм повернулся, чтобы разглядеть сказавшего, и рука непроизвольно потянулась к пистолету — рядом стоял Брэгдон.

Брэгдон насмешливо улыбнулся:

— Спокойно. Слишком надежно вы нас обезопасили. — Мгновение спустя он добавил: — Чтоб вам провалиться!

— А кто первый заварил эту кашу? — огрызнулся Хейм.

— Вы — еще в Солнечной системе. Я слышал, что, по мнению Иисуса, сама смерть является искуплением. Быть может, когда мы умрем здесь, на Сторне, вы частично искупите свою вину перед тем, кого нам уже пришлось похоронить.

— Не я его застрелил, — процедил сквозь зубы Хейм.

— Но данная ситуация возникла по вашей вине.

— Заткните пасть, пока я не дал вам хорошего пинка.

— О, я тоже не безгрешен. Я должен был организовать все более тщательно. Вся человеческая раса по уши погрязла в грехе.

— Я уже слышал подобные высказывания, но не согласен с ними. Человеческая раса — это не что иное, как конгломерат отдельных видов. Каждый ответствен за свои личные поступки.

— В том числе и за такие, как организация частных войн? Говорю вам, Хейм, этот человек был бы жив, если бы вы остались дома.

Хейм украдкой бросил взгляд во мрак. Он не мог ни разглядеть лица Брэгдона, ни разобраться в нюансах искаженного голоса.

— Послушайте, — сказал он, — я мог бы обвинить вас в убийстве с целью вмешательства во внешнюю политику. Моя экспедиция носит легальный характер. Возможно, у нее даже больше сторонников, нежели противников. Мне страшно жаль Грега, он был моим другом. Однако ему была известна вся степень риска, и он пошел на это добровольно. Умереть, сражаясь за стоящее дело не самая плохая смерть. Вы же слишком много берете на себя.

Брэгдон попятился:

— Хватит! Замолчите!

— Отчего вам не спится? — безжалостно продолжал долбить Хейм. — Уж не Грег ли тревожит ваш сон? Задумывались ли вы о том, что вашей шумной породе ненависть придает больше сил, чем любовь? Не возникало ли у вас желания отрубить палец, нажимающий на спусковой крючок оружия, если оно нацелено на человека, пытавшегося сделать все что можно ради Земли? И хватит ли у вас сил назвать кого-нибудь убийцей?

— Идите к черту! — воскликнул Брэгдон. — Пошли вы к черту!

Он отполз на четвереньках от Хейма, в нескольких метрах остановился и скорчился. Плечи его затряслись.

Возможно, я был слишком жесток с ним, подумал Хейм. Он искренен... А, плевать на это! Искренность — одна из добродетелей, которую мы почему-то более всего склонны переоценивать.

Он снова прилег на мох и незаметно уснул.

Разбудил Хейма восход, окрасивший Лохан в огненный цвет. С каждой зарей Хейм чувствовал себя все более закоченевшим, голова казалась пустой, но

все же сон помогал продолжать движение, заставляя принимать пищу, и каждое утро начиналось с холодного завтрака и кипячения свежей воды.

Брэгдон молчал как рыба, да и остальные не особо много говорили. Но когда начался долгий путь к песу — целый километр вверх по горе, — Вадаж запел:

*Бьют барабаны,
Солдаты, как бараны,
Шагают дружно на войну...*

Допев до конца, он перешел к "Римини", "Маршу по Джорджии", "Британским гренадерам" и "Из Сиртиса в Цидонию". Хейм, Джоселин и даже Брэгдон подпевали ему задыхающимися голосами, и, возможно, Утхг-а-к, тхакв тоже находил какую-то поддержку в маршевых ритмах и знакомых образах родины. Вскоре они добрались до песа, чувствуя себя лучше, нежели ожидали.

— Спасибо, Андре, — сказал Хейм.

— Это моя работа, — ответил венгр.

Прежде чем углубиться в лес, люди сделали короткий привал, во время которого Хейм более внимательно приглядывался к растительности. Издалека при свете восходящего солнца он видел, что лес пересекает горы неправильной линией, так четко ограниченной, словно был искусственным. Поскольку северо-западный склон возвышался крутой стеной прямо над Хеймом, он издалека заметил странный маслянистый выброс почвы с этой стороны, огибавший склон и исчезающий из виду. Теперь же Хейм находился слишком близко, чтобы увидеть что-либо, кроме самого барьера.

— Оказывается, здесь не так уж много кустарника, — с удивлением заметил Хейм. — Одна только видимость. Что ты об этом думаешь? — спросил он Брэгдона.

— Я не ксенобиолог, — проворчал тот.

Деревья были около четырех метров высотой. На Сторне ничто не бывает слишком высоким. Толщиной стволы были не больше чем с человеческую руку, но вдоль стволов, от корней до самой вершины, росли бесчисленные гибкие ветки, которые расщеплялись в свою очередь на множество побегов.

Местами они переплетались так густо, что образовывали сплошную стену. Листья росли только на верхних ветвях, но и те так же сплелись вверху в красноватую крышу, под которой подлесок казался черным как ночь.

— Тут без мачете не обойтись, — сказал Хейм. — Однако нельзя терять прежний темп передвижения. Кто-то один будет рубить — на первый взгляд это не очень тяжело, — в то время как остальные станут отдыхать. Начну я.

Он сжал в руке нож. Вжик! Вжик! Дерево оказалось мягким, с каждым взмахом ножа ветки летели направо и налево. Мужчины сменялись каждый час, исключив из очереди Джоселин, и вскоре небольшой отряд углубился далеко в лес.

“А ведь прошла всего пара часов с тех пор, как рассвело”, — внутренне ликовал Хейм.

— Смени меня, Гуннар, — попросил Вадаж. — Я уже весь мокрый как мышь.

Хейм поднялся и пошел к венгру по узкому проходу, внутри которого было жарко и тихо. Сквозь листья сочился густой багряный сумрак. Уже в нескольких шагах ничего не было видно. Кругом шелестели ветви, упруго сопротивляясь проходившему человеку. Хейм взмахнул мачете и почувствовал, как вибрация передалась сначала ножу, потом запястью, затем всему телу.

— Гм, странно... Такое впечатление, будто зашевелилась вся переплетенная гуща.

Деревья вздрогнули и зашелестели. Однако ветра не было и в помине.

Джоселин взвизгнула.

Хейм резко обернулся. По ее скафандру, извиваясь наподобие змеи, ползла ветка. Что-то ударило Хейма в спину. Он поднял мачете — попытался поднять, — но дюжина зеленых щупалец вцепилась ему в руку. Хейм рванулся и освободил ее.

Сквозь мрак прокатился гул землетрясения. От толчка Хейм потерял равновесие и упал на одно колено. Удар отозвался в ноге острой болью. Дерево перед ним клонилось вниз. Ветви, покрытые множеством отростков, коснулись земли и мгновенно зарылись в ней. Листья расцепились с треском, похожим

на треск сучьев в горящем костре. Хейм успел мельком взглянуть на него, но тут же стекло шлема зацепили ползущие по нему листья.

Хейм вскрикнул и взмахнул ножом. Вокруг него образовалось небольшое свободное пространство. Дерево высвободило из земли корни и, тяжело вздыхая и вздрагивая, цепляясь за землю, неуклюже двинулось вперед.

Двигался весь лес. Поступь его была не быстрой — не быстрее, чем мог бы передвигаться на Сторне человек, — но безостановочной. Хейм поднялся, с трудом продираясь сквозь ветви, но тут же снова упал на спутанный клубок зеленых щупалец. Сквозь скафандр и шлем он чувствовал хлещущие удары. Пошатываясь, Хейм снова поднялся и попятился. Ствол дерева, укрепившись в горизонтальном положении, нанес ему удар прямо в живот. Хейм согнулся и выронил мачете. Почти мгновенно оно исчезло под зеленой массой, по мере того как ветви отрывались от земли, передвигаясь вперед, и снова цеплялись за грунт. Хейм собрал все оставшиеся силы и бросился на них. Они сопротивлялись с демоническим упорством. Хейм сам не знал, как ему удалось спасти клинок.

Сквозь треск и оглушительный шелест снова раздался крик Джоселин, в котором звучало не удивление, а смертельный ужас. Хейм упал на колени, пригнулся как можно ниже и лихорадочно огляделся. Сквозь качающиеся, кренящиеся стволы, извивающиеся подобно змеям сучья, цепляющиеся ветви, мрак и раскаленные добела копыя солнечных лучей он увидел Джоселин. Она лежала на земле, пригвожденная двумя деревьями. Еще мгновение, и они раздробят ей кости или изорвут в клочья скафандр.

Клинок взлетел в руке Хейма. Издав боевой клич, он ринулся к женщине, словно воин, прорубающийся сквозь ряды врагов. Стебли и ветки вдруг стали, вопреки всему, совершенно негнущимися, словно имели мускулы, которые теперь напряглись. Нож отскакивал от них, как от плотной, упругой резины. Из разрезов струей била какая-то липкая жидкость.

— Гуннар, помоги! — снова раздался из этой каши крик Джоселин. Прорубив наконец последние

оплетавшие ее лианы, Хейм наклонился и помог ей встать.

— С тобой все в порядке? — Он вынужден был кричать, чтобы его услышали в этом адском шуме. Джоселин прижалась к нему и всхлипнула. Еще одно дерево, наклонившись, потянулось к ним.

Хейм, отстранившись, встряхнул Джоселин за плечи и что было сил прогрохотал:

— Эй! Сюда! Ко мне!

Извиваясь, к ним подполз Утхг-а-к,тхакв, расчищая своим рылом путь для Брэгдона. Следом за ними появился Вадаж, который умело лавировал и потому довольно быстро двигался среди этого хаоса.

— Джос, в середину, — скомандовал Хейм. — Остальные — спина к спине вокруг нее. Удрать от этой дряни мы не сможем, оставаться здесь тоже нельзя. Вскоре мы окончательно выдохнемся, если попытаемся просто удержаться на месте. Вперед.

Его клинок сверкнул в солнечном луче.

Все, что последовало потом, было сплошной рубкой, упорной борьбой, лавированием и бегством от движущегося кошмара. Сознание Хейма обрело холодную ясность, он смотрел на происходящее, находил решение и выбирал способ осуществить его. Сила, поддерживающая Хейма, исходила из какого-то внутреннего источника. Это было нечто большее, чем просто страх смерти. Что-то внутри Хейма восставало против мысли о том, что его кости могут навсегда остаться здесь, среди этих шагающих троплей.

Первым сдался Брэгдон.

— Я... не могу... больше это... понять... — простонал он, падая на землю. Зеленые пальцы тотчас сомкнулись вокруг его ноги.

Утхг-а-к,тхакв освободил его.

— Становись в середину, — сказал наквс, — я сам, а вы, Лори, поддерживайте его.

Прошла, казалось, целая вечность, и Вадаж тоже опустил мачете.

— Прошу прощения, — его голос был единственным различаемым в этом шуме. — Дальше идите без меня.

— Нет! — взревел Хейм. — Либо мы все выберемся отсюда, либо никто.

— Разреши мне попробовать, — робко попросила Джоселин, передав Вадажа на попечение Брэгона, который к тому времени уже немного пришел в себя. Она взяла у венгра нож. Удары Джоселин были несильными, она использовала мачете скорее как пом, но этого оказалось достаточно, чтобы можно было расчищать себе путь.

И вдруг — солнечный свет, чистое небо, махнувшееся облачка возле священного пика Лохан. По инерции они прошли еще несколько метров, прежде чем рухнули навзничь.

Хейм очнулся через пару часов. Некоторое время, прищурившись, он глядел в небо на облака, отыскивая среди них всякие причудливые формы, как бывало во времена детства на Гее. Когда сознание полностью вернулось к нему, Хейм сел и вполголоса выругался.

Деревья все еще двигались мимо них, однако Хейму показалось, что движение значительно замедлилось. На северо-западе, в противоположном их курсу направлении, виднелся след взрыленной земли. Он уходил за горизонт, но оттуда, покрывая его, уже появилось бледно-желтое пятно — всходила новая поросль.

Утхг-а-к, такв был единственным, кроме Хейма, кто тоже проснулся. Наквс подошел к Хейму и плюхнулся рядом:

— Ну что же, шкипер, теперь мы знаем, что такое Ходячий Пес.

— Хорошо бы еще увидеть, как это делается, — отозвался Хейм. Отдых прояснил его сознание, и ответ вдруг возник как бы сам собой. — Конечно, это лишь предположение, — сказал он через минуту, — но, возможно, это происходит так: ультрафиолетовый солнечный свет придает химизму растений дьявольскую энергию. Данному виду для роста что-то необходимо, может, какой-нибудь минерал. В тех местах, где геологические трещины обнажают его жилы, появляется пес.

— Вряд ли это минерал, — возразил Утхг-а-к, такв. — Жизнь не может зависеть только от геологических случайностей.

— Чем больше планета, тем выше роль геологии, Б.И., — возразил Хейм. — Однако я согласен, что на основе одной геологии вряд ли возникнет более-менее сложная экология. Дай подумать... Ну, скажем, существует некая бактерия, закладывающая основу для органической материи определенного вида в подходящих условиях. Подобные отложения должны быть весьма многочисленны и встречаться почти повсеместно. Допустим, деревья могут разбрасывать споры, способные веками находиться в спячке, дожидаясь удобного случая прорасти. Ладно. Затем они с чудовищной быстротой поглощают питательную бактерию. Достигнув зрелости, такой "лесок" вынужден двигаться, поскольку почва под ним истощена. Репродуктивность слишком замедлена. Деревьям приходится передвигаться самим. Очевидно, стимулом к передвижению для них служит солнечный свет. Вспомни, они не шевелились до середины утра, а сейчас, в полдень, постепенно начинают останавливаться.

— А что происходит, когда они съедают все отложения?

— Они погибают. Их останки уходят в почву. Постепенно все перерабатывается в необходимый для них продукт и просыпаются оставленные ими споры. — Хейм поморщился. — Какого черта я пытаюсь изображать из себя ученого? Чтобы оправдать эту гадость? Я вынужден верить, что все естественно.

— Мы прошли через него и остались живы, — спокойно заметил Утхг-а-к, тхакв. — Разве этого недостаточно?

Хейм не ответил. Его взгляд обратился к западу, куда еще предстояло идти. Видел ли он легкий султанчик дыма на нижних уступах Лохана? Расстояние было слишком большим, чтобы точно знать, что это не обман зрения. Но Дым Грома? Чем бы это ни было, беспокоиться об этом еще рано. Надо еще миновать район Машин-убийц.



ГЛАВА 6.

Еще два дня... двадцать километров. Если бы пришлось идти не по равнине, пересекая плато у подножия Лохана, — им ни за что бы не одолеть такое расстояние.

Это была мрачная каменистая местность, лишенная растительности, кроме редкого низкорослого желтого кустарника. Множество ручьев сбегало вниз к Морху, их журчание было единственным звуком, наполнявшим воздух, если не считать бесконечно поющего ветра. Берега, однако, были не менее безжизненны, чем пыльные пространства вокруг. Лишь горы, окаймлявшие плато с трех сторон, да величественный, уносившийся ввысь снежный пик оживляли пейзаж.

В первый вечер отряд расположился на ночлег, имея в поле зрения кратер. Его стекловидные стенки отсвечивали в лучах заходящего солнца красно-черным, напоминавшим запекшуюся кровь.

— Я считал, — заметил Вадаж, указывая на кратер, — что бесплодие данного района объясняется выщелачиванием почвы, которое было вызвано стекавшими сверху потоками. Теперь я вижу, что все как раз наоборот.

— Что ты имеешь в виду? — безразлично спросил Хейм.

— А то, что вся эта картина как пить дать оставлена хорошей бомбежкой. Должно быть, когда-то здесь

находился большой индустриальный центр, который был уничтожен во время войны.

— А вы хотите, чтобы то же самое случилось на Земле! — впервые за два дня подал голос Брэгдон.

Хейм вздрогнул.

— Сколько еще можно объяснять? — сказал он, обращаясь больше к Джоселин, чем к Брэгдону. — У Земли космическая оборона. Ее невозможно атаковать — если только мы, попадая из одного кризиса в другой, не добьемся такого ухудшения дел, при котором обе стороны будут вынуждены выстроить флоты достаточно большие, чтобы позволить себе потери при прорыве космической обороны. Все, чего я хочу, это устранить подобную возможность путем немедленного урегулирования конфликта между нами и алеронами. К несчастью, они не заинтересованы в разумном компромиссе. Поэтому наша задача — доказать, что у них нет иной альтернативы.

— Бомбардировкой нельзя объяснить местное бесплодие, — прервал их Утхга-к,тхакв. — Война здесь была три-четыре века назад по земному исчислению. Радиация давно исчезла. Восстановлению природы мешало что-то другое.

— А, к черту все это, — простонала Джоселин. — Дайте поспать.

Хейм тоже лег. С каким-то смутным беспокойством он подумал о том, что надо бы назначить часового... нет, все так изнурены... С этой мыслью он забылся. На следующий день они увидели вдалеке очертания двух металлических тел. Не было и речи о том, чтобы сделать крюк и рассмотреть их поближе, да им и без того было чем занять ту часть сознания, которую они еще могли отвлечь от все более тяжелой работы по продвижению вперед. Они уже видели окончание плато. Между его краем и очередным уходящим вверх горным склоном была крутая насыпь, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся обсидиановыми утесами. Утесы тянулись вправо и влево, гладкие, блестящие, не очень высокие, но совершенно неприступные в условиях местной гравитации без специального снаряжения. Чтобы обойти их, — если вообще существовало такое место, где они были более пологими, — потребовалось бы несколько дней,

а медикаментов, за счет которых люди еще жили, не хватило бы на столь длительный переход.

Сплошная линия неприступного вала разрывалась лишь в середине охватываемого глазом участка. От подножия крутого откоса поднимался на несколько километров над горами колеблющийся столб, закрывая обзор. Белые султаны отрывались от вершины столба, четко выделяясь на фоне голубого неба, и, по мере того как люди приближались к этому месту, все явственнее слышался грозный рев.

— Это должно быть Дым Грома, — сказал Вадаж. — Но что все это значит?

— Район... не знаю, как это по-английски... — отозвался Утхг-а-к,тхакв. — Пшейка. Внизу земля горячая, и вода выкипает.

— Гейзеры и горячие источники! — Хейм приставил палец к губам. — Но я никогда не слышал, чтобы они достигали таких размеров. По сравнению с этим Желтый Камень или Кузника Карлика — все равно что булькающий чайник. Сумеет ли мы здесь пройти?

— Должны. — Утхг-а-к,тхакв наклонил голову так, чтобы все его три глаза могли смотреть сквозь стекло шлема. Привычный к туманам родной планеты, он до некоторой степени мог видеть в инфракрасном спектре.

— Да, утесы размыты. Проход идет под уклон, хотя очень неровный и повсюду хлещет вода.

— И все же, слава богу, высокая гравитация означает низкий угол естественного откоса. А как только мы доберемся до лугов, что находятся по ту сторону, у нас появятся шансы встретить охотников или патрульных из Роши. — Хейм даже немного выпрямился. — Мы прорвемся.

Чуть позже Хейм заметил, как среди кустов блеснула третья металлическая фигура. На сей раз она была так близко к их предполагаемому пути, что Хейм слегка изменил курс, чтобы пройти мимо. К тому же им все равно не было точно известно, где лучше заходить во владения Дыма Грома.

Объект вырастал по мере того, как они приближались к нему. Во время остановок Хейм обнаружил, что не может отвести взгляд от странного предмета. Его форма была какой-то особенной, и у Хейма по

непонятной причине ползли по спине мурашки. Когда он наконец дотащился до места, где стояло это сооружение, ему захотелось поскорее убраться оттуда.

— Древняя машина. — Голос Вадажа был едва слышен из-за рева и шипения, раздававшегося впереди. — Ее бросили после того, как упала бомба.

Процесс коррозии в местной атмосфере был очень замедленным. Краска облезла с металла, тот в свою очередь заржавел, но все еще местами блестел. Аппарат имел форму ящика около двух метров шириной и пяти высотой, верхушка которого была скошена по направлению к центральной орудийной башне. Можно было различить остатки солнечной батареи вместе с радарной установкой, как показалось Хейму, и другими детекторами. Несколько лючков в корпусе и башне были закрыты без всяких признаков того, что их когда-то открывали. Хейм раздвинул кусты и, осмотрев основание машины, решил, что она передвигалась на воздушной подушке.

— Ничего себе дирижабль, — сказал он. — Наверное я понимаю, после войны эта телега опустилась на землю. В течение долгого времени в район Лохана нельзя было заходить. Те штуки, которые мы видели, должно быть, то же самое.

Джоселин вцепилась ему в руку, напомнив Хейму дочь, когда та была еще маленькой и ее что-либо пугало.

— Идем отсюда, Гуннар! — умоляюще проговорила она. — Слишком уж это напоминает мертвые кости.

— Интересно бы знать, — заметил Хейм, как всегда желая докопаться до истины, — почему металл бросили на произвол судьбы? Даже владея атомной энергией, аборигены планеты, лишенной огня, должны были бы бережно относиться к металлолом.

— Может, табу? — предположил Вадаж. — Вероятно, эти обломки ассоциируются в представлении местных с чем-то кошмарным.

— Вполне возможно, хотя у меня такое впечатление, что сторны оглядываются на свою войну с гораздо меньшим ужасом, нежели мы, когда вспоминаем наш Обмен, а ведь Земля еще легко отделалась.

— Хейм поправил давившую на плечи систему воздушноснабжения и рюкзак. — Ладно, пора двигаться дальше. Солнце уже низко, а меня что-то не привлекает перспектива ночевать среди призраков.

— Может, споешь нам что-нибудь, Андре? — попросила Джоселин. — Я бы тебе подтянула.

— Попробую. — Голос певца был усталым и разбитым, вдобавок нещадно искажался атмосферой, но тем не менее он прохрипел:

*— Вдоль по дороге
К прекрасному Атти, где ноги
Так быстро носили тебя,
Со смертью в обнимку
Шагают мужчины...*

Помогая Джоселин идти, Хейм сперва не обращал внимания на слова, но внезапно осознал, что Вадаж поет не "Когда Джонни вернулся с победой домой", а суровую старинную ирландскую балладу — древний оригинал этой песни.

Хейм взглянул на Брэгдона. Вся его фигура выражала упрямую мысль: откуда этим дьяволам знать, что такое война? Обтянутая перчаткой рука сжалась в кулак, когда Хейм подумал: "Я знаю! И я обязан похоронить ее!"

*— Безрукий, безногий,
Калека убогий,
О Джонни, на что ты
Годишься теперь?..*

Слышать такую песню в мертвой местности было не очень-то приятно, но, может, у Андре не было выбора. Какой бы призрак ни витал над адской машиной, слишком медленно уходившей назад, его он тоже не оставил равнодушным.

Все молча радовались изнеможению, которое заставило их уснуть этой ночью. Однако Хейму сон не принес облегчения. Его мучили кошмары, несколько раз он просыпался от... какого-то шума? Возможно, в этом были повинны гейзеры? Нет, что-то металлическое — скрип, треск, жужжание... Это всего лишь воображение, сказал себе Хейм и погрузился в знобящий мрак.

Рассвет был сырым от тумана, который приносило ветром от находящегося в каких-то трех-четырех

километрах Дыма Грома. Белые испарения стались над землей, так что буквально в десяти шагах все тонуло в серой дымке. Небо над головой походило на аметистовую чашу, а на шапку Лохана было больно смотреть. Хейм протолкнул через пищевой шлюз пригоршню концентратов и затуманенным взором огляделся вокруг:

— Где Джос?

— Она ушла туда, — махнул рукой Вадаж. — М-м... Ей пора бы уже вернуться, а?

— Пойду поищу ее. — Вскинув на плечи рюкзак, Хейм заковылял в туман.

Вскоре он нашел Джоселин, скорчившуюся в какой-то странной позе.

— В чем дело? — спросил Хейм сквозь водяной шум и бульканье.

Джоселин едва шевельнулась.

— Я не могу, — тонким голосом произнесла она.

— Что не можешь?

— Пошевелиться. Боль в каждом суставе, в каждой клетке. Идите дальше без меня. Вернетесь, когда отыщите помощь. Я подожду здесь.

Хейм опустился на четвереньки, стараясь равномерно распределить тяжесть на все четыре конечности.

— Ты должна идти с нами, — сказал он. — Мы не можем оставить тебя одну.

— Но что тут со мной может случиться? Да и вообще не все ли равно?

Хейма охватили угрызения совести. Он обнял Джоселин и сказал как можно мягче:

— Джос, я совершил ошибку, заставив тебя идти с нами. Тебе надо было остаться там, дожидаться друзей... Но теперь поздно говорить об этом. Я не прошу у тебя прощения...

— Не нужно, Гуннар, — она склонила голову ему на плечо.

— Но я еще раз повторяю, что ты должна идти. Еще три-четыре дня...

— При этом Хейм мысленно добавил: — Дольше мы просто не протянем, потому что у нас кончатся все запасы. — Вслух он продолжал: — Потом можешь отдыхать, сколько тебе захочется.

— Отдыхать вечно, — выдохнула Джоселин. Капли текли по стеклу ее шлема, словно слезы, но голос звучал почти безмятежно. — Когда-то я боялась смерти. Теперь она кажется мне прекрасной.

— Есть и еще одна причина, по которой ты не можешь остаться здесь одна. Насколько мне известно, у тебя скоро должен начаться очередной цикл, так ведь? — Он взвалил ее рюкзак и резервуар для отходов себе на спину.

— Гуннар! — запротестовала Джоселин. — Не можешь же ты тащить еще и мою ношу!

— Да, к сожалению, твое воздухоочистительное снаряжение я взять не могу. А остальное... какие-то несколько килограммов!

Новый вес придавил Хейма словно глыба. Он с трудом поднялся и протянул Джоселин руки:

— Вставай! Оп-ля!

Ветер изменил направление. С севера послышался звук, который, как считал Хейм, причудился ему во сне. Лязг, грохот, стон — достаточно близко, чтобы перекрыть шум ветра.

— Что это?! — пронзительно вскрикнула Джоселин.

— Не знаю. Давай пока не будем выяснять.

Хейм почувствовал, как у него екнуло сердце, но затем с мрачным удовлетворением увидел, что Джоселин поднялась на четвереньки, с трудом выпрямилась и пошла к лагерю.

Вадаж и Утхг-а-к,тхакв тоже услышали странный шум и вглядывались в туманную мглу, тщетно пытаясь разглядеть его источник.

Брэгдон уже ковылял дальше, не дожидаясь остальных, погруженный в апатию, причиной которой была не только усталость. Все последовали за ним, воздержавшись от высказывания вслух предположений по поводу странного шума.

Солнце поднялось выше, туман начал рассеиваться в его лучах. Водяные пары по-прежнему скрывали естественный проход между утесами, хотя навсказал, что может разглядеть некоторые детали наиболее близкой к берегу части. Люди видели только множество валунов — некоторые величиной с целый дом, другие поменьше, — усеявших последний километр

перед началом подъема. Среди них бурлили дымящиеся источники, превращая землю в желтоватую (благодаря наличию серы) грязь. В местах образования маленьких заводов этот оттенок менялся на красновато-зеленый. Вероятно, там обитали какие-то микроорганизмы.

Преследовавший путешественников грохот усилился. Вадаж попытался запеть, но его никто не слушал, и вскоре он умолк. Люди, пошатываясь, брели вперед, тяжело дыша, но делая остановки реже, чем им бы хотелось.

Словно что-то почувствовав, Хейм внезапно обернулся и застыл.

— О небеса! — выдохнул он, пораженный.

Остальные тоже повернулись, услышав его восклицание.

Видимость здесь сохранялась на расстоянии около километра, и в конце этого отрезка появилась машина, подобная той, которую они обнаружили днем раньше. Помятый, потрепанный бурями каркас детектора все еще возвышался над орудийной башней, а корпус двигался — медленно, неуклюже, с болтающимися сломанными деталями, с фыркающим и дергающимся воздуховодом, сотрясаясь и грохоча, но все же двигался за ними по пятам.

Джоселин с трудом удержалась от крика. Брэгдон буквально отпрыгнул назад.

— Что это? — В его голосе звучал панический страх.

Хейм и сам с трудом подавил в себе вспыхнувший страх.

— Брошенный вездеход, — сказал он. — Какая-то разновидность робота. Еще не совсем вышел из строя.

— Но он нас преследует! — дрожащим голосом возразила Джоселин.

— Вероятно, программа предусматривала патрулирование в пределах данной зоны, и когда он засекает какое-то живое существо, то должен...

— У Хейма возникла безумная надежда, хотя здравый смысл отказался принять эту идею как неосуществимую.

— Возможно, нам представится возможность прокатиться.

— Сакв? — удивленно квакнул Утхг-а-к, тхакв. — Куда прокатиться? На тот свет? — Однако через мгновение он задумчиво протянул: — Да-а, это возможно... По крайней мере, если там есть рация, мы могли бы...

— Нет! — Шлем чуть не свалился с плеч Вадажа, так он затряс головой. — Я не доверяю этой штуковине.

Хейм провел по губам внезапно одеревеневшим языком.

— Мне кажется, эта штука движется быстрее нас, — сказал он. — Так что нам все же придется каким-то образом решить этот вопрос. — Внезапно решение пришло само собой. — Подождите здесь, я схожу посмотреть.

Вадаж и Джоселин одновременно схватили его за руки. Хейм вырвался, проскрежетав:

— Черт побери! Я пока еще капитан! Не мешайте мне. Это приказ!

Он пошел назад. Боль в мускулах прошла, сменившись странным покалыванием и онемением. Сознание было неестественно ясным, Хейм видел каждый сучок, каждый листок на редких кустах, чувствовал, как ноги ударяются о грунт и как эти удары отдаются в голени и в колене, чувствовал собственные тошнотворные запахи, слышал, как гудят за спиной гейзеры. Земля казалась бесконечно далекой — воспоминание о какой-то иной жизни или просто сон о чем-то нереальном. Но, несмотря на всю свою живость и очевидность, этот мир тоже был нереален — такой же пустой, как и сам Хейм.

Я боюсь — мелькнула мысль и словно повисла над пропастью, через которую было невозможно перекинуть мост. Эта машина пугает меня больше, чем все, что я видел раньше.

Хейм продолжал идти, поскольку больше ничего не оставалось. Решетка детектора хотя и рывками, но повернулась, сфокусировав на человеке невидимую и неосязательную энергию. Робот изменил направление с целью пойти наперехват. Несколько броневых листов оторвались и хлопали при движении машины.

За ними зияла чернота. Весь корпус металлического монстра был охвачен проказой разрушения.

“Сколько лет уже скитается он по этим горам?” — подумал Хейм. Зачем?

Повернулась орудийная башня. Крышка лючка начала было открываться, но застряла на полпути. Внутри машины что-то заскрежетало. В передней части корпуса открылся другой люк. Вперед выдвинулось тупое дуло оружия. Заговорил пулемет.

Хейм увидел, как, не долетев какую-то сотню метров, пули взбили фонтанчики серой пыли. Он резко повернулся и побежал. Чудовище зарычало. Раскачиваясь на неустойчивой воздушной подушке, оно бросилось в погоню за человеком. Пулемет бесновался еще с минуту, прежде чем остановиться.

“Машины-убийцы!” — билось в голове у Хейма в такт тяжелым шагам и учащенному дыханию. Роботы, оставшиеся для охраны чего-то, что находилось на месте виденного нами кратера. Охрана заключалась в том, чтобы убивать все движущееся. Но после того, как ракета поразила цель, остались одни роботы, выполнявшие свою программу, пока не выходили из строя, и вот теперь их осталось лишь несколько штук, но они по-прежнему бродят по этим пустошам, и сегодня один из них обнаружил нас.

Добежав до спутников, Хейм споткнулся, мешком упал на землю и с минуту лежал, полузадохнувшийся. Вадаж и Утхг-а-к, тхакв помогли ему подняться. Джоселин повисла у него на руке и заплакала:

— Я думала, ты погиб! Я думала, ты погиб!..

— Так бы и было, — сказал Вадаж, — но взрывчатка в снарядах испортилась... Берегись!

Открылся еще один лючок, еще одна обойма была расстреляна. Сквозь красный туман в глазах Хейм вдруг заметил катушки и лазерный прожектор, а лазеры, как известно, не стареют. Он схватил Джоселин и отдернул ее назад, заслонив собой. Сверкающий луч был ярче солнца. Он ударил значительно левее. Кусты превратились в головешки и задымались. Следуя какому-то сумасшедшему направлению, луч испарил небольшую речушку, затем выпалил в небо и, мигнув, погас.

— Механизм наведения, — сказал Утхга-к,тхакв, и голос его впервые за все время слегка дрогнул, — изнашивался так, что стал непригоден.

— Но не настолько, чтобы промахнуться с близкого расстояния, — заскулил Брэгдон. — Он или пристрелит нас, или раздавит. Бежим!

Страх, охвативший Хейма в первое мгновение, прошел. Он почувствовал какой-то странный холодный подъем. Это была не радость поединка с достойным противником, поскольку Хейм знал, какими мизерными были его шансы. Это была полная боевая готовность всего организма. Решение словно выкристаллизовалось в его сознании. Хейм сказал:

— Не надо. Мы моментально выдохнемся. Эта гонка должна вестись шагом. Если мы сумеем добраться до Дыма Грома или хотя бы до тех валунов прежде, чем туда долетят пули, у нас будет шанс найти укрытие. Не сбрасывайте рюкзаки, забрать их нам не удастся. Пошли!

Они двинулись вперед.

— Может быть, спеть вам? — спросил Вадаж.

— Нет необходимости, — отозвался Хейм.

— Я так и думал. Хорошо, дыхание и в самом деле мне пригодится.

Хейм замыкал шествие. Позади кашлял и стучал двигатель адской машины. Снова и снова Хейм был вынужден останавливаться и оглядываться, хотя из всех сил пытался не делать этого, взять себя в руки. С каждым разом смерть оказывалась все ближе. Престарелый, разваливающийся, сумасшедший, полуслепой и полупарализованный механизм, который никогда не был живым и в то же время никак не мог умереть, трясся на остатках воздушной подушки чуть-чуть быстрее, чем мог передвигаться на Сторне человек. Издаваемый им грохот напоминал бесконечную металлическую агонию. Один раз Хейм заметил, как на ходу от корпуса отвалился лист обшивки, в другой раз — как покосился воздуховод и чуть не свалился на громоздкий корпус. Но машина все двигалась. А спасительные скалы впереди росли с такой медлительностью, как в ночном кошмаре.

Джоселин начала спотыкаться. Хейм догнал ее, чтобы поддержать. Возможно, изменение цели вы-

звало включение какого-то реле в испорченном компьютере, только пулемет выплюнул новую очередь. Несколько пуль просвистели совсем рядом.

Брэгдон последовал примеру Хейма, подхватив Джоселин с другой стороны.

— Давайте я помогу... — задыхаясь, произнес он. Джоселин оперлась на них обоих. — Нам... не успеть, — продолжал Брэгдон.

— Должны успеть, — сухо отозвался Хейм, боясь, как бы к Джоселин не вернулось то безразличие, которое охватило ее утром.

— Мы могли бы дойти... если бы передвигались без остановок... Вы могли бы, но не я... и не она. Нам надо отдохнуть.

В воздухе повисли невысказанные слова Брэгдона.

— А преследователь не нуждается в отдыхе.

— Давайте все в воду возле тех скал, — предложил Вадаж. — Ложитесь и пригните головы как можно ниже. Возможно, этот гад не заметит нас.

Хейм посмотрел в ту сторону, куда указывал венгр. Чуть левее них, у мутного озерца, виднелась россыпь валунов. Ни один не превосходил по своей величине человека, но... Над головой просвистел легкий артиллерийский снаряд, оружейный залп эхом отозвался от недостижимых утесов. Снаряд попал в булыжник, расколот его, но не взорвался.

— Что ж, давайте попробуем, — согласился Хейм.

Шлепая по грязи, они добежали до озерца и легли животами в неглубокую красноватую воду. Хейм предусмотрительно положил рядом с собой автомат, а Вадаж свой лазер. Такое оружие представляло собой довольно трогательное зрелище, будучи противопоставленным вооружению и размерам монстра. Но человеку свойственно относиться с доверием к средствам собственной защиты. Порыв ветра принес водяную пыль Дыма Грома и бросил ее на лежащих людей. Хейм протер стекло шлема и осторожно высунил голову из-за камня.

Машина стояла неподвижно. Изнутри раздавалось какое-то ворчание, орудия поворачивались вправо и влево, детекторы вращались по всей окружности.

— Боже правый, — прошептал Вадаж. — Да она и впрямь потеряла нас.

— Вода охлаждает скафандры, снижая интенсивность инфракрасного излучения, — так же тихо отозвался Утхг-а-к,тхакв. — Возможно, мы находимся ниже уровня лучей ее радара, а может, оптические системы вышли из строя. Или развалилась система памяти.

— Если бы только... Нет... — Хейм опустил автомат.

— О чем ты подумал? — напряженно спросила Джоселин.

— Да вот как нейтрализовать то, что осталось от детекторной решетки. Это можно было бы сделать с помощью лазера — видите, как оголен силовой кабель? Вот только проблема, как подобраться достаточно близко, чтобы это чучело не засекло и не пристукнуло.

Возникшая было надежда на то, что машина бросит поиски и уйдет, — надежда, от которой замирало сердце, рухнула. Робот начал двигаться по спирали, продолжая вести наблюдение. Хейм мысленно просчитал его курс и пробормотал:

— Он окажется здесь не позднее чем через полчаса. Но сначала ему придется немного удалиться в противоположную сторону. При этом мы несколько выиграем в дистанции. Будьте готовы подняться, как только я дам команду.

— Нам не удастся это! — запротестовал Брэгдон.

— Не так громко, идиот вы этакий. Откуда мне знать, не сохранились ли у этой твари еще и уши?

Словно в ответ на это робот остановился, мгновение помедлил, словно прислушиваясь к жужжанию своих механизмов. Рога детекторных решеток сделали полный оборот, наклонились, застыли... И машина продолжила путь по спирали.

— Видал? — с отвращением сказал Вадаж. — Давай, Брэгдон, валяй дальше. Быть может, тебе еще удастся прикончить нас.

Брэгдон ответил каким-то невнятным звуком.

— Пожалуйста, не надо, — умоляюще произнесла Джоселин.

Утхг-а-к,тхакв едва заметно пошевелился.

— Я вот тут думал, — рыгнул он. — Вообще-то мне тоже не верится, что мы сумеем добраться до укрытия, но вот что интересно, умеют ли Машины-убийцы считать?

— Как это? — Вадаж удивленно уставился на него.

— По сути дела, терять нам нечего, — ответил накс. — Давайте побежим все, кроме одного, кто останется здесь с лазером. Если он сумеет оказаться в пределах досягаемости луча от машины...

— Тогда этому дьяволу не составит никакого труда убить его, — закончил Хейм, но почувствовал вспыхнувшую надежду.

А почему бы и нет, подумал он. Что бы ни случилось, лучше умереть сражаясь. А может, еще удастся выжить.

— О'кей, — медленно произнес он вслух. — Дайте мне пистолет, и я преподнесу нашему другу приятный сюрприз.

— Нет, шкипер, — сказал Вадаж. — Я не герой, но...

— Разговорчики! — перебил его Хейм.

— Гуннар... — вырвалось у Джоселин.

Утхг-а-к,тхакв выхватил у Вадажа пистолет.

— Сейчас не время для таких игр, — прошипел он. — Если бы не этот, мы не торчали бы здесь. К тому же пользы от него, как у вас говорится... ээ... как напиток от какого-то животного. Поэтому... — Он бросил оружие Брэгдону. — Или ты боишься?

— Дай сюда! — Хейм потянулся за пистолетом.

Брэгдон быстро отполз.

— Эта штукавина... — сказал он каким-то отсутствующим голосом. — Вот к чему ведет война. Подумай об этом, Хейм.

Барахтаясь в воде и иле, Вадаж попытался дотянуться до него. Хейм увидел, что робот снова остановился, прислушиваясь.

— Проваливайте отсюда! — заорал Брэгдон. — Если вы этого не сделаете, я сам покажусь ему!

Ломая кусты, не обращая внимания на ручьи и камни, машина устремилась прямо к ним.

Спорить было некогда. Брэгдон попрется вперед, как круглый идиот, — это уж точно! Хейм поднялся с громким чавканьем и плеском.

— Все за мной! — крикнул он.

Джоселин вместе с остальными вынырнула из озера. Они ринулись бежать.

Впереди грохотал Дым Грома. Сзади хрипло фыркал двигатель и тарахтел пулемет. Водяной туман клубился перед глазами, оседая на стекла шлемов, слепя людей. Сторм притягивал их, бросал им под ноги камни, месил грязь, чтобы в ней застревали ботинки. Хейм чувствовал, как бьется о ребра сердце, словно еще одна пушка. Он не мог бы сказать, кто кого больше поддерживал — он Джоселин или Джоселин его. Сознание исчезло, остался только грохот, тяжесть и бесконечная головная боль...

Рядом вскрикнул Вадаж.

Хейм оперся спиной о валун и вскинул автомат. Но машина-охотник пока не собиралась атаковать.

Она была близко, ужасающе близко. И тут появилась из засады крохотная по сравнению с ней фигурка Брэгдона. Он подполз к железному чудовищу, встал, широко расставив ноги, прицелился и выстрелил.

Ослепительно сверкнул лазерный клинок. В том месте, где он прикасался к корпусу, шипел и плавился раскаленный металл. Не прекращая огня, Брэгдон повел оружием в сторону силового кабеля.

Нечто похожее на рев быка раздалось из металлических недр робота. Брэгдон стоял неподвижно, похожий на карлика рядом с механической громадой, и вел непрерывный огонь. В обшивке открылись все люки, которые были еще в состоянии открываться. Высунулись орудия. Хейм швырнул Джоселин на землю и бросился на нее сверху, чтобы прикрыть своим телом. Страшный луч ударил по валуну, у которого он только что стоял, превратив камень в пыль.

Брэгдон был недосыгаем для орудий, поскольку стоял в мертвой зоне. Плягнув, машина двинулась вперед. И тут Брэгдон рассек силовую кабель детектора.

— Беги, Виктор! — заорал Вадаж. — В сторону с его пути, в сторону!

Брэгдон повернулся, но, споткнувшись, упал. Робот прошел через него...

И двинулся дальше, стреляя и стреляя: целый смерч из пуль, снарядов, лазерный лучей, ядовитых газов — последний оргазм разрушения. Бесчувственная, безмозглая, лишенная будущего Машина-убийца ковыляла теперь прямо на юг, поскольку судьбе было угодно, чтобы ее заклонило именно в этом направлении.

Хейм поднялся и побежал к Брэгдону.

Может, с ним ничего не случилось, с надеждой думал он на ходу. Воздушная подушка распределяет вес по большой площади.

Брэгдон не шевелился. Хейм подбежал к нему и замер.

Сквозь шум воды и грохот удаляющегося чудовища до него донесся слабый крик Джоселин:

— Я иду, Гуннар!

— Нет! — крикнул он в ответ. — Не надо!

В днище железного корпуса были встроены острые лопасти. Должно быть, они двигались то вверх, то вниз, выравнивая землю на несколько сантиметров вглубь. Хейм не хотел, чтобы Джоселин увидела то, что лежало теперь перед ним.





ГЛАВА 7.

Из-под земли словно бы раздавался грохот барабана: это вырывались из сернистого конуса пары. Затем вверх ударила струя, образовав гигантский белый столб, увенчанный шапкой густой пены. Такой же столб рядом с ним начал опадать, затем исчез вовсе, но другие били повсюду, куда ни кинь взгляд, среди нагромождения черных камней и непроглядных занавесей водяного тумана. Никаких направлений. Хейм на ощупь пробирался в этом хаосе. Под ногами булькала вода. Вновь и вновь он поскальзывался на мокрых камнях. Внутри скафандра тоже все было влажным, пот разъедал кожу.

“Странно, — подумал Хейм, с трудом отвлекая сознание от чудовищной усталости, сотрясавшей все тело, — странно, что легкие словно горят сухим огнем”.

Он слышал тяжелое дыхание Джоселин, тащившейся рядом. Половина сил уходила на то, чтобы помогать ей идти. Больше Хейм не слышал ничего, кроме звуков, издаваемых бурлившими вокруг титаническими силами. Впереди маячил внушительный силуэт Утхг-а-к, тхаква, прокладывавшего путь. Вадаж плелся в хвосте.

Стало смеркаться по мере того, как солнце садилось за горами, возвещая, что день, отмеченный возведением каменной пирамиды над новым погибшим, подходит к концу.

“Мы должны идти, — звучала у Хейма в голове идиотская фраза. — Должны идти... Должны идти...” А откуда-то из глубины сознания всплывало: зачем? Ради борьбы, в которую Хейм намеревался вступить? Она утратила всякое значение. Единственная реальная борьба была здесь, сейчас, против этой жестокой планеты. Тогда, быть может, ради Лизы, чтобы не оставлять ее круглой сиротой? Но не была ли она фактически таковой даже тогда, когда они жили под одной крышей? К тому же Лизе все равно суждено природой пережить его. В молодых и горе умирает молодой. Тогда для того, чтобы выполнить свой долг по отношению к тем, кто находится у него в подчинении? Это уже ближе к цели, поскольку затрагивает какой-то глубинный нерв. Однако мог ли Хейм считать себя командиром, если его бортинженер в этих адских условиях видит лучше и двигается увереннее любого человека?

Вскоре эти мысли развеялись, словно пар гейзеров. Смерть принялась соблазнять Хейма обещаниями сна. Однако животный инстинкт не позволил ему клюнуть на эту приманку. Хейм выругался про себя и продолжал идти.

Впереди показался грязевой бассейн, на поверхности которого вздымались большие пузыри. Дальний берег представлял собой нагромождение камней. Среди них хлестала вода, струи которой, попадая в бассейн, взрывались облаками пара.

Утхг-а-к,тхакв жестом велел остальным подождать, а сам плюхнулся на брюхо и пополз вперед. Предательская минеральная корка могла в любой момент провалиться, и тот, кто упал бы в один из таких котлов, сварился бы заживо, прежде чем остальные успели бы вытащить его оттуда.

Джоселин, воспользовавшись остановкой, легла ничком на землю. Возможно, она уснула, а может, потеряла сознание — теперь между тем и другим не было особой разницы. Хейм и Вадаж остались стоять. Чтобы снова подняться, пришлось бы сделать слишком большое усилие.

Утхг-а-к,тхакв, едва заметный среди облаков во круг горной вершины, махнул рукой. Хейм с Вадажем подняли Джоселин за руки. Хейм пошел впереди,

согнувшись, чтобы видеть в серой, мягкой оседавшей пыли следы их проводника. Разгибался он лишь для того, чтобы, помогая себе руками и ногами, перебраться через высокие нагромождения камней. Часто небольшой кусочек "берега" отрывался и глухим звуком падал в грязь. Лучше всего было идти здесь по одному, но эта мысль возникла у Хейма не сразу. Малейший неосторожный шаг — и...

— Гуннар!

Хейм резко обернулся и чуть не попал в тот же небольшой обвал, в котором очутилась Джоселин.

Каким-то образом ему удалось удержаться на ногах, отскочить в сторону через горячий туман. Камни выворачивались из-под ног, и тотчас же в этом месте начинала струей бить вода. Для Хейма сейчас не существовало ничего, кроме необходимости удержаться Джоселин, не дать ей сползти в бурлящий внизу котел.

Джоселин отчаянно молотила ногами, цеплялась руками за берег, увлекая за собой все больше камней, часть которых обрушивалась прямо на нее.

Прыжками спускаясь вниз, Хейм добрался до края котла. Ноги тотчас утонули в иле. Здесь было еще не слишком горячо, но, даже если было бы наоборот, он бы не заметил. Камни, скатывавшиеся вниз быстрее Джоселин и тонувшие, послужили опорой для ног. Хейм встал на них, стараясь закрепить как можно лучше.

Обвал рушился вокруг него. Хейм схватился за воздушный циркулятор Джоселин и превратился в монолит. Когда земля перестала сползать вниз, Хейм стряхнул с себя грязь и упал рядом с Джоселин. Вадаж, увидев, что угроза миновала, перестал спешить и, двигаясь уже более осторожно, спустился к ним. Вскоре туда же подошел и Утхг-а-к,тхакв.

Через несколько минут Хейм поднялся. Первое, что он осознал, придя в себя, был голос наковса, до жути напоминавший бульканье кипящего чайника:

— Для нас это большой урон. Не знаю, сможем ли мы теперь выжить.

— Джос... — пробормотал Хейм, пытаясь подняться. Вадаж помог ему. Некоторое время Хейм

опирался на плечо венгра, пока не вернулись частично силы.

— Гала Истеннек! — раздалось сзади радостное восклицание. — Ты не ранен?

— Со мной все в порядке, — ответил Хейм. Собственный голос казался чужим, тело представлялось одной большой раной, из ссадин сочилась кровь. — А что с ней?

— Как минимум сломана нога. — Пальцы Вадажа коснулись того места, где берцовая и бедренная кости образовывали странный угол. — Не знаю, что еще. Она без сознания.

— В скафандре нет повреждений, — сказал Утхгак, тхакв.

“Первая нелепость, которую я услышал от него, — мелькнуло у Хейма в голове. — Если бы скафандр потерял герметичность, не было бы нужды беспокоиться о сломанных костях”.

Он отодвинул Вадажа в сторону и нагнулся над Джоселин. Очистив от грязи стекло ее шлема, Хейм рассмотрел в угасающем свете лицо женщины. Веки сомкнуты, губы полуоткрыты, бледная кожа покрыта капельками пота. Хейм испугался, увидев, как ввалились ее щеки. Приложив наушник к ее микрофону, он едва смог засечь неглубокое и частое дыхание.

Хейм медлил, стоя на коленях.

— Кто-нибудь видел, как это случилось? — спросил он, чтобы отсрочить приближение будущего.

— У нее из-под ноги вывернулся камень, — ответил Вадаж. — Она покатилась вниз, и половина склона поехала следом. Должно быть, почву дестабилизировал какой-нибудь недавний подземный толчок. Не могу понять, как тебе удалось так быстро очутиться внизу и при этом не упасть.

— Какая разница! — резко ответил Хейм. — Она в шоке. Не знаю, вызвано ли это только переломом. Прежде всего, она очень ослабла. Могут оказаться и более тяжелые травмы, например, что-нибудь с позвоночником. Всякие передвижения сейчас очень опасны для нее.

— Что же нам делать? — спросил бортинженер. Хейм понял, что они по-прежнему видят в нем командира.

— Дальше вы пойдете вдвоем, — сказал он. — А я останусь с ней.

— Нет! — вырвалось у Вадажа.

В голосе Утхг-а-к,тхаква слышались теперь лишь жалкие остатки его обычного педантизма:

— Ты не сможешь оказать ей никакой помощи, поскольку вы оба находитесь в скафандрах. А нам лишняя пара рук будет крайне необходима. Предстоит трудный переход.

— В таком состоянии, в каком я теперь нахожусь, — усмехнулся Хейм, — я стал бы для вас скорее помехой, чем помощью. Кроме того, ее нельзя оставлять одну. Вдруг обвал повторится или поднимется уровень этого чертова болота?

— Она обречена, капитан. В бессознательном состоянии она не сможет принимать граванол. А без него, да еще в шоке быстро остановится сердце. Самое гуманное по отношению к ней — сейчас же открыть шлем.

В Хейме поднялись ярость и боль утраты.

— Заткнись ты, хладнокровный ублюдок! — заорал он. — Ты привел Брэгдона к гибели и сделал это нарочно. Хватит с тебя и этого!

— Гвурру!.. — всхлипнул наквс и отодвинулся от Хейма.

Злость тотчас исчезла, вместо нее возникла пустота.

— Прости меня, Б.И., — понуро сказал Хейм. — Я совсем забыл, что ты мыслишь не так, как мы. Ты не желаешь ничего плохого. Прото инстинкты людей не столь практичны, как твои. — Он усмехнулся. — Однако, если хочешь быть практичным, не забудь, что у вас еще около часа, прежде чем совсем стемнеет, так что не теряйте времени. Идите.

Вадаж долго смотрел на него, прежде чем спросить:

— Что ты будешь делать, если она умрет?

— Похороню и стану ждать. Если сидеть неподвижно, то можно растянуть запас воды в этих флягах на несколько дней. А лазер вы возьмете с собой, потому что вам без него не обойтись.

— Значит, ты останешься совсем без защиты? Это просто глупо!

— У меня есть автомат, если тебе от этого полегчает. Идите. Мы еще похлещем вместе с вами пивка.

И Вадаж сдался.

— Если не на корабле, — кивнул он, — то в раю. Пока.

Они молча обменялись рукопожатиями. Менестрель и инженер начали подъем. Неподалеку один из гейзеров выплюнул струю воды, по ветру поплыл пар, и их фигуры исчезли из вида.

Хейм устроился поудобнее.

“Ну, вот и возможность поспать”, — подумал он. Но это желание, как назло, исчезло. Он проверил дыхание Джоселин — никаких изменений — и растянулся возле нее, положив руку в перчатке на ее руку.

Пока он таким образом отдыхал, в голове немного прояснилось. Совершенно спокойно, без малейшей примеси волнения или отчаяния, Хейм взвесил вероятность спасения. Она была невелика. Ну, а для Джос, если отбросить иллюзии, эта вероятность вообще равнялась нулю. Для них троих — пятьдесят на пятьдесят. Вадаж и Утхг-а-к, тхакв должны выйти из Дыма Грома примерно к вечеру следующего дня. Затем им потребуется еще два дня (допуская, что они, вконец измотанные, смогут в течение дня обойтись без допинга), чтобы пересечь высокогорные луга и добраться до замка Венилвейн. Он все еще был очень далеко, но обитатели Роши частенько забредали сюда в поисках добычи. Без сомнения, время от времени они даже летали над землями Машин-убийц, направляясь к равнинам и к морю...

“Гм, вот почему они до сих пор не тронули роботов, — подумал Хейм. — Даровая защита. Вот что значит политика плотоядных”.

Если бы они могли задержаться на месте, возможно, их обнаружили бы уже несколько дней назад. Но задержаться они не могли, поэтому Джос придется умереть в этом мокром аду, под солнцем, свет которого дойдет до Земли не раньше чем через столетие, до Земли, в чьих песах она когда-то гуляла, в чьих залах танцевала, в чьих садах играла на флейте, пока Хейм не напугал ее, начав нести всякую чушь...

По мере того, как солнце угасало в тумане, Хейм раздумывал над своей виной по отношению к этой женщине. Он заставил Джоселин идти вместе с ними. Но сделал это лишь потому, что если бы она осталась на месте "крушения", то предала бы его надежды, связанные с судьбой родной планеты.

— А ты уверен в этом, парень? — спросил себя Хейм. — И вообще, откуда тебе знать, что выбранный тобой путь — именно тот, который нужен?

Подобная ситуация не возникла бы, если бы не заговор, участницей которого являлась Джоселин. Тем не менее заговор явился следствием осуществленных прежде самим Хеймом тайных проектов.

Хейм отступил от решения этой головоломки. Ответа не было, а он не относился к числу людей, которых всякая неясность способна свести с ума. Он знал одно: если время, проведенное на борту "Лиса-2", и не вполне соответствовало мечтам, которые он когда-то похоронил, оставаясь верным памяти Конни, все равно это было больше, чем он заслуживал, и если Джос умрет, этот свет навсегда останется в нем.

Хлюп, хлюп — раздавалось из грязевого котла внизу. Горячий родник забурлил громче. Гейзер ревел в сгущавшейся темноте, рев эхом отдавался от невидимых стен, струи воды били среди призрачных теней громадных валунов. Такая же тяжелая, как его собственное тело, покоившееся на жестком каменном ложе, на мир опустилась ночь.

Темнота немного рассеялась, когда взошла ближайшая луна почти в полной фазе. Ее круг, превосходивший по величине земную Луну, сверкал металлическим блеском и был испещрен какими-то странными геральдическими знаками. Хейм ненадолго задремал, затем проснулся и увидел луну прямо над собой. Диск окружало слабое свечение — следствие диффузии в верхних слоях тумана. Но большая часть неба была открыта и можно было разглядеть звезды. Нижние слои тумана, мертвенно-бледные, стелились по глубокому узкому ущелью Дыма Грома.

Сонными глазами Хейм пытался опознать отдельные звезды. Быть может, вон та, рядом с призрачной вершиной Лохана, — Акернар? Если это так, забавно смотреть отсюда на эмблему его давней победы.

Интересно, глядит ли на него сейчас Синби, подумал Хейм, где бы он сейчас ни находился.

Однако нужно проверить состояние Джос. С этим намерением Хейм оторвал свое затекшее тело от камней.

Но что это?

Что это?

Увиденное поразило его, словно громом. Мгновение Хейм не верил своим глазам. На фоне луны обрисовался длинный вытянутый клин...

Сторны на пути домой, в Рошсу?

Хейм мгновенно вскочил на ноги:

— Эй! Вы там, наверху, спускайтесь, помогите! Помогите!

Крик заполнил его шлем, ударил в барабанные перепонки, обжег гортань и затих в многометровом слое встревоженного воздуха. Хейм принялся махать руками, ясно понимая, что испарения, наполнявшие ущелья туманом, делают его невидимым с такой высоты, и увидел, как крылатые тени миновали лунный диск и исчезли в темноте. Звериный вопль вырвался из груди Хейма. Он проклинал всех богов вселенной, потом схватил автомат и принялся палить в небо.

Однако тихий треск выстрелов тоже был все равно что ничто. Из дула не показалось ни единой, даже маленькой вспышки. Хейм швырнул в грязь бесполезное оружие, способное лишь на то, чтобы убить Джос. Его руки бессильно упали. Металлический лунный свет, казалось, пронзил череп. Хейм мгновенно остыл, превратившись в предельно ясное сознание, вырабатывающее план действий.

Нельзя терять время. Крылатые стремительны, как ветер. Хейм присел на корточки, отстегнул свою систему воздушноснабжения и, стащив со спины, положил перед собой. Клапан шланга, подсоединявший систему к скафандру, открылся легко, но муфту за ним заело, а у Хейма не было плоскогубцев. Он напряг все силы. Резьба поддавалась, аппарат был отсоединен.

Теперь в распоряжении Хейма остался лишь воздух, находящийся внутри скафандра. Рециркуляция зависела от давления из запасных резервуаров. Хейм

раскрыл их клапаны. Сжатый земной воздух получил свободу и устремился вверх.

Теперь надо было поджечь смесь, но у Хейма не было пазера. Положив дуло автомата на баллон, он нажал спусковой крючок, не обращая внимания на рикошеты. Раздался взрыв и одновременно с ним страшный гул. Воздушный столб превратился в пылающий факел.

В сиянии луны он казался тускло-голубым. Хейм крепко держал резервуар системы одной рукой, а другой бешено размахивал.

— Сюда! — кричал он. — Глядите сюда! Она умрет, если вы улетите!

— Какой-то частью сознания он заметил, что плачет.

Огонь погас. Хейм нагнулся над шкалой давления, пытаясь разглядеть показания в безжалостном лунном свете. Ночь... Все...

Нет, стоп! Оставались еще три абсолютные атмосферы. Водород проникал внутрь быстрее, чем выходил наружу кислород. Взрывчатая смесь? Хейм подтянулся и, цепляясь за камни, положил резервуары за большой валун. Перегнувшись через него, он выстрелил в опустевшую систему и бросился ничком на землю.

Пламя вспыхнуло ярко-алым цветком, раздался яростный грохот, раскаты эхом пронесли по ущелью, визгливо запели разлетевшиеся во все стороны осколки камней, заскрежетали другие камни, принимая на себя этот град, и все затихло, словно ничего и не было. Хейм осторожно поднялся.

Бесконечная тишина обрушилась на него. Хейм сделал все, что мог. Оставалось только ждать, выжить или умереть — как решит судьба. Хейм вернулся к Джоселин, послушал ее дыхание и лег рядом.

“Я должен испытывать беспокойство, — смутно подумал он, — но ничего такого не чувствую. Значит ли это, что мой воздух уже отравлен?.. Нет, если не двигаться, я смогу протянуть еще около часа. Просто я... вымотался до предела”.

Взгляд Хейма обратился к луне, мысли — к Конни. Он не верил в загробную жизнь, но сейчас у него

было такое ощущение, словно Конни где-то совсем рядом.

— Привет, — прошептал он.

И вдруг воздух запел, небесная бездна ринулась вниз на черных крыльях. Эти крылья, подобно крыльям летучих мышей, затмили луну. Сверкнуло оружие, стоя сделала круг в поисках врага, блистая острыми клыками, и дьявольские тени опустились на землю.

Но, увидев открывшееся перед ними зрелище, они повели себя совсем не по-дьявольски. Один из воинов что-то пролаял в миниатюрный передатчик. Не прошло и нескольких минут, как рядом опустился летательный аппарат, присланный с Роши. Джоселин подняли с материнской заботой и положили на носилки, а те, в свою очередь, погрузили в машину. Серый, как волк, Венилвейн собственноручно подсоединил к скафандру Хейма кислородный резервуар. Флайер взмыл вверх и, словно копье, брошенное сильной рукой, устремился на восток, к Орлингу.

— Но... послушайте... янгир кетлеф... — Хейм прекратил жалкие попытки рассказать сторнам с помощью нескольких известных ему фраз об Андре и Б.И. В общем, это было не столь уж важно. Скоро он будет на яхте, Уонг переведет и передаст по радио все нужные сведения, и двое путников будут найдены не позднее рассвета. Хейм уснул с улыбкой на губах.





ГЛАВА 8.

В каюте было тихо. Кто-то повесил на переборке новую картину: пляж, вероятно, на Таити. Волны сапфирового океана, отороченные кружевами пены, омывали белый песок. На переднем плане легкий земной ветерок колыхал пальмовыми листьями.

В каюту вошел высокий человек. Джоселин опустила книгу, которую держала перед собой. Ее лицо залил румянец.

— Гуннар, — низким голосом произнесла она, — тебе не следовало вставать.

— Наш медик будет не против, если я проваляюсь в постели до конца своей жизни, — ответил Хейм. — Но пошел он к дьяволу! В конце концов, надо же мне проститься с тобой перед отъездом. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Конечно, слабость еще не прошла, но доктор Сильва говорит, что я быстро иду на поправку.

— Знаю, мы с ним беседовали. Ферментальная терапия — просто чудо, а? — Хейм замолчал, придумывая, что бы еще сказать, но ничего не шло в голову. — Я рад...

— Да сядь же, дурачок!

Хейм подтащил кресло к ее кровати и сел. Он еще чувствовал ужасное головокружение. Должно пройти еще несколько дней, прежде чем силы полностью восстановятся. Висевший на бедре пистолет

зацепился за натянутую консоль. Выругавшись вполголоса, Хейм освободил оружие.

Джоселин не могла сдержать улыбки.

— Совсем не обязательно было брать его с собой. Никто не собирается тебя похищать.

— Надеюсь, что это так. Можешь считать, что он для страховки.

Ее улыбка угасла.

— Погибли двое хороших парней, остальные прошли далеко не лучший эпизод в своей жизни. Мне жаль, что так получилось, но на войне всякое бывает, и не стоит принимать это чересчур близко к сердцу.

Ее взгляд напомнил Хейму маленького зверька, загнанного в ловушку.

— Ты мог бы предъявить обвинение в убийстве.

— Боже мой! — воскликнул Хейм. — За какую же свинью ты меня принимаешь! Мы выпетели в поле, двигатель заглох, после чего произошло крушение, во время которого погиб один человек, и, направившись в горы в поисках помощи, потеряли еще одного. Если твои люди будут придерживаться этой версии, то мои и подавно.

Тонкая рука украдкой придвинулась к его руке. Хейм взял ее. Карие глаза Джоселин взглянули на него. Оба молчали.

Когда Хейм почувствовал, что больше не выдержит, а нужные слова так и не пришли, он сказал:

— Вы стартуете на рассвете?

— Да. Ученые — те, которые не знали об истинной цели экспедиции, — хотели остаться, но капитан Гутьерец отверг их предложение. Нам здесь больше нечего делать. Сколько вы здесь еще пробудете?

— Примерно одну земную неделю, пока не будут подогнаны новые ракетные установки. Конечно, еще мы потеряем время на то, чтобы выбраться из этой планетной системы. Ложе придется сопровождать нас и боеголовки будут доставлены лишь после того, как мы окажемся за пределами их зоны обороны. Но все же я рассчитываю, что мы выйдем на финишную прямую не позднее чем через десять дней.

Снова пауза, вызванная встречей их взглядов.

— Что ты собираешься делать дома? — попытался нарушить молчание Хейм.

— Ждать тебя, — ответила Джоселин. — И молиться за тебя.

— Но... Послушай, а как же твоя политическая деятельность?

— Это уже не имеет значения. Я не изменила своих взглядов... Или изменила? Трудно сказать. — Свободной рукой Джоселин смущенно потерла лоб. Волосы от этого движения шевельнулись, открыв ссадину между каштановыми прядками. — В принципе я не считаю, что была не права, — продолжала она немного погодя. — Однако, возможно, на деле это было именно так. Но больше ничего не имеет значения. Видишь ли, ты перевернул вселенную, Хейм. Земля доверила свою судьбу тебе.

— Чушь! — Его лицо зарделось. — Одному кораблю?

— Капитаном которого являешься ты, Гуннар.

— Благодарю, но... ты преувеличиваешь мои возможности, и... Постой, Джос, мне кажется, дома тебе будет чем заняться. Тамошние настроения могут пойти слишком далеко в противоположную сторону. Каждый, кто в своем уме, меньше всего на свете стремится к крестовому походу. Ты должна постоянно говорить им, что враг не столь опасен, чтобы полностью уничтожать его. Надо напоминать, что в конце концов мирные переговоры состоятся, и чем разумнее мы будем вести себя на них, тем больше шансов будет на сохранение мира. О'кей?

Хейм видел, что ей нелегко дать ответ.

— Ты прав, — сказала наконец Джоселин. — Я сделаю все, что будет в моих силах. Но разговоры о политике — лишь уловка.

— Что ты хочешь этим сказать? — прикинулся непонимающим Хейм.

Губы Джоселин вновь скривились в улыбке:

— Право же, Гуннар, я просто уверена, что ты боишься.

— Н-нет, ничего подобного. Тебе надо отдохнуть. Я, пожалуй, пойду...

— Сиди, — командовала Джоселин, ее пальцы сомкнулись вокруг его запястья. Прикосновение было

легким, но Хейму легче было бы разорвать якорную цепь.

Лицо Джоселин то бледнело, то снова вспыхивало.

— Я должна объяснить, — внезапно сказала она с поразительной твердостью, — насчет того, что произошло раньше.

У Хейма по коже пробежали мурашки.

— Да, я надеялась убедить тебя не вступать в борьбу, — продолжала Джоселин. — Но потом поняла, что сюда вовлечено много больше. Бесконечно много...

— Ага... Без сомнения, прошлое...

— Что ты собираешься делать, — спросила она, — когда вернешься на Землю?

— Жить тихой, спокойной жизнью.

— А мне бы хотелось написать об этом книгу. Тем временем ты вернешься... — Ее голос стал чуть слышен. — О боже, ты должен вернуться. — Она подняла голову. — Я тоже буду там.

Чтобы заговорить, Хейму потребовалось столько силы воли, что он уже не мог поднять глаза и взглянуть на Джоселин.

— Джос, — медленно начал он, — ты помнишь слишком многое. Я тоже. Когда-то был случай, который нам не следовало использовать. Потом мы встретились снова, уже оба свободные и одинокие, и я подумал, что тот случай, быть может, повторится. Но он не повторился. Время необратимо...

— Нет, это не так, — перебила его Джоселин. — Конечно, сначала я думала иначе. Наши случайные встречи после моего возвращения с Урании, политический барьер между нами... Черт бы побрал всю эту политику! Я считала тебя просто привлекательным, да и то в основном это чувство казалось мне вызванным дружбой, которую мы так и не возобновили. По пути сюда я немного помечтала, но эти мечты выглядели самыми обычными бабскими прихотями. Чем ты мог ранить меня? — Она помолчала. — Оказывается, все же мог...

— Я пытаюсь не делать этого, — с отчаянием произнес Хейм. — Ты слишком хороша для того, чтобы успокаивать тебя ложью.

Джоселин выпустила его руку, уронив свою на одеяло:

— Значит, тебе все равно...

— Нет, не все равно! Но неужели ты не понимаешь: я не могу порвать с Конни, как ты порвала с Эдгаром. Когда она...э-э... помогала мне выпутаться из истории с тобой, это еще больше нас сблизило. Потом она умерла. Меня это словно подрезало под корень. И с тех пор, не отдавая себе отчета, я ищу такой же сильный корень. Я трус, который боится связать себя с чем-то менее сильным, потому что на моем пути может встретиться еще кто-нибудь, и тогда... Это было бы нечестно по отношению к тебе.

Джоселин уже овладела собой:

— Ты уже вырос из веры в непреходящую страстную любовь, не так ли? Мы понимаем, что действительность имеет значение в отношениях между двумя людьми. Если ты пытаешься предупредить меня, что можешь когда-нибудь нарушить верность, то обещаю, что не стану ревновать, если ты иногда немного погуляешь. При условии, что всегда будешь возвращаться ко мне.

— Я не хочу гулять. Дело не в физических причинах. Этого не хочет мой разум. Того единственного случая оказалось более чем достаточно. И когда я услышал о Новой Европе, то вспомнил об одной девушке, которая сейчас там. Я был молод и глуп и слово "привязанность" воспринимал очень игриво, что особенно плохо для космолетчика. Поэтому, когда закончился отпуск, я улетел, не взяв на себя никаких обязательств. Когда я оказался там в следующий раз, ее уже не было. Я колебался, раздумывал, искать ее или нет, но в конечном итоге не стал этого делать и вскоре получил назначение слишком далеко от этой планеты. Теперь...

— Я поняла. Ты хочешь выяснить, что с ней.

— Я должен.

— Но ведь это было лет двадцать назад, не так ли?

Хейм кивнул:

— Я должен узнать, что с ней. И увидеть ее в безопасности, если она еще жива. И не принимая все это во внимание, я, без сомнения, глупец.

Джоселин снова улыбнулась:

— Давай-давай. Меня это не особенно волнует.

Хейм поднялся:

— Ну, мне пора. Мы с тобой пока еще не годимся для волнующих сцен.

— Наверное... Я буду ждать, дорогой.

— Лучше не надо. Во всяком случае, не на полном серьезе. Одному дьяволу известно, что со мной будет. Может, я вообще не вернусь.

— Гуннар! — вскрикнула Джоселин, словно он ударил ее. — Никогда не говори так!

Хейм постарался ее приободрить, поцеловал на прощание и вышел. На обратном коротком пути к своей яхте он выпянул из окна флайера. Стая сторнов снималась со своей временной стоянки. Солнечный свет вдруг засверкал на их оружии. Хейм почувствовал, как сумятица и неразбериха внутри него вдруг уступили место облегчению — снова на свободе, снова хозяин корабля. А драконоподобные тени поднялись тем временем уже высоко и вскоре исчезли из вида.



ЧАСТЬ 3

АДМИРАЛТЭИСТВО

ГЛАВА 1.

Строго говоря, Феникс — созвездие в небесах Солнечной системы, на полпути между плоскостью эклиптики и южным небесным полюсом. Поэтому ошибочно считать относящимся к Фениксу тот район космоса удаленный на сто пятьдесят световых лет от Земли в том же направлении, где расположены солнца Алерона и Новой Европы. Но поскольку каждая основанная землянами колония автоматически привлекает интерес к нескольким соседним системам — как к местам туризма, источникам полезных ископаемых, торговли, научных исследований и захватнических войн, — этой обширной территории со смутно очерченными границами было присвоено общее название “Феникс”. Вероятно, к таким вещам следовало бы относиться более требовательно, однако, попав в обиход, это название так и укоренилось.

Быть может, именно это название и было в конце концов не столь уж далеким от истины. Согласно мифу Феникс возрождался в огне. Ядерный двигатель позволил Ламонтену преодолеть гигантское расстояние до Авроры. Когда он увидел, что под этим солнцем есть мир, где могут поселиться люди, то поднял в небеса трехцветный, словно пламя, флаг.* Надежда ярким огнем горела в людях, направившихся на Новую Европу, освоенную тяжким трудом первооткрывателей и завещанную им. Потом появился военный флот алеронов с адским огнем на борту...

С планеты взлетел какой-то корабль. Силы, пульсировавшие в его гравитронах, подхваченные пере-

плетающимися космическими полями, несли его вперед со все нарастающей скоростью. Когда Аврора осталась позади, космос стал меньше искажаться массой звезды. Вскоре корабль должен был достичь точки, где приборы рассчитывали траекторию с такой точностью, что можно было без риска исключить индуктивный эффект, известный как инерция, и перейти в режим сверхсветовой скорости.

"Лис-2" засек корабль, когда тот находился на расстоянии одного миллиона километров от него. Судно обнаружило себя внешними огнями и инфракрасным излучением, сигналами, которые было уловлены сверхчувствительными радарам "Лиса" и слабой рябью космического пространства, потревоженного его движением. Кроме всего прочего, "Лис" еще "унюхал" нейтроны в его двигателях и, как хищник, приготовился к прыжку.

— Черт побери! — проворчал Гуннар Хейм. — Мы должны были засечь этого зверя несколько часов назад. Вероятно, они установили добавочную экранировку.

Первый помощник Дэвид Пиойер просмотрел ленты анализа данных:

— Похоже на транспортник среднего тоннажа. По-моему, того же класса, что и "Эплехой", который мы взяли в прошлом месяце. Если так, то у нас преимущество в скорости.

Хейм нетерпеливо топнул ногой. Его огромное тело совершило свободный полет по кривой иллюминатора. За стеклом толпились бесчисленные звезды. Вокруг бесконечной чистой тьмы струилась серебряная река Млечного Пути. Из чудовищной дали, недоступной человеческому воображению, поблескивали далекие галактики. У Хейма не было времени для восторженного созерцания. Его глаза вдруг стали льдисто-голубыми, как гигантское солнце.

— Он перейдет предел Маха гораздо раньше, чем мы успеем развить более-менее приличную скорость, — сказал Хейм. — Я знаю, что теоретически корабль может подойти к борту другого, идущего с таким ускорением, но это еще никогда не осуществляли на практике, и я что-то не ощущаю желания

попробовать. В лучшем случае это кончится чересчур сильным возмущением межзвездного газа.

— Да, но... Капитан, нам вовсе не обязательно брать его в качестве трофея. Я имею в виду, если просто набрать ускорение, то мы подойдем на выстрел. Тогда он будет вынужден либо экстренно перейти на ускорение Маха и, вероятно, развалится на куски, либо подставить борт нашим пушкам.

Тяжелые черты Хейма исказила гримаса:

— Он может предпочесть рискованный маневр сдаче. Мне бы страшно не хотелось портить наш рекорд. Четыре месяца налетов на торговые суда, восемнадцать алеронских кораблей, и пока что нам никого не пришлось убивать. — Хейм взъерошил волосы. — Если только... Погоди! — Он развернулся и нажал кнопку интеркома. — Капитан — главному инженеру. Послушай, ты можешь заставить гравитроны делать все, кроме мытья посуды. Не могли бы мы совершить отсюда небольшую Мах-пробежку?

Пионер беззвучно присвистнул.

— Весь вопрос в точности регулировки, шкипер, — прогрохотал голос Утхга-к,тахква. — Когда мы покидали Солнечную систему, это удалось. Но теперь, после того, как мы находимся в космосе столько времени без обслуживания...

— Я знаю. — Поблекший голубой костюм собрался в складки, когда Хейм пожал плечами, — на "Лисе" не носили форму. — Ладно, очевидно, нам и впрямь придется просто уничтожить их. Война — не игра в "блошки", — добавил он главным образом для себя.

— Один момент, пожалуйста... — Из интеркома раздался какой-то пязг.

Должно быть, Б.И. считает на своем эквиваленте логарифмической линейки, подумал Хейм.

— Я просчитал предел безопасности. Он вполне достаточный.

— Отлично! — взревел Хейм, рискуя порвать барабанные перепонки первого помощника. — Ты слышал, Дэйв? — Он ткнул Пионера кулаком в спину.

Белокурый, изящный Пионер пролетел через мостик, закашлялся и пролепетал:

— Да, сэр, очень хорошо.

— Дело даже не в том, что мы не хотим замарать себя, — продолжал ликовать Хейм. — Дело в деньгах. В этих прекрасных трофейных денежках!

“А как насчет трофейного экипажа, — напомнила Хейму деловая часть сознания, — который должен доставить корабль на Землю? Мы чертовски близки к тому, что “Лис” останется фактически без личного состава. Еще несколько рейдов, и нам придется остановиться”.

Хейма охватила ярость:

— Мы не станем продавать последний товар, а просто отправим с ним послание. Тот, кто захочет и дальше иметь долю в этом предприятии, может встретить нас у Сторна, где мы будем пополнять арсенал. Располагая таким счетом в банке, который должен быть у меня сейчас, я смогу оплатить снаряжение еще для дюжины круизов. Мы не остановимся, пока нас не вышибут из космоса... или пока Федерация не перестанет помать комедию и не начнет честную войну.

Хейм с головой ушел в приготовления. Когда прозвучал сигнал боевой тревоги, весь корабль словно встряхнулся от кормы до рубки управления.

Хорошие все же у меня парни, вновь с теплотой подумал Хейм. Когда возникала необходимость решать, кто отведет очередной алеронский корабль домой, добровольцев никогда не находилось. Все неохотно тащили жребий. И хотя каждый день, проведенный в системе Авроры, означал немалый риск для жизни, каждому хотелось остаться на “Лисе”, чтобы принимать участие в сражениях. Разумеется, оставшиеся получали и соответственно большую добычу, но члены экипажа капера завербовались на корабль не только ради денег.

— Двигатели на полную мощность!

Если враг настороже, он немедленно увидит на своих приборах, что какой-то корабль выходит на ту же орбиту. Один радар бесполезен на таких расстояниях, поскольку засеченный им объект может оказаться простым метеоритом — при условии, что он не начинает ускорения.

— Внутреннее поле — до нормы!

На корабле снова возникло земное притяжение.

— Векторы поворота: крен на три румба, продольный крен на четыре с половиной румба, поворот двигателя — двадцать румбов.

В иллюминаторах закружились звезды.

— Ускорение — на максимум!

В компенсирующем поле, заполнявшем корпус изнутри, давление не ощущалось, но двигатели взревели, как разъяренные звери.

— Приготовиться к Мах-ускорению! Внимание: пять... четыре... три... два... один... ноль!

Звездный свет задрожал, словно стал виден сквозь пелену струящейся воды, и снова стал неподвижен. На таком коротком отрезке фантастическое безынерционное ускорение не позволило достичь скорости, при которой в действие вступали абберрация или эффект Доплера. Но удаленный диск Авроры отпрыгнул еще дальше.

— Мах-ускорение прекратить!

Электронный сигнал отдал приказ раньше, чем Хейм успел произнести его.

Компьютеры щебетали под руками Пиойера. "Лис" вернулся в обычное пространство гораздо ближе к противнику. Но тот все еще двигался со скоростью, превышающей кинетическую скорость капера, хотя теперь не составляло труда уравнивать векторы в пределах границы Маха.

— Орудие номер четыре, залп по курсу цели!

Ракета устремилась вперед. Среди созвездий блеснула вспышка атомного огня.

— Радисты, дайте универсальную частоту, — командовал Хейм, чувствуя, что весь взмок от пота. Маневр, заключающийся в том, чтобы обойти противника с фланга, был бы невозможен, если бы не Утхга-к,тхакв, нечеловеческая чувствительность которого при настройке гравитронной системы была единственной надеждой. Хотя инженер тоже мог ошибиться. Но Хейма переполняло не облегчение от миновавшей опасности, а самое настоящее ликование.

— Они в наших руках! Еще один залп...

Завыла сирена. Корабль содрогнулся. Сработала автоматика, раздался оглушительный пязг, затем последовали глухие удары.

— Боже мой! — фальцетом выкрикнул Пионер.
— Они вооружены!

Иллюминаторы закрылись, чтобы не дать людям ослепнуть от невыносимой яркости сверкающего во круг огня. Рваные клочья атомов образовывали в вакууме нечто вроде дождя или снегопада и, закручиваемые в вихри гиромангнитным полем корабля, уносились к звездам, предварительно плюнув в щит судна жестким рентгеновским излучением. Вовсю верещали метеоритные детекторы, засекая шрапнель, посылаемую кассетными боеголовками со скоростью нескольких километров в секунду.

На то, чтобы испугаться, просто не было времени.

— Открыть заградительный огонь! — скомандовал Хейм артиллеристам.

— Лазерное орудие номер три, посмотрите, не удастся ли вам повредить на их посудине кольца Маха?

Это элементарное решение было все, что Хейм мог сейчас сделать. Да и его высококвалифицированный экипаж мог сделать немногим больше — только передать этот приказ автоматике. Машины смерти были слишком проворны, слишком сильны по сравнению с человеческими рефлексам. Лучи радаров нащупали цель, звякнули компьютеры, ракеты врезались в летевшие навстречу боеголовки и уничтожили их, прежде чем те успели нанести удар. Ослепительный луч вырвался из корабля алеронов. Остановить его было невозможно. Но в то мгновение, когда он коснулся "Лиса", успев нанести лишь минимальное повреждение, тяжелый лазер земного корабля плюнул в ответ. Лист боевой обшивки превратился в пар, луч проник внутрь, и вражеское судно умолкло. Оставляя жженный след, луч провел линию по корпусу корабля алеронов, нащупывая арматуру межзвездного двигателя. Эта мишень была не из легких, учитывая положение судна, движущегося с громадной скоростью. Но компьютеры решили задачу за какие-то миллисекунды. Корабль противника стал набирать ускорение, пытаясь вырваться. Мгновение лазерный луч пронзал пустоту, но затем снова безжалостно нашел мишень и сжег ее.

— Боевая рубка — капитану! Их Мах выведен из строя, сэр!

— Хорошо! Что бы теперь ни случилось, он уже не бросится на нас с ускорением Маха, — проворчал Хейм. — Капитанский мостик — радиорубке. Продолжайте искать контакт. Мостик — машинному отделению. Приготовиться к маневрированию.

Сражение закончилось. Оно было не слишком долгим. Слишком велика была диспропорция между наспех вооруженным торговцем и крейсером, имевшим полное боевое вооружение. Велика, но не смехотворна — единственной ракеты, взорвавшейся на достаточно близком расстоянии, было бы достаточно, чтобы убить экипаж "Лиса" одной лишь радиацией, если не чем-нибудь еще. И все же разница была достаточно велика. "Лис" отражал всякую угрозу тем, что имел в арсеналах подавляющее количество гораздо более мощного оружия, чем другие корабли. В иллюминаторах снова появились звезды.

— Ффу-ух! — устало вздохнул Пионер. — А ведь они чуть было не застали нас врасплох.

— Именно на это они и рассчитывали, — кивнул Хейм. — Я думаю, после сегодняшнего нам нужно быть готовыми к тому, что любой транспортник без сопровождения сможет оказать нам сопротивление.

О тех, которые имели конвой, не было и речи. Это подразумевалось само собой. Их было не слишком много, поскольку основные силы алеронов сосредоточивались в пограничных областях и лишь несколько боевых кораблей блуждали в глубинах космоса, охотясь на "Лиса". Его жертвами становились грузовые суда, доставлявшие оккупантам на Новой Европе все необходимое, чтобы сделать их победу необратимой.

Хейм только что побывал на краю гибели, но не ощущал запоздалого страха. Если бы его спросили об этом, он бы сказал, что судьба наградила его темпераментом флегматика. На самом деле причина была в другом: его внутреннее торжество не оставило места другим чувствам. Он был вынужден сдерживаться, чтобы голос звучал спокойно:

— Я не встревожен. Напротив, даже польщен. В этом поединке мы проявили себя лучше, чем можно было ожидать, имея такую разношерстную команду.

— Не знаю, сэр... Вы здорово вымуштровали нас. — Пионер вытащил сигарету. — Взрывы могли за-сечь. Кто знает, может, на место происшествия вышлют что-нибудь покрупнее этого на разведку.

— Угу, но мы не станем торчать здесь, любуясь пейзажем.

— А что с этой посудиной? До Солнечной системы ей не добраться.

— Приткнем ее на орбите какой-нибудь малозаметной кометы и починим на досуге... Э, вот и ответ на наш вопрос.

Судовой экран засветился тусклым светом красного карликового солнца. С него смотрел алерон.

— Какой-то важный чин, — определил Хейм, увидев прекрасное женственное лицо, блестящие золотые волосы и серебристый мех. Даже в минуту ярости и горя речь алерона напоминала музыку, достойную Бетховена.

Хейм тряхнул головой:

— Прошу прощения, я не знаю вашей Высшей Речи. Не будете ли вы так любезны говорить по-французски?

— Нет надобности, — пропел алерон по-английски. — В прекрасных звездных пугах, где мы сейчас находимся, язык Новой Европы не обязателен. "Мироэт" вынужден сдаться вам, грабителям.

Хейм с радостью услышал, что наконец-то может вести переговоры на родном языке. До сих пор ему встречались только двое говоривших по-испански, а с большинством приходилось объясняться либо по-французски, либо по-китайски. Во всех остальных случаях на помощь приходил язык жестов, причем Хейм был вынужден показывать пистолет, чтобы лучше дошло.

— Значит, вам известно, кто мы такие? — спросил Хейм.

— Сейчас всем известно о том, кто именует себя в честь стремительного животного с острыми зубами. Да лишит вас удача своего благословения, — монотонно пропел алерон.

— Благодарю вас. Теперь слушайте. Сейчас мы выйдем к вам абордажную команду. Ваш экипаж будет заключен под стражу, но мы никому не собираемся причинять вреда при условии, что нам не окажут сопротивления. Более того, если у вас есть раненые... Нет? Хорошо. Вы будете доставлены в своем корабле на Землю и интернированы до конца войны.

В душе Хейм сомневался в этом. Земля далеко, даже Солнце невозможно рассмотреть невооруженным глазом. У него не было способа получить оттуда какие-либо известия. Абордажные команды не могли вернуться на корабль, который сражался в одиночку против целой империи и чье спасение было лишь в непредсказуемом маневрировании на громадных космических просторах. Хейм предполагал, что парламенту все же пришлось смириться с утверждением Франции, что Всемирная Федерация действительно находится в состоянии войны с алеронами, и признать законность его экспедиции. В противном случае здесь уже были бы земные корабли или, по крайней мере, представители Земли на захваченных им алеронских судах, которые потребовали бы его возвращения домой.

Но за шесть месяцев, прошедших со времени их отлета, они не получили ни слова одобрения, никакой помощи — ничего. Им приходилось сражаться в одиночку. Последний пленный алерон, с которым Хейму довелось говорить, сказал, что два флота по-прежнему только любуются друг другом через границу, и Хейм поверил ему.

Неужели они все еще не могут выйти из тупика, подумал Хейм, решая, начать войну или продолжать переговоры? Неужели они так и не поймут, что с врагом, который поклялся вышвырнуть нас из космоса, не может быть и речи о переговорах до тех пор, пока мы не докажем, что в состоянии дать отпор? Боже милостивый! Со времени захвата Новой Европы прошел уже почти год!

Лицо алерона на экране тронула печаль.

— Если бы нам дали хорошее вооружение, мы могли бы уничтожить вас. — Руки, тонкие, четырехпалые, двухсуставные, словно ища утешения, ласкали одну из цветущих лиан, украшавших капитанский

мостик. — Для вас, человеческих существ, механизм строил сам дьявол.

“Ого! Значит, этот корабль был переоснащен прямо на планете, — подумал Хейм. — Интересно, пришла ли эта идея кому-то в голову из находящихся там?”

— Прекратите ускорение и приготовьтесь к абордажу, — сказал он алерону.

Затем, выключив связь, Хейм стал отдавать команды своему экипажу. Не исключалась возможность какой-нибудь вероломной попытки.

“Лис” должен сохранять дистанцию и выслать катер. Хейм был бы и сам не прочь принять участие в прогулке на вражеский корабль, но долг обязывал его находиться на “Лисе”. К тому же в желающих и без него не было недостатка. Словно мальчишки, которые играют в пиратов, подумал Хейм. Что ж, сокровища, которые мы захватили, и впрямь сказочные.

“Мирозт” сам по себе вряд ли представлял особый интерес. Новая Европа нужна была алеронам как сильная застава, но даже это было не главным. Главной была их цель отнять ее у людей и тем самым изгнать их из всего района Феникса. Грузы, посылаемые с Эйта на Аврору, были промышленными или военными, а потому представляли собой большую ценность. Обратно ничего важного не отправлялось. Гарнизон Новой Европы должен был максимально использовать все полученное, чтобы наладить производство и запуск на орбиту защитных средств, которые должны сделать планету фактически неуязвимой.

И все же корабли не всегда возвращались с Новой Европы пустыми. Часть добычи, захваченная Хеймом, озадачила его. Отправлялось это на Алерон из чистого любопытства, или в надежде продать когда-нибудь на Земле, или... Какова бы ни была причина, его парни долго не раздумывали, когда захватили чуть ли не вагон шампанского.

Когда скорости уравнили, катера устремились вперед. Хейм опустил ся в кресло перед главным контрольным пультом и наблюдал за ними, крошечными яркими осколками, до тех пор, пока их не поглотила тень огромного, похожего на акулу цилиндра, охра-

няемого "Лисом". Однако мысли Хейма в это время были далеко: он вспомнил Землю, ее величественные города и мягкие небеса, Лизу, которая, наверное, совсем выросла и изменилась до неузнаваемости, Джоселин, которая все же не совсем ушла из его сердца, — и потом опять Новую Европу, людей, покинувших дома и отправившихся навстречу неизвестности, и еще Медилон...

Прогудел зуммер внутренней связи. Хейм включил изображение. На него глянуло круглое лицо Блюмерга, одетого в боевой скафандр. Шлем был открыт. Хейм не мог понять, почему Блюмерг такой красный — то ли благодаря красноватому свету внутри корабля, то ли по какой-то иной причине.

— Докладывает abordажный отряд, сэр. — Блюмерг даже заикался от нетерпения.

У Хейма тревожно стукнуло сердце.

— Что случилось? — резко спросил он.

— Ничего. Ситуация у нас под контролем... Но, сэр, у них на борту люди!





ГЛАВА 2.

Короткий безынерционный полет вывел "Лиса" так далеко за пределы системы, что вероятность быть замеченными упала почти до нуля. Хейм оставил управление на попечение автоматов и объявил празднование в честь очередной победы.

Корабельная столовая была полна людей. Из всей команды капера осталось лишь двадцать пять человек плюс дюжина новобранцев, но хотя столовая была рассчитана на сто мест, они заполнили ее криками, пением, звоном бокалов — словом, веселым шумом, от которого дрожали переборки. В одном углу благодушный и невозмутимый Утхг-а-к, тхакв доставал бутылку за бутылкой шампанское из устроенного им самим холодильника, с пистолетным хлопком вышибал пробку и разливал на всех. Уже неплохо набравшийся артиллерист Мапуо Хаяши и стройный молодой колонист пустились в спор, что эффективнее — карате или приемы апачей. По столам стучали игральные кости, шелестели долговые расписки на добычу против обещаний пылких предложений девушкам на планете в случае победы. Трио Ашанти — выпускников университета — исполняло боевой танец под аккомпанемент зрителей, барабанивших по кастрюлям и сковородам. Андре Вадаж вскочил на стол и, с трудом удерживая равновесие, ударил по струнам гитары. Все больше и больше французов подпевали ему:

— О, роза Прованса,

Диких просторов цветов!..

Сначала Хейм от души смеялся над последней шуткой Джина Иррибарна, но потом музыка захватила его. Он вспомнил одну ночь в Бон Шансе, словно вновь оказался там. Вокруг сада высились крыши, черные под звездным небом, желтый свет из окон домов сливался со светом восходящей Дианы. Легкий ветерок шевелил ветки кустов, смешивая аромат роз и лилий с пряным запахом местных цветов. Ее рука касалась его. Гравий похрустывал под ногами, когда они шли к летнему домику. А где-то играли на свирели, мелодия плыла в теплом воздухе, нежная и напоминавшая о Земле.

У Хейма защипало глаза, и он резко тряхнул головой.

Иррибарн пристально посмотрел на Хейма. Новобранец был среднего роста и рядом с Хеймом выглядел пигмеем, темноволосый, с удлинённой головой и правильными чертами лица. На нем была та же одежда, в которой его взяли в плен, — зеленая куртка, мягкие ботинки, берет, засунутый за чешуйчатый кожаный пояс, — форма планетарной полиции, превратившаяся в форму бойца маки. На плечах поблескивали лейтенантские нашивки.

Иррибарн что-то спросил по-французски.

— А? — заморгал Хейм. Невообразимый шум вокруг, плохое знание французского языка и то, что Новая Европа была уже на полпути к созданию своего диалекта, явились причиной того, что Хейм не понял вопроса.

— Вас что-то взволновало, — перевел свои слова Иррибарн. Раньше планету посещало достаточно много людей и жители города в той или иной степени овладели английским.

— А... пустяки. Воспоминания. В свое время я провел на Новой Европе несколько восхитительных отпусков. Но это было... Черт побери, последний раз я был там двадцать один год назад!

— Стало быть, вы думаете о чужаках, которые крадутся по улицам, где больше нет людей. Они мягко крадутся, как пантеры, вышедшие на охоту... — Иррибарн нахмурился, глядя в свой стакан, поднял его и конвульсивным жестом опрокинул в себя со-

держимое. — Или, быть может, вы вспоминаете о какой-то девушке и гадаете, погибла она или прячется в песах, не так ли?

— Давайте лучше снова нальем, — резко ответил Хейм.

Иррибарн положил руку на плечо Хейма:

— Один момент, силь ву пле. Население планеты составляет всего пятьсот тысяч человек. Городских жителей, с которыми вы, вероятно, встречались, намного меньше. Быть может, я знаю...

— Медипон Дюбуа?

— Которая раньше жила в Бон Шансе? Ее отец врач? Ну да! Она вышла за моего собственного брата Пьера. Судя по последним сведениям, которые до меня дошли, они живы.

У Хейма потемнело в глазах. Он прислонился к переборке, хватая ртом воздух, попытался взять себя в руки, но не мог унять бешеного сердцебиения.

— Слава богу! — выдохнул он наконец. С самого детства он не произносил слов, которые были бы столь близки к молитве.

Иррибарн не сводил с него пронизательных карих глаз:

— Это так важно для вас? Не лучше ли нам поговорить наедине?

— Хорошо, благодарю.

Хейм пошел впереди. Иррибарн едва успевал за ним. Люди, сидевшие за столами, положив друг другу руки на плечи, продолжали распевать веселые французские песни под аккомпанемент гитары Вадажа.

Тишина в каюте Хейма показалась просто гнетущей. Иррибарн сел и с любопытством осмотрел небольшое опрятное помещение, среди обстановки которого были Шекспир, Бернс и Киплинг в книжном варианте с потрепанными переплетами, микрокассеты с творениями менее массивных литераторов, модель боевого корабля, портреты женщины и девушки.

— Ваша семья? — спросил Иррибарн по-французски.

— Да, хотя жена умерла. Дочь сейчас на Земле у деда.

Хейм предложил гостю одну из оставшихся сигар, а сам принялся набивать трубку. Пальцы слегка дрожали, он не смотрел на собеседника:

— А что с вашей семьей?

— Спасибо, все в порядке. Конечно, это было две недели назад, когда захватили мой отряд. — Иррибарн закурил и откинулся назад, устраиваясь поудобнее. Хейм остался стоять.

— Как это случилось? У нас ведь фактически не было возможности поговорить как следует.

— Думаю, просто не повезло. На Кот Нотр-Дам есть урановая шахта. Как вам, вероятно, известно, на Новой Европе не так уж много урана — она не такая плотная, как Земля. Поэтому если бы удалось взорвать шахту, для алеронов это явилось бы ударом. Мы взяли спортивную субмарину, которую нашли в Порт Августине, где горы опускаются прямо в море Драконов, и поплыли. Мы знали, что единственное, чего нет у этих проклятых ублюдков, — оборудования для обнаружения субмарин. Надеюсь, вам понятно, почему: из-за сухости их собственной планеты. Но шахта охранялась лучше, чем мы ожидали. Когда мы всплыли ночью, чтобы высадиться на берег, по нам ударил снаряд. Он оказался химическим — иначе я не сидел бы здесь. Алероны намного предусмотрительнее. Они подождали и подобрали... скажем, все, что выпало в осадок. После этого были разговоры о том, чтобы расстрелять нас в назидание другим или, хуже того, вытянуть из нас информацию. Но об этом узнал их новый верховный главнокомандующий и наложил запрет. Мне кажется, он прибыл на Новую Европу с заданием выследить вас, мой друг, так что своим спасением мы не только прямо, но и косвенно обязаны вам. Нас отправили на Алерон. Насколько мы поняли, предполагался обмен пленными.

— Понятно.

— Но вы это дело притормозили. Однако вам хотелось бы побольше узнать о Медилон, не так ли?

— Черт побери, я страшно не люблю касаться личных вопросов... О'кей, мы любили друг друга, когда я однажды из-за болезни пробыл довольно долго на Новой Европе. Наши отношения носили вполне невинный характер, уверяю вас. Настолько невин-

ный, черт их задери, что это меня немого отпугивало и... Как бы там ни было, когда я вернулся туда в следующий раз, ее уже не было.

— Все верно, она перебралась в Шато Сент-Джековес. Я всегда считал, что она досталась Пьеру... как бы это сказать... ну, рикошетом, что ли. Она то и дело со смехом вспоминала об огромном норвежце, с которым была знакома до замужества. Такой смех, полувеселый, полупечальный, всегда следствие молодости... — Взгляд Иррибарна похолодел. — Пьер хороший муж. У них четверо детей.

Хейм вспыхнул.

— Не поймите меня превратно, — сказал он, пуская клубы дыма из трубки. — Я не мог бы жениться более ужасно, чем вышло. Это просто... Она попала в беду, и я надеялся, что смогу помочь. Старая дружба, больше ничего.

Хейм сам поверил в искренность своих слов. Кое-какие мысли пронеслись у него в голове, но они были не настолько болезненны, чтобы их нельзя было похоронить. Мысли о том, что Медилон все эти годы жила счастливо, что она до сих пор жива, было вполне достаточно.

— К числу друзей вы можете причислить и всех нас, — сердечно сказал Иррибарн. — А теперь скажите мне кое-что, прежде чем мы вернемся к праздничному столу. Я слышал, что ваш корабль — частный капер, имеющий выданное Францией свидетельство. Но почему до сих пор медлит наш военный флот? Когда он прибудет сюда?

“Боже, помоги мне, — подумал Хейм. — Я хотел пощадить их чувства до завтра”.

— Не знаю, — ответил он.

— Черт побери! — Иррибарн резко выпрямился. — Что это вы говорите?

Медленно, словно вытаскивая клещами каждое слово, Хейм рассказал о том, что происходит. Что Флот Глубокого Космоса стоял на приколе с зачехленными орудиями, в то время как в парламенте продолжались дебаты, и что не исключено, если одни лишь пиратские набеги “Лиса” явились преградой для возобновления переговоров, которые представляли для Алерона эффективную разновидность войны.

— Мы... вы... И это астронавты?! — Иррибарн с трудом овладел собой, сделал глубокий вдох и тихо сказал: — Ваш корабль курсирует в системе Авроры. Неужели вам не удалось добыть никаких доказательств того, что мы живы?

— Я пытался, — ответил Хейм. Он ходил из угла в угол, нещадно дымя трубкой, стуча каблуками, заложив ненужные сейчас громадные руки за спину и стиснув их так, что побелели ногти. — Пленников, которые были отправлены на Землю в числе прочих трофеев, возможно, уже допросили. Сделать это не легко. У алеронов иная реакция, чем у людей. Но кто-то мог выудить из них правду! Впрочем, возможно, никто и не пытался. Кроме того, однажды я прошел вблизи Новой Европы. Это не так уж трудно, если быть попроворнее. Большинство их защитных спутников еще не оборудованы, и мы не заметили ни одного военного корабля, который мог бы нам угрожать. Поэтому я сделал фотографии, весьма четкие, на которых видно, что разрушен только Сюр д'Ивонн, а над Гарансом никакого огненного смерча не было и в помине. Я послал эти фотографии на Землю. Думаю, они кое-кого убедили, но все же, наверное, не тех, кого надо бы. Не забудьте, что сейчас многие политические карьеры связаны с делом мира. Поэтому человек, который мог бы признаться в собственной неправоте и занять верную позицию, если бы дело касалось только его одного, будет испытывать колебания по поводу того, стоит ли тянуть за собой всю партию. О, я уверен, что настроение общественного мнения в нашу пользу! Это началось еще тогда, когда мы только готовились к экспедиции. Вскоре после этого на Сторне, где мы пополняли свои арсеналы, я встретил несколько человек, только что прилетевших с Земли. Они сказали, что идея дать отпор алеронам находит все больше сторонников. Но это было четыре месяца назад. — Хейм вынул трубку из рта, остановился и продолжал уже спокойнее: — Я догадываюсь, какой очередной аргумент выдвинула фракция примирения.

— Да, да, — вероятно, сказали они, — возможно, новоевропейцы и в самом деле еще живы. Так разве их спасение не является сейчас самым важным? Пос-

редством войны мы этого не добьемся. Алероны могут уничтожить их когда им только заблагорассудится. Нам придется отдать Новую Европу в обмен на жизни находящихся там людей". Вероятно, подобные речи звучат в парламенте и сегодня вечером.

Иррибарн уронил голову на грудь и что-то пробормотал по-французски, потом резко сказал:

— Но они все равно погибнут. Неужели это непонятно? У вас осталось лишь несколько недель.

— Что?! — взревел Хейм. Его сердце тяжело ухнуло. — Неужели враг собирается выжечь вас?

Сделать это не составляет никакого труда, в ужасе подумал он. Взорвать в ясный день на орбите спутника около тысячи мегатонн — и большая часть континента утонет в огне. Медилон...

— Нет-нет, — сказал колонист, — ресурсы планеты нужны им самим для укрепления системы. Континентальная огненная буря или радиоактивное заражение им обошлось бы слишком дорого. А вот витамин С — другое дело.

Постепенно картина прояснилась. Ни секунды не сомневаясь в том, что Земля поспешит им на помощь, жители расположенного на побережье Пейзд'Эспо бежали в глубь материка, в леса и горы Оут Гаранс. Эта фактически неисследованная дикая местность была столь богата дичью и съедобными растениями, сколь богата ими была Северная Америка до появления белого человека. Имея в своем распоряжении современную технику и не испытывая неудобств перенаселения, люди быстро обогатились. Вряд ли нашелся бы там человек, не имеющий охотничьего, рыбацкого или туристического снаряжения, равно как и флайера, способного летать на любые расстояния. Используя легкий камуфляж и соблюдая осторожность, люди без особого труда прятали от алеронов разбросанные повсюду домики и летние коттеджи, и, конечно, обнаружить все пятьдесят тысяч этих строений было просто невозможно. Изредка, когда враги все же натыкались на жилища, их обитатели могли укрыться в палатках, в пещерах или под навесом.

Портативные аккумуляторы, в равной степени способные использовать солнечный свет, ветер или текущую воду, тоже относились к числу обычного

дорожного снаряжения. Стандартные миниатюрные передатчики поддерживали сеть коммуникаций. Подслушивание мало что давало противнику. Алероны располагали переводчиками с французского, но в силу собственной окостеневшей культуры, лишенной каких бы то ни было диалектов, не учли, что земляне могут переговариваться, к примеру, на наречии басков или каком-нибудь другом. Наиболее смелые из числа землян периодически делали набег на врага, остальные просто прятались.

В силу того, что Новая Европа имеет небольшой наклон оси, в ее умеренной зоне преобладает мягкая, дождливая зима даже на сравнительно больших высотах. Одним словом, люди, казалось бы, могли держаться бесконечно.

Однако они все же были не на Земле. Жизнь возникла и развивалась здесь сама по себе в течение двух-трех миллиардов лет. Сходные условия привели к сходной химии. Человек получал из местных организмов почти все необходимое. Однако сходство все же не идентичность. Кое-что на Новой Европе отсутствовало, особенно это касалось витамина С. Беглецы захватили с собой запас таблеток, но этот запас подходил к концу. Алероны удерживали в своих руках фермерские земли, где росли земные растения, и города, где находились необходимые биохимические предприятия.

Цинга убивает медленно, начиная разрушительную работу с десен и перебираясь затем на мышцы, пищеварительные органы, кровь и кости. Чаще всего жертва умирает от какой-нибудь другой болезни, которой она уже не в силах сопротивляться. Так или иначе, но человек умирает.

— И они знают об этом, — проскрежетал Иррибарн. — Эти дьяволы знают, в чем наша слабость. Им остается только ждать. — Он поднял кулак. — Неужели Земля забыла нас?

— Нет, — ответил Хейм. — Кому-то обязательно должно прийти это в голову. Но Земля в такой растерянности...

— Петим туда, — сказал Иррибарн. — Я, все мои люди — свидетели. Неужели мы не сможем пристыдить их и заставить действовать?

— Не знаю, — уныло отозвался Хейм. — Конечно, можно попробовать. Но... Может, я шизофреник, но мне все чудятся бесконечные споры.

“Ничего, кроме переговоров, не может вас спасти. Но алероны не вступят в переговоры, пока мы не пойдем на стимулирующие уступки...” Я слишком уверен в том, что, окажись “Лис” в Солнечной системе, ему уже не позволят покинуть ее. Закон, видите ли, предусматривает наличие ядерного оружия только на кораблях армии мирового контроля, и это распространяется даже на пусковые установки. А у нас есть и то, и другое. Сейчас мы, формально, владеем всем этим на законных основаниях, но все будет иначе, окажись мы в пространстве, принадлежащем Федерации.

— Но разве нельзя временно демонтировать боевое оборудование?

— На это ушли бы недели. Оно составляет единое целое с кораблем. Да и вообще, какая разница? Я уже говорил — ваше появление на Земле могло бы стоить нам войны. А это побудило бы алеронов начать переговоры и подготовку к новой агрессии. — Хейм снова подумал о Медилон. — Во всяком случае, так мне кажется. Быть может, я ошибаюсь.

— Нет, — мрачно сказал Иррибарн, — вы правы.

— Возможно, это и впрямь единственный выход — сдаться.

— Должно быть что-то еще! Я не такой фанатик, чтобы настаивать, зная, что женщинам и детям грозит смерть. Но риск умереть против шансов сохранить наши дома... Да, мы все сознательно пошли на это, когда организовывали отряды маки.

Хейм сел, выбил трубку и принялся вертеть ее в руках, устремив неподвижный взгляд на модель своего первого корабля. Его чувства вдруг начали меняться необъяснимым образом, словно свапилась какая-то тяжесть, вызывая внутреннее движение сквозь мрак к далекому и слабому, но придающему сил проблеску.

— Послушайте, — сказал он, — давайте попытаемся продумать все до конца. “Лис” препятствует выходу Земли из состояния войны, отказываясь прекратить свои рейды. До тех пор, пока мы здесь и

сражаемся, люди на Земле, думающие точно так же, как мы, могут заявить, что алеронов учат уму-разуму безо всякого ущерба для налогоплательщиков. Они могут ударить в барабаны пропаганды, представить нас легендарными героями и расшевелить укоренившееся чувство стадности. Они не имеют политического влияния, способного заставить правительство отдать военному флоту приказ о выступлении, но в их силах воспрепятствовать тому, чтобы нас отозвали назад. Я пришел к такому выводу на основе простых фактов, что флот по-прежнему не двигается с места, а нас не отзывают. Разумеется, подобная ситуация весьма неустойчива. Я уверен, так долго она удерживается лишь потому, что Франция связала парламент по рукам и ногам, предоставив ему решать вопрос, действительно ли Земля согласно закону находится в состоянии войны с алеронами. Выход из тупика должен быть найден в ближайшее время. Мы хотим склонить равновесие в свою сторону. О'кей, один из методов достижения данной цели — следовать добру и сделать достоянием гласности тот факт, что вы и другие новоевропейцы живы — допустим, это стало известно, — а также дать всем ясно понять, что вы не собираетесь сдаваться. Сделать это можно... дайте подумать... Да! У нас есть "Мироэт". Стоит его немного подлатать, и он одолеет расстояние до Земли. Или же можно попытаться захватить еще один корабль. Сами мы останемся здесь. На Землю пошлем не мужчин, а сотню женщин и детей. — Хейм хлопнул ладонью по колену. — Вот какой довод будет самым лучшим!

У Иррибарна чуть глаза не выплезли из орбит:

— Вы что, рехнулись? Как вы собираетесь сесть на Новую Европу?

— Космическая планетарная защита еще не приведена в готовность.

— Но... Нет, у них есть несколько детекторных спутников, военные корабли на орбите и...

— Все дело случая, — возразил Хейм. Чувство опасности у него сейчас начисто отсутствовало, все сомнения подавило нарастающее возбуждение. — "Лиса" мы оставим в космосе и большую часть ваших людей тоже. Если попытка окажется неудачной, "Лис"

захватит другую добычу, и ваши люди полетят на Землю в конфискованном корабле. Но, кажется, у меня есть шанс посадить "Мироэт" и снова подняться. Чтобы все точно рассчитать, надо будет поработать с компьютерами, но, думаю, это вполне осуществимо. Если же нет... Что ж, надеюсь, вы не откажетесь принять меня в партизаны.

— Гм... — Иррибарн глубоко затянулся. — Разрешите задать вопрос: была бы эта идея для вас столь же привлекательна, не обещая она вам шанса на встречу с Медилон?

Хейм чуть не поперхнулся.

— Пардон, — пролепетал Иррибарн, — я не хотел вас обидеть. Всего лишь старая дружба, как вы сказали. Верность — неплохое качество в людях. — Он встал и протянул руку. — Идемте. До завтра мы все равно ничего не сможем сделать. Давайте вернемся в кают-компанию.





ГЛАВА 3.

Лис — с потушенными огнями, заглушенными двигателями, с минимумом включенного оборудования, необходимого для поддержания жизни на корабле, — спускался к обратной стороне луны Диана. Она не охранялась, а диаметр в 1275 километров служил надежным укрытием. Однако опасность все равно существовала. Отошедшее от "Лиса" грузовое судно могло быть замечено каким-нибудь бродячим алеронским кораблем, особенно в такие моменты, когда оно сбрасывало ускорение, чтобы совершить посадку. Очутившись на неровной, лишенной атмосферы поверхности Дианы, экипаж грузовоза спрятал судно в кратере потухшего вулкана, надел космические скафандры и вышел наружу. Их путешествие на полушарие Дианы, обращенное к планете, могло бы стать сюжетом небольшой эпической поэмы, но сейчас достаточно будет сказать, что люди выполнили свою задачу и вернулись назад. Рандеву с кораблем было слишком рискованным, чтобы действовать наугад. Люди погрузились в кратер и стали ждать.

Вскоре после этого в Новую Европу врезался гигантский метеорит или карликовый астероид, оставив после себя пылающий след в ночном небе и рухнув в океан дю Жестин в нескольких сотнях километров от побережья Гаранса. Небольшая приливная волна ударила в Байи де'Пешур, вышвырнула корабли на сушу в Бон Шансе, промчалась по Буше дю Карсак и все еще была заметна — грохочущая линия

с гребешками белой пены, лоснящейся черными цветами под звездами, — проникнув в глубь материка до самого притока реки Борде. Атмосфера словно взбесилась во всех приборах алеронов.

Постепенно суматоха улеглась. Поднятые по тревоге флайеры вернулись на свои места. Вновь воцарилось ночное спокойствие.

Однако люди на борту "Мироэт" не дремали.

Когда пять тысяч тонн, к которым был прицеплен корабль, вошли в атмосферу, он освободился от "привязи" и постепенно отстал. Но не на слишком большое расстояние. Было необходимо погасить громадную скорость, и работу двигателя при этом несомненно бы засекли. Но, используя в качестве экрана метеорит, можно было замаскироваться.

Радары не смогли бы засечь ионы, ударившие в поверхность камня и отразившиеся назад, они исчезли в следе падающего метеорита. Оптические и инфракрасные детекторы ослепли в космической буре, вызванной метеоритом. Точно нацеленные и настроенные детекторы, возможно, все-таки зарегистрировали что-то, не имевшее естественного происхождения. Но кто стал бы искать корабль посреди такого буйства? Автопилот для подобных операций не предусматривался — такого просто не существовало. Все зависело от одного Гуннара Хейма. Малейшее отклонение от узкой щели частичного вакуума, и корабль перестал бы существовать. В своих действиях Хейм руководствовался лишь датчиками температуры обшивки корабля и интуицией. Кроме того, он располагал еще расчетами компьютера, указывающими местоположение и скорость корабля. Эти данные постоянно мелькали на экране дисплея. Хейм словно бы слился с кораблем воедино. Его руки мелькали над клавишами компьютера с такой быстротой, что слились в одно расплывчатое пятно. Он не замечал ни накатывающейся волны жары, ни ударов и завываний, вызываемых турбулентностью, — ничего, за исключением бури где-то глубоко внутри себя.

Его космос сузился до размеров огненной полоски, а сознание — до единственной мысли: держать неуклюжую машину в кильватере падающей глыбы. Однажды — целую вечность назад — Хейму уже дове-

лось вести космическую яхту по опасной, как тогда казалось, траектории на остров Вознесения. Но тогда это был вопрос умелого пилотирования легкого и отзывчивого судна. Сегодня же Хейм был роботом, выполнявшим команды кружившихся вихрем электронов...

Нет, он представлял собой нечто большее! Обработка данных, проходивших через тончайшие детекторы чувств, принятие на их основании верного решения, воля делали возможной всю операцию как таковую. Но все происходило на бессознательном уровне, на уровне инстинктов. Для осмысления просто не было времени.

Все произошло в считанные минуты. Впрочем, живая материя не выдержала бы более длительного напряжения. Метеорит, чью скорость лишь слегка замедлила воздушная стена, в которую он нырнул, ушел от корабля и врезался в море с такой силой, что не было всплеска воды — водная масса как бы раскололась. "Мироэт" в это время все еще был в нескольких километрах от поверхности планеты, замедлив скорость до того уровня, который еще мог выдержать металл. На ленте появилось слово "стоп", и Хейм ударил по выключателю. Рев двигателей прекратился, перешел в урчание, а потом наступила тишина.

Хейм проверил приборы.

— Все в порядке, — сказал он. Собственный голос показался каким-то чужим. Мало-помалу Хейм начал возвращаться в себя, словно сбежал от своей души и теперь она его догоняла. — Мы находимся ниже линии горизонта Бон Шанс. Направление — юго-запад. Как раз та траектория, на которую мы пытались выйти.

— Фу-у! — с облегчением вздохнул Вадаж. Волосы облепили его продолговатое лицо с высокими скулами, одежда промокла насквозь.

— Капитанский мостик — машинному отделению, — вызвал Хейм. — Докладывайте.

— Все в порядке, сэр, — раздался голос Диего Гонсалеса, третьего инженера "Лиса". — Во всяком случае, настолько, насколько это вообще возможно. Правда, приборы показывают некоторую деформацию

в двух листах носовой обшивки. Впрочем, ничего страшного. Может, пора включить охлаждение?

— Спрашивает так, словно ему нравится в этой печке, — проворчал Джин Иррибарн. Жар исходил от каждой переборки.

— Давай, — решил Хейм. — Если кто и окажется достаточно близко, чтобы заметить аномалию, все равно уже будет слишком поздно. — Он не отрывал взгляд от пульта, но при этом ткнул большим пальцем в сторону Вадажа. — Показания радара?

— Чисто, — ответил венгр. — Похоже, мы тут одни.

Это все, кто был на борту. Для благополучной посадки больше не требовалось, а Хейм не хотел в случае неудачи терять жизни людей, необходимых "Лису".

Гонсалес, например, был хорошим помощником в своем отелении, но Утхг-а-к,тхакв и О'Хара могли обойтись и без него. Вадаж являлся примером не только умелого стюарда, но как певец играл большую роль в поднятии духа у людей. Тем не менее его тоже нельзя было считать незаменимым на "Лисе". Чтобы направлять "Мироэт", было достаточно одного колониста. Иррибарн вызвался выполнить это опасное и почетное задание. Остальные должны были вернуться на Землю и рассказать обо всем в случае, если план не удастся. Что же касается самого Хейма...

— Вам нельзя, — протестовал Пиойер, когда обсуждались кандидатуры для десанта.

— Неужели? — усмехнулся Хейм.

— Но вы же капитан!

— Ты можешь справиться с этой работой ничуть не хуже меня, Дэйв.

— Нет, — покачал головой Пиойер. — Я все больше и больше убеждаюсь в этом. Дело даже не в том, что вся экспедиция была вашей идеей и вашим детищем. И не в том, как вы осуществляли все это — я имею в виду, как тактик, — хотя со времен лорда Нельсона вряд ли кому-то еще удавалось подобное. Но, черт побери, Гуннар... сэр, без вас мы перестанем быть сплоченным коллективом.

— Я чересчур прост, чтобы изображать из себя простака, — растягивая слова, произнес Хейм. — Возможно, то, что ты сказал, и соответствует истине, особенно первая часть. У нас разношерстная команда, набранная по всей Земле, и каждый человек — это личность, обладающая собственным достоинством. Кроме того, еще предрассудки против наковсов... Мне несколько раз пришлось воспользоваться своей властью, чтобы пресечь их, — помнишь? Однако теперь, после такого долгого совместного похода, когда столько вместе пережито, мы — настоящий экипаж. То, что называется "корабль", черт побери! Б.И. столько раз проявлял себя молодцом, что среди нас не осталось ни одного, кто не свернул бы шею всякому, сказавшему про Б.И. что-либо плохое. А что касается тактики, Дэйв, то половина трюков, которые мы провернули, — твои идеи. Ты бы и без меня справился как надо.

— Ну... но... Но почему именно вы, сэр? Почему вы должны отправляться вниз? Любой из нас, имеющий свидетельство пилота, мог бы сделать это и благодарил бы судьбу за такой случай. Ваше решение кажется мне чертовски бессмысленным.

— Говорю тебе, смысл есть, — ответил Хейм. — Конец дискуссии!

Когда он начинал говорить подобным тоном, никто уже не решался спорить. Однако в душе Хейм был вовсе не столь суров.

Медилон...

Нет, чепуха! Быть может, правду говорят, что нельзя забыть первую любовь?..

Но приходят новые увлечения, и, пока Конни была жива, Хейм редко вспоминал о Новой Европе. Кстати, воссоединение с Джоселин Лори на Сторне тоже почти целиком ушло из его воспоминаний... Пока. Нет сомнений, что его так заклонило на Медилон из-за... Хейм сам не был вполне уверен, из-за чего. Возможно, это была просто глупая царапина, оставшаяся после ушедшей юности. Теперь Медилон уже женщина средних лет, удачно вышла замуж и прибавила в весе, судя по тому, что рассказывал о ней брат ее мужа. Разумеется, Хейму хотелось бы снова увидеться с ней и добродушно посмеяться над

прежними глупостями. Все, что от него требовалось, это проинструктировать пилота "Мироэт", чтобы он непременно захватил Иррибарнов в числе прочих эвакуированных.

"Б.И. пробулькал бы, что этого недостаточно, — подумал Хейм. — Здравый смысл имеет весьма ограниченное применение. Это нечто иное. Может случиться множество непредвиденных вещей. Я лично хочу быть в гуще событий".

Новый звук заполнил корпус — пронзительный звук рассекаемого воздуха, постепенно снижающийся до пустого гула по мере того, как "Мироэт" опускался, теряя скорость. Хейм глянул в передний иллюминатор. Внизу простирался океан — фосфоресцирующие волны от горизонта до горизонта. Вдали неявно вырисовывалась какая-то тень, и Вадаж сказал, что, судя по показаниям радара, это остров. Стало быть, они уже добрались до Айла де'Ревез, находящегося в конце полуострова Нотр-Дам. Хейм хотел, чтобы между кораблем и детекторами, возможно, установленными на урановой шахте дальше к северу, находился архипелаг. Тогда можно будет снова включить гравитроны. Для этого пришлось бы попотеть. Алеронская баржа не была предназначена для аэродинамических маневров. Хейм приподнял нос корабля, включив тягу на минимум.

Гораздо предпочтительнее было сесть в океан де'Оранж и двинуться на запад над Рейз д'Эспо, пересекая незаселенные территории Терра Саваж с тем, чтобы добраться до центральных гор континента. Но хотя космических метеоритов хоть отбавляй, их метеорит должен был удовлетворять многим требованиям. Он должен быть большим, и все же не настолько, чтобы потребовалось много энергозатрат для его перевода на нужную орбиту, где к нему должен был подцепиться корабль. Кроме того, он должен был двигаться после освобождения по вполне естественной траектории и упасть в один из океанов. В поисках такого метеорита можно было бы рыскать по системе Авроры вечно, так что пришлось удовлетвориться первым попавшимся, более-менее подходящим "камешком". Тем временем полным ходом шла реконструкция "Мироэт": свет, температурный режим, воз-

душные системы — все подгонялось под людей. Были отремонтированы ускорители Маха, во внутренних помещениях сдирали ползучие растения и еще менее понятные символы алеронов, аппаратура контроля заменялась на ту, что была привычна землянам. Капитанский мостик выглядел как после набега доисторических варваров.

Корабль падал все медленнее до тех пор, пока океан словно поднялся, лизнув его бока. Вадаж, неуклюже обращаясь с приборами — его обучали этому наспех, — пристально исследовал небо. Рот его был полуоткрыт, словно готов в любую секунду произнести слово "огонь" для Иррибарна, занявшего пост у орудийной башни. Но он обнаружил только ночь, неторопливый ветер да странные созвездия.

Было бы невозможно проделать подобный путь незамеченными над населенными районами. Но территория Новой Европы составляет семьдесят два процента от территории Земли. Это целый мир. Сюр д'Ивонн был едва ли не единственным аванпостом на одном из континентов, в то время как на другом такой заставой был Пейз д'Эспо, который теперь уничтожен. Алероны оккупировали Гаранс, где находились шахты и машины, — всего лишь край безбрежного пространства, — поэтому им приходилось полагаться на разбросанные там и сям детекторные станции, на совершающие регулярные облеты флайеры, а также на все еще не законченную спутниковую систему. Поскольку прилет остался незамеченным, Хейм получал преимущество в игре.

И тем не менее осторожность и еще раз осторожность.

Когда архипелаг остался позади и корабль начал зарываться носом в воду, Хейм снова включил двигатель. Словно темный летающий кит, "Мироэт" перевернулся и неуклюже поплыл на запад. Мимо проплыл остров. Хейм разглядел прибой, набегающий на затененный деревьями берег, и представил себе, что слышит шум листьев и даже ароматы полутропического леса. Видение было туманным, каким-то полупурельным — поистине остров мечты.

"Человеческой мечты, — гневно подумал Хейм, — и больше ничьей".

Пока корабль пересекал море Драконов, все чувствовали себя как бы голыми на таком обширном пространстве. Направление теперь изменилось, они двигались на северо-запад. Показалась Диана почти в полной фазе. Спутник Новой Европы был меньше, чем Луна, видимая с Земли, — его угловой диаметр составлял двадцать две минуты, — и менее яркий, но все же похожий на рыжевато-коричневый с голубыми отметинами рог изобилия, распластавший над морем металлические крылья.

Затем показался материк — горы, леса и снежные вершины вдалеке. Хейм взглянул на приборы, определяя высоту.

— Пожалуй, тебе стоит подежурить у радио, Джин, — сказал он. — Не хотелось бы, чтобы, заметив нас, все разбежались и попрятались или, того хуже, напали. Напомни еще раз название того места, куда мы направляемся.

— Лак окс Нуагес, — ответил Иррибарн.

Хейм принялся изучать карту:

— Да, нашел, это здесь. Большое высокогорное озеро. Не слишком ли это нарушает конспирацию — постоянный штаб?

— Укрытие довольно надежно, в основном благодаря обширной территории и постоянному туману. Если произойдет нападение, есть возможность укрыться в окрестных зарослях острова, — сказал Иррибарн.

В интеркоме раздались звуки шагов, когда он вышел из оружейной башни, направляясь в рубку, а вслед за тем — торопливый говор на языке басков.

Земля внизу становилась все более неровной. Сбегавшие с заснеженных вершин речки, перескакивая через уступы и пенясь, устремлялись в глубокие долины и исчезали из виду, серебрясь среди песов. Потревоженная птичья стая поднялась ввысь, когда над ней проплыл корабль, — не меньше миллиона пар крыльев заслонили небо. Вадаж ошарашенно присвистнул и что-то пробормотал по-венгерски.

— Прежде меня удивляло, сколько времени люди могут прятаться... да что там — просто оставаться живыми — в кустах. Однако эти существа, превы-

шающие их численностью более чем в три раза, способны на такое.

— Да, — буркнул Хейм, — если бы не одно обстоятельство.

В поле зрения появилось озеро — широкая светлая полоса среди темнеющих деревьев, окруженная вдали горами, чьи ледники блестели в лунном свете. Иррибарн передавал по радио инструкции. Хейм нашел указанное место как раз напротив северного берега и посадил корабль. Вода сомкнулась над ними, скрывая от посторонних глаз. Хейм услышал, как скрипнули шпангоуты, ощутил, как неописуемо мягкое сопротивление прошло по остову корабля, выключил двигатели, и "Мироэт" лег на дно, удобно устроившись в иле.

Выключив внутреннее поле тяготения, Хейм обнаружил, что палуба заняла наклонное положение. Сердце ушло в пятки, но он только проворчал:

— Давайте выбиратья на берег.

Даже при 0,7 "g" попытка добраться до шлюза аварийного выхода, не упав при этом, была бы смехотворной.

Когда четверка была готова к выходу, завязав узлом одежду и повесив на шею, Хейм задрал внутреннюю дверь и открыл наружную. Холодная как лед вода хлынула в шлюз. Хейм оттолкнулся вверх и как можно быстрее поплыл к берегу. Лунный свет блестел на ружьях людей, стоявших на берегу в ожидании его.





ГЛАВА 4.

Палатка была довольно большая, а окружающие ее деревья еще выше. Их красновато-коричневые стволы завершались словно фонтаном из веток, листья образовывали сплошной свод, закрывавший павильон и отбрасывавший на него холодноватые тени попеременно с солнечными бликами. Листья здесь имела зеленовато-золотистый оттенок, который был характерен для местной растительности и благодаря которому земля Гаранс получила свое название. Но на ветру листья шелестели точно так же, как и земная. При очередном порыве ветра, когда в зеленом шатре образовывались прорехи, Хейму удавалось увидеть лежащее внизу озеро. Оно как-то тревожно блестело — вся поверхность, насколько хватало глаз. То тут, то там виднелись покрытые лесом острова, и, не считая их, единственной сушей, видимой в этом направлении, была сьерра, увенчанная белой кроной. Кажущиеся издали голубыми, снежные вершины создавали своеобразный узор на фоне темно-синего неба.

С восхода Авроры прошло еще мало времени. Восточные горы по-прежнему были в тени, а западные лишь слегка окрасились в нежный оранжевый цвет. В таком состоянии они должны были пробыть еще некоторое время. Для завершения оборота Новой Европе требуется более семидесяти пяти часов. Здешнее солнце не особенно отличалось от земного: на глаз более яркое, причем цвет ближе к оранжево-

му, чем к желтому. Как-то на рассвете Хейм обнаружил Вадажа, покрытого росой, который наблюдал за игрой света в тумане, клубившемся над озером. Венгр был не в состоянии вымолвить ни единого слова.

Это время было уже в прошлом, как и тот час, когда полковник Роберт де Виньи, в прошлом начальник планетарной полиции, а теперь некоронованный король маки, вернулся в штаб (впрочем, вместо короны у него был берет). Вернулся он не после налета, а из экспедиции, предпринятой с целью найти несколько техников и организовать их переброску в "сторожку Равиньяк", где главный гидроэлектрический генератор требовал ремонта (из такой вот незаметной, скромной работы и складывалось великое дело выживания новоевропейцев). Так же в прошлом было первое ликование воссоединения — с Иррибарном, который считался пропавшим без вести, с Вадажем, отсутствовавшим в течение года, и с Хеймом, который был здесь целую вечность назад.

Де Виньи сказал что-то по-французски и снова сел за свой стол. Вадаж нашел стул, сел, низко пригнувшись, и уставился на собственные ботинки.

— Скажи ему, Джин, — пробормотал он наконец. — Мой французский совсем выветрился за столь долгое отсутствие.

Де Виньи сжался, словно в ожидании удара. Он был седой и не очень высокий, но с прямой, как струна, спиной, а лицо могло бы принадлежать жителю Трои.

— Продолжайте, — сказал он по-французски совершенно бесцветным голосом. Баски с нетерпением ждали. — Рассказывайте, — спустя некоторое время повторил де Виньи, но Иррибарн, казалось, не знал, с чего начать, — столько накопилось разных новостей.

Когда он все же закончил рассказ, полковник по-прежнему хранил внешнее спокойствие, только тихонько барабанил по столу.

— Итак, — спокойно сказал он, — Земля предала нас.

— Не вся Земля! — воскликнул Вадаж.

— Верно, не вся, ведь вы же здесь. — Маска постепенно исчезла с лица де Виньи, обнаружив мус-

кулы, натянутые у челюстей, да две глубокие складки по обе стороны от седых щетинистых усов и пульсирующую на шее жилку. — И, насколько я понимаю, вы здорово рискуете. В чем состоит ваш план, капитан Хейм?

Теперь отыскать слова было гораздо проще. Тем не менее Хейм все-таки говорил по-английски, которым де Виньи владел в достаточной мере:

— Как я уже объяснил лейтенанту Иррибарну, Землю необходимо убедить в двух вещах. Во-первых, что ваши люди живы, а во-вторых, что вы не согласитесь ни на какое примирение, если это будет сделано нечестно и будет стоить вам ваших домов. Что ж, те из ваших людей, которые сейчас находятся в космосе на борту моего корабля, могли бы стать решающим доказательством первого пункта. Однако людям свойственно прихвастнуть и преувеличить, когда разговор зайдет о предполагаемой борьбе, в которой они могли бы участвовать, поэтому, объяви они о решении, о котором сказано во втором пункте, их заявление просто-напросто могли бы оставить без внимания.

— И правильно бы сделали, — заметил де Виньи. — История знает немало примеров того, когда нации, объявлявшие, что будут сражаться до последнего человека, не выполняли своей клятвы. Тем более никогда не возникало вопроса о том, чтобы сражаться до последней женщины или до последнего ребенка. Если Земля в ближайшее время не придет нам на помощь, я, вне всякого сомнения, попытаюсь спасти людей, заключив с алеронами любую сделку, какую они только пожелают.

— Я как раз подхожу к этому, — сказал Хейм. — Если мы сумеем отправить на Землю часть ваших женщин и детей, для среднего землянина это прояснит дело в целом как нельзя лучше. Они станут могущественной поддержкой той фракции, которая стремится именно к победе. Есть три способа воздействия на умы: банальная слезная мольба; живое доказательство того, что сопротивление алеронам вовсе не обязательно влечет за собой тотальное бедствие; и... Право, женщина, заявляющая, что ее народ не жаждет сдаваться, обладает гораздо большей способ-

ностью к убеждению, чем мужчина. Баланс мнений на Земле, на мой взгляд, весьма неустойчив. Возможно, одного их появления будет достаточно, чтобы склонить чашу весов в нашу сторону.

— Вы оперируете гипотезами, месье капитан. Я же вынужден иметь дело с печальной действительностью, которая состоит в том, что всем нам грозит болезнь.

— Ну, а если они сообщат, что вам ничего не грозит? Что тогда?

Де Виньи сжал кулаки:

— Что вы предлагаете?

— Достать необходимые витамины. Послушайте, разве это не правда, что алероны испытывают немалые затруднения в работе с вашими механизмами? И неужели вы не усугубили все это своими руками?

— Да, но это вряд ли имеет значение.

— Ошибаетесь. Это имеет немалое значение, поскольку они разрываются на части, чтобы поскорее закончить космические укрепления, а я вообще выбил их из графика так, что они, надеюсь, еще не скоро очухаются. Мне кажется, если бы вы предложили оставить их в покое, а может, даже послали бы к ним несколько техников, они бы пошли на обмен. Дали бы вам нужные таблетки. Разумеется, вам бы пришлось сперва убедиться, что эти капсулы именно с витамином С, но это будет сделать не трудно.

— Что? — вскипел Иррибарн. — Пойти на сделку с врагом?!

— На войне это случается не так уж и редко. — Де Виньи поскреб подбородок. — Честно говоря, именно такие условия я и собираюсь поставить в случае, если мы дойдем до полного отчаяния. Они поймут, что мы стараемся выиграть время в надежде на помощь с Земли. Но если они не в курсе того, что эта помощь в конце концов все же может прийти... Да, почему бы им не использовать наиболее легкий способ избавиться от наших нападений? Они считают, что разобраться с нами можно будет и позже... Разумеется, они могут потребовать безоговорочной капитуляции, настаивая на том, чтобы мы спустились

в долины, где бы нас окружили и согнали в какой-нибудь загон.

— Если они этого потребуют, — сказал Хейм, — я думаю, мы могли бы попробовать захватить запасы, хранящиеся в пакгаузах, или даже промышленное оборудование в совместной операции ваших бойцов и моего корабля. Или, если это вам кажется совсем невероятным... — Он проглотил горький комок в горле. — Мы можем выложить такой козырь, как мое обещание вернуться домой.

— Око за око, — вздохнул де Виньи. — Это, разумеется, их бы устроило. Но давайте сначала попробуем сделать первое предложение, за которое не пришлось бы платить столь дорогой ценой. Сделаем вид, что мы не имеем с вами никакой связи, а ваш корабль будем пока держать в резерве.

— Кроме того, мы ведь должны еще отправить отсюда эвакуируемых, а для этого необходима внешность.

Де Виньи пристально посмотрел на Хейма.

— Признаться, меня весьма удивляет ваша озабоченность судьбой сотни-двух женщин и детей. Лично я придаю им меньшее значение. Наше продолжительное пребывание здесь как свободных людей, пожалуй, быстрее бы заставило Землю предпринять какие-то шаги. Однако... Двести спасенных все же двести спасенных, поэтому поступайте как знаете. Но как вы намереваетесь вывести эту неуклюжую посудину, перегруженную людьми, за Мах-предел?

— "Лис" сделает сопроводительный рейс, стоит лишь дать ему сигнал.

— Что? Он так близко и его до сих пор не заметили? Что за чертовщина? И как же вы устроите с ним лазерный контакт, если радары алеронов не могут его обнаружить?

— Мой инженер сейчас как раз объясняет вашим техникам всю эту систему, давайте пока вернемся к тактическим вопросам. Ответы на технические вопросы заняли бы слишком много времени. Один хорошо вооруженный корабль, атакующий внезапно, способен создать такой бедлам, что чертям будет тошно. Как только "Мироэт" окажется в космосе, "Лис" будет сопровождать его до тех пор, пока он не вы-

идет на рубеж Мах-ускорения. Согласно имеющейся у нас информации, выдаваемой приборами, захваченной в числе прочего документации, радиоперехватам, а также благодаря одному парню, который, дай ему срок, способен разобраться в любом языке... так вот, согласно этой информации большая часть вражеского флота сейчас занята охотой на "Лису" в системе Авроры и за ее пределами. Поэтому мы должны успеть уйти из опасной зоны прежде, чем они узнают, куда подтянуть силы, которые смогут прогнать "Лису".

— На мой взгляд, — нахмурился полковник, — вы жонглируете слишком многими неизвестными.

— На мой тоже, — сухо ответил Хейм. — Но один способ прояснить некоторые из них очевиден. Позвольте мне отправиться вместе с вашей делегацией к алеронам. Они примут меня за колониста. Но я их знаю достаточно хорошо. Да это и не удивительно — столько лет мы с ними деремся. К тому же, как у любого профессионального астронавта, глаз у меня наметанный, чего они, конечно, не могут ожидать. Андре тоже должен пойти. Как поэт, он быстро схватывает суть психологии инопланетян. Между нами говоря, мы могли бы помочь вам не только совершить сделку на более выгодных условиях, но и доставить немало полезной информации, на основе которой можно будет в дальнейшем строить наши специфические планы.

— Гм... Ну что ж... — С минуту де Виньи напряженно думал, потом вдруг сказал: — Так и быть. Время дорого, так что не будем терять его. Итак, насколько я понял, график нашей деятельности выглядит следующим образом. Мы немедленно начинаем подготовку к эвакуации. В течение нескольких дней люди, выбранные для этой цели, будут доставлены сюда по одному, по двое. Мы должны также собрать необходимый запас провианта, причем сделать это нужно незаметно. Но мои люди смогут доставлять груз из леса к вашей шлюзовой камере под водой, так что сверху ничего не будет видно. Тем временем я устанавливаю радиосвязь с алеронами и прошу у них согласия на переговоры. Они, без сомнения, согласятся, тем более что их новый шеф по операциям

военного флота, согласно донесениям, кажется весьма любезным малым. Возьму на себя больше, утверждая, что они примут наших представителей уже завтра. Если мы сможем достичь соглашения, предложив прекращение партизанской войны и, возможно, оказание технической помощи в обмен на витамины, — хорошо. Начнется реальное воплощение этого договора или нет, делегация возвращается сюда. Потом ваш корабль атакует с тем, чтобы дать возможность транспорту благополучно взлететь. Затем, если нас снабдят капсулами, вы продолжаете свою игру в космосе как можно дольше. Если же нет и нам не удастся похитить витамины, я снова вызову их по радио и предложу ваш выход из игры в обмен на нужные нам витамины. На это-то они согласятся как пить дать. В результате большой или малой ценой мы выиграем время, в течение которого — будем надеяться — Земля придет нам на помощь. Так?

Хейм кивнул и достал трубку:

— Идея именно такова.

Поздри де Виньи расширились:

— Табак? Мы уже почти забыли о нем.

Хейм усмехнулся и бросил кисет на стол. Де Виньи позвонил в колокольчик. На пороге возник адъютант — рука поднята в приветствии.

— Найди мне трубку, — сказал де Виньи. — И если капитан не возражает, можешь захватить и для себя.

— Будет исполнено, мой полковник! — адъютант исчез.

— Ну что ж, — де Виньи слегка расслабился, — униженно благодарить не в моих правилах. Что может Новая Европа сделать для вас?

Хейм заметил полунасмешливый, полусочувственный взгляд Вадажа, покраснел и, запинаясь, ответил:

— У меня есть на этой планете давний друг, который сейчас состоит в родстве с Джинном Иррибарном. Это жена его брата. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы она и ее семья были в числе эвакуированных.

— Пьер не захочет улетать, если другие мужчины остаются, — тихо заметил Иррибарн.

— Но они, безусловно придут сюда, если вы хотите, — продолжал де Виньи и снова звонком вызвал другого адъютанта. — Лейтенант, почему бы вам не отправиться вместе с майором Леграном в моем флайере? Его аппаратура позволяет связаться с любым уголком Оутс Гаранса. Если вы сообщите оператору, где находится ваш брат и его семья... — Когда с этим было покончено, он сказал, обращаясь к Хейму и Вадажу: — Сегодня у меня дел хоть отбавляй, это ясно как день. Однако давайте отдохнем до ленча. Нам есть что рассказать друг другу.

Сказано — сделано.

К тому времени, когда наконец пришла пора расставаться, Хейм и Вадаж были уже с полковником на короткой ноге.

Уже совсем стемнело. Хотя в лагере вокруг озера было немало людей, их укрытия, разбросанные в разных местах и тщательно замаскированные, невозможно было заметить постороннему глазу. Вся деятельность тоже осуществлялась очень скрытно. Время от времени мимо пролетал флайер, вскоре терявшийся между стволами деревьев под лиственной крышей. В нескольких местах были установлены небольшие радары на случай маловероятного появления алеронского судна. Инженеры не могли доставить на корабль грузовой тубус до наступления ночи, разве что над озером повиснет туман, что случалось здесь нередко, и послужит надежным прикрытием. В ожидании подходящего момента люди, чтобы скоротать время, рассказывали друг другу анекдоты, играли в карты, занимались мелкими хозяйственными делами. Всем хотелось поговорить с землянами, но те вскоре устали повторять одно и то же. Кроме того, с полудня начала сказываться и физическая усталость. Они уже были на ногах добрых восемнадцать часов.

Вадаж зевнул.

— Пошли в палатку, — предложил он. — У этой планеты очень неудобный период вращения. Приходится проводить во сне треть дневного времени и бодрствовать две трети ночного.

— Что ж, — отозвался Хейм, — иначе она была бы непригодна для освоения.

— Это еще почему?

— А ты не знаешь? Ну, слушай. Масса Новой Европы составляет лишь половину массы Земли и получает около восьми процентов радиации соответственно с земной. Воздух исчез бы отсюда давным-давно, если бы не то обстоятельство, что утрата воздуха происходит, главным образом, вследствие магнитного взаимодействия с солнечным ветром. Даже звезда класса Д-5, такая, как Аврора, выбрасывает в пространство немалое количество вещества. Но медленное вращение планеты означает слабое магнитное поле.

— Стало быть, и за это мы должны благодарить Провидение, — задумчиво произнес Вадаж.

— Гм! — фыркнул Хейм. — Тогда мы должны винить Провидение в том, что Венера удерживает слишком много атмосферы. Это вопрос физики. Чем меньше планета и чем ближе она к своему солнцу, тем меньше разница углового механического момента между внутренним и внешним сектором пылевого облака, из которого она образовалась. И, как следствие, тем медленнее вращение.

Вадаж хлопнул его по плечу:

— Не завидую я твоим философским способностям, мой друг. Господь милостив, но нас подстерегает смертельная опасность превратиться в педантов. Давай все же вернемся в палатку. Там у меня есть бутылка бренди и...

Они уже подходили к палатке, пересекая луг, усыпанный цветами, отчего казалось, что он залит золотом, когда из-за деревьев вышел Джин Иррибарн.

— А, вот вы где! — воскликнул он. — А я вас ищу.

— Что-нибудь случилось? — спросил Хейм.

Лейтенант снял:

— Ваши друзья здесь. — Он повернулся и крикнул: — Э-эй!

Они вышли на открытое место — все шестеро. Кровь прилила к сердцу Хейма и тут же отхлынула. Облитые солнечным светом сумерки закрутились вихрем вокруг него.

Она робко подошла к Хейму. Походную одежду, выцветшую и бесформенную, сегодня сменило платье, захваченное в числе прочего в лес и каким-то чудом

сохранившееся. Легкое и белое, оно трепетало на ветру вокруг ее длинноногой стройной фигурки. Аврора обесцветила аккуратно заплетенные каштановые волосы, сделав их светлее кожи. Но они блестяли, и одна прядка, выбившаяся на высокий лоб, мягко шевелилась на ветру как живая. Фиалковые глаза не отрывались от Хейма.

— Медилон, — прохрипел он.

— Гуннар! — Красавица взяла его за обе руки. — Мы так давно не виделись. Здравствуй.

Она говорила по-французски, но Хейм все понял.

— Я... — У него перехватило голос. Он с трудом расправил плечи. — Я поражен... — с трудом выговорил он. — Твоя дочь так похожа на тебя.

— Прощу прощения? — Женщина не уловила смысла фразы, произнесенной на английском, от которого давно отвыкла.

Ее муж, копия Джина, только в более старшем и мощном исполнении, перевел, пожимая Хейму руку. Медилон рассмеялась и что-то сказала дочери по-французски, из чего Хейм понял лишь последние слова:

— ...мой старый добрый друг Гуннар Хейм.

— Очень рада, мсье, — сказала Даниэль Иррибарн.

Ее было едва слышно из-за ветра, шелестевшего листвой и заставлявшего свет и тени исполнять замысловатые танцы. Пальцы девушки, маленькие и холодные, быстро выскользнули из руки Хейма.

Он несколько рассеянно ответил на приветствия подростков Джеквеса, Сесиль и Айвза. Медилон много говорила — в основном дружеские банальности, — а братья Иррибарны выполняли роль переводчиков. Все это время Хейм стоял и молчал. Не попрощавшись и пообещав организовать настоящую встречу после сна, Медилон улыбнулась ему.

Хейм и Вадаж долго смотрели им вслед, прежде чем пройти к себе. Когда их поглотил лес, менестрель принялся насвистывать.

— Так, значит, это и есть образ твоей бывшей возлюбленной, та девушка? — спросил он.

— Более-менее, — ответил Хейм, вряд ли осознавая, что отвечает не себе, а другому. — Мне кажется,

есть отличия. Память иногда проделывает с нами подобные штуки.

— Тем не менее и дурак бы понял, что ты имел в виду, когда... Прости меня, Гуннар, но позволь дать тебе совет: будь осторожен. Слишком много лет пролегло между вами, и очень легко запнуться о них.

— Боже правый! — злобно взорвался Хейм. — За кого ты меня принимаешь? Я просто был ошарашен, и ничего больше.

— Ну, если ты так уверен... Видишь ли, мне бы не хотелось...

— Заткнись. Лучше доставай свое бренди.

Хейм устремился вперед большими шагами.





ГЛАВА 5

День незаметно клонился к вечеру, но жизнь по-прежнему бурлила в лагере на берегу озера, напоминая о том, что время военное. На закате Хейм обнаружил, что они с Даниэль сидят на мысу вдвоем.

Теперь у него не было прежней уверенности. Вслед за первой встречей состоялся "пир", настолько праздничный, насколько позволяли условия, под навесом, сооруженным по соседству с флайером Иррибарна. Шампанское, которое Хейм предусмотрительно захватил на борт "Мироэт", лилось рекой, утопив в себе натянутость и неловкость первой встречи. Растянувшись на траве, все слушали, а многие подпевали гитаре Вадажа. Но Хейм и Медилон держались несколько в стороне, пытаясь завести разговор, а ее старшая дочь молча сидела рядом. О прошлом особенно говорить было нечего. Хейм о нем не жалел, да и Медилон, как ему показалось, тоже. Встретившись вот так, они увидели, насколько далеко разошлись их пути. Теперь лишь взгляд, улыбка, короткая усмешка могли преодолеть разделявшее их расстояние.

Она в высшей степени достойная женщина, подумал Хейм, но это не Конни и даже не Джоселин. А я, если на то пошло, не Пьер. Поэтому они ограничились тем, что рассказали друг другу о том, как жили все это время. Ее жизнь была тихой и спокойной, пока не пришли алероны. Пьер, инженер по профессии, занимался строительством плотин и электрос-

танций, а она воспитывала детей. Потом настала очередь Хейма рассказать о себе, и незаметно для себя он начал старательно приукрашивать факты своей биографии. Получилось это естественно и непринужденно.

То и дело он ловил себя на том, что украдкой смотрит на Даниэль.

Именно с этого момента в голове Хейма начиналась путаница, когда он вспоминал происшедшее. Компания начала понемногу распадаться. Хейм не хотел спать, хотя вино шумело в голове, но тело требовало разминки. Он произнес что-то насчет того, чтобы пройтись. Пригласил ли он девушку пойти с ним, или же она сама попросилась, или Медилон, рассмеявшись особым грудным смехом, отослала их вместе, пошутив насчет того, что ему нужен гид? Говорили все, но отчасти из-за слабого знания французского, отчасти из-за шума в голове Хейм не помнил точно, кто что говорил. Единственное, что он запомнил, как Медилон толкнула их в сторону, где лес был особенно густым.

Некоторое время до них еще доносилась песня Вадажа, но к тому времени, когда они вышли на берег озера, вокруг раздавался только плеск воды, шелест листьев и похожее на флейту пение какой-то птицы. Аврора садилась за западные пики на фоне огненно-золотистого скопления облаков. Длинные светлые тени протянулись от солнца, словно расплавленные мосты над водой. Но на востоке уже клубился туман, пришедший неторопливо, как и закат — топазовая стена, вершина которой вздымалась знаменем цвета одуванчика в небо, все еще по-дневному светлое. Кожу слегка охлаждал ветерок.

Хейм заметил, что девушка обхватила себя руками.

— Вам холодно, мадемуазель? — спросил он по-французски, вдруг испугавшись мысли, что придется вернуться. Даниэль улыбнулась, прежде чем он успел снять пиджак, — вероятно, ее рассмешило его произношение. Хейм накинул пиджак ей на плечи. При этом его рука слегка коснулась ее шеи. Он почувствовал, как напряглись ее мышцы, и поспешил отдернуть руку.

— Спасибо. — Ее голос был слишком тонок для английского или норвежского, а потому родной язык в ее произношении звучал как песня.

— Но как же вы сами?

— Ничего, все в порядке (Проклятье! Имеет ли слово "в порядке" то значение, которое он хотел выразить?). Я... — он мучительно подыскивал слова. — Я слишком стар и... Как это? — "Слишком стар и слишком волосат, чтобы чувствовать холод", — мысленно добавил он.

— Вы вовсе не старый, мсье, — серьезно сказала она.

— Ха! — Он сунул руки в карманы брюк. — А сколько вам лет? Девятнадцать? У меня есть дочь, которая... которую... она... У меня есть дочь всего на несколько лет младше вас.

— Что ж... — Даниэль взяла себя за подбородок. Хейм подумал, как изящна линия, переходящая в нежный рот с чуть припухшими губами, и как заодно торчит вверх ее курносый нос, на котором кое-где проступают веснушки. — Я знаю, что вы ровесник моей матери. Но выглядите моложе, а то, что вы сделали, было бы под силу далеко не каждому.

— Благодарю, благодарю. Пустяки.

— Мама была так взволнована, когда услышала о вас, — продолжала Даниэль. — Мне кажется, папа даже слегка ударился в ревность. Но теперь он любит вас.

— Твой отец хороший человек.

Убогость словарного запаса приводила Хейма в бешенство. Что это за разговор, когда ты не можешь произнести ни одной фразы, выходящей за рамки школьной программы для первого класса?!

— Могу я задать вам один вопрос, мсье?

— Задавай какой угодно.

Непокорная прядка выбилась из ее прически.

— Я слышала, что мы — те, которые отправятся на Землю, — делаем это, чтобы просить помощи. Вы действительно считаете, что наша просьба будет иметь такое большое значение?

— Ну... э-э... нам было необходимо прилететь сюда. То есть теперь мы установили связь с вами, а заодно можем захватить отсюда часть плушей.

Между бровями Даниэль на мгновение появилась озабоченная морщинка:

— Но я слышала разговор о том, насколько сложно было незаметно посадить такой большой корабль. Разве не лучше было бы воспользоваться каким-нибудь маленьким судном?

— Вы очень умны, мадемуазель, но...

Прежде чем Хейм сконструировал предложение, Даниэль легонько прикоснулась к его руке и сказала:

— Вы приплетели, рискуя жизнью ради мамы. Разве не так?

— Гм... Ну, конечно, я думал о ней. Мы ведь старые друзья.

— Старые влюбленные, как я слышала, — улыбнулась Даниэль. — Не все еще рыцари перевелись, капитан. Сегодня я сидела возле вас вместо того, чтобы петь хором, потому что вы так красиво смотрите.

Сердце Хейма подпрыгнуло, затем он понял, что означало местоимение "вы". От всей души он надеялся, что свет закатного солнца сделал незаметным краску, покрывшую его лицо.

— Мадемуазель, — сказал он, — мы с вашей матерью — друзья. Только друзья.

— О, конечно, я понимаю. И все же это было так мило с вашей стороны — все, что вы сделали для нас. — Над головами зажглась вечерняя звезда. — А теперь вы отвезете нас на Землю. Я с детства мечтала о таком путешествии.

Появилась благополучная возможность сказать, что скорее Земля должна встать на задние лапки и просить о чем-то ее, а не наоборот. Но Хейм лишь неповоротливой глыбой возвышался над девушкой, пытаясь найти способ выразить это как-нибудь поизящнее. Даниэль вздохнула и отвернулась.

— Ваши люди тоже рыцари, — сказала она. — У них не было даже такой причины, чтобы сражаться на Новой Европе. Кроме, может быть, мсье Вадажа.

— Нет, у Вадажа здесь нет никого, — ответил Хейм. — Он трубадур.

— Он так чудесно поет, — пробормотала Даниэль. — Я слушала с удовольствием. Он венгр?

— По рождению. Сейчас у него нет дома. — Славный ты парень, Андре, но что-то уж слишком много мы говорим о тебе, подумал Хейм, а вслух продолжал: — Когда вы с семьей придете на Землю, пользуйтесь моим домом. Я прилечу, когда смогу, и возьму вас в свой корабль.

Даниэль захлопала в ладоши.

— О, чудесно! — весело защебетала она. — Мы с вашей дочерью станем подругами. А потом — путешествие на боевом корабле... Какие победные песни мы будем распевать по пути домой!

— Ну как, возвращаемся в лагерь? Скоро стемнеет.

В подобных обстоятельствах лучше проявить себя джентльменом, насколько это возможно.

Даниэль закуталась в пиджак:

— Да, если хотите.

Хейм не был уверен, что девушка сказала это с неохотой. Но, поскольку она уже встала, он не стал ничего говорить. По дороге они обменялись лишь несколькими фразами.

Пикник и в самом деле подходил к концу. Хейм и Даниэль вернулись как раз в тот момент, когда все желали друг другу доброй ночи. Когда девушка возвращала пиджак, Хейм отважился легонько пожать ей руку. Вадаж галантно поцеловал эту руку, напоминая придворного кавалера времен какого-нибудь Людовика.

Когда они возвращались к себе в голубых сумерках, наполненных шелестом листвы, Вадаж мечтательно произнес:

— А ты все же счастливчик.

— О чем ты? — не понял Хейм.

— Покорить такую очаровательную девушку!.. О чем же еще?

— Ради бога! — прорывал Хейм. — Нам просто хотелось немного размять ноги. Я пока не дошел еще до того, чтобы выкрадывать младенцев из колыбели.

— Не такой уж она и младенец... Ты сам-то веришь в то, что говоришь, Гуннар? Постой, не стирай меня в порошок! Во всяком случае, не в очень мелкий. Я просто хочу сказать, что мадемуазель Ирри-

барн очень мила. Ты не будешь возражать, если я навещу ее?

— Какого черта я должен возражать? — огрызнулся разозленный Хейм.

— Но запомни, что она — дочь моего друга, а эти колониальные французы сохранили средневековые представления о нравственности и приличиях. Ты меня понял?

— Безусловно. Можно больше к этому не возвращаться.

Остаток пути Вадаж весело насвистывал, а забравшись в спальный мешок, тотчас безмятежно захрапел. Хейм же еще долго мучился перед тем, как заснуть.

Может, именно поэтому проснулся он поздно и обнаружил, что в палатке никого нет. Вероятно, Диего помогал де Виньи, а Андре куда-то ушел.

Партизанам было нецелесообразно устанавливать постоянные часы приема пищи, и, судя по тускло светившейся походной плитке, завтрак был уже приготовлен. Хейм заварил кофе, разогрел кусок дичи и отрезал хлеба, испеченного в традициях старой, истинно французской кухни и не годившегося для нежных желудков. Потом он умылся, сбрил с лица щетину, оделся и вышел наружу.

Очевидно, для меня нет пока никаких сообщений, подумал Хейм. А если поступят, то мне передадут. Что-то тревожно на душе. Не искупаться ли? Он взял полотенце и пошел к озеру.

Диана была уже высоко. Проникавший сквозь листву свет превращался в колеблющийся сумбур черного и белого, среди которого одиноко качался луч его фонарика. Воздух нагрелся, и туман рассеялся. Хейм слышал типичные для здешнего леса звуки: посвистывание, чириканье, кваканье, хлопанье — и все же они чем-то отличались от земных. Когда Хейм вышел на берег, озеро показалось ему сверкающим собольим мехом, каждая "воронка" — маленькая волна — переливалась в лунном свете. Седые снежные вершины величественно вздымались к звездным россыпям. Хейм вспомнил, как однажды на Сторне пытался разглядеть Аврору. Теперь это не составляло труда, поскольку в здешнем небе она пылала огром-

ной яркой звездой. Триумф, состоявшийся приблизительно тогда, когда Даниэль еще только родилась...

Хейм разделся, оставил фонарик зажженным, чтобы не искать потом одежду, и зашел в воду. Вода оказалась холодной, но Хейму понадобилось совсем небольшое волевое усилие, чтобы заставить себя окунуться с головой, когда вода дошла до пояса. Некоторое время он просто плескался, согреваясь, потом поплыл длинными спокойными взмахами. Лунный свет рябил на поверхности остававшейся за Хеймом дорожки. Легкий теплый ветерок скользил по коже, как пальцы девушки.

"Кажется, дела идут на лад, — с нарастающим удивлением подумал Хейм. — У нас действительно неплохие шансы спасти эту планету. И если взамен, в числе прочего, я должен буду прервать свою пиратскую карьеру — что ж, зато я вернусь на Землю".

Звучала ли мелодия внутри него или какая-то птица запела в гнезде?..

Нет, птицы не играют на двенадцатиструнке. Хейм улыбнулся и поплыл вперед, стараясь двигаться бесшумно. Андре будет очень полезно, если сзади его схватит холодная влажная рука, а чей-то голос завопит: "Бу-у-у!" Песня становилась все слышнее. На сей раз менестрель пел на немецком языке о прекрасной Розелин.

Когда песня закончилась, Хейм увидел сидевшего на бревне Вадажа, чей темный силуэт вырисовывался на фоне неба. И он был не один.

Ясно различимый в ночной тишине, прозвучал голос девушки, вторившей певцу по-французски.

Вадаж рассмеялся, и они заговорили. Из всего диалога Хейм уловил лишь, что речь шла о Гете, о красоте природы, о песнях...

Даниэль зябко повела плечами, и Вадаж, подняв с земли плащ, набросил его на себя и девушку, снова прошептав что-то по-французски, на что Даниэль, словно бы колеблясь, ответила:

— Да, но мои родители...

— Пф-ф... — фыркнул Вадаж и опять что-то зататорил.

Даниэль весело хихикнула.

— ...песню любви, — разобрал Хейм последние слова Вадажа, прежде чем тот мягко тронул струны и чарующие звуки музыки слились с окружающим миром, превратившись в неотъемлемую часть ночи, песка и воды. Голос певца вплетался в этот чудесный венок, делая его еще прекраснее. Даниэль вздохнула и теснее прижалась к своему спутнику.

Хейм поплыл назад.

“Нет, — повторял он себе снова и снова, — нельзя винить Андре в предательстве. Он ведь спрашивал моего разрешения”.

Однако непонятная обида, сдавившая Хейму горло, не проходила. Он больше не старался двигаться бесшумно, а рассекал воду с силой настоящего парохода.

Он молод, а я гожусь ей в отцы. Но я упустил свой шанс.

Я думал, все вернулось назад.

Нет, я был смешон. О Конни, Конни!

Богом клянусь, в ярости Хейм начал думать на языке своего детства, если он что-нибудь сделает... Я еще не настолько стар, чтобы не свернуть шею такому шустряку!

Однако какое мне до всего этого дело, черт побери!

Хейм с шумом выбрался из воды на берег и едва не содрал кожу, яростно растираясь полотенцем. Натянув одежду, он, спотыкаясь, пошел через лес. В палатке еще оставалась не совсем пустая бутылка.

Возле палатки ждал какой-то человек. Хейм узнал в нем одного из адъютантов де Виньи.

— Ну?

Офицер быстрым взмахом руки отдал честь:

— У меня для вас сообщение. Мсье полковник установил контакт с врагом. Они ждут делегацию в Бон Шансе, как только наступит рассвет.

— О'кей, доброй ночи.

— Но, мсье...

— Я знаю, нам нужно посоветаться. Что ж, приду, как только смогу. Времени у нас достаточно. Впереди целая ночь.

Хейм прошмыгнул мимо адъютанта в палатку и, закрыв полог входа, бросился на кровать.



ГЛАВА 6

Внизу, широкая и плодородная, простиралась долина Карсака. Можно было разглядеть фермы со службами, деревушки, иногда — окруженную садами фабрику. Но нигде не было ни души. Земля была безлюдна, стада бродили сами по себе, поля заросли сорняками. Среди полей струилась река, металлически поблескивая в лучах раннего солнца.

Выглянув из окна флайера, Хейм увидел эскорт — четыре алеронских военных аппарата. Затейливый, выполненный яркими веселыми красками рисунок на них не смягчал очертаний, напоминавших барракуду.

На безоружных новоевропейцев была нацелена по меньшей мере дюжина орудий.

“Мы за полсекунды можем прекратиться из делегатов в пленников”, — подумал Хейм, доставая трубку.

— Пардон, — подполковник Чарльз Наварра, возглавлявший группу парламентаров из восьми человек, слегка похлопал его по плечу. — Лучше спрячьте трубку, мсье. В отрядах маки давно не видели табака.

— Черт побери, вы правы! Извините. — Хейм поднялся и сунул трубку в “бардачок”.

— Они, кстати, не дураки. — Наварра придирчиво осмотрел Хейма. — Может, с вами еще что-нибудь не так, капитан Альфонс Лафайет?

— Нет, все остальное в порядке, — ответил Хейм по-английски. — Но давайте спустимся последними. Вполне очевидно, что моя форма подобрана наспех, хотя для партизана это естественно. Я не похож на типичного колониста, но они, возможно, этого не заметят, а если и заметят, то не удивятся.

— Что вы имеете в виду? — спросил еще один офицер.

— Разве вы не знаете? — ответил Хейм. — Со временем у алеронов вырабатывается стандартизированный тип индивидуума. С их точки зрения, все люди настолько разные, что отличия в размерах и цветах не имеют никакого значения. Кроме того, они не настолько хорошо знают французский, чтобы заметить мой акцент, тем более что я постараюсь держать язык за зубами. Последнее, думаю, будет сделать нетрудно, поскольку я принимаю участие в данном предприятии лишь в надежде добыть некоторые разведывательные данные.

— Да-да, — нетерпеливо сказал Наварра. — Но будьте при этом крайне осторожны. — Он повернулся к сидевшему сзади Вадажу. — Вы тоже, лейтенант Гастон Жерар.

— Напротив, — возразил менестрель, — мне нужно как можно больше болтать и придуриваться и, возможно, привести их в некоторое раздражение. По-другому невозможно исследовать внутренний мир инопланетян. Однако не бойтесь. Все продумано. Я всего лишь младший офицер, не заслуживающий особого внимания, а следовательно, и особого обращения со мной. — Он испытующе улыбнулся, глядя на Хейма. — Ты ведь можешь поручиться, что роль никчемного простака прекрасно мне удастся, а, Гуннар?

Хейм что-то проворчал в ответ. Боль и удивление скользнули по лицу венгра. Когда его друг в первый раз обошелся с ним очень холодно, Вадаж приписал это приступу меланхолии. Теперь же он убедился, что неприязнь Хейма не прошла, но у него не было возможности поговорить с капитаном в тесной, заполненной шумом кабине.

Хейм почти в точности прочел мысли Вадажа и, вздохнув, вернулся на свое место впереди.

“Я дурак, эгоист и вообще сукин сын, — подумал он. — Но я не могу забыть Даниэль, этот восход, капли росы, как бриллианты, в ее волосах, и взгляд, который она подарила мне, когда мы прощались. Разве не я больше достоин такого взгляда?” Хейм был рад прервать размышления, почувствовав, что флайер пошел на снижение.

Через увеличивающее стекло иллюминатора, прежде чем машина опустилась ниже линии горизонта, Хейм увидел, что Бон Шанс несколько вырос за двадцать лет. Но все же он оставался небольшим городком, примостившимся на материковом плече, выдающемся в море. Городок с окрашенными в мягкие цвета оштукатуренными стенами и красными черепичными крышами, с доками, забитыми разными судами, и с вездесущими деревьями. Привезенные с Земли орех и тополь росли вперемежку с золотистыми бельфлерами и грациями. Гавань качалась и ослепительно сверкала. Предместья полыхали всеми цветами радуги, окружая город со всех сторон... как и в те времена, когда Хейм гулял здесь рука об руку с Медилон.

Только... дороги были засыпаны опавшими листьями, дома глядели пустыми глазницами окон, в гавани гнили брошенные подки, покрывались ржавчиной стоящие без дела машины, сидевшие раньше на башнях грачи вымерли или улетели, и вместо них в небе кружили на тонких крыльях фукетты, высматривая добычу. Последним детищем людей, еще продолжавшим жить, был космопорт, находившийся в двадцати километрах в глубь материка. Однако по его бетонным дорожкам двигались не люди и не их транспортные средства. Космические корабли, прибывшие сюда с грузом, были построены не земными инженерами. Фабрики, которые они обслуживали, представляли собой вытянутые наподобие сфероидов купола без окон, неестественно элегантные, несмотря на то, что это были всего лишь наспех собранные стандартные постройки. Конвейеры, грузовые платформы, лифты были сделаны людьми, но пульты управления механизмами были уже перестроены. Поле окружали казармы, сотни зданий, простиравшихся вплоть до самых гор. Сверху они выглядели бронзовыми цветами.

Среди них возвышались ракеты, готовые к внезапному рывку, словно акулы перед нападением. На открытых площадках теснились вспомогательные суда. Среди них был вооруженный представитель, чье рыло торчало на уровне кафедрального креста.

Должно быть, он относится к линейному крейсеру планетарной обороны, решил Хейм. И раз он один такой, значит, другие боевые корабли отсутствуют, неся патрульную службу. Возможно, это стоит запомнить.

— Не представляю, каким образом вы сможете использовать эту информацию, — сказал Наварра. — Одно такое судно обеспечивает полное превосходство в космосе и атмосфере, когда ему противостоят только флайеры. А наши флайеры даже не военные.

— Тем не менее всегда полезно знать, что именно тебя ожидает. Кстати, вы уверены, что вся их сила сосредоточена здесь?

— Да, абсолютно уверен. В этом районе находится большая часть нашего промышленного оборудования. Гарнизоны есть везде, на многих вахтах и заводах, как и посты наблюдения. Но наши разведчики сообщили, что их можно не принимать в расчет.

— Значит... на основании того, что алероны не терпят толкучки, можно приблизительно определить общую цифру... дайте подумать... я бы сказал, что она составляет около пятидесяти тысяч. Безусловно, число военных не превышает пятой части этого количества. Больше для защиты им просто не нужно. Квалифицированные работники, инженеры, менеджеры и тому подобные способны сражаться, но не обучены этому. Однако представители низшего класса алеронского общества, составляющие его большинство, воинственны по натуре, это воспитывалось у них поколениями. Следовательно, причиной для беспокойства нам следует считать всего десять тысяч алеронов. Сколько у вас боеприпасов и боеспособных людей?

— Мы без труда могли бы набрать сотню тысяч. Однако их уничтожат в тот момент, когда они выйдут из паса.

— Я знаю. От винтовок мало толку, если им противостоят космические и воздушные орудия, — невесело усмехнулся Хейм.

Флайер коснулся бетонной полосы в назначенном месте и остановился. Его эскорт остался в воздухе. Наварра поднялся.

— Пошли, — коротко сказал он и направился к двери.

Снаружи их ждали двадцать алеронов класса воинов, стоявшие в ряд по обе стороны от выхода, — поджарые, широкогрудые, ниспадающие из-под конических шлемов волосы заплетены в тугие косы, лица скорее не красивые, а очень выразительные и совершенно бесстрастные. Длинные солнечные лучи, казалось, добела раскалили их чешуйчатые одежды. Они не выгнали из-за пояса кривых сабель, не наставили на делегатов ружей. Они стояли как статуи. Их офицер выступил вперед, опустил хвост и поклонился, слегка коснувшись кончиками пальцев земли, что являлось знаком уважения. Он был выше остальных и все-таки ниже среднего человеческого роста.

— Добро пожаловать, — пропел он на отличном французском. — Не желаете ли отдохнуть или освежиться?

— Нет, благодарю, — сказал Наварра нарочито медленно, чтобы офицер понял его диалект. В сравнении со струившейся, ласкавшей слух речью алеронов его голос напоминал жесткую наждачную бумагу. — Мы готовы немедленно приступить к переговорам.

— Тем не менее вам прежде следует осмотреть свои апартаменты. Мы приготовили лучшее, что могли, неподалеку от резиденции высоких властителей Сада Войны. — Офицер издал соловьиную трель, отдавая приказ. Появилось несколько рабочих низшего класса. Они не соответствовали традиционному образу алеронов, сложившемуся в сознании людей. Одежды в черное тела были слишком массивны, черты лиц чересчур грубы, волосы слишком коротки, мех почти не блестел. В них не было и частицы того врожденного неосознанного высокомерия, которое отличало высшие слои их общества. Однако в них не было и раболепия, они были вовсе не глупы. Миллион лет истории, подобное ледниковому сползанию,

все более и более углубляющееся унифицирование общества привели к тому, что они приспособились к осуществлению этого предназначения. Если офицера можно было сравнить с пантерой, а его солдат — со сторожевыми псами, то эти были огромными горячими скакунами.

Играя отведенную роль помощника, Вадаж показал алеронам багаж делегации. Когда тщательная проверка была закончена, офицер что-то просвистел, воины окружили парламентаров и повели через поле. Шли они не маршевым шагом, однако все движения были синхронными, словно части одного организма. Лучи Авроры били в контактные линзы, защищающие глаза алеронов от яркого света, и превращали их в рубины.

Пока они шли, Хейм не переставал украдкой стрелять глазами по сторонам. Других воинов почти нигде не было видно — во всяком случае, их было немного. Должно быть, некоторые заняты делами, выполняя таинственные ритуалы, какими были для алеронов ниже пятого класса общение, спортивные игры и молитвы. Остальные, вероятно, на постах возле ракет или в воздушном патрулировании.

Кругом сновали рабочие и контролеры, разгружая транспортники, переноса металл из павильона плавильни и электрооборудование в другое место, где оно устанавливалось на какое-нибудь орбитальное оружие. Машины жужжали, пязгали, грохотали. Тем не менее, на взгляд, а вернее, на слух человека стояла ужасная тишина. Ни криков, ни разговоров, ни шуток или ругательств, только время от времени мелодичная команда, негромкое звучание записанной на пленку оркестровой музыки и мягкий топот тысяч ног.

Вадажа было не узнать. Он оскалил зубы в непонятной усмешке и пробормотал по-французски Наварре что-то насчет патологической серьезности алеронов.

Хейм не мог поручиться наверняка, но ему показалось, что офицер бросил на Вадажа недоумевающий взгляд.

— Помолчите! — ответил Наварра.

“Однако Вадаж, вероятно, прав, — подумал Хейм. — Юмор — результат определенного внутреннего искажения. А для великого единства, каким является душа алерона, это кажется невозможным, немислимым”.

Кроме... Да, делегаты, посланные на Землю, особенно адмирал Синби, проявляли некоторые признаки холодного остроумия. Но они принадлежали к самому высшему классу власти. Это предполагало отличие от остальных особей их вида, которое...

Хейм отвлекся от размышлений и вернулся к функции наблюдателя.

Наконец они остановились возле сооружения в нескольких сотнях метров от края поля. Внешне оно ничем не отличалось от других зданий со множеством изгибов, стоявших вокруг. Однако внутри все было явно недавно убрано, стены покрыты пластиком, на полу виднелись следы в тех местах, где прежде находились клумбы для растений. Мебель, душевая, светильники земного типа, позаимствованные из брошенных новоевропейцами домов, были расставлены с геометрической точностью, которая — как безусловно считали власти — импонировала людям.

— Сюда вам будут приносить пищу и питье, — пропел офицер. — Если вам захочется куда-нибудь выйти, часовые, стоящие у дверей, проводят вас.

— Я не вижу коммуникатора, — сказал Наварра.

— Его нет, дабы вы не вели секретных переговоров с обитателями леса. Охранники будут передавать ваши сообщения в пределах лагеря. Теперь мы должны открыть ваши емкости для вещей и осмотреть вашу одежду.

Трудно было судить, выражал ли этот голос оскорбление, но Хейм решил, что нет. Офицер просто констатировал факт.

— Ладно, — сплюнул Наварра, — мы подчиняемся против своей воли, и это вам зачтется в числе прочего после того, как Земля одержит над вами победу.

Алерон даже не потрудился ответить. Тем не менее обыск был до странного небрежным.

Никакой контрабанды обнаружить не удалось, поскольку оной не было вообще. Многие колонисты удивились, когда офицер сказал:

— Если вам будет угодно, мы сейчас же отправимся на поиски Властителей Интеллекта.

Основываясь на опыте прежних встреч с алеронами, Хейм не был расположен к этому. Высшие представители алеронов всегда проявляли большую гибкость, чем их земные коплеги. Имея за плечами столь негибкую цивилизацию, они могли себе это позволить.

— А... кто они такие? — спросил Наварра, проявляя признаки колебания и не зная, на что решиться.

— Они — *имбнак* планетарной и космической защиты, имеющие в своем подчинении главного инженер-оператора. Кроме того, им доверены хранения информации и советов, — ответил офицер. — Вас это устраивает? Соответствует ли этому ваше собственное официальное положение?

— Я представляю здесь констибулярное правительство Новой Европы, — сказал Наварра. — А эти люди — мои специалисты. Но любое соглашение между нашими сторонами, если оно будет достигнуто, должно быть ратифицировано нашими вышестоящими представительствами.

Вновь на женственном лице офицера, неуместном на звероподобном теле, мелькнуло выражение, которое можно было принять за растерянность.

— Так вы идете? — прозвучал мелодичный голос.

— Почему бы и нет? — сказал Наварра. — Прощу вас, господа, возьмите с собой свои бумаги. — Щелкнув каблуками, он направился к выходу.

Хейм и Вадаж подошли к двери одновременно.

— Только после вас, мой дорогой Альфонс, — сказал менестрель. Хейм заколебался, не желая вступать в игру, но делать было нечего — этикет необходимо соблюдать. Поэтому, склонив голову в ответном поклоне, он сказал:

— Только после вас, мой дорогой Гастон.

Их пререкания продолжались несколько секунд.

— Это какой-то ритуал? — спросил офицер.

— Один из наиболее древних. — Вадаж выскользнул наружу бок о бок с ним.

— Никогда раньше не замечал у вашей расы такой традиции, — произнес офицер.

— Ну что ж, если позволите, я расскажу... — и Вадаж пустился в пространные объяснения.

Свое дело он делает как надо, нехотя был вынужден признать Хейм.

Чтобы отделаться от мыслей о Вадаже, Хейм стал смотреть прямо перед собой на здание, к которому они подходили. В отличие от остальных, оно поднималось вверх одной высокой кривой, на вершине которой виднелся символ, похожий на древнекитайскую идеограмму. Стены были бронзовые, но не гладкие, а украшенные множеством микроскопических канавок, отчего все здание словно бы шевелилось, изумительно переливаясь всеми цветами радуги. Теперь Хейм понял, что музыка, которую они слышали на космодроме, передавалась отсюда в неизвестном людям диапазоне.

Часовых не было видно. Своих подчиненных алероны не опасались. Стена расступилась, пропуская людей, и вновь сомкнулась за ними.

Декомпрессионной кабины здесь не было. Должно быть, хозяевам было удобнее самим приспосабливаться к тяжелой, влажной атмосфере планеты — возможно, они делали это с помощью допинга. Холл постепенно уходил вверх, едва освещенный тусклым светом с параболического потолка. Пол устилал ковер из живого, пушистого и мягкого мха. Стены были покрыты фосфоресцирующими лианами и цветами, медленно покачивающимися в такт музыке и пропитавшими воздух своим ароматом. Люди собрались в одну плотную группу, словно так им было спокойнее. Среди призрачного молчания и призрачных теней они проследовали в зал заседаний, сопровождаемые охранниками.

Зал, в который они вошли, вздымался ввысь гигантскими сводами, терявшимися в темноте, среди которой по-зимнему холодно и резко сверкали искусственные звезды. Интерьер представлял собой зыбкий, колышущийся лабиринт из шпалер, кустарников и цветов. Свет исходил лишь из фонтана посредине,

малиновая вода которого поднималась вверх метров на пять из чаши, вырезанной в форме открытого рта, падала вниз и наполняла каждый уголок этих джунглей громким плеском и бульканьем. Когда Хейм обходил фонтан, ему показалось, будто в темноте над головой прошумели крылья.

Порды-завоеватели уже ждали, опираясь на хвосты и когтистые папы. В общей сложности их было полдюжины. Они не носили никаких знаков отличия или звания, но свет красиво блестел на одежде из металлической сетки, глянцевых волосах и серебристом седом меху. Ангельские лица с изумрудными глазами были абсолютно спокойны.

Офицер преклонил перед ними колена, а воины опустили ружья. Было пропето несколько слов. Затем охранники отступили в темноту, и люди остались одни.

Один из властителей алеронов вдруг выгнул спину и зашипел, но тут же мгновенно справился с собой. Он сделал несколько мелких шажков вперед, чтобы его лицо стало хорошо видно, и рассмеялся низким теплым смехом.

— Итак, капитан Гуннар Хейм, — промурлыкал он по-английски, — странно, как судьба сводит нас вместе. Вы еще не забыли Синби рю Тарена?





ГЛАВА 7

Вселенная с такой скоростью закружилась вокруг Хейма, что он едва отдавал себе отчет в происходящем. Красноватая мгла наполнилась трелями — это алероны переговаривались между собой. Один из них ошетинился и выкрикнул какой-то приказ охраны. Синби отменил этот приказ повелительным жестом. Сквозь шум в ушах и бешеный стук сердца Хейм слышал, как адмирал пробормотал:

— Вас следовало бы немедленно уничтожить, но этого не будет. Правда, мы не можем вас освободить. Теперь вы — почетные военнопленные.

За этим последовали почести, затем людей отвели назад в их апартаменты. Но Хейма оставили.

Синби удалил всех военных предводителей и охранников, кроме четверых. К тому времени пот, покрывавший лицо Хейма, испарился, сердце колотилось уже не так сильно и первый приступ всепоглощающего отчаяния прошел, уступив место суровой настороженности. Хейм молча ждал, сложив руки на груди.

Лорд алеронов крадучись приблизился к фонтану, на фоне которого его силуэт выделялся словно на фоне жидкого пламени. Некоторое время он играл цветущей лианой. Единственными звуками были звуки музыки, падающей воды и невидимых, парящих в вышине крыльев. Наконец Синби произнес нарस्पев, мягко и не глядя на человека:

— Я прибыл сюда для того, чтобы охотиться на вас. Я лепелял надежду, что мы встретимся в космосе и выразим свою любовь друг другу посредством наших орудий. Что привело вас на эту скучную землю?

— Вы и в самом деле полагаете, что я отвечу? — проскрежетал Хейм.

— У наших наций есть много общего. Сожалею, что я вынужден нарушить данное мною слово и взять вас в плен. Хотя ваше присутствие говорит о том, что эти переговоры — фикция.

— Отнюдь. Просто случилось так, что я смог принять в них участие. И вы не имеете права удерживать здесь хотя бы новоевропейцев.

— Давайте не будем торговаться. И вы, и я выше этого. Если я освобожу остальных, они пошлют сообщение на ваш корабль. И не исключено, что он нападет. А у нас здесь нет ничего, кроме моего крейсера "Юбалхо". Не имея же сведений о том, что случилось с вами — его душой, — "Лис" будет выжидать, а я выиграю время для того, чтобы вызвать сюда свою эскадру.

Хейм с шумом выпустил воздух сквозь зубы. Синби круто обернулся, глаза его впились в человека, словно пронизывающие лучи лазера:

— О чем это вы подумали?

— Ни о чем! — рывкнул в ответ Хейм.

"Он считает, — с молниеносной быстротой пронеслось у Хейма в голове, — что я посадил "Лис". Что ж, это вполне естественно. Не догадываясь о нашем трюке с метеоритом, он должен прийти к выводу, что только маленькое или очень быстрое судно могло проскользнуть мимо его охраны. А с какой стати мне было прилетать сюда на тендере? "Лис" мог бы произвести на поверхности чудовищные разрушения, мог бы уничтожить ракетами эту базу и обстрелять его флагман в позиции лягушки, сидящей в болоте. Не знаю, какую пользу можно извлечь из этой дезинформации, но извлечь нужно. Держи-ка ухо остро! Сейчас у тебя нет ничего, кроме старых ржавых мозгов".

Некоторое время Синби изучающе смотрел на Хейма.

— Я не отваживаюсь слишком долго ждать, прежде чем начать действовать, — пропел он. — А мои корабли далеко.

Хейм заставил себя сделать язвительное замечание:

— Практический предел лазерного луча составляет около двадцати миллионов километров. При этом погрешность в вычислении позиции корабля чересчур велика, не говоря уж об остальном. И нет никакой возможности зацепить ускоряющееся судно до тех пор, пока оно не окажется так близко, что вы сможете пустить в ход обыкновенный передатчик. Координаты корабля меняются слишком быстро, к тому же всегда может случиться нечто непредвиденное, например, хитрый трюк с метеоритом. Так сколько у вас соединений на известных орбитах в радиусе двадцати миллионов километров?

— Не надо меня оскорблять, — спокойно ответил Синби, величаво прошествовал к стене, раздвинул живой занавес из цветов и нажал кнопки инфотрива. Машина защебетала и выбросила перфокарту. Адмирал склонился над символами:

— Крейсер "Айнисент" и улан "Савайдх" находятся в пределах досягаемости. Остальные, не имея сведений, будут продолжать следовать своим курсом до тех пор, пока не вернутся один за другим в режим торможения и не обнаружат лишь пепел сражения.

— А каковы моменты тех двоих? — осведомился Хейм в основном для того, чтобы не дать вновь нависнуть окрашенному в кровавый цвет безмолвию. Оно раздражало Хейма, правда, не настолько, чтобы ему хотелось забивать память какими-то цифрами, но Синби тут же пропел по-английски все орбитальные данные и точные координаты обоих кораблей.

— Итак, я посылаю своих собратьев вызвать их сюда, — продолжал алерон. — При наибольшем ускорении, положительном и отрицательном, "Савайдх" совершает облет вокруг Новой Европы за восемнадцать часов, а "Айнисент" — за двадцать три. Не думаю, чтобы экипаж "Лиса" так скоро начал беспокоиться о вас. Когда все три корабля будут в воздухе, мы обобщем всю планету. Стоит вашему кораблю шевельнуться, и он немедленно будет уничтожен. Но

даже если он затаится, мы все равно отыщем его логово, расставив повсюду детекторы. — В голосе Синби не было и намека на угрозу, напротив, он становился все мягче. — Я говорю вам все это, питая слабую надежду, что вы добровольно выдадите "Лиса". Этот корабль был слишком отважен, чтобы погибнуть вот так, на суше, а не среди звезд.

Хейм крепко сжал зубы и покачал головой.

— Что я могу предложить вам в обмен на добровольную капитуляцию? — печально спросил Синби. — Разве что вы согласитесь принять мою любовь и расположение?

— Какого черта?! — воскликнул Хейм.

— Мы с вами так одиноки, — пропел Синби. Впервые за все время в его голосе послышалась насмешка, когда он дернул хвостом в сторону воинов, стоявших с застывшими, ничего не выражавшими лицами, полускрытые густыми сумерками. — Вы думаете, у меня с ними много общего? — Синби скользнул ближе. Светотени причудливо переплетались на сверкающих локонах и волнуяще прекрасном лице. Большие глаза алерона остановились на человеке. — Стара наша планета Алерон, — пропел он, — стара, стара, долговечны красные карликовые звезды и поздно появляется жизнь в такой ничтожной радиации. Наша раса появилась на планете, где моря испарились, реки превратились в слабые ручейки среди пустыни, где не хватало воздуха, воды, металла, жизни... Прошли неисчислимые поколения, а мы все влчили жалкое существование, медленно, очень медленно выбираясь из первобытной дикости. Ах, не скоро появилась у нас первая машина. Того, что вам удалось сделать за несколько веков, мы добились в течение десятков тысячелетий, и когда это было достигнуто — миллион лет тому назад, — выжить сумело лишь одно общество, поглотившее все остальные, и техническая мощь дала ему возможность связать нас узами, разорвать которые невозможно. Странники отправились к звездам, Интеллектуалы совершили величайшие открытия, но все это вызвало едва лишь заметную рябь на поверхности цивилизации, корни которой уходят в вечность. Земля живет для непрерывно сменяющихся целей, Але-

рон — для сохранения постоянства. Понимаешь ли ты это, Гуннар Хейм? Чувствуешь ли, насколько далеки вы от нас?

— Я... Вы имеете в виду...

Пальцы Синби коснулись запястья Хейма, словно легкое дыхание. Хейм почувствовал, как вздыбились волоски на коже, и непроизвольно начал искать, за что бы ухватиться: мир внезапно покачнулся и поплыл перед глазами.

— Вообще-то... э-э... такие предположения высказывались. Точнее говоря, некоторые люди считают, что все ваши действия по отношению к нам — реакция на то, что мы несем угрозу вашей стабильности. Но в этом нет никакого смысла. Мы могли бы достичь компромисса, если единственное, чего вы хотите, — чтобы вас оставили в покое. Вы же пытаетесь выдворить нас из космоса.

— Мы должны это сделать. Здравый смысл, благоразумие, логика — что это, по-вашему, такое, если не орудия единого, наиболее древнего инстинкта? Если расы, менее могущественные, чем наша, изменяются, это значит для нас не больше, чем простое размножение насекомых. Но вы... вы появились за какие-то десять-двадцать тысячелетий, почти мгновенно. Вышли из пещер с боевыми каменными топорами в руках, но они в мгновение ока превратились в оружие, способное потрясать планеты. Вы облетели близлежащие звезды, и теперь ваши мечты распространились уже на всю галактику, на весь космос. Этого мы терпеть не можем! Инстинкт подсказывает, что нам грозит гибель, если мы допустим, чтобы наша планета превратилась в жалкий клочок, окруженный чужими владениями, беззащитный и отданный на милость покорителей галактики. А вы сами разве стали бы, разве смогли бы доверять расе, которая обрела могущество благодаря тому, что питалась и питается живыми существами, тоже имеющими мозг? Алероны не в состоянии доверять расе, алчные стремления которой не знают пределов. Вас следует отбросить назад к вашим планетам, а может, даже к вашим пещерам и вашей первобытной грязи.

Хейм стряхнул мягкую руку Синби со своего запястья и сжал кулаки.

— И вы еще говорите о какой-то дружбе между нами? — прорычал он.

Синби твердо взглянул в глаза Хейму, но в его голосе твердости не было:

— До сих пор, говоря “мы”, я имел в виду всех алеронов. Но это, безусловно, не так. Когда впервые возникло ясное понимание вашей угрозы, также стало ясно, что алеронам, у которых веками воспитывалась застойность сознания, превращавшая их в различные детали единого механизма Конечного Общества, не устоять перед вами — теми, кто обладает гибким сознанием и не боится нового. Я принадлежу к тому классу, который был создан для того, чтобы мыслить и действовать как люди и в конечном итоге превзойти их. — Синби сцепил руки. — Одиноки, одиноки!..

Хейм смотрел на него, прекрасного и несчастного, и не находил слов.

— Неужели вы не догадываетесь, — спросил вдруг Синби с необычной страстностью в голосе, — насколько одиноким я должен себя чувствовать, я, чей образ мышления похож на человеческий как ничей другой, за исключением тех немногих, которые были созданы подобно мне? Знаете ли вы, каким счастьем для меня было побывать на Земле, встретиться там с умами, для которых тоже не существует горизонтов, погрузиться в ваши книги и музыку и такое живое искусство изображения? Мы бесплодны, Властители Интеллекта Сада Войны. Мы не можем произвести потомков, которые потревожили бы покой Алерона. Тем не менее нам даны силы жизни, чтобы наша воля и ярость достигли тех же вершин, что и ваши, и чтобы при встрече эти силы помогли нам выстоять в испытаниях, которые знали те, кто выстоял при Фермопилах. Но... когда вы захватили меня, Гуннар Хейм, в тот раз, когда выкупили за меня свою дочь... Потом я понял, что это тоже было испытанием.

Хейм отступил назад. Дерзкая мысль пронзила его сознание и отозвалась жаркой вспышкой в каждом нервном окончании.

Синби рассмеялся. Хейму казалось, что в этом смехе прозвучало торжество.

— Не буду вас пугать, капитан. Я всего лишь хочу предложить вам кое-что на выбор. — Затем очень мягко он продолжал: — Дружба? Беседа? Совместное путешествие? Что вас больше устроит? Я не предлагаю вам предать ваших людей. Мне достаточно лишь приказать — и ваши знания, ваши планы будут изъяты из вашего мозга. Однако я никогда не пойду на это. Считайте, что вы — военнопленный, и никакого вреда не будет, если вы поделитесь сведениями с тем, кто взял вас в плен и кто мог бы стать вашим другом.

Господи, скакала в голове у Хейма одна мысль. Голос Синби доходил до него словно через барьер огромного расстояния или лихорадки. Дай мне немного времени, и... и я смог бы использовать его.

— Помните, — настойчиво продолжал Синби, — что моя власть на Алероне очень широка, в один прекрасный момент я могу наложить запрет на преследование расы, воспитавшей вас, и тем самым спасти ее от гибели.

“Нет! — рефлекторно отозвалось в мозгу у Хейма. — Я не хочу. Не могу!..” Синби протянул ему руку.

— Пожмите мне руку, как сделали однажды, — умоляюще произнес он, — поклянитесь, что не попытаетесь сбежать или предупредить своих собратьев, и тогда я не стану приставлять к вам охрану. Вы сможете свободно, как я сам, ходить по нашему лагерю и осматривать корабли.

— Нет! — взревел Хейм.

Синби отпрыгнул назад, блеснув зубами.

— Невелико же ваше уважение ко мне, — прошипел он.

— Я не могу дать вам честное слово, — сказал Хейм, а про себя подумал: во всяком случае, нельзя давать ему прикидываться простачком. Может, еще есть какой-то шанс. Лучше погибнуть, пытаясь вырваться, чем...

Какая-то мысль молнией сверкнула у Хейма в голове и исчезла, прежде чем он успел понять, что же это было. Сознание развернулось и бросилось за ней в погоню, отчего кожа покрылась потом, а сердце бешено забилось в груди.

Тем не менее, несмотря на то, что мускулы страшно напряглись, а помещение приняло вид ночного кошмара, Хейм сухо сказал:

— Какой будет от этого толк? Я же знаю, что вы не дурак. За мной все равно бы стали присматривать, разве не так?

Если человека это могло бы рассердить, то Синби, напротив, смягчился и усмехнулся с довольным видом:

— Это правда. По крайней мере, до тех пор, пока не будет обезоружен "Лис". А вот впоследствии, когда мы лучше узнаем друг друга...

Хейм наконец поймал ускользавшую мысль, и, когда осознал ее, это было равносильно удару. Взвешивать шансы было некогда. Вероятнее всего, они абсолютно безнадежны, и ему предстояло погибнуть.

Но надо хотя бы попробовать, подумал Хейм. Немедленного заключения под стражу, кажется, не предвидится. Если станет ясно, что это не сработает, тогда я и пытаться не буду.

Облизнув пересохшие губы, Хейм откашлялся и сказал:

— Все равно никогда и ни при каких обстоятельствах я не смог бы дать вам честное слово, Синби. Ваше мышление все же отличается от человеческого, иначе вы поняли бы почему.

Глаза алерона заволочились мембранами, золотистая голова поникла.

— Но в вашей истории повсюду встречаются примеры взаимного уважения и восхищения между противниками, — прозвучал музыкальный протест.

— О, это да. Я рад познать вам руку.

К удивлению Хейма, это была правда, и когда четыре тонких пальца легли в его ладонь, он не сразу выпустил их.

— Но я не могу вам сдаться даже на словах, — продолжал Хейм. — Мне кажется, этого не позволяют мои собственные инстинкты.

— Но люди часто...

— Говорю вам, этого нельзя объяснить словами. Я не могу до конца прочувствовать то, что вы говорили насчет естественного страха алеронов перед людьми. Точно так же и вы не можете до конца

понять то, что имею в виду я. И все же вы дали мне некоторое грубое представление. Быть может, я тоже сумел бы дать вам некоторое представление о том... в общем, о том, что должен чувствовать человек, если его народ потерял свой дом.

— Я слушаю.

— Но мне придется вам это показать. Символы и... Ведь у вас, алеронов, отсутствует религия в том понимании, в каком она имеется у людей, не так ли? Это лишь один вопрос из множества. Если бы я мог показать вам несколько вещей, которые вы могли бы увидеть и потрогать, и постарался объяснить, что они символизируют, может быть, тогда... Ну так как? Съездим в Бон Шанс?

Синби сделал шаг назад. В мгновение ока он стал ужасно похож на кота.

Хейм насмешливо посмотрел на него:

— О, стало быть, вы боитесь, что я попытаюсь проделать какой-то трюк? Разумеется, возьмите с собой охрану. Или лучше не стоит беспокоиться, если боитесь. — Он полуразвернулся. — Пожалуй, я лучше вернусь к своим.

— Вы пытаетесь задеть мою гордость! — выкрикнул Синби.

— Еще чего! Я просто сказал — подите вы к черту, и больше ничего. Вся беда в том, что вы даже не знаете, что сделали на этой планете. Вы не способны держать в голове такую информацию.

— *Арван!* — Хейм не мог бы с уверенностью сказать, гнев или что другое преобладало в этом взрыве. — Я принимаю ваш вызов. Мы отправимся немедленно.

Волна внезапной слабости прокатилась по Хейму.

Вот так-так! Стало быть, я и в самом деле начинаю разбираться в его психологии, подумал он. Андре и то не мог бы лучше справиться с этой задачей.

Хейм почувствовал, что к нему вернулись силы.

— Хорошо, — сказал он, чувствуя внутренний трепет. — Просто я хочу, чтобы вы поняли как можно больше. Как вы сами недавно заметили, вы могли бы оказать большое влияние на ход войны между Землей и Алероном, если таковая когда-нибудь случится и события примут неблагоприятный для нас

оборот. Или если ваша сторона проиграет — а это тоже может случиться, вы хорошо знаете: наш военный флот лучше вашего, если только у нас хватит мозгов использовать его как следует, — так вот, в этом случае мой голос тоже будет иметь кое-какой вес в решении дальнейшей участи Алерона. Давайте возьмем с собой Вадажа. Я уверен, что вы его помните.

— А, да-да... Мне всегда казалось, что он неуместен в такой экспедиции, как ваша. Какая от него может быть польза? И зачем он вам сейчас?

— Да я вообще-то не мастак говорить. Возможно, ему скорее удастся объяснить вам все как следует. — Про себя Хейм добавил: он умеет говорить по-немецки, и я тоже немного знаю этот язык. Синби знает английский, французский, без сомнения, испанский... но немецкий?

Адмирал пожал плечами и отдал какой-то приказ. Один из охранников поднял руку в салюте, повернулся и вышел, в то время как остальные последовали за Синби и Хеймом вниз по залу, в свет утреннего солнца, и затем через поле к флайеру. По дороге Синби остановился, чтобы защитить глаза от красного уголька солнца контактными линзами.

Вадаж и охранники уже ждали их. Венгр казался маленьким, сгорбленным и совершенно павшим духом.

— Гуннар, — понуро спросил он, — что все это значит?

Хейм объяснил. На мгновение Вадаж был озадачен, потом в его глазах загорелась надежда.

— Какова бы ни была твоя идея, Гуннар, я с тобой, — сказал он и придал лицу бесстрастное выражение.

Полдюжины воинов заняли места в задней части флайера. Синби сел за пульт управления.

— Посадите машину на площади, — предложил Хейм, — а оттуда мы прогуляемся пешком.

— Странные у вас привычки, — высоким голосом пропел Синби. — Мы считали, что провели полные исследования и поняли вас, что вы с вашими слабостями и недалковидностью у нас в руках, но тут появился "Лис". А теперь...

— Ваша проблема, сэр, состоит в том, что аллергики любого конкретного класса, за исключением, разумеется, вашего, стереотипны, — сказал Вадаж. — А каждый человек — сам себе закон.

Синби ничего ему не ответил. Флайер взлетел и через несколько минут приземлился. Пассажиры вышли из машины.

Под огромным небом висела жуткая тишина. Опавшие листья покрывали тротуары, заполнили сухой фонтан, где по-прежнему стояла скульптура Ламонтеня. Потрепанные непогодой рыночные палатки, опрокинутые столы и стулья уличных кафе, порванные зонтики, когда-то такие веселые... Только собор возвышался все так же твердо и непоколебимо. Синби двинулся к нему.

— Нет, — сказал Хейм, — давайте зайдем туда в последнюю очередь.

Он пошел по направлению к реке. Под ногами шуршали листья и мусор, шаги эхом отзывались от стен пустых домов.

— Разве вы не видите, что здесь не так? — спросил Хейм. — Здесь жили люди.

— Теперь они отсюда изгнаны, — ответил Синби. — Пустой город наводит на меня, аллергику, ужас. И все же, Гуннар Хейм, этот город подобен... бабочке-однодневке. Неужели вашу неумную ярость вызвало то, что людям пришлось покинуть место, на котором они не прожили и столетия?

— Со временем город расстроился бы, — вставил Вадаж.

Лицо Синби исказилось так, что стало безобразным.

На тротуаре лежала кучка костей. Хейм указал на нее.

— Это была чья-то домашняя собака. Она повсюду следовала за своими божествами, ждала их и однажды, не найдя нигде, умерла с голоду. Это ваших дело.

— А вы питаетесь мясом, — отпаривал Синби.

В одном из домов тоскливо скрипела распахнутая дверь, качаясь на ветру, который дул от воды. Сквозь дверной проем можно было разглядеть большую часть внутренней обстановки, покрытой пылью

и попорченной дождем. У порога валялись остатки тряпичной куклы. Хейм вдруг почувствовал, что на глаза навернулись слезы.

Синби прикоснулся к его руке.

— Надеюсь, вы не станете предъявлять мне это как свидетельство нашей кровожадности, — сказал он.

Хейм продолжал идти вперед гигантскими шагами.

Вдали уже показалась набережная. За ее узорчатой оградой устремлялись к гавани воды Карсака, широкие и ворчливые. Солнечный свет так сверкал на их поверхности, что казалось, будто звуки медной трубы воплотились в нечто зримое и осязаемое.

Пора, подумал Хейм. Кровь бешено застучала в висках.

— Один из наших поэтов так сказал о том, что я имею в виду, — медленно проговорил он и продолжал по-немецки: — Когда мы выйдем на берег реки и увидим справа от себя мост, тогда прыгаем вниз и плывем к нему.

Он не отважился взглянуть на Вадажа, чтобы увидеть, как тот прореагировал на его слова. Как во сне он услышал вопрос Синби, в голосе алерона звучало некоторое смущение:

— Что означают эти слова?

— Человек, достойный звания человека, никогда не теряет веры в себя, если только в нем не умерла человечность, — совершенно бесстрастно ответил Вадаж.

Молодец, мысленно похвалил его Хейм. Но в основном все его внимание было сосредоточено на ружьях, нацеленных ему в спину.

Они пошли по набережной в западном направлении.

— И все же я не совсем понял, — прозвучала трель Синби. — Алероны тоже не лишены чувства гордости и достоинства. Так в чем же разница?

Хейм почувствовал, что больше медлить нельзя. Момент, казалось, был довольно подходящий. Во всяком случае, если попытка будет неудачной, все завершится вечной тьмой и концом всех страхов.

Он остановился и облокотился на ограждение.

— Разница, — сказал он, — объясняется в другом изречении того же поэта, — и процитировал по-немецки. — Сейчас я столкну этого типа в воду. После того прыгаем вместе. — Затем добавил алерону, вновь переходя на английский: — Это... э-э... трудно перевести. Но взгляните вниз.

Вадаж присоединился к ним. Его губы тронула едва заметная улыбка:

— Стихотворение основано на высказывании Гераклита: дважды в одной реке не искупаешься.

— Я читал об этом, — пожал плечами Синби. — Столь ужасные мысли встречались довольно редко.

— Видите? — Хейм положил руку на плечо алерона и подтолкнул его вперед, так что теперь Синби тоже стоял, перегнувшись через ограждение. Текущая поверхность приковала к себе его взгляд, словно загипнотизировала. — Вот вам один из основных человеческих символов, — сказал Хейм. — Река, связанная с морем, может затопить огромные площади суши, если эту реку запрудить. Движение, сила, судьба, само время...

— На Алероне нам это неизвестно, — прошептал Синби. — В нашем мире одни лишь голые скалы.

Хейм сомкнул пальцы на его шее, а другой рукой оперся об ограждение. Одно движение плечом — и, опрокинувшись через ограду, они вместе полетели в реку.





ГЛАВА 8

Тяжелые башмаки тащили вниз. Отпустив алерона, Хейм перекувырнулся и вцепился ногтями в их застежки. Свет из зеленоватого стал коричневым, а затем и вовсе исчез. Вода — холодная и тяжелая — переворачивала его. Долой один башмак... затем второй... Отчаянно отталкиваясь руками и ногами, Хейм устремился вверх. Легкие, казалось, готовы были разорваться. Преодолевая сопротивление воды, Хейм понемногу выпускал воздух через рот. Сознание начало затуманиваться.

“Ну-ка, — подумал он, — сейчас либо воздух, либо огненный луч”.

Слегка высунув лицо из воды, чтобы только набрать в легкие воздуха, Хейм краешком глаза увидел набережную и снова ушел под воду.

Еще трижды он повторял этот маневр, прежде чем решить, что отплыл уже достаточно далеко и можно рискнуть посмотреть, где Вадаж. Стряхнув воду с волос и протерев глаза, Хейм поплыл австралийским кролем. Над одетыми в подкрашенный бетон берегами реки виселись деревья, сквозь золотисто-зеленую листву которых просвечивали солнечные лучи. Иногда в поле зрения появлялись коньки крыш, но в основном над кронами деревьев сияло лишь бесконечное синее небо.

Вскоре неподалеку вынырнула из воды голова Вадажа. Хейм помахал ему рукой и поплыл дальше, пока не очутился под мостом. Это было все же хоть

какое-то укрытие от преследователей. Ухватившись за опору, Хейм придал телу вертикальное положение. Через несколько секунд к нему присоединился Вадаж. Он тяжело дышал:

— Черт побери, Гуннар, ты несешься так, словно за тобой гонится сам дьявол!

— А разве не так? Хотя для нас большой плюс то, что алероны здесь не слишком-то хорошо видят. Контактные линзы спасают их глаза от слепящей яркости, но Аврора испускает гораздо меньше инфракрасных лучей, чем Эйт, а именно к этим лучам они наиболее чувствительны. — Хейм обнаружил, что рассуждения на ученые темы действуют на него успокаивающе, поскольку превращают из преследуемого животного в военного теоретика. — Тем не менее нам все же лучше держаться как можно дольше в воде, и к тому же порознь. Знаешь старый Кви де Коквилагес? Он все еще на месте. Встретимся под ним. Будем ждать в течение часа. Если за это время один из нас не появится, другой должен считать, что его напарник погорел.

Поскольку Вадаж выглядел более усталым, Хейм поплыл первым. Он плыл не спеша, в основном отдаваясь на волю течения, и добрался до устья реки в довольно хорошей форме, настолько хорошей, что даже удивился, еще раз мысленно пережив побег. Потом он намеренно выкинул из головы все эти мысли и, прячась под доком, просто наслаждался игрой солнечных бликов на поверхности воды, зрелищем наклоненных мачт, ласковым прикосновением прохладных струй, шершавой поверхностью пала, за который держался, характерным плеском маленьких волн о борта судов и разнообразием окраски их корпусов. Приподнятое настроение уже начало было меняться, вытесняемое тревогой (проклятье, надо было сказать Андре обо всем, что знаю!), когда наконец появился венгр.

— А они не станут искать нас прежде всего именно здесь? — спросил он.

— Сомневаюсь, — ответил Хейм. — Не забудь, что они — жители сухой планеты. Поэтому идея использовать воду для чего-либо, кроме питья, не может возникнуть у них так же естественно, как, на-

пример, у наковсов, которые из нее фактически не вылезают. Обрати внимание — они здесь ничего не тронули, хотя каботажный транспорт был бы весьма неплохим подспорьем для их воздушных грузовиков. Первым их предположением должно быть то, что мы как можно скорее постарались выбраться на берег, поэтому наша задача сейчас — найти какую-нибудь подку в рабочем состоянии.

— Ну, уж тут тебе выбирать. Я ведь прирожденный сухопутный житель.

— Что ж, зато я никогда не преуспевал в верховой езде, так что по части славы мы равны.

Хейм рискнул взобраться на причал, чтобы осмотреться. Он выбрал крепкое на вид прогулочное судно — способный двигаться под водой гидроfoil — и трусой двинулся к нему. Уйдя под воду, судно будет недоступно любым приборам, имеющимся у алеронов.

— А внутрь мы сможем попасть? — спросил из воды Вадаж.

— Да, оно не заперто. Яхтсмены доверяют друг другу.

Хейм отвязал швартовый, подтянул гидроfoil к понтону и, протянув руку, помог Вадажу взобраться на палубу. Они быстро спустились в кабину и задраили люк.

— А теперь займись рацией, пока я проверю двигатель.

Год бездействия нанес судну не особенно большой ущерб. Более того, солнце зарядило его аккумуляторы до максимума. Правда, днище порядком обросло, но это можно было пережить. Хейма охватило возбуждение.

— Вообще-то моя идея заключалась в том, чтобы попытаться найти коммуникатор в городе, передать в лагерь сообщение и потом спрятаться где-нибудь в надежном месте и ждать, где нас не станут искать и где мы не умрем с голоду, — сказал он. — Но теперь, черт побери, мы сможем сами вернуться назад! По крайней мере, врагам будет сложно перехватить наше сообщение и послать в его источник самонаводящуюся ракету, если мы будем в море. Так что поехали.

Запыхтел мотор. Судно скользнуло прочь от суши. Вадаж озабоченно выглядывал из купола.

— Не понимаю, почему они не гонятся за нами как бешеные? — встревоженно пробормотал он.

— Я ведь уже говорил, как все получилось. Просто они еще не догадались, что мы выберем этот путь. Кроме того, у них там сейчас суматоха, как в публичном доме по утрам в понедельник, после того, что я сотворил с Синби.

Тем не менее Хейм был рад оставить препятствия позади и погрузиться в воду. Погрузившись на максимально допустимую глубину, он задал автопилоту курс на юго-восток и принялся стаскивать мокрую одежду.

Вадаж с благоговением смотрел на него.

— Гуннар, — в его голосе послышались слезы, — я напишу об этом балладу, и, даже если она не очень удастся, ее будут петь и через тысячу лет. Потому что твое имя будут помнить очень долго.

— Чепуха, Андре. Не заставляй мои уши краснеть.

— Нет, я просто говорю то, что есть. Неужели ты все настолько продумал заранее?

Хейм включил обогреватель, чтобы обсушиться. Океанская вода, со всех сторон окружавшая судно — темно-зеленая, населенная множеством причудливых рыб, которые то и дело мелькали поблизости, — должна была рассеять инфракрасное излучение. Хейма охватило непреодолимое чувство возвращения домой, словно он опять стал мальчишкой, проводящим все свободное время на морях Ген. На некоторое время это чувство вытеснило все остальные. Хрупкость и незавершенность триумфа станут видны ему позже. Сейчас же Хейм упивался им.

— Ничего я не продумывал, — признался он. — Идея возникла сама собой. Синби ужасно хотелось... чтобы мы стали друзьями или что-то в этом роде. Я уговорил его посетить Бон Шанс, надеясь, что, может быть, там подвернется какой-нибудь случай, который можно будет использовать для побега. Мне пришло в голову, что, вероятно, никто из его банды не умеет плавать, поэтому набережная казалась самым подходящим местом для попытки. Я попросил взять и тебя,

потому что мы могли говорить по-немецки у них под носом. А потом я исходил из того, что вдвоем у нас шансы увеличиваются вдвое.

С Вадажа всю почтительность как рукой сняло, едва он услышал про немецкий. На его лице появилась ехидная ухмылка:

— Да уж, такого ужасного "Цвайндойч" я в жизни не слышивал. Лингвистом тебе не быть.

Воспоминание больно ударило по самолюбию Хейма.

— Ага, — сухо сказал он и, стараясь хоть немного продлить миг искренней радости, быстро продолжал: — Мы уже были там, когда я подумал, что, если бы мне удалось столкнуть в воду Синби, охранники бросились бы спасать его, так что некому было бы стрелять в нас с берега. Вот если бы и ты не умел плавать, это была бы веселенькая работка — спасать еще одного неумеющего.

— Так ты думаешь, он утонул?

— Надеяться никому не воспрещается, — сказал Хейм с меньшей долей равнодушия в голосе, чем ему бы хотелось. — Меня бы не удивило, если они потеряли по меньшей мере пару воинов, выживая Синби из воды. А его самого мы вряд ли видели в последний раз. Даже если он и в самом деле утонул, они, вероятно, сумеют доставить его в реанимационную камеру, прежде чем начнется разложение мозга. Во всяком случае, до тех пор, пока он не вернется в строй, врагам будет нелегко разобраться во всей этой путанице. Дело даже не в том, что без него они не смогут наладить организацию. В течение некоторого времени им просто не удастся найти верное направление своей деятельности, во всяком случае, той, которая касается нас. Это время мы используем для того, чтобы забраться подальше в море и вызвать на связь де Виньи.

— Ну... Да, разумеется, они могут выслать за нами флайер. — Вадаж откинулся на спинку с улыбкой кота, сидящего возле клетки с канарейкой. — Прекрасная Даниэль увидит меня еще раньше, чем ожидает. Но не слишком ли смело с моей стороны говорить, что она ожидает этого?

В Хейме поднялась волна гнева.

— Чтoб тебя укусила бешеная собака, безмозглый тупица! — прорычал он. — Здесь тебе не пикник. Наше счастье, если удастся предотвратить катастрофу.

— Чтo... чтo... — Вадаж вздрогнул и побледнел. — Гуннар, чтo я такого сказал...

— Послушай, — Хейм трахнул кулаком по ручке кресла, в котором сидел, — наша дипетантская попытка шпионажа сорвалась, и весь задуманный план пропал. Разве ты забыл, чтo наша миссия заключалась в том, чтoбы договориться об условиях, кoтoрые спасли бы людей от авитаминоза? Теперь это исключено. Быть может, чтo-тo предпримут позднее, но в ближайшее время наша задача — остаться в живых. Наш план эвакуации беженцев тoже теперь исключается. Синби пришел к выводу, чтo "Лис" находится на планете. Он вызвал крейсер и улана на помощь своему флагману. Ктo-нибудь из этой троицы может заметить "Мирoэт" на взлете и разнести на куски. Оставлять корабль в убежище тoже нельзя. Они повсюду разошлют воздушные патрули с мощными детекторами. Так чтo прекрасное убежище, кoтoрое предоставил нам де Виньи в Лак о Нуачес, тoже отпадает. И если уж на тo пошло, при нынешнем положении вещей, кoгда три вражеских корабля находятся в непосредственной близости, самому "Лису" тoже угрожает смертельная опасность. А ты, жизнерадостный эгоистичный болван, неужели думал, чтo я играл со смертью ради тoго, чтoбы мы могли удрать? На чтo бы мы тoгда вообще годились? Главное — предупредить наших!

Все еще ворча, Хейм повернулся к навигаторскому пульту. Нет, они еще слишком близко. Но, может быть, все же стоит всплыть и — будь чтo будет! — передать партизанам и экипажу "Мирoэт" все, чтo ему известно в данный момент?

Судно пульсировало, точно живое. Обогреватель урчал, обдавая людей волнами тепла. В кабине пахло нефтью. За иллюминатором ничего не было видно.

— Корабли будут здесь в течение земного дня, — сказал Хейм. — "Лису" лучше отойти подальше в космос, а людям поглубже в лес.

— Гуннар... — начал Вадаж.

— Заткнись!

Вадаж вспыхнул и, повысив голос, сказал:

— Не знаю, что я такого сделал, что ты можешь меня оскорблять, но если у тебя не хватает любезности сообщить мне об этом, то это твое дело. Однако я должен кое-что сообщить тебе, капитан. Мы не сможем вовремя установить контакт с "Лисом".

— Что? — Хейм резко обернулся и уставился на венгра.

— Может, подумашь сам? Большая лазерная установка Диего находится возле озера. Но утро уже давно наступило, Диана почти в полной фазе. Она миновала Оут Гаранс несколько часов назад. Ее следующий восход будет, я думаю, не раньше чем через тридцать часов.

— Сатан... и... хельведе, — задыхаясь, произнес Хейм, в минуты сильного волнения всегда переходивший на родной язык. Силы покинули его. В теле возникла вдруг боль, и Хейм понял, что начал стареть.

Через какое-то время, в течение которого Хейм просто сидел, уставившись в одну точку, Вадаж робко сказал:

— Ты не такой человек, чтобы раскисать. Если ты считаешь, что это столь важно, возможно, нам удастся поднять "Мироэт". Тогда его коммуникатор достанет до луны. Вражеские спутники, конечно, засекут "Мироэт", а поблизости находится крейсер, но ты сам говорил, что этот корабль потерян для нас в любом случае, так что он может сдаться. Для того, чтобы сделать это, нам понадобятся три-четыре человека. Я буду одним из них...

Хейм вскочил с такой быстротой, что треснулся головой о купол. Глянув вверх, он увидел над собой круг солнечного света, сверкавший на поверхности океана.

— Здорово стукнулся? — спросил Вадаж.

— Клянусь небом... и преисподней... и всем, что между ними... — Хейм протянул руку. — Андре, я вел себя хуже всякой скотины. Просто возомнил себя таким подростком средних лет... Простишь ли ты меня?

Вадаж ответил крепким рукопожатием. В его глазах мелькнуло понимание.

— Так вот в чем дело, — пробормотал он. — Молодая леди... Гуннар, она ничего не значит для меня. Просто человек, в обществе которого приятно находиться. Я думал, ты чувствуешь то же самое.

— Сомневаюсь, — проворчал Хейм. — Но это не имеет значения, сейчас у нас цель покрупнее. Послушай, я случайно узнал координаты и стартовые позиции этих кораблей. Синби не видел причины, почему бы не сообщить их мне, когда я попросил... Мне кажется, я подсознательно следовал старому военному принципу: собирать каждый клочок информации, независимо от того, есть ли надежда когда-нибудь ею воспользоваться. Еще мне известно, какого они класса, а стало быть, их потенциальные возможности. Исходя из этого, мы запросто вычислим их траектории. Положение цели можно будет определить в любой момент — с точностью, достаточной для ведения боя, но недостаточной для того, чтобы их наземные базы не смогли передать им любое предупреждение... О'кей, значит, одно преимущество, хоть и небольшое, у нас есть. Что еще?

Он начал расхаживать по кабине — два шага вперед, два обратно, ударяя кулаком в раскрытую ладонь. На скупых выступили желваки. Вадаж скромно держался в стороне. На его губах снова появилась свойственная котам усмешка. В подобном состоянии Гуннар Хейм являл для него привычное зрелище.

— Слушай! — заговорил Хейм, как бы по ходу дела вырисовывая план. — "Мироэт" — большой транспортник, поэтому у него мощные двигатели. Будучи пустым, он, несмотря на габариты и неуклюжесть, может нестись со скоростью управляемого снаряда, выпущенного чертями из преисподней. Мимо трех кораблей, патрулирующих на орбите, ему не проскочить, но в данный момент там находится всего лишь один из трех, а именно — личный флагман Синби "Юбалхо". Орбита его мне не известна, но вероятность того, что он будет на достаточном расстоянии во время взлета "Мироэт", весьма велика. Разумеется, он может броситься в погоню и подойти так близко,

что "Мироэт" не сможет увернуться от ракеты, но он знает, что, где бы я ни был, "Лис" всегда находится неподалеку, и флагману в первую очередь надо защищать свою базу от "Лиса" до тех пор, пока не прибьет подкрепление, поэтому он не станет стрелять. Или, если расстояние будет достаточно велико, он примет транспортник за наш крейсер и не захочет рисковать. Итак... О'кей! При хорошем пилотировании "Мироэт" имеет отличные шансы удраить из-под самого носа у алеронов. И сможет послать весточку "Лису". Но что потом? Если "Лис" просто возьмет нас на борт, мы окажемся на том же самом месте, с которого начали... Нет, даже в худшем положении, чем алероны, потому что новоевропейцы и так давно уже находятся в подавленном состоянии, а потеряв связь с нами, могут вообще прекратить борьбу. Так, стой... дай мне подумать... Да! — взревел Хейм. — Почему бы и нет? Чем быстрее мы будем двигаться, тем лучше. Немедленно вызывай штаб на озере. Ты знаешь баскский или какой-нибудь другой язык, который не знают алероны, но понимают люди де Виньи?

— Боюсь, что нет. И радиопередача, без сомнения, будет перехвачена. Могу использовать "Любешем", если это что-то даст.

— Может, и даст, хотя теперь они уже, наверное, освоили его. Гм... Надо придумать нечто двусмысленное для врагов, но понятное своим. Алеронам вовсе не обязательно знать, что это именно мы и что мы передаем из подлодки. Пусть они считают, что это маки во флайере. А свои могут опознать нас по ссылкам на некоторые происшествия в лагере. Мы скажем де Виньи, чтобы он немедленно отдал приказ о максимально возможном облегчении веса транспортного. Вреда от этого не будет, поскольку алероны все равно знают, что у нас на планете корабль. Данное сообщение укрепит их в мысли, что он должен находиться в Оут Гаранс, но и так они начали бы искать прежде всего там. — Хейм потянул себя за подбородок. — Теперь... К сожалению, больше я ничего не могу передать, не выдавая себя. Придется доставить главные сведения лично. Стало быть, мы уйдем на глубину сразу же после того, как ты закончишь передачу, и направимся к месту встречи, где

нас должен будет подобрать флайер. Но как обозначить это место, чтобы не обнаружить там врагов с духовым оркестром и ключами от города?

— Дай-ка я взгляну на карту, — Вадаж вытащил из бардачка бумажный свиток и развернул. — Наш радиус не слишком велик, если мы хотим, чтобы встреча состоялась поскорее. Эрго... Да, я скажу им — столько-то километров от места, — он покраснел, указав на Флервилль, находящийся в глубине материка вниз по Кот Нотр-Дам, — где Даниэль Иррибарн сказала Андре Вадажу, что здесь есть один грот, который мы должны осмотреть. Это было незадолго до заката. Мы... э-э... сидели на развилке высокого дерева и...

Хейм снова почувствовал укол в сердце, но не стал обращать на это внимания и рассмеялся:

— О'кей. Давай проверим по компьютеру, где мы находимся в настоящий момент.

— Мы рискуем, действуя в такой спешке, — нахмурился Вадаж. — Прежде всего не следует забывать, что мы всплываем или, по крайней мере, поднимаемся до поверхности воды и посылаем сильный сигнал так близко от вражеской базы.

— Это не займет много времени. Мы успеем снова погрузиться, прежде чем вышлют флайер. Я допускаю возможность, что в данную конкретную минуту над нами как раз пролетает таковой, но вероятнее всего, нет.

— И все же остается еще проблема, как добраться до лагеря. Ведь чтобы встретить нас, новоевропейцы должны проделать долгий путь над огромным пустым пространством, и это в дневное время, по краю драконова гнезда. А еще путь обратно...

— Знаю, — сказал Хейм, не отрывая взгляда от лежавшей у него на коленях карты. — Если бы у нас было больше времени, это можно было бы сделать с меньшим риском. Но мы вынуждены рисковать, иначе будет слишком поздно для чего бы то ни было. Мы застряли на этой орбите, Андре, так что теперь уж все равно, насколько близко к солнцу нам придется проскользнуть.



ГЛАВА 9

Капитанский мостик — боевым постам. Доложить готовность.

— Двигатель в порядке, — отозвался Диего Гонсалес.

— Радио и главный радар в порядке, — сказал Вадаж.

— Орудийная башня один в порядке. Жажду взяться за дело, — произнес Джин Иррибарн.

Колонисты с остальных боевых постов присоединились к предыдущим докладам, и все слилось в одном хищном хоре.

Полегче, ребята, подумал Хейм. Если нам придется испробовать эти хлопушки в поединке с настоящим боевым кораблем, мы пропали.

— Приготовиться к подъему, — скомандовал он и, неуклюже двигаясь в скафандре, положил руки на пульт.

Озеро закипело. Волны захлестнули берега. Среди деревьев пронесся вздох, и из воды поднялся "Мирозт". На мгновение его громадное тело заслонило солнце, потихоньку подползавшее к луне, испуганные животные бросились в чащобу. Затем, плавно набирая скорость, корабль устремился в небо. Еще долго грохотал расколотый им воздух. Даниэль и Медипон Иррибарн зажали уши руками. Когда очертания корабля исчезли из виду, они бросились друг к другу в объятия.

— Радар, докладывайте! — рявкнул Хейм сквозь гул и вибрацию.

— Пусто, — сказал Вадаж.

Корабль поднимался все выше. Оставшийся внизу мир стал крохотным, изогнулся дугой, облака накрыли его курчавой шапкой, а океаны окрасили в синий цвет. Небо потемнело, блеснули звезды.

— Сигнал по общей волне, — раздался голос Вадажа. — Должно быть, нас заметили на "Юбалхо". Отвечать?

— Нет, черт побери! — ответил Хейм. — Все, что мне надо, — его позиция и вектор.

В пустом корпусе "Мироэт" звук, словно попадая в ловушку, повсюду отдавался гулким эхо, так что с носа до кормы прокатывался грохот. Хейм слышал непрерывный звон, пульс бился в голове, стекло шлема дребезжало.

— Не могу его найти, — сообщил Вадаж. — Должно быть, он далеко.

Но он нашел нас, подумал Хейм. Что ж, у него там детекторные операторы экстра-класса. А мне пришлось обойтись тем, что нашлось в лагере. Для набора специально обученных людей не было времени. Должно быть, он так далеко, что ему пришлось бы некоторое время преследовать нас, набрав при этом скорость, не адекватную для его ракет. И он решит, что его долг — оставаться на месте. Если я ошибаюсь в первом или во втором, значит, мы подняли свой последний бокал.

Хейм ощутил вкус горячей и солоноватой крови, и лишь тогда до него дошло, что он прикусил язык.

Они летели все дальше и дальше. Новая Европа становилась все меньше среди теснящихся звезд. Мало-помалу в поле зрения возникла и выросла Диана.

— Капитан — радиорубке. Забудьте обо всем на свете. Наведите мазер и подключите меня к линии. — Хейм потянулся за лежащими на полке навигационными таблицами. — К тому времени, когда вы как следует разогреетесь, я подготовлю для вас все цифры.

Если нас прежде не сотрут в порошок, добавил он про себя. Только бы мне успеть. Большого я не

прошу. "Лиса" надо предупредить во что бы то ни стало. Хейм размотал ленту с вереницей чисел.

В своей каморке Вадаж, окруженный со всех сторон приборами, глядевшими на него точно глаза троллей, торопливо нажимал клавиши. Он не был специалистом в этом деле, но компьютер космической системы заранее запрограммировали для него. Все, что теперь ему оставалось, это вводить данные и нажимать повелительный "ввод". Одна из башен открылась в безвоздушное пространство. Из нее показалась скелетообразная голова передатчика, высунувшаяся словно для того, чтобы взглянуть на вселенную. Плотный пучок радиоволн устремился к Диане.

Здесь могли возникнуть различные неточности. Диана двигалась по орбите примерно в 200 000 километров с другой стороны Новой Европы, а "Мирот" еще расширял эту пропасть в результате того, что скорость его неуклонно возрастала. Но компьютеру и контролируемому им двигателю такое было не впервой. Дисперсия волнового луча достаточна для того, чтобы охватить весьма широкий спектр ко времени достижения им района, в котором находилась цель. Кроме того, этот луч обладал достаточной суммарной энергией, чтобы его амплитуда к тому времени все еще была выше уровня шумовой.

Замаскированный под маленький метеорит — по виду обыкновенный камень среди тысяч таких же камней, где-то на склоне кратера застыл в ожидании прибор, установленный людьми с катера. Но вот сигнал поступил. Прибор — обыкновенный микроволновый ретранслятор, каких полно на каждом космическом корабле, работающий на солнечной энергии, — усилил принятый сигнал и передал его в виде волнового луча следующему объекту, расположенному на зазубренном горном пике. Тот, в свою очередь, передал его следующему и так далее, по цепочке, охватившей весь неровный пустынный диск. В цепочке было не так уж много звеньев. Горизонт на уровне человеческого роста равен на Диане приблизительно трем километрам, а с горной вершины — гораздо больше, и последний транслятор достаточно установить на самом краю полушария, которое никогда не бывает обращено к Новой Европе.

Оттуда луч снова устремился ввысь, преодолел около 29 000 километров и уткнулся в "Лиса".

Главной проблемой при выборе места для засады перед прорывом на Новую Европу был вопрос: сможет ли космический корабль остаться незамеченным вблизи вражеской планеты, пространство вокруг которой постоянно контролировали детекторы и где несли боевое дежурство корабли? Если бы ему пришлось перейти в режим свободного полета, все системы работали бы в минимальном режиме и эмиссия нейтрино была бы заметна только на очень небольшом расстоянии. Но глаза оптических, инфракрасных и радарных установок наверняка засекли бы его. Разве что между ними и планетой всегда находилась бы луна... Нет, он не мог отважиться на то, чтобы опуститься и сидеть там на виду всякого, кто случайно окажется на достаточно близком расстоянии, когда на обратной стороне луны наступит день.

В любой системе, где имеются два тела, существуют три точки Лагранжа, в которых гравитация спутника сочетается с гравитацией планеты таким образом, что помещенный в данную точку объект все время будет оставаться на одном месте — на прямой, проходящей через оба космических тела. Правда, бывает, что иногда объект смещается с места, но "иногда" в космическом смысле — весьма редкое явление. "Лис" спрятался в наиболее удаленной точке Лагранжа и начал двигаться по орбите, надежно укрытой лунным диском, не прилагая для этого никаких усилий.

Подобный маневр никогда раньше не практиковался. Но если уж на то пошло, никому прежде не требовалось иметь под рукой боевой корабль так, чтобы об этом не знал противник, занявший территорию, которую ему не положено было занимать. Хейм подумал, что когда-нибудь это станет классическим примером из учебника, если ему суждено остаться в живых и похвастаться своим опытом.

— "Мироэт" — "Лису", — сказал он. — Слушайте и записывайте. Капитан Хейм — исполняющему обязанности капитана Пиойеру. Приготовиться к выполнению приказа.

Ответа не последовало и не могло последовать. Система, простая и сооруженная на скорую руку, была задумана в расчете на то, что Хейм сможет вызвать крейсер. Если бы там что-то случилось, Хейм узнал бы об этом лишь тогда, когда было бы слишком поздно. И сейчас он говорил в темноту и неизвестность.

— В силу непредвиденных обстоятельств мы вынуждены взлететь без пассажиров. Погони за нами вроде нет. Мы располагаем чрезвычайно важными разведанными, на основе которых нами составлен новый план. Первое: мы знаем, что на орбите вокруг Новой Европы находится лишь один линейный корабль. Остальные, кроме еще двух, рассеяны за пределами досягаемости радиосигнала и до их возвращения должно пройти еще немало времени. Судном, осуществляющим патрульную службу, является вражеский флагман, крейсер "Юбалхо". Не знаю точно, какого он класса, посмотрите, может, найдете его в справочниках, но, безусловно, он по меньшей мере несколько превосходит "Лиса". Второе: врагу стало известно, что мы были на планете, и он вызвал на подмогу два судна, находившихся в пределах радиосвязи. В настоящее время они движутся к планете, первое должно уже начать переход в режим торможения. Это улан "Савайдх". Второе — крейсер "Айни-сент". Проверьте их тоже по справочникам, но, мне кажется, это обычные алперонские корабли, соответствующие классу. Баллистические данные приблизительно таковы.. — Хейм перечислил цифры. — Третье: вероятно, враг принимает "Мироэт" за "Лиса". Он заметил нас, но с расстояния, на котором точное опознание должно быть затруднительным или невозможным, к тому же мы захватили его врасплох. Я думаю, они полагают, будто "Лис" удирает, пока для этого есть благоприятные условия. Но они не смогут связаться с другими кораблями, пока те не приблизятся к планете, а Синби, безусловно, захочет иметь их под рукой. Исходя из этого, мы имеем шанс взять их по одному. Теперь слушайте. На улана не обращайтесь внимания. "Мироэт" в состоянии справиться с ним сам. Но даже если меня постигнет неудача, это судно не представляет для вас особой угрозы. Более того,

ядерные взрывы в космосе были бы замечены и заставили бы врага насторожиться. Оставайтесь на месте, "Лис", и разработайте план перехвата "Айни-сента". Вашего появления он не ожидает. Относительная скорость будет высокой. Если вы сумеете не упустить своего шанса, то у вас будет отличная возможность угостить его ракетой и отразить все ответные удары, если, конечно, у них будет время нанести таковые. После этого идите на подмогу "Мироэту". Моя расчетная позиция и орбита на данный момент таковы... — Снова вереница чисел. — Если "Мироэт" окажется уничтоженным, действуйте дальше по своему усмотрению. Но не забудьте при этом, что Новая Европа будет охраняться только одним кораблем.

Хейм набрал в легкие побольше воздуха. Он был горячим и наэлектризованным.

— Повторяю все сначала, — сказал он и в конце третьего повтора добавил: — Основная ретрансляционная точка уходит за горизонт Дианы. Я вынужден объявить конец передачи. Гуннар Хейм — Дэйву Пиоьеру и экипажу "Лиса". Счастливой охоты! Отбой!

Затем Хейм откинулся в кресле, взглянул на звезды в направлении Солнца и вспомнил о доме.

Мало-помалу "Мироэт" набирал скорость. Совсем незаметно, хотя по интеркому было произнесено немало отрывистых команд, подошел момент реверсирования, чтобы начать торможение. Было необходимо тщательно выверить свой вектор перед встречей с "Савайдхем".

Хейм направился в салон, чтобы перекусить. Там он нашел Вадажа в компании маленького рыжеволосого колониста, с такой жадностью прихлебывающего из своей чашки, словно он только что вернулся из марсианской пустыни.

— А, мой капитан! — радушно приветствовал Хейма колонист. — Я целую вечность не пил настоящего кофе. Гран мерси!

— Возможно, у вас вскоре не будет особого повода, чтобы меня благодарить, — ответил Хейм.

Вадаж по-петушиному склонил голову набок.

— Не надо быть таким мрачным, Гун... сэр, — укоризненно сказал он. — Остальные абсолютно уверены в успехе.

— Видимо, я немного устал. — Хейм тяжело опустился на алеронское сиденье.

— Ничего, я верну тебя в нормальное состояние. Рюмочку "гранд данаис" или сэндвич?

Не получив отрицательного ответа, Вадаж вскочил и отправился за едой. Когда он вернулся, за спиной у него висела гитара. Он уселся на стол, болтая ногами, и, ударив по струнам, запел:

— *В Иерусалиме жил богач.*

Глория, аллилуйя, хи-ро-де рунг!

Сразу нахлынули воспоминания. Улыбка тронула губы Хейма, незаметно для себя он начал отбивать ритм, а вскоре его голос присоединился к голосам двух других.

— Все в порядке! Кто сказал, что мы не можем справиться с ними?

Возвращаясь на мостик, Хейм чувствовал себя по-молодевшим. Его походка была легкой, как у юноши.

Время пролетело незаметно, и вот уже зазвучал сигнал боевой тревоги. В иллюминаторах появился "Савайдх". Руки, построившие этот корабль, не были человеческими, но данная машина была предназначена для тех же целей и действовала по тем же законам физики, что и земные эсминцы. Маленький, изящный, пятнистый, как леопард (такая окраска была сделана для камуфляжа и термального контроля), и, как леопард, опасный и красивый, корабль был настолько похож на его старого "Звездного лиса", что у Хейма на мгновение застыла рука.

Честно ли убивать его таким способом?

Да. Вполне разумная военная хитрость. Хейм нажал кнопку интеркома.

— Капитанский мостик — радиорубке. Давайте сигнал бедствия.

"Мироэт" заговорил — не человеческим и не алеронским языком, а завывающими радиосигналами, которые, как давно было известно военно-космической разведке, предписывались алеронским уставом. Разумеется, капитан улана (был ли это первый его приказ?) велел попытаться установить связь. Ответа не последовало. Повушка захлопнулась. Относительная скорость была не велика, но "Савайдх" весьма быстро рос на глазах у Хейма.

Алерон, которого ни о чем не предупредили, не имел повода сомневаться в том, что перед ним одно из их собственных судов. Транспортник приближался к пределу Маха. Курс его был направлен точно к Эйту, но то же самое распространялось на все алеронские корабли, чтобы земной пират не мог вычислить их координаты. С кораблем что-то случилось. Должно быть, у него вышли из строя системы коммуникации. И офицер связи, видимо, наспех залатал передатчик, чтобы он смог передать хотя бы сигнал "SOS". Неполомки явно были не в двигателях, поскольку они работали нормально. Тогда в чем же дело? Может, в установке противорадиационной защиты? Или в воздушных рециркуляторах? Во внутреннем поле тяготения? Возможностей много, ведь жизнь — ужасно хрупкая штука, особенно в космосе, где ей сроду не положено быть.

Или — поскольку возможность его случайной встречи с военным кораблем посреди астрономической безбрежности бесконечно мала, — может, он должен доставить какое-то срочное сообщение? Что-то такое, что в силу каких-то причин было нельзя передать обычным путем? На алерона легла длинная, холодная тень "Лиса".

— Загерметизировать скафандры, — приказал Хейм. — Готовность номер один. — Опустив стекло шлема, он все внимание сосредоточил на пилотировании. Тем не менее краем сознания Хейм не упускал из вида двух угрожающих возможностей. Наиболее опасной из них, хотя и наименее вероятной, было то, что капитан вражеского судна заподозрит что-то неладное и откроет огонь. Вторым, наименее худшим вариантом было бы, если бы "Савайдх" продолжил свой путь на подмогу Синби. "Мироэт" не смог бы развить такое же ускорение, как улан.

На мгновение у Хейма возникло какое-то странное чувство безысходности.

Радар... векторы... импульс... "Савайдх" развернулся и приступил к маневрированию для сближения.

Хейм почти полностью выключил двигатели, так что теперь они издавали только негромкий шепот. Корабли располагались уже почти параллельно друг другу, причем улану приходилось расходовать огром-

ное количество энергии на торможение, тогда как транспортник находился почти что в режиме свободного падения. Теперь они были неподвижны относительно друг друга и разделены лишь километром вакуума. Затем улан с бесконечной осторожностью начал приближаться к более крупному судну.

Хейм рванул вниз рычаг аварийного ускорения. Со всей силой, на какую был способен, "Мироэт" ринулся навстречу своей судьбе.

У алерона уже не было времени ни выстрелить, ни увернуться. Корабли столкнулись. Страшный удар ревом прокатился по обшивке и корпусу, распорол металл, швырнул алеронов, не пристегнувших ремни, на пол и переборки с такой силой, что затрещали кости.

Броня космического корабля, даже космического военного судна, не слишком толста. Она может противостоять ударам микрометеоритов. Камни большого размера корабль может засечь и сжечь лазерами, но они редки. Однако ничто не может защитить от ядерного оружия, если оно попало в цель. "Мироэт" не обладал высокой скоростью, но масса его была огромна. "Савайдх" был пробит насквозь. "Мироэт" тоже получил несколько пробоев в корпусе. Вырываясь наружу белым облачком, воздух быстро терялся в бесконечной пустоте. Поврежденные корпуса сцепились, словно олени рогами. Аврора освещала их внутренности. Бесчувственные звезды холодно взирали на эту картину из своей дали.

— Приготовиться к отражению атаки экипажа!

Хейм не был уверен, что его команда была передана остальным через коммуникатор шлема. Скорее всего, нет. Все схемы были разрушены. Из поврежденного энергогенератора улетучилась фьюжн-реакция. На корабле царили тьма, невесомость и безвоздушное пространство. Но это не имело значения. Его люди знали, что делать. Хейм на ощупь отстегнул ремни и так же на ощупь стал пробираться к кормовой орудийной башне, которую заранее наметил себе.

Большая часть команды алеронов должна погибнуть. Возможно, некоторые выжили — те, кто был в скафандрах или герметичных отсеках. Если они сумеют найти уцелевшее оружие и привести его в готов-

ность, то будут стрелять. Если нет — пойдут врукопашную. Непривычные к таким условиям новоевропейцы могут отступить под натиском врага.

Панель управления лазера, возле которой занял позицию Хейм, имела свою собственную подсветку. Рукоятки, рычаги, индикаторы мерцали, словно огни сигнального костра. Хейм осмотрел цилиндр, просвечивающий сквозь поврежденный глазок, и понял, что лазер исправен. По мере того, как система продолжала вращаться, метались сумасшедшие тени. Хейм подавил легкий приступ тошноты, вызванный центробежной силой, выбросил из головы насмешливое торжество холодных созвездий и начал высматривать врага. Сквозь страшное напряжение мелькнула мысль, что он стал основоположником нового тактического приема — тарана. Вообще-то этот прием не такой уж и новый. Его история уходила в глубь веков, к тем временам, когда люди впервые дерзнули оторваться от суши. Тут же сознание нарисовало впечатляющую картину: Олаф Триггвасен на залитой кровью палубе "Длинного змея"...

Нет, к черту! У Хейма сейчас одна задача: оставаться в живых до того момента, пока их не подберет "Лис". А это должно произойти довольно скоро.

Раздался орудийный залп. Хейм увидел, как луч отразился от стальной поверхности, и, скосив глаза, подождал, пока пройдет ослепление.

"Надеюсь, кто-то из наших", — подумал Хейм.

Мощная вибрация сотрясла корабельный корпус. Взрыв? Хейм не был в этом уверен. У алеронов могло бы хватить фантазии и фанатизма, чтобы уничтожить "Мироэт" вместе со своим кораблем, подорвав ядерную боеголовку. Для этого была малая вероятность, поскольку потребовались бы специальные инструменты, а найти их в такой каше очень трудно. Но...

Что ж, умение ждать — одно из главных на войне.

Через балку перелезла одетая в скафандр фигура. Черный неземной силуэт на фоне звезд казался каким-то нереальным, и только ободок шлема, отбрасывающий блики, говорил о том, что это не мистика.

“Ну вот, по крайней мере один остался в живых и теперь храбро пытается”, — подумал Хейм, прицелился и выстрелил. На месте силуэта взметнулся столб пара, который быстро исчез в пространстве.

— Мне чертовски не хотелось этого делать, — пробормотал Хейм, обращаясь к погибшему, — но ведь ты мог притащить с собой какую-нибудь гадость. Вот так-то...

Выстрел выдал его позицию. Вокруг Хейма заплясал золотистый луч, нащупывая цель. Хейм скорчился за щитом. Невыносимо слепящий луч расположил металл в нескольких сантиметрах от него. За первым последовало еще несколько таких же молний, затем вражеский лазер погас.

— Молодчина! — Хейм перевел дух. — Молодчина, кто бы ты ни был.

Сражение длилось недолго. Без сомнения, алероны, если кто-то еще оставался в живых, решили затанцевать и подождать, что будет дальше. И все-таки было необходимо оставаться настороже.

В свободном полете, подобном сновидению, мышцы не уставали от неподвижности. Хейм позволил течению мыслей самостоятельно выбирать русло. Земля, Конни, Джоселин... Новая Европа, Даниэль... В жизни мужчины, как правило, не так уж много вещей, имеющих для него особое значение. Но эти значили ужасно много.

Прошло несколько часов.

Напряжение стало понемногу спадать, когда к месту сражения приблизился изящный “Лис”. Нельзя сказать, что при виде его Хейм не почувствовал никакой радости (“Лис” появился, значит, выиграл битву), но что-то внутри уже перегорело за эти часы ожидания, к тому же предстояла очень сложная стыковка. Хейму пришлось прокладывать себе путь к выходу сквозь темноту и развалины, затем посылать сигнал с помощью встроенного в шлем радио, чтобы тендер подошел на достаточное для прыжка расстояние. Когда это было сделано, Хейм перешел в него и выпил несколько глотков спиртного, чтобы нейтрализовать эффект воздействия радиации, которую получил. Ну а потом — на борт крейсера...

Радостные восклицания и дружеские хлопки по спине, медвежьи объятия и тычки — все это воспринималось Хеймом из-за страшной усталости как нереальное. Даже собственная победа не казалась такой уж важной. Больше всего его радовал тот факт, что добрая дюжина алеронов осталась в живых и сдалась.

— Ну как, справились с “Айнисентом”? — спросил Хейм Пиойера.

— О да, конечно! Обычный фокус-покус. Один магический пасс — и эта лоханка превратилась в облако изотопов. Что дальше, сэр?

— Ну... — Хейм потер глаза, в которые словно бы насыпали песку. — Твой барраж должны заметить с Новой Европы. Теперь, когда с “Айнисентом” покончено, враг должен понять, чья взяла. Возможно, он догадался, что следующий на очереди — “Савайдх”, и теперь идет наперехват. Но, скорее всего, он остался поблизости от базы. И даже если это не так, все равно он непременно вернется туда. Как думаешь, сможем мы задать перцу этому “Юбалхо”?

— Это уж как повезет, сэр. Судя по имеющимся у нас данным, корабль более зубастый, чем наш, хотя мы имеем преимущество в скорости и маневренности. Я составил на компьютере несколько тактических моделей, которые дают нам почти стопроцентную удачу. Но стоит ли рисковать? — спросил, нахмурившись, Пиойер.

— Думаю, стоит, — сказал Хейм. — Если влипнем... что ж, будем считать, что наша сторона теряет от этого не слишком много. С другой стороны, если мы выиграем, то Новая Европа наша.

— Сэр?

— Без сомнения. Другой стоящей упоминания защиты у алеронов нет. Их наземные ракеты мы просто нейтрализуем из космоса, потом обеспечим колонистам помощь с воздуха. Кстати, они уже готовят поход на побережье. Тебе не хуже, чем мне, известно, что ни один флайер не имеет ни малейшего шанса на победу в поединке с космическим кораблем, имеющим ядерное оружие. Если алероны не сдадутся, мы просто вышибем их из воздушного пространства, а потом займемся наземными войсками. Но мне

кажется, они капитулируют. Они ведь не дураки. И тогда уже у нас будут заложники.

— Но... остальной их флот...

— Ага. Но по прошествии нескольких недель или месяцев они станут возвращаться по одному. И тогда "Пис" вполне может преподнести им приятный сюрприз. Кроме того, все это время новоевропейцы будут работать не покладая рук, чтобы поскорее закончить систему космической обороны планеты. Вполне очевидно, что там осталось сделать не так уж много. Как только работа будет завершена, планета станет практически неприступной, что бы ни случилось с нами. Ко всему прочему, скоро к Новой Европе должен подойти очередной транспорт, разумеется, ничего не подозревающий. Мы его оприходуем и отправим на Землю часть новоевропейцев, как было запланировано с самого начала. Когда Земля узнает, что они не только живы, не только далеки от поражения и капитуляции, но еще успешно выдерживают космическую осаду и ведут колоссальную работу по укреплению космической обороны... Ну, если уж и тогда Земля не пошевелится, я отрекусь от человеческой расы.

— Хейм выпрямился. — Я не претендую на роль какого-то дурацкого героя, — подытожил он. — Главным образом, мне хочется вернуться домой, к своему старому кальяну и стоптанным шлепанцам. Ну и как, на твой взгляд, стоит попытаться использовать такой шанс?

Пионер раздул ноздри:

— Клянусь... клянусь Юпитером, — запинаясь, произнес он, — конечно, сэр!

— Отлично! Возьми курс на планету и позови меня, если что-нибудь случится.

Пошатываясь, Хейм прошел в свою каюту, повалялся на койку и уснул как убитый.

Хейма разбудил Вадаж, который тряс его за плечо и вопил в самое ухо:

— Гуннар! Установлена связь с "Юбалхо"... Встреча произойдет не позднее чем через полчаса.

Сон как рукой сняло. Исчезло все — усталость, страх, сомнения, даже злость. Шагая на мостик, Хейм чувствовал такой прилив сил, какого не испытывал с

тех пор, как потерял Конни. В иллюминаторах сияли звезды, такие огромные и яркие в темноте, что казалось — протяни руку и дотронешься до них. Корабль тихо урчал и пульсировал, точно живой. Люди стояли наготове возле орудий. Хейм почти физически ощутил единство с ними и с кораблем. Едва он успел занять командирское кресло, как в динамике зазвонел голос Синби:

— Капитан “Звездного лиса”, значит, я вновь приветствую вас? Тяжелым был наш поединок. Ну, а теперь готовы ли вы продолжить его?

— Да, — ответил Хейм. — Мы идем к финишу и надеемся быть там первыми. Попробуйте нас опередить.

Ответом был смех, подобный смеху Люцифера, который еще не повержен:

— Благодарю тебя, брат мой. Пусть свершится то, что принесет с собой поток времени, плыть по течению которого достаточно ужасно... Я благодарю тебя за этот день.

— Ну что ж, я тоже говорю тебе спасибо, — сказал Хейм, а сам с удивлением подумал: — А ведь “спасибо” означает “спаси бог”.

— Мой капитан, — пропел Синби, — всего тебе доброго.

Радиопередатчик умолк. Молча, с погашенными огнями, два корабля двинулись к месту встречи.





ГЛАВА 10

Когда-то давным-давно на Новую Европу явился человек из Нормандии и построил дом на морских утесах. Местность понижалась широкими уступами с золотистыми деревьями, зарослями трав и диких цветов, волнующихся на ветру, а потом резко падала вниз крутым склоном: страна гор, подпирающих плечами небо, которое звенело голосами птиц, эхом глубоких долин, плеском воды в озерах и водопадах, а на востоке расстиралась безбрежная соленая синева, прерываемая только линией горизонта. В те времена материалом для строительных работ ему могли служить только местная древесина и камень. Он выбрал их за красоту. Коньки крыши дома, который он соорудил, составляли как бы единое целое с окружающим горным ландшафтом. Внутри были просторные комнаты, обшитые резными деревянными панелями, большие камин, а стропила подтянуты так высоко, что зачастую терялись в тених под потолком. Из широких окон открывался вид на местность, с которой дом составлял единое целое. На славу удалась постройка этому человеку — как всем, кто считает себя всего лишь маленьким звеном в цепочке поколений.

Из деревушки Бон Шанс превратился в огромный город, протянувшийся на сотню километров к югу. Колонистов больше тянуло к долинам, чем к возвышенностям. Хотя при наличии воздушного транспорта добраться до этого места не составляло никакого

труда, наследники этого человека ушли туда, где было богатство и люди. Дом стоял долго заброшенным, диким.

Но не особенно страдал при этом. Сильный и терпеливый, он ждал, и, наконец, пришло время, когда его терпение было вознаграждено по заслугам.

Контр-адмирал Моше Петерс, командующий бласт-кораблем "Юпитер", принадлежавшим Флоту Глубокого Космоса Всемирной Земной Федерации, опустил взятый на время флайер на посадочную площадку и вылез наружу. Свежий ветер раскачивал ветви деревьев в близлежащем саду, по небу бежали белые облака, между которыми просвечивали лучи солнца и, падая вниз, плясали на волнующейся поверхности моря. Петерс шел медленно — невысокий, очень прямой, в форме с орденскими планками на груди — и часто останавливался полюбоваться открывающимся видом или каким-нибудь цветком.

Из дома навстречу ему вышел Гуннар Хейм, тоже в форме. Только у него она была иной: серый китель, красный кант вдоль брюк, геральдические линии на воротнике. Нависнув над гостем подобно готической колонне, он наклонил вниз лицо, изрядно загоревшее за последнее время, приветливо улыбнулся, и маленькая рука Петерса утонула в его громадной лапе.

— Моше, рад снова видеть тебя! Сколько лет, сколько зим!

— Хэлло, — ответил Петерс.

Уязвленный такой холодностью гостя, Хейм выпустил его руку и озадаченно спросил:

— Э... Что-нибудь не так?

— Благодарю, со мной все в порядке. Чудесный у тебя дом.

— Ну, с ним еще предстоит повозиться — столько лет простоял в запустении... Но мне он тоже нравится. Хочешь, сперва осмотрим сад?

— Пожалуй.

Несколько мгновений Хейм стоял молча, потом вздохнул.

— О'кей, Моше, — сказал он. — Видно, ты принял мое приглашение к обеду не ради того, чтобы поболтать со старым приятелем по академии. Если у

тебя есть какие-нибудь вопросы, может, лучше обсудить их сразу? Довольно скоро сюда приедет еще кое-кто.

Петерс пристально взглянул на него карими глазами, в которых таилась боль.

— Да, чем раньше мы покончим с этим, тем лучше, — сказал он.

Они пошли по зеленой лужайке.

— Постарайся взглянуть на все с моей стороны, — продолжал Петерс.

— Благодаря тебе Земля начала действовать. Мы нанесли алеронам решающее поражение в пограничной зоне, и теперь они просят мира. Прекрасно! Я гордился тем, что знаю тебя. Я нажал на все кнопки, чтобы добиться назначения на командование кораблем, официально посланным Землей с целью узнать, как идут дела на Новой Европе, какую помощь может оказать Земля в ее реконструкции, какой мемориал следует воздвигнуть в память о погибших с обеих сторон — ибо победы достаются недешево, Гуннар.

— И что, с твоими людьми недостаточно хорошо обошлись? — спросил Хейм.

— Да, вот именно! — Петерс сделал резкий жест, словно срубая кому-то голову. — Все члены экипажа, получавшие краткосрочный отпуск с корабля, едва добирались до грузового катера — так щедро их поили и кормили. Но... я давал разрешение на отпуска с величайшей неохотой, лишь потому, что мне не хотелось еще ухудшать ситуацию. В конце концов... Когда мы подлетели к планете, опоясанной защитными установками, — которые не собираются демонтировать, — нашему кораблю, кораблю Всемирного Флота, указали, на какое расстояние он может подойти! Как ты думаешь, какие мысли могли возникнуть у человека, не один год прослужившего в военном флоте?

Хейм закусил губу:

— Да, этот приказ вашему кораблю был ошибкой. Я выступил в совете против него, но голосование решило иначе. Могу поклясться, ни у кого и в мыслях не было нанести вам оскорбление. Просто большинство считает, что мы с самого начала должны продемонстрировать свой суверенитет. После того,

как данный прецедент будет воспринят как надо, мы успокоимся.

— Но почему?! — Ярость окончательно ушла, не оставив Петерсу ничего, кроме боли и изумления. — Эта фантастическая декларация независимости... Какие вооруженные силы имеются в вашем распоряжении? Ваш флот не может насчитывать больше боевых единиц, чем твой старый капер, да, может, еще несколько трофейных судов. Ну, плюс еще полиция. Какую силу может противопоставить нам полмиллиона человек?

— Уж не угрожаешь ли ты нам, Моше? — тихо спросил Хейм.

— Что?! — взвизгнул Петерс и остановился, хватая ртом воздух. — Что ты сказал?

— Может, Земля собирается завоевать нас по примеру алеронов? Вам это, конечно, удалось бы. Пришлось бы потратить немало кораблей и средств, но в конечном счете это удалось бы.

— Нет... нет... Вы что, все здесь за время оккупации стали шизофрениками?

Хейм покачал головой:

— Напротив, мы полагаемся на добрую волю и здравый смысл Земли. Мы ожидали, что вы будете протестовать, но в то же время знали, что вы не станете применять силу. Тем более сейчас, когда и ваша, и наша планеты пролили столько крови.

— Но... Послушай, если вы хотите получить национальный статус, это касается главным образом французского правительства. Но, судя по твоим словам, получается, что вы вообще выходите из Федерации!

— Вот именно, — подтвердил Хейм. — По крайней мере, юридически. Мы надеемся установить взаимоотношения с Землей и всегда будем находиться в родстве, если можно так выразиться, с Францией. Фактически президент считает, что Франция будет только "за" и отпустит нас с миром.

— Гм... Боюсь, что он прав, — угрюмо ответил Петерс и машинально принялся расхаживать взад-вперед. — Франция все еще весьма холодно относится к Федерации. Она не станет выходить из нее сама,

но будет рада, если вы сделаете это за нее, тем более если ее интересы при этом не пострадают.

— Она больше не станет точить зуб на Федерацию, — предсказал Хейм.

— Да? В свое время ты вырвался на свободу с той же целью?

Хейм пожал плечами:

— В какой-то степени это, без сомнения, так. Поверь мне, конференция в Шато Сант-Джеквес держалась на одних эмоциях. Плебисцит выявил подавляющее большинство в пользу независимости. Но причиной тому была не только обида новоевропейцев на то, что Земля не пришла им на помощь в трудную минуту. Корни основных причин уходят в будущее.

— Де Виньи тоже пытался убедить меня в этом, — фыркнул Петерс.

— Давай теперь я попробую. Боюсь только, мой язык не столь элегантен. Что такое Федерация? Святыня или просто орудие для достижения цели? На ваш взгляд, как раз последнее, причем служить своей цели здесь она не может.

— Гуннар, Гуннар, неужели ты забыл историю? Известно ли тебе, что значил бы распад Федерации?

— Войну, — кивнул Хейм. — Но Федерация пока еще не собирается умирать. Несмотря на свои недостатки, она имеет столь неоспоримые заслуги перед Землей, что отказ от нее невозможен... по крайней мере, в ближайшем будущем. И все же Земля — это всего лишь одна планета. Ее можно облететь по орбите за девятнадцать минут. Нации живут в тесноте, словно сельди в бочке. Они вынуждены объединяться, чтобы не перебить друг друга. — Взгляд Хейма устремился куда-то вдаль. — У нас здесь побольше места.

— Но...

— Вселенная слишком велика для каких бы то ни было шаблонов. Ни один человек не в состоянии постичь или проконтролировать ее, не говоря уже о правительстве. За доказательствами не надо далеко ходить. Нам пришлось пойти на обман, пришлось терзать и запугивать Федерацию, чтобы заставить ее сделать то, что — мы ясно видели это — сделать

было необходимо. Потому что она этой необходимости не видела, не в состоянии была увидеть. Если человек собирается освоить всю Галактику, ему необходима свобода и выбор собственных путей, тех, которые, как подсказывает ему прямой опыт, наиболее соответствуют его обстоятельствам. И разве при этом раса не осознает своего потенциала? Разве есть иной путь, кроме как пробовать все и повсюду? — Хейм хлопнул Петерса по спине. — Я знаю, ты опасешься, что, если планеты станут суверенными, в будущем могут возникнуть межзвездные войны. Не беспокойся, это же абсурд. За что будут бороться цельные, независимые в экономическом отношении, изолированные миры?

— Одна межзвездная война только что закончилась, — напомнил Петерс.

— Верно. Что или кто ее вызвал? Некто, не желавший позволить человеческой расе развиваться так, как ей хочется. Моше, вместо того, чтобы доводить себя до точки замерзания, вместо того, чтобы превращаться в какое-то ничтожество или мелюзгу только из-за страха утратить контроль, давай изберем тактику, которая приведет к совершенно противоположным результатам. Давай выясним, сколько видов общества — человеческих и нечеловеческих — смогли бы обойтись без нацеленного на них полицейского ружья. Мне кажется, здесь вряд ли может быть какой-то предел.

— Ну... — покачал головой Петерс. — Может быть. Надеюсь, что ты прав, потому что связал нас по рукам и ногам, чтоб тебе пусто было! — Адмирал сказал это без всякой злобы и через минуту добавил: — Должен признаться, у меня немного отлегло от сердца, когда президент де Виньи принес официальные извинения за то, что наш корабль держали на приличной дистанции.

— Я ведь тоже извинился от себя лично, — низким голосом сказал Хейм.

— Прекрасно! — Петерс протянул руку и коротко рассмеялся. — Принято и забыто, проклятый старый скандинав.

Хейм тоже с облегчением улыбнулся.

— Великолепно! — воскликнул он. — Теперь пройдем в дом и займемся подготовкой к пьянке. Боже, сколько нас ждет всевозможных историй и анекдотов!

Они вошли в гостиную, сели. Появилась служанка, сделала реверанс и стояла в ожидании.

— Чем тебя угощать? — спросил Хейм Петерса. — Кое-какие деликатесы у нас пока еще в дефиците и, разумеется, не хватает автоматов, так что приходится держать большой штат прислуги. Но что касается винных запасов, то в этом французам, как всегда, нет равных.

— Пожалуй, я выпил бы бренди с содовой, — сказал Петерс.

— Я тоже. На Новой Европе мы и впрямь отвыкли от виски. Э... Скоро с Земли придут караваны с грузом?

— Некоторые уже в пути, — кивнул Петерс. — Парламент будет вне себя, когда я доложу о сделанном вами, и неизбежно возникнут разговоры об эмбарго, но ты ведь знаешь, это ни к чему не приведет. Если мы не начнем военных действий, чтобы удержать вас против вашей воли, бессмысленно будет враждовать с вами путем мелких досаждений.

— Что еще раз подтверждает сказанное мной. — Хейм отдал по-французски несколько распоряжений служанке относительно напитков.

— Пожалуйста, не надо больше на эту тему. Я ведь уже сказал, что принимаю это как свершившийся факт. — Петерс наклонился вперед. — Но можно задать тебе один вопрос, Гуннар? Я понимаю причины, заставившие Новую Европу сделать все это. Но ты лично... Ты мог бы вернуться домой, стать всемирно известным героем и миллиардером со своими трофейными богатствами. Вместо этого ты принял здешнее гражданство... Нет, ради бога, они чудесные люди, но это не твой народ!

— Теперь мой, — спокойно ответил Хейм. Пока он набивал трубку, его речь продолжалась как бы сама собой: — Как это обычно и бывает, мотивы здесь самые разные. Мне было необходимо оставаться здесь до конца войны. Много пришлось сражаться, а потом кто-то должен был отлаживать орбиталь-

ную защиту. И видишь ли, на Земле я был одинок. А здесь я нашел общую цель с людьми — с людьми в лучшем смысле этого слова. И в придачу — целый мир, просторный, открывающий безграничные перспективы. В один прекрасный день, когда я почувствовал тоску по дому, на меня вдруг словно нашло озарение — собственно, я тоскую по Конни? Но ведь ее уже нет на Земле и никогда больше не будет. Зачем мне тогда туда возвращаться? Чтобы покрываться плесенью среди своих долларов? Если дочь захочет приехать сюда, я буду рад. Не захочет — ее дело. Итак, теперь я — министр космоса и военного флота Новой Европы. У нас не хватает рабочих рук, опыта, оборудования, буквально всего. Можешь называть что угодно, и почти наверняка окажется, что этого нам не хватает. Но я вижу, как мы постепенно растем день за днем. И в этом есть доля моего труда. — Он разжег трубку и выпустил клубы дыма. — Я вовсе не собираюсь занимать место в правительстве дольше, чем это будет необходимо. Я хочу начать серию экспериментов с океаническими культурами, провести исследования других планет и астероидов этой системы, основать свой торговый флот и... Черт побери, я просто не в состоянии перечислить все свои планы! Но я не могу терять время, пока снова не стану лицом, не состоящим на государственной службе.

— Однако ты все же теряешь его, — заметил Петерс.

Хейм посмотрел в окно на море, солнце и небо.

— Что ж, — сказал он, — это стоит того, чтобы принести некоторую жертву. Здесь затронуто больше, чем только один этот мир. Мы закладываем основу... — Хейм сделал паузу в поисках подходящего слова, — основу адмиралтейства. Или, иными словами, космического министерства, которым будет управлять человек и которое будет охватывать всю вселенную.

Вошла служанка с подносом. Хейм был рад этому не только потому, что мог освежиться, но и потому, что ее появление давало возможность сменить тему. Он был не из тех, кто любит говорить о серьез-

ных вещах. Человек делает то, что должен, и этого достаточно.

Девушка наклонила голову.

— К вам еще гости, мсье, — сказала она по-французски.

— Хорошо, — ответил Хейм. — Это, должно быть, Андре Вадаж с женой. Они тебе понравятся. Именно благодаря Андре мы вылезли из всей этой каши. Теперь он имеет возможность ублажать свою любовь к простору, доставшуюся ему в наследство вместе с генами цыгана, на ранчо в долине Борде площадью в десять тысяч гектаров. При этом он по-прежнему остается певцом, равным которому нет во всей Солнечной системе.

— Буду очень рад познакомиться, — сказал Петерс, провожая выходящую служанку оценивающим взглядом. — Знаешь, Гуннар, — пробормотал он, — кажется, я нашел вескую причину, объясняющую твое решение остаться здесь. Количество красивых девушек на Новой Европе просто ошеломляющее, и все они, по-моему, смотрят на тебя как на идола.

На лицо Хейма набежало мимолетное облачко:

— Боюсь, они здесь несколько иные, чем на Земле. Ну что ж... — Он поднял бокал. — *Скэл!*

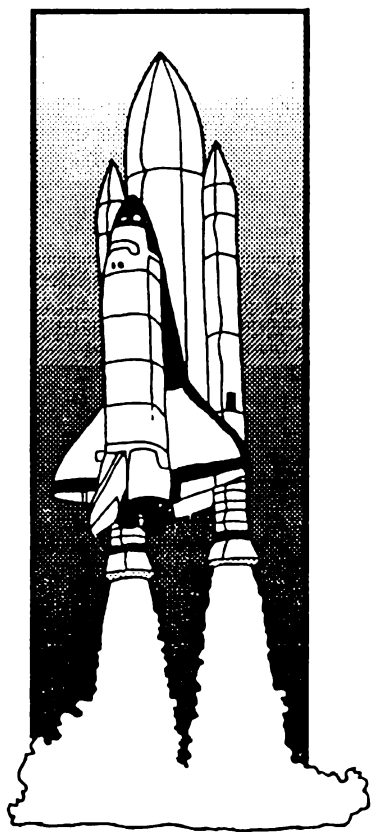
— *Шолом!* Оба встали, когда в гостиную вошла чета Вадаж.

— Бонвеню, — сказал Хейм, обменялся с другом рукопожатием, поцеловал руку Даниэль. Теперь он уже научился делать это только уважительно.

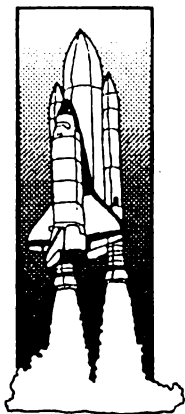
Удивительно, подумал он, глядя на девушку, как быстро заживает нанесенная ею рана. Жизнь, к сожалению, далеко не волшебная сказка, где рыцарь, победивший дракона, получает в награду принцессу. Ну и что из этого? Разве нашелся бы человек, пожелавший жить в мире менее богатом и разнообразном, чем этот? Ты распоряжался собой как кораблем — с дисциплинированностью, благоразумием и мужеством — и в конце концов нашел свою гавань. К тому времени, когда я, выполняя данное ей обещание, стану крестным отцом ее первенца, мои чувства к ней, вероятно, ничем не будут отличаться от чувств дяди по отношению к своей племяннице.

Нет, понял вдруг Хейм, ощутив, что сердце внезапно забилось быстрее, это произойдет еще раньше. Война кончилась. Теперь он мог послать за Лизой. И Хейм почти не сомневался, что вместе с ней или без нее к нему прилетит Джоселин.





ПЛАНЕТА,
С КОТОРОЙ
НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ



Planet Of No Return



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЭКИПАЖ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ

“ГЕНРИ ХАДСОН”:

Кемаль Гуммус-пуджиль — ракетный инженер, турок
Джон Лоренцен — астроном с Луны.
Эдвард Эвери — психолог из Северной Америки.
Джоаб Торнтон — физик с Марса.
Тицус Хидаки — химик-органик из Маньчжурии.
Фридрих фон Остен — солдат-наемник, немец.
Мигель Фернандес — геолог, уругваец.

ЧУЖАКИ С “РОРВАНА”:

Силиш
Янусарран
Аласву
Джугау

*“...Мудрость выше силы, однако
бедная человеческая мудрость
презирается, словно ее не слышат.
Слова мудреца выше крика
того, кто правит неразумными.
Мудрость сильнее оружия войны,
но один грешник может уничтожить
множество добрых поступков”.*

ЭККЛЕЗИАСТ



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Где-то щелкали реле, где-то бормотал про себя робот. Тревожные сигналы, постепенно раскаляясь, дошли до гневно-красного цвета, и сирена завела свой идиотский рев.

— Прочь отсюда!

Три техника бросили свои занятия и в поисках точки опоры уцепились за ближайшую стену. Пульт управления был красным ковром. Лишенные веса тела техников потянулись через заполненный гулом сирены воздух к двери.

— Убирайтесь, вы!..

Они выскочили раньше, чем Кемаль Гуммус-пуджиль замолчал. Он сплюнул им вслед, ухватился за кольцо в стене и подтянулся к пульта.

РАДИАЦИЯ, РАДИАЦИЯ, РАДИАЦИЯ — завывала сирена. Радиация достаточно сильная, чтобы пробить защиту, ионизировать воздух в машинном отделении и заставить контрольные приборы сходить с ума. Причем она все усиливалась — Гуммус-пуджиль был достаточно близко к измерительным приборам, чтобы прочесть их показания. Интенсивность излучения нарастала, но он пока мог оставаться тут без особой опасности.

Почему его обременили командовать слабоумными трусами, которые так суеверны насчет гамма-лучей, что, проходя мимо конвертора, бросали на него трепещущие взгляды?

Выставив вперед руки, он остановил свободное падение кончиками пальцев. Щелкнул, с трудом дотянувшись, ручным выключателем. Где-то сработали автоматические защитные линии, и ядерный огонь в конверторе превратился в маленькое солнце — но, черт побери, человек еще может справиться с этим!

Ожили другие реле. Вступили в действие замедлители, перекрывая доступ горючему. Генераторы начали создавать угнетающее поле, которое должно остановить реакцию...

Но не остановило!..

В течение нескольких секунд Гуммус-пуджилъ осознал этот факт. Вокруг него, в нем самом воздух был полон смерти: она не видна на глаз, но легкие уже начинают светиться. Однако теперь интенсивность излучения спала, ядерная реакция боролась с угнетающим полем, и он мог попытаться выяснить, где неисправность. Он двинулся вдоль огромного пульта к приборам автоматического обеспечения безопасности. Под мышками стало мокро.

Они испытывали новый, усовершенствованный конвертор, и ничего больше. Что-нибудь могло случиться с той или иной его частью, но сложный комплекс блокировки, саморегулирующийся, защищенный от неосторожного воздействия, способный вмешаться во всех мыслимых случаях, должен был это сделать...

Сирена заревела еще громче.

Гуммус-пуджилъ почувствовал, что все его легкое тело становится мокрым. Доступ горючего был прерван, однако реакция не прекратилась. Угнетающее поле не действует! За обшивкой пылает адский огонь. Потребуются часы, чтобы он угас, но все, кто находится на корабле, к тому времени будут трупами.

Некоторое время Гуммус-пуджилъ висел над пультом, испытывая чувство бесконечного падения из-за невесомости, слушая рев сирены и глядя на отвратительный красный свет. Если они оставят корабль на орбите, он будет горячим много дней и конвертор совершенно разрушится. Он должен справиться с этим немедленно!

За ним сдвинулись защитные перегородки, и вентиляционная система прекратила свое постоянное жужжание. Робомониторы корабля не позволяли отравленному воздуху быстро распространиться по всем помещениям. Они, во всяком случае, все еще функционируют... Но о нем самом они позаботиться не могут: радиация продолжает поедать его тело.

Гуммус-пуджилъ сжал зубы и принялся за работу. Аварийное ручное управление все еще было неисправно. Он проговорил в ларингофон:

— Гуммус-пуджилъ — капитанскому мостику. Я собираюсь выстрелить эту проклятую штуку. Это означает, что наружный корпус будет горячим в течение нескольких часов. Есть кто-нибудь снаружи?

— Нет, — испуганно прозвучал голос контролера. — Мы все стоим у люков спасательного катера. Не думаете ли вы, что нам стоит оставить корабль гореть?

— И уничтожить механизм стоимостью в миллиард долларов? Нет уж, спасибо! Стойте там, где стоите. Все будет в порядке.

Даже в такой момент инженер презрительно фыркнул. Он начал поворачивать главное выстреливающее колесо, прижав ноги к полу и пытаясь удерживать тело от вращения.

Вспомогательные аварийные устройства были механическими или гидравлическими. Теперь, когда вся электроника вышла из подчинения, следовало поблагодарить их создателей. Гуммус-пуджилъ нахмурился, напрягая мускулы. Открылась серия люков, выплеснув в пространство неистово раскаленные газы. Во тьме сверкнуло пламя, и снова человеческий глаз не смог бы ничего увидеть. Красный свет медленно сменился желтым, сирена приглушила свой рев. Постепенно спадал уровень радиации в машинном отделении. Гуммус-пуджилъ решил, что не получил опасной дозы, хотя доктора, вероятно, отстранят его от работы на несколько месяцев.

Он прошел через особый аварийный выход, в своей каюте сбросил одежду и отдал ее роботу, затем проследовал в специальное помещение для дезактивации. Прошло не менее получаса, пока счет

чик Гейгера не сообщил, что он может появляться в обществе других людей. Робот подал ему дезактивированную одежду, и Гуммус-пуджиль отправился на капитанский мостик.

Контролер слегка отшатнулся от него, когда он вошел.

— Ладно, ладно, — с сарказмом сказал Гуммус-пуджиль, — я знаю, что слегка радиоактивен. Может, мне стоит взять колокольчик, звонить в него и кричать: "Нечист!"? А сейчас я хотел бы сделать вызов на Землю.

— А... О да, да! Конечно. — Контролер проплыл к пульту коммуникатора. — Куда?

— Дирекция института Лагранжа.

— Что... что неисправно? Вы знаете?

— Да. Это не может быть случайностью. Если бы я не оказался единственным на борту человеком среди созданий с мозгами устриц, корабль был бы покинут, а конвертор разрушен.

— Вы хотите сказать?..

Гуммус-пуджиль поднял палец и одну за другой начертил в воздухе буквы: С.А.Б.О.Т.А.Ж. "Саботаж".

— Я хочу отыскать этого ублюдка и повесить его на его же собственных кишках.





ГЛАВА ВТОРАЯ

Джон Лоренцен смотрел в окно отеля, когда пришел вызов. Он находился на пятьдесят восьмом этаже, и скоростной спуск вызвал легкое головокружение. На Луне не строили таких высоких зданий. Под ним, над ним и вокруг него, подобно джунглям, развертывался город, перебрасываясь гибкими мостиками с одной стройной башни на другую. Он сверкал, горел, уходя за край горизонта. Белое, золотое, красное, синее сияние не было сплошным: тут и там темные пятна означали парки с фонтанами огня или сверкающей среди ночи воды, но сами огни протянулись на много километров. Кито никогда не спал.

Близилась полночь, время, когда должно стартовать множество ракет. Лоренцен хотел посмотреть на это зрелище, оно было знаменито во всей Солнечной системе. Он заплатил двойную цену за комнату, выходящую окном к стене космопорта, и испытывал некоторые угрызения совести — платить ведь по счету будет институт Лагранжа. Тем не менее он сделал это. Детство на заброшенной ферме в Аляске, долгие годы зубрежки в колледже... Бедный студент, живущий на стипендию филантропического фонда, он никогда не видел ничего подобного. Лоренцен не жаловался, но жизни его явно не доставало эффектных зрелищ, и теперь, собираясь углубиться в черноту космоса за пределами Солнечной системы, он хотел вначале полюбоваться полными ночными огнями кос-

мопорта Кито. Возможно, другого случая у него не будет.

Тихо загудел экран. Лоренцен вздрогнул, сердясь своей нервозности. Нечего было опасаться, никто не собирался его укусить. Однако ладони у него стали мокрыми. Подойдя, он нажал кнопку.

— Алло! — сказал он.

На экране появилось лицо. Оно было незнакомым — гладкое, полное, курносое, волосы седые, а тело казалось приземистым и крепким. Голос высокий, но неприятный, говорит на североамериканском варианте английского:

— Доктор Лоренцен?

— Да. Кто... С кем имею честь?

В Луна-сити все знали друг друга. Поездки в Лейпорт и Гайдед-Либре были редкими. Лоренцен никак не мог привыкнуть к столпотворению незнакомых людей.

Он не мог привыкнуть к земной гравитации, и к изменяющейся погоде, и к разреженному воздуху Эквадора. Он почувствовал раздражение.

— Эвери. Эдвард Эвери. Я на правительственной службе. Но одновременно состою и в институте Лагранжа — нечто вроде посредника, связующего элемента между ними. Я принимаю участие в экспедиции в качестве психолога. Надеюсь, я не поднял вас с постели?

— Нет... вовсе нет. Я привык работать по ночам. Вы сейчас на Земле?

— Да, я тоже в Кито, — улыбнулся Эвери. — Не можем ли мы встретиться?

— Я... Ну что ж... Сейчас?

— Можно и сейчас, если вы не заняты. Может, немного выпьем и поговорим? В любом случае я должен с вами увидеться, пока в городе.

— Ну... Хорошо, сэр.

Лоренцен встал. После медленных лет на Луне он никак не мог привыкнуть к этой суматохе. Он хотел плюнуть кому-нибудь в глаза и сказать, чтобы все примерялись к его, Лоренцену, темпу жизни, но знал, что никогда этого не сделает.

— Отлично. Благодарю вас.

Эвери дал ему адрес и отключился.

В комнате послышался высокий гул. Ракеты! Лоренцен заторопился обратно к окну и увидел защитную стену космопорта, подобно краю мира, на фоне взлетных огней. Одна, две, три... дюжины металлических копий поднимались вверх в пламени и громе. А Луна холодным щитом повисла над городом... Да, на это стоило посмотреть!

Лоренцен заказал аэротакси и набросил на тонкий пиджак плащ. Через минуту появился коптер, завис над балконом и выбросил песенку. Лоренцен вышел, чувствуя, несмотря на плащ, ночную прохладу, сел в такси и набрал нужный адрес.

— Два доллара пятьдесят центов, пожалуйста.

Механический голос почему-то заставил его смутиться. Лоренцен едва не извинился, просовывая банкноту в десять долларов. Автопилот вернул сдачу, и аэротакси взмыло вверх.

Оно опустилось на крышу другого отеля — очевидно, Эвери не жил постоянно в Кито. Лоренцен спустился на указанный этаж, перед дверью назвал себя. Дверь открылась. Лоренцен вошел в переднюю, отдал роботу плащ и был встречен самим Эвери.

Да, психолог был маленького роста. Лоренцен глядел на него сверху вниз, когда они пожимали друг другу руки. Он подумал, что Эвери, по крайней мере, вдвое старше его. Эвери в свою очередь рассматривал гостя: высокий, тощий молодой человек, не знающий, куда девать свои ноги, с коротко подстриженными каштановыми волосами, серыми глазами, грубоватыми, невзрачными чертами лица, покрытого ровным лунным загаром.

— Я очень рад вас видеть, доктор Лоренцен, — Эвери выглядел виновато и понизил голос до шепота. — К сожалению, не могу предложить вам сейчас выпить. Здесь другой участник экспедиции пришел по делу... Марсианин, понимаете...

— А?.. — Лоренцен вовремя остановился. Он не знал, нравится ли ему в качестве коллеги по экспедиции марсианин, но отступать было уже слишком поздно.

Они вошли в гостиную. Третий человек сидел там и не поднялся им навстречу. Он тоже был высоким и стройным, но жесткость его лица ничуть не смягчалась строгим черным костюмом поучианской секты. Все его лицо состояло из углов, у него были выдающиеся нос и подбородок, коротко остриженные черные волосы.

— Джоаб Торнтон — Джон Лоренцен, — представил их Эвери.

— Прошу садиться...

Эвери сел в кресло. Торнтон сидел выпрямившись на краешке своего кресла, которое принимало форму сидящего в нем.

— Доктор Торнтон физик — радиация и оптика — в университете Нового Сиона, — объяснил Эвери. — Доктор Лоренцен астроном в обсерватории Лунаполиса. Вы оба, джентльмены, отправляетесь с нами в составе экспедиции Лагранжа. Теперь вы знакомы, — он попытался улыбнуться.

— Торнтон... Не мог ли я слышать ваше имя в связи с фотографированием в X-лучах когда-то? — спросил Лоренцен. — Мы используем некоторые ваши результаты при изучении жесткого излучения звезд. Очень ценные результаты.

— Благодарю вас, — тонкие губы марсианина изогнулись в подобие улыбки. — Но хвалить нужно не меня, а Господа.

На это нечего было ответить.

— Прошу меня извинить, — обратился он к Эвери, — мне надо покончить с одним делом. Мне сказали, что в состав экспедиции включен некий инженер по имени Роберт Янг. Я просмотрел список участников экспедиции и обнаружил, что его религия — если это можно так назвать — новое христианство.

— Гм... Да. — Эвери опустил глаза. — Да, я знаю, что ваша секта в натянутых отношениях с этой религией, но...

— В натянутых отношениях! — На виске Торнтона запульсировала жилка. — Новые христиане заставили нас эмигрировать на Марс, когда находились у власти. Это они исказили нашу религиозную доктрину так, что все реформисты стали презираемы пов-

сюду. Это они вовлекли нас в войну с Венерой ("Не совсем так, — подумал Лоренцен, — отчасти эта война была следствием борьбы за власть, отчасти же ее организовали земные психомеды, которые хотели заставить своих хозяев сражаться не на живот, а на смерть".) Это они по-прежнему клеветают на нас по всей Солнечной системе. Это их фанатики заставили меня носить на Земле оружие. — Он сглотнул и сжал кулаки. Когда он снова заговорил, голос звучал гораздо спокойнее. — Я терпимый человек. Один Господь знает истину. Вы можете привлечь в экспедицию католиков, магометан, иудеев, неверующих, себастьянцев... не знаю, кого еще. Но если я приму участие в этой экспедиции, то выдвигаю условие. Мы должны будем вместе работать, вместе сражаться и, может быть, отдавать жизнь друг за друга. Я не смогу выполнить это по отношению к новому христианину. Если он участвует в экспедиции, то не участвую я. Это все.

— Ну, ну... — Эвери беспомощным жестом провел рукой по голове. — Я сожалею, что так получилось...

— Эти идиоты в правительстве, которые подбирали штат экспедиции, должны были подумать об этом с самого начала.

— А вы не считаете...

— Нет, не считаю. У вас есть два дня, в течение которых вы должны будете сообщить мне, что Янг отстранен, иначе я отправляю свой багаж обратно на Марс. — Торнтон встал. — Извините, что мне пришлось быть столь резким, — сказал он. — Но это необходимо. Поговорите обо мне с директором, а сейчас мне нужно идти. — Он пожал руку Лоренцену. — Рад знакомству с вами, сэр. Надеюсь, что в следующий раз мы встретимся в лучших условиях. Я хотел бы обсудить с вами проблему исследования Х-лучей.

Когда он вышел, Эвери шумно вздохнул.

— Как насчет выпивки? Я в ней страстно нуждаюсь. Что за несчастье!

— С разумной точки зрения, — осторожно сказал Лоренцен, — он прав. Если эти двое окажутся вместе на корабле, может произойти убийство.

— Конечно, — Эвери достал из ручки кресла микрофон и произвел заказ, потом повернулся к гостю. — Не понимаю, как могла произойти подобная непростительная ошибка. Но это меня не удивляет. Кажется, над всем проектом тяготеет какое-то проклятие. Все идет не так, как нужно. Мы уже на год отстаем от намеченного графика. Стоимость проекта вдвое превысила первоначальную.

Появился столик на колесах с двумя порциями виски с содовой. Остановился перед ними. Эвери схватил стакан и жадно отпил.

— Янгу придется остаться, — сказал он. — Он всего лишь инженер каких много. А мы нуждаемся в физике ранга Торнтона.

— Странно, — сказал Лоренцен, — что человек такого ума, один из лучших математиков, может быть сектантом.

— Ничего странного. — Эвери угрюмо хлебнул виски.

— Человеческий мозг — удивительная штука. Он может одновременно верить в дюжину противоречивых вещей. Мало кто из людей умеет мыслить, а те, кто умеет, делают это лишь поверхностно. Остальное — условные рефлексy и рационализация тысяч подсознательных страхов, ненависти и желаний. Мы, в конце концов, постигнем науку человека — истинную науку. Мы, в конце концов, научимся учить детей. Но на это нужно очень и очень много времени. Слишком много безумного в человеческой истории и во всем устройстве человеческого общества.

— Ну... — Лоренцен неловко повернулся. — Я согласен с вами, сэр. Но перейдем к делу. Вы хотели видеть меня.

— Только для выпивки и беседы, — сказал Эвери. — Я обязан знать членов экипажа лучше, чем они сами знают себя. Но на это тоже нужно время.

— Когда я согласился участвовать в экспедиции, вы получили мои психотесты, — сказал Лоренцен и покраснел. — Разве этого недостаточно?

— Нет. Тесты — всего лишь собрание отдельных черт, уменьшенных профилей и чисел. Я же должен знать вас как человеческое существо, Джон. Я вовсе

не любопытствую. Я бы хотел, чтобы мы стали друзьями.

— Ладно. — Лоренцен сделал большой глоток. — Начинайте.

— Никаких вопросов. Это не обследование, всего лишь беседа,

— Эвери снова вздохнул. — Боже, как бы я хотел уже очутиться в космосе! Вы не представляете, каким трудным было это дело с самого начала. Если бы наш Торнтон знал все детали, он бы определенно решил, что Божья воля не пускает людей на Троэс. И, возможно, был бы прав. Иногда я поражаюсь...

— Первая экспедиция вернулась?

— Это не была экспедиция Лагранжа. Это была особая астрономическая экспедиция, следовавшая в созвездие Геркулеса. Изучая звезду Лагранжа, они обнаружили систему Троэс-Илиум и провели из космоса кое-какие наблюдения, в частности сфотографировали планету, но они не совершали посадку. Первая настоящая экспедиция Лагранжа не вернулась.

Наступило молчание. За широким окном комнаты город сверкал во тьме разноцветными огнями.

— И мы, — сказал Лоренцен, — вторая экспедиция?

— Да. И с самого начала все шло плохо. Я расскажу вам. Вначале институт потратил три года на сбор средств. Затем последовали невероятные перемещения в администрации института. Потом началось строительство корабля. Купить сразу его не удалось. Строили одновременно во многих местах по частям. И все время были помехи и задержки... Эта деталь непригодна, эту нужно улучшить. Время строительства затягивалось, стоимость возрастала. Наконец — это тайна, но вы все равно должны знать — был случай саботажа. Главный конвертор вышел из повиновения при первом же испытании. Только один человек, сохранивший хладнокровие, спас его от уничтожения. После этого штрафы и задержки истощили средства института, пришлось делать не один перерыв для сбора средств. Это было нелегко, безразличие общественного мнения ко всему замыслу росло с

каждой неудачей. Теперь все готово. Есть, конечно, кое-какие неполадки, сегодняшняя ночная беседа — маленький образчик этого, но в целом все готово. — Эвери покачал головой.

— К счастью, директор института и капитан Гамильтон оказались кое с кем достаточно упорными. Обычные люди отступили бы еще много лет назад.

— Много лет... Да ведь со времени первой экспедиции прошло семь лет, не так ли? — спросил Лоренцен.

— Верно, и пять лет с начала подготовки этой.

— И кто... Кто же оказался саботажником?

— Никто не знает. Может быть, какая-нибудь из групп со своими собственными разрушительными мотивами. Теперь их столько развелось, знаете ли. Или, может быть... Нет, это слишком фантастично. Я скорее готов поверить, что второй экспедиции института Лагранжа просто не везет, и я бы хотел, чтобы полоса невезения прошла.

— А первая экспедиция? — тихо вставил Лоренцен.

— Не знаю. Да и кто знает? Это как раз один из тех вопросов, на которые мы должны ответить.

Некоторое время они сидели молча. Между ними происходил обмен невысказанными мыслями.

Похоже, что кто-то не хочет, чтобы экспедиция на Троэс состоялась. Но кто, как и почему? Мы, возможно, найдем ответ. Но нам хотелось бы еще и вернуться с ним. А первая экспедиция, оснащенная не хуже, с не менее сильным экипажем, не вернулась.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Межзвездные расстояния перестали быть непреодолимым препятствием после открытия искривленного пространства. Теперь требуется не намного больше времени и энергии, чтобы преодолеть расстояние в 100 000 световых лет, чем для путешествия в один световой год. Как естественный результат всего этого, когда были посещены ближайшие звезды, исследователи Земли и Солнечной системы устремились к самым интересным объектам Галактики, хотя многие из них были очень далеко, и игнорировали миллионы более близких, но обычных звезд. За двадцать два года, прошедших после второй экспедиции к Альфе Центавра, были посещены сотни звезд. И если надежда открыть землеподобную планету подорвалась, ученые были вознаграждены новыми обильными сведениями.

Первая экспедиция к скоплению Геркулеса была чисто астрономической, ее участники интересовались только астрофизикой скопления — тесной группой из миллиона звезд с окружающим пространством, сравнительно чистым от пыли и газа. Но, проходя мимо двойной звезды Лагранжа, наблюдатели открыли планету и исследовали ее. Она оказалась двойной планетой, причем больший элемент системы был подобен Земле. В соответствии со своей троянской позицией он был назван Троэс, а меньший компонент

— Илиум... Из-за отсутствия средств на посадку экспедиция ограничилась наблюдениями из космоса.

Лоренцен со вздохом опустил текст. Он заранее знал это. Спектрографические данные об атмосфере говорили, что да, наблюдалась растительность, по-видимому, содержащая хлорофилл. Расчеты массы и поверхностного притяжения, измерения температуры подтверждали то, что показывала карта: мир в объятиях льда, однако экваториальные районы, хотя и прохладные, хотя и насыщенные снегом и бурями, знали и расцвет лета. Мир, где, возможно, люди могут ходить без скафандров, где смогут пустить корни, построить дома. Семь миллиардов человек, битком набивших Солнечную систему, требовали нового места для жизни. И в течение жизни Лоренцен был свидетелем того, как мечта умирала.

Можно было, конечно, это предвидеть, но никто в это не верил, пока один корабль за другим не возвращались домой, покрытые межзвездной пылью, с изуродованными бортами, с одним и тем же сообщением: в нашей Галактике миллиарды планет, но нет ни одной, где человек мог бы пустить корни.

Земная жизнь — это тонкое равновесие химических, физических и экономических факторов, большинство из которых возникло вследствие геологических и эволюционных случайностей, и вероятность найти мир, где человек мог бы жить в естественной среде, меньше, чем можно было себе представить. Во-первых, нужно найти кислородную атмосферу, необходимый уровень радиации и температуры и тяготение, не слишком маленькое, чтобы удержать атмосферу, и не слишком большое, чтобы не раздавить человеческое тело. Одно это отсеивает большинство планет: остается не более одного процента. Во-вторых, вступают в действие биологические факторы. Нужна растительность, съедобная для людей, трава, которую могли бы есть домашние животные, а трава не может расти без огромного количества других форм жизни, большинство из которых являются микроскопическими: связующие кислород бактерии, сапрофиты, гнилостные бактерии, — и нельзя их просто переместить в новый мир, поскольку они, в свою оче-

редь, зависят от других жизненных форм. Надо предоставить им аналогичный фон, на котором они могли бы существовать. Миллионы лет самостоятельной эволюции производили местную жизнь, которая была либо несъедобной, либо чистым ядом для земных форм жизни.

Марс, Венера, спутники Юпитера были колонизованы, но это потребовало огромных расходов и происходило из-за особых целей — шахты, содержащие преступников, бегство от двухсотлетней войны и тирании. Но система защитных куполов и резервуаров для выращивания пищи никогда не сможет прокормить много людей, как бы вы ни старались. Теперь, когда перед человечеством открылись звезды, никто не хотел жить на планете-аде. В денежных терминах, ибо каждая экспедиция требовала денег, за такие планеты не платят.

Несколько планет можно было колонизировать, но там оказались болезни, к которым у человека не было иммунитета, а это значило, что погибнет не менее девяноста процентов всей колонии, прежде чем будут найдены нужные сыворотки и вакцины (умирающий экипаж "Магеллана" успел передать по радио свой трагический рапорт, прежде чем направил корабль на Солнце). Или на планете были туземцы со своей собственной технологией. Они бы сопротивлялись вторжению, а логика межзвездного завоевателя отвратительна. Сопоставление стоимости посылки колонистов и их оборудования (жизнь, материальные ресурсы, кровь, пот и слезы) с ожидаемыми выгодами (несколько миллионов человек получали землю, со временем они могли направить торговые корабли к Солнцу) было неутешительным. Завоевание теоретически возможно, но война истощила бы человечество, большая часть которого все еще страдала от голода.

Хотели: землеподобную планету, пригодную для жизни, не заселенную, не имеющую болезней, достаточно богатую, чтобы содержать колонистов без помощи Земли.

Получили: ничего.

Лоренцен вспомнил волну возбуждения, поднявшуюся вслед за возвращением экспедиции из созвездия

дия Геркулеса. Он был тогда еще мальчишкой, это случилось за год до того, как он отправился в политехническую школу в Рио. Но зимней аляскинской ночью он всматривался в холодное высокомерие звезд.

Оснащенный по последнему слову техники "Да Гама" исчез в космических просторах. Прошло два года, и люди вздохнули от умирающей надежды. Убиты туземцами или микробами, проглочены внезапно расступившейся поверхностью, заморожены неожиданным ледяным штормом с ледяного озера — кто знает? Кто осмелится гадать? Теперь мало кто говорит о новой Земле: не публикуется, как раньше, уточненных трактатов о новом старте человечества, все больше и больше людей обращают взгляды на Землю, понимая, что это их единственный дом, единственная надежда на все времена.

"Две пасточки не делают лета... Статистически неадекватная выборка... Статистически, несомненно, где-то что-то должно быть..." Но фонды на исследования сокращались на каждом заседании парламента. Все больше громадных межзвездных кораблей повисало во тьме около Земли, в то время как их капитаны разыскивали средства. И когда институт Лагранжа на свои средства захотел приобрести один из таких кораблей, то не смог: всегда находились разные причины. "Извините, но мы хотели бы сохранить его... Как только найдем средства, мы попытаемся осуществить свой собственный план... Сожалею, но корабль уже сдан напрокат, через два месяца отправляемся с ксенобиологической экспедицией на Тау Кита... Сожалею, но мы предполагаем заняться межпланетным фрахтом... Сожалею..." И "Генри Хадсон" пришлось строить с самого начала.

Египтяне плавали до Понта и легко могли бы продвинуться дальше. С небольшим усовершенствованием их корабли могли бы достигнуть Индии. Древние греки построили игрушечную паровую турбину, но вокруг было слишком много дешевой рабской силы, чтобы строить турбину всерьез. Римляне печатали карты, но не переносили это на книги. Арабы создали алгебру, но применили ее в теологии. Человека никогда по-настоящему не интересовало то, в чем он

не нуждался. Общество должно сначала ощутить реальную потребность в чем-то, тогда это будет реализовано.

Стремление к межзвездным путешествиям умирало.





ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Солнце осталось в двух миллиардах километрах позади и превратилось в яркую звезду, когда они перешли в искривленное пространство. Машины взвыли, вырабатывая мощность, необходимую для создания омега-эффекта. Раздалось пронзительное жужжание, корабль и экипаж поднимались по энергетическим линиям. Атомы переделывались по недираковским матрицам. Затем наступила тишина и спокойствие. На экранах была абсолютная тьма.

Это было как бы бесконечное падение через ничто. Корабль не ускорялся, не вращался, так как не было ничего относительного, по чему можно было бы заметить его движение. В продолжение всего путешествия в искривленном пространстве корабль был эквивалентен нашей четырехмерной вселенной. Вес вернулся, как только внешняя оболочка корабля стала вращаться вокруг внутренней, но Лоренцен все равно чувствовал себя больным: он с трудом выносил состояние свободного падения. Теперь ничего не оставалось, как только ждать в течение месяца или около того, пока они не доберутся до звезды Лагранжа.

Шли дни, разделенные на часы и не отмеченные никакими изменениями. Все они ждали, зажатые в пустоте без времени и пространства. Пятьдесят человек, космонавты и ученые, разъедаемые пустотой

проходящих часов и задающие себе вопрос, что ждет их при выходе из искривленного пространства.

На пятый день Лоренцен и Тицус Хидаки отправились в главную кают-компанию. Маньчжур был химиком-органиком: маленький, хрупкий, вежливый человек в свободном костюме, робеющий перед людьми и отлично знающий свое дело. Лоренцен подумал, что Хидаки соорудил между собой и остальным миром барьер из пробирок и анализаторов, но ему нравился азиат.

“Я ведь сделал то же самое, — подумал Лоренцен. — Я иду рядом с людьми, но в глубине души боюсь их”.

— ...Но почему же нельзя сказать, что путешествие на Лагранж занимает месяц? Ведь именно столько времени мы проведем на борту корабля? И именно столько времени пройдет для наблюдателя на Лагранже или в Солнечной системе с момента нашего вхождения в искривленное пространство до момента выхода из него?

— Не совсем, — ответил Лоренцен. — Математика утверждает, что бессмысленно сопоставлять время в обычном и искривленном пространстве. Оно не аналогично времени в классической относительности мира. В уравнении омега-эффекта время имеет совершенно различные выражения. Это разные измерения. Их абсолютная величина одинакова, но содержание совершенно различное. Дело в том, что в искривленном пространстве, как бы далеко вы ни направлялись, пройдет одно и то же время — так как кривизна пространства имеет один и тот же радиус, им фактически лишается смысла слово “скорость” в этом мире. — Он пожал плечами. — Я не претендую на исчерпывающее понимание всей теории. Едва ли найдется десять человек, которые понимают ее.

— Это ваше первое межзвездное путешествие, Джон?

— Да, я раньше никогда не бывал дальше Луны.

— А я никогда не покидал Землю, но знаю, что капитан Гамильтон и группа инженеров на борту единственные, у кого есть опыт межзвездных перелетов. — Хидаки выглядел испуганным.

— Очень много странного в этом путешествии. Я никогда не слышал о столь пестром экипаже.

— Н...н... нет, — Лоренцен подумал, что ничего не знает об этом. Правда, на корабле уже происходили стычки, которые Эвери не очень успешно предотвращал. — Думаю, институт знал, что делал. Ведь сколько осталось сумасшедших мнений во время войны и перерыва. Политические и расистские фанатики, религиозные... — Его голос стих.

— Я надеюсь, вы поддерживаете правительство Солнечной системы?

— Конечно. Мне могут не нравиться многие его действия, но оно умеет находить компромисс между различными элементами, и оно демократично. Без него мы бы не выжили. Оно единственное, что удерживает нас от возвращения к анархии и тирании.

— Вы правы, — сказал Хидаки. — Война — чудовище. Мой народ знает это. — В его глазах была чернота отчаяния. Лоренцен задал себе вопрос: о чем он думает, об империи Монгку, уничтоженной Марсом, или мысли его идут еще дальше в прошлое, к любимым утраченным островам Японии и Четвертой Мировой войне, которая пустила эти острова на дно океана?

Они вошли в кают-компанию и остановились, чтобы посмотреть, кто в ней находится. Это была большая серая комната, чья мебель и мягкое освещение составляли контраст с безликой металлической резкостью остальных помещений корабля. Впрочем, кают-компания выглядела голой. У института не было ни времени, ни средств, чтобы получше украсить ее.

“Им следовало бы найти время”, — подумал Лоренцен. Первые человека становятся тонкими среди звезд, люди нуждаются во фресках, в баре, в камине, полном пылающих поленьев. Они нуждаются в доме.

Эвери и Гуммус-пуджилъ, корабельные фанатики шахмат, нависли над доской. Мигель Фернандес, геолог-уругваец, маленький, молодой, смуглый, красивый, дергал струны гитары. Рядом с ним сидел Джоаб Торнтон, читая свою Библию... нет, на сей раз это был Мильтон. На аскетическом лице марсианина было любопытное отсутствие экстаза. Лоренцен, на досуге

занимавшийся скульптурой, подумал, что у Торнтона очень интересное лицо, из сплошных углов и морщин. Надо бы как-нибудь вылепить его портрет.

Гуммус-пуджилъ поднял голову и увидел вошедших. Это был темнокожий, приземистый человек с широким лицом и курносый носом. В расстегнутой рубашке виднелась волосатая грудь.

— Хэлло! — приветливо сказал он.

— Хэлло! — ответил Лоренцен. Ему нравился турок. Гуммус-пуджилъ прошел тяжелый жизненный путь. Это было заметно по нему: он был груб, догматичен и не видел пользы в литературе, но мозги его работали хорошо. Они с Лоренцем в течение нескольких совместных вахт обсуждали аналитическую философию и шансы команды академии выиграть первенство по метеорному поло в этом году.

— Кто выигрывает?

— Боюсь, что этот недоносок...

Эвери передвинул своего слона.

— Гарде королеве, — сказал он почти извиняющимся тоном.

— Что? А, да-да... Посмотрим... — Гуммус-пуджилъ нахмурился.

— Кажется, это будет стоить мне коня. Ладно. — Он сделал ход.

Эвери не стал брать коня, а взял ладьей пешку.

— Мат в... пять ходов, — сказал он. — Будете сопротивляться?

— Что? — Гуммус-пуджилъ лихорадочно изучал доску. Пальцы Фернандеса извлекли довольно громкий аккорд.

— Видите... Вот так и так... а потом так...

— Черт побери, прекратите этот грохот! — выпалил Гумус-пуджилъ.

— Как я могу при этом сосредоточиться?

— У меня столько же прав... — вспыхнул Фернандес.

Гуммус-пуджилъ оскалил зубы.

— Если бы вы играли, было бы еще ничего, — насмешливо сказал он. — Но вы тянете кота за хвост, соня.

— Эй, Кемаль, полегче! — встревоженно воскликнул Эвери.

Ко всеобщему удивлению, Торнтон принял сторону инженера.

— Здесь должно быть место мира и спокойствия, — сказал он. — Почему бы вам не поиграть в спальне, синьор Фернандес?

— Там спят пришедшие с вахты, — ответил уругваец. Он встал, сжимая кулаки. — И если вы думаете, что можете диктовать остальным...

Лоренцен отступил, чувствуя беспомощное замешательство, которое всегда вызывали у него споры. Он попытался что-то сказать, но язык, казалось, распух во рту. Именно этот момент выбрал для появления Фридрих фон Остен. Он стоял у дальнего от них входа, слегка покачиваясь. Было хорошо известно, что он сумел протащить на борт ящик виски. Он был алкоголиком, а на борту не было женщин. Не мог же он все время чистить свои любимые ружья. Солдат-наемник из руин Европы, даже если он окончил Солнечную академию, хорошо проявил себя в патруле и был назначен главным оружейником экспедиции, он не имел других интересов.

— Что происходило? — спросил он.

— Не ваше чертово дело, — ответил Гуммслуджилль. Им часто приходилось работать вместе, но они не выносили друг друга. Это естественно для двух одинаково высокомерных мужчин.

— Тогда я делаю это свой чертово дело. — Фон Остен шагнул вперед, расправив широкие плечи. Его желтая борода встала дыбом, широкое, покрытое рубцами лицо покраснело. — Вы опять смеетесь над Мигель?

— Я могу и сам о себе позаботиться, — довольно спокойно ответил Фернандес. — И вы, и этот пуританский святоша можете не вмешиваться.

Торнтон прикусил губу.

— Я еще поговорю с вами о святоше, — сказал он, вставая.

Фернандес дико посмотрел на него. Все знали, что его семья с материнской стороны была вырезана во время Себастьянского восстания столетие назад.

Эвери предупредил всех, чтобы об этом не упоминали.

— Джоаб... — Эвери заторопился к марсианину, размахивая руками. — Полегче, джентльмены, прошу вас.

— Если бы все идиоты с разжиженными алкоголем мозгами занимались своим делом... — начал Гуммус-пуджиль.

— Разве это не наш чертов дело? — закричал фон Остен. — Мы есть... цузаммен... вместе, и вас надо отдать хоть на один день в патруль с его дисциплина...

“Он говорит правду, но неподходящими словами и в неподходящий момент,— подумал Лоренцен. — Он совершенно прав, но от этого не становится менее непереносимым”.

— Послушайте... — Лоренцен открыл было рот, но заикание, которое всегда наступало у него в момент возбуждения, помешало продолжать.

Гуммус-пуджиль сделал короткий шаг к немцу.

— Если вы выйдете со мной на минуту, мы поговорим об этом, — сказал он.

— *Джентльмены!* — завопил Эвери.

— Это кто джентльмены, они? — спросил Торнтон.

— И ты тоже можешь выйти, — взревел по-немецки фон Остен, поворачиваясь к нему.

— Никто не смеет оскорблять меня! — вскричал Фернандес. Его маленькое жилистое лицо сжалось от нетерпения.

— Убирайся с дороги, засоня, — сказал Гуммус-пуджиль.

Фернандес издал звук, похожий на рычание, и прыгнул к нему. Турок удивленно отшатнулся. Когда кулак ударил его в щеку, он нанес ответный удар, и Фернандес отлетел назад.

Фон Остен взревел и бросился на Гуммус-пуджиля.

— Дайте руку, — прохрипел Эвери. — Помогите разнять их!

Он тащил за собой Торнтон. Марсианин схватил фон Остена за руку. Немец ударил его по ноге. Торн-

тон сжал зубы, чтобы сдерживать крик боли, и все пытался схватить своего противника. Гуммус-луджилль стоял, тяжело дыша.

— Что здесь происходит?

Все обернулись на эти слова. В дверях стоял капитан Гамильтон.

Это был высокий человек крепкого телосложения, с тяжелыми чертами лица и густыми седыми волосами над удлинненным лицом. Он был одет в голубой мундир патрульного отряда, резервистом которого являлся. Одежда сидела на нем с математической точностью и правильностью. Обычно тихий голос стал непривычно резким, холодный взгляд как железом пронзал всех присутствующих.

— Мне показалось, я слышу ссору.

Все отодвинулись друг от друга, угрюмо поглядывая на него, но избегая встретиться с ним глазами.

Гамильтон долго стоял неподвижно, глядя на всех с открытым презрением. Лоренцен попытался сжаться. В глубине души он спрашивал себя, насколько лицо капитана выражает действительное мнение о них. Гамильтон был сторонником строгой дисциплины и педантом. Он прошел специальную психическую подготовку, чтобы справиться со всеми страхами и комплексами, связанными с его ролью. Но не превратился в машину. В Канаде у него были дети, внуки, и он увлекался садоводством. Он вовсе не внушал антипатии, когда...

— У всех вас университетские степени, — спокойно сказал Гамильтон. — Вы образованные люди, ученые и технические специалисты. Мне говорили, что вы представляете верх интеллекта Солнечной системы. Если это действительно так, то да поможет нам Бог!

Ответа не последовало.

— Я полагаю, вы знаете, что наша экспедиция опасна, — продолжал Гамильтон. — Я также знаю, что вам говорили о судьбе первой экспедиции на Троэс. Она не вернулась. Мне кажется, что на нас ложится определенная ответственность: мы должны действовать как сплоченный отряд, чтобы выжить и победить то, что погубило первую экспедицию. Похо-

же, вы этой ответственности не ощущаете. — Гамильтон нахмурился.

— По-видимому, вы, ученые, также думаете, что я всего лишь пилот. Я только извозчик, чтобы доставить вас на Троэс и привезти обратно? Если вы так считаете, советую вам вновь прочесть Устав экспедиции — надеюсь, вы умеете читать? Я отвечаю за безопасность всего корабля, включая ваши жизни. Да поможет мне Бог! Это означает, что я здесь хозяин. С того момента, как вы прошли через люк корабля на Земле, до вашего выхода из него снова на Земле я здесь единственный хозяин. Я не дам и плевака за того, кто забудет об этом и попытается ослушаться меня. Достаточно уже того, что здесь произошла ссора, а их не должно быть. Вы проведете сутки в тюремном помещении без пищи. Может, это научит вас лучшим манерам.

— Но я не... — прошептал Хидаки.

— Вот именно, — отрезал Гамильтон. — И я хочу, чтобы каждый человек на борту считал предотвращение таких конфликтов своим долгом. Если ваши жизни, жизни ваших товарищей ничего не значат, может, тогда вас научат пустые желудки.

— Но я пытался... — закричал Эвери.

— И не сумели. Вы будете подвергнуты аресту за некомпетентность, мистер Эвери. Это ваша обязанность — устранять подобные конфликты. А теперь — марш!

Они повиновались. Никто не сказал ни слова.

Немного позже Хидаки прошептал в темноте тюремного помещения:

— Это плохо. Что он о себе возомнил? Что он всемогущий бог?

— Он капитан, — пожал плечами Лоренцен. Благодаря своему темпераменту он уже успокоился.

— Если он будет продолжать в том же духе, его все возненавидят.

— Мне кажется, он хорошо взвешивает свои поступки. Быть может, этого он и добивается.

Еще позже, лежа в темноте на жесткой узкой койке, Лоренцен размышлял, почему все идет так плохо. Эвери разговаривал со всеми, консультиро-

вал, старался, чтобы страх и ненависть каждого не обернулись против остальных. Но ему не удалось. Некомпетентность! Может, это и есть проклятие, тяготеющее над экспедицией Лагранжа?





ГЛАВА ПЯТАЯ

Небо было невероятным. Двойная звезда в центре Огромного скопления пылала двойным костром. Лагранж-1 казался таким же ярким, как Солнце, хотя на самом деле был вдвое тусклее. Его синевато-желтый диск окружал ореол короны и зодиакального света. Когда этот свет пропускали через фильтры, по краю диска были видны огромные протуберанцы. Лагранж-2, вдвое меньше Солнца по угловому диаметру, но равный ему по яркости, был насыщенного ярко-красного цвета, как кусок раскаленного угля, висящий в небе. Когда свет обеих звезд проникал через иллюминаторы в затемненную кабину, лица людей принимали неземную окраску и казались изменившимися.

Звезды были такими яркими, что некоторые из них можно было видеть и через дымку света двойной звезды Лагранжа. С противоположной, затемненной стороны корабля небо было черным бархатом, усеянным звездами — огромными немигающими бриллиантами, горящими, собравшимися в мириады. Их скопление сверкало так ярко, как никогда не бывает на земном небе. Было грустно думать, что их свет, видимый сейчас на Земле, покинул звезды, когда люди жили еще в пещерах, а свет, который исходит от них сейчас, будет виден на Земле в необозримом будущем, когда там, возможно, не останется ни одного человека.

“Хадсон” кружил над планетой в четырех тысячах километров над ее поверхностью. Спутник Трозса Илиум выглядел вчетверо больше Луны, наблюдаемой с Земли. Его диск мерцал от тонкой атмосферы, и резкие пятна мертвых морей испещряли его поверхность. Маленький, старый мир, где нет места для колонистов, но он будет богатым источником минералов для людей на Троэсе.

Эта планета огромным шаром висела в иллиминаторах, заполняя около половины небосвода. Видна была атмосфера вокруг нее, облака и бури, день и ночь. Ледяные шапки, покрывающие треть ее поверхности, ослепительно блестели. Голубые океаны, на которых непрекращающиеся волны поднимали миллионы увенчанных пеной волн, фокусировали свет одного из солнц в слепящие точки. Видны были острова и один большой материк. Его южный и северный концы были покрыты льдом, лед простирался на запад и на восток вокруг всей планеты. Зеленая полоса у экватора по мере приближения к полюсам темнела и становилась коричневой. В нее, как серебряные нити, вплетались реки, блестели озера. Высокогорный хребет — смесь яркого света и теней — проходил через весь континент.

С подюжины людей висели в невесомости в корабельной обсерватории и молчали. Мигающий свет двух солнц отражался в металле инструментов. Предполагалось, что они будут сопоставлять результаты своих наблюдений, но никто не хотел говорить — наблюдаемая картина внушала благоговейный трепет.

— Ну, — произнес наконец Гамильтон, — что вы обнаружили?

— В сущности... — Лоренцен сглотнул. Таблетки от космической болезни несколько помогли, но он все еще чувствовал слабость и мечтал о возвращении веса, о свежем воздухе. — В сущности, мы только еще раз подтвердили наблюдения астрономической экспедиции к Геркулесу. Масса планеты, расстояние до нее, температура, атмосфера... Да, зелень внизу, несомненно, имеет полосу поглощения хлорофилла.

— А признаки жизни?

— О да, но очень немного. Видны не только растения, но и животные... довольно большие стада. Я получил хорошие фотографии.

— Лоренцен покачал головой. — Однако ни следа "Да Гама". Мы ведем наблюдения уже в течение двух планетарных дней и, несомненно, заметили бы их посадочные шлюпки или остатки покинутого лагеря. Но ничего нет.

— Может, они приземлились на Сестре, а тут попали в беду?

— Кристофер Умфандума, биолог-африканец, указал на безжизненный лик Илиума.

— Нет, — ответил Гамильтон. — Правила подобных экспедиций требуют, чтобы корабль сначала приземлялся на той планете, которая является целью его экспедиции. Если по каким-то причинам они вынуждены покинуть планету, то оставляют условный знак, хорошо видный из космоса. Мы, конечно, и Сестру проверим, но я убежден, что катастрофа произошла на старшей. Сестра слишком типична, она похожа на Марс. В таком месте ничего не может случиться с хорошо подготовленными космонавтами.

— А другие планеты этой системы? — спросил Хидаки.

— Их здесь вообще нет. Всего лишь небольшая группа астероидов в другой троянской позиции. Теория образования планет и условия стабильности их постоянных орбит запрещают появление здесь планет. Вы, очевидно, знаете, что и старшая не имеет подлинной троянской стабильности. Планета двойной звезды вообще не может иметь ее, пропорция масс компонентов двойной звезды слишком мала для этого. Квазистабильность орбиты старшей объясняется лишь влиянием массы Сестры. Правда, на шкале человеческой истории эта разница незаметна. Нет, здесь не может быть другой планеты.

— Но, возможно, — очень мягко возразил Эвери, — экспедиция покинула Троэс в хорошем состоянии и пропала на пути домой.

— Ничего не может случиться с кораблем в искривленном пространстве, — фыркнул Гамильтон. — Нет, с ними что-то произошло внизу, на старшей. —

Его глубоко посаженные глаза обратились к планете. — Но почему нет следа? И "Да Гама" по-прежнему должен находиться на орбите. А на поверхности были бы видны посадочные шлюпки. Неужели они утонули в океане?

— Но почему? — спросил Эвери. — Кто мог это сделать?

— Здесь нет и следа разумной жизни, — устало сказал Лоренцен.

— Я уже говорил, что на таком расстоянии наши телескопы разглядели бы все: от города до соломенной хижины.

— Может, они не строят хижин, — сказал Эвери с задумчивым лицом.

— Замолчите, — сказал Гамильтон. — Вы здесь вообще лишний. Это картографическое помещение.

— Как там холодно внизу, — вздрогнул Хидаки.

— Не совсем, — сказал Фернандес. — Вдоль экватора климат подобен земному, скажем, в районе Норвегии или штата Мэн. И вы можете заметить, что деревья и трава простираются до самых болот у основания ледников. Ледниковые периоды никогда не были такими безжизненными, как считают многие. В плейстоцене Земля была полна животной жизни. Именно из-за ухудшения охоты после отступления ледников человечество было вынуждено перейти к земледелию, оседлости и стало цивилизованным. Эти ледники, несомненно, отступают. Я отчетливо вижу на фотографиях морены. Когда мы приземлимся и тщательно изучим обстановку, вы будете поражены, как старшая развивает тропические районы. Эта область на экваторе насчитывает, вероятно, несколько сот лет. С точки зрения геологии — ничто, — он щелкнул пальцами и улыбнулся.

— Если мы сядем, — задумчиво сказал Гамильтон.

— Когда вы получите карты всей поверхности, Лоренцен?

— Гм... Возможно, через неделю. А разве мы будем так долго ждать?

— Будем. Мне нужна общая карта планеты в масштабе один к миллиону и достаточное количество

карт отдельных районов экваториальной зоны, где мы думаем приземлиться, — допустим, градусов на пять по обе стороны от экватора, — в масштабе один к десяти тысячам. Напечатайте по пятьдесят копий каждой карты. Начальный меридиан проведите через северный магнитный полюс. Можете послать вниз робофлайер для определения полюса.

Лоренцен вздохнул про себя. Он будет пользоваться картографической машиной, но все равно работа предстоит невеселая.

— Я возьму шлюпку и несколько человек и отправлюсь посмотреть поближе на Сестру, — продолжал Гамильтон. — Не то чтобы я надеялся что-нибудь там обнаружить, но... — Внезапно он улыбнулся. — Можете назвать выдающиеся особенности рельефа внизу как вам угодно, но, ради Бога, не будьте похожи на чилийского картографа из экспедиции на Эпсилон Эридана-3! Его карты стали официальными, использовались более десяти лет, и только затем обнаружилось, что на арауканском языке данные названия звучат как непристойности.

Он похлопал астронома по плечу и выплыл из помещения.

“Неплохая шутка”, — подумал Лоренцен. Он лучший психолог, чем Эвери, хотя Эд тоже не увалень. Просто ему не везет.

Лоренцен решил придерживаться классической номенклатуры геркулесовской экспедиции. Гора Олимп, гора Ида, большая река внизу — Скамандр. Конечно, эти названия не будут окончательными. Когда придут колонисты, то назовут их Старым Бэдди, Кончинджонгуа, Новая Ева... Если придут колонисты.

— Давайте... гм... Давайте несколько организуемся, — громко и неловко сказал он. — Кто из вас что-нибудь знает о картографии?

— Я, — неожиданно сказал Эвери. — Я помогу вам, если хотите.

— Клянусь космосом, где вы научились этому? — спросил Фернандес.

— Это входило в мое образование. Прикладная психодинамика включает картографирование личности, так что мы должны знать соотношения масшта-

бов и некартезианские координаты. Я не хуже вас справлюсь и с картографической машиной.

Лоренцен заморгал, потом кивнул. Он был далек от современной науки о человеческом поведении, но несколько раз заглядывал в работы по психологии. Там было больше параматематической символики, чем в астрономических трудах.

Он уцепился рукой за ступеньку приставной лестницы. Эвери говорил ему, что космическая болезнь имеет психологические причины. Ему поможет, если он займет мозг работой. Он посмотрел на холодно сияющий диск планеты.

— Насколько точна ваша наука? — спросил он. — Популярные статьи дают неясное представление...

— Что ж... — Эвери почесал подбородок. Он сидел в воздухе, скрестив ноги, похожий на маленького Будду. — Что ж, мы не требуем точности физических наук, — сказал он наконец.

— Можно сказать, мы ее никогда и не достигнем, тут нечто вроде принципа неопределенности, связанного взаимоотношением между наблюдателем и наблюдаемой системой. Но достигнуто все же многое.

— Например? — спросил Умфандума. — Я знаю о достижениях неврологии, это моя специальность. Как насчет человека как человека, а не биофизического механизма?

— Важность и количество знаний зависят от их применения, — сказал Эвери. — Перед Третьей Мировой войной психологи использовали теорию игр в военных разработках, а позже большие компьютеры сделали возможным расчет с теоретических позиций таких сложных явлений, как бизнес. Это, в свою очередь, привело к более сложному пониманию экономики. Оказалось, что теория коммуникации применима к поведению человека, ведь человек — это животное, управляемое символами. Эта аксиома была использована в теории. Постепенно создали математическую и параматематическую систему, каждый элемент которой соответствовал наблюдаемым элементам поведения человека, его возможностям, желаниям и так далее. На основе этой системы разраба-

тываются теории, разрабатываются теоремы. Конечно, подтверждение этих теорем по-прежнему трудное дело: не так-то просто поставить чистый эксперимент над живым человеком. Но все же наши наблюдения подтверждают эти теоремы. Появилась возможность предсказывать поведение не только отдельного лица, но также целых групп и больших общественных явлений — например, экономических циклов, — и предсказывать с большой точностью.

— А разве диктаторы не знали все это? — спросил Лоренцен.

— У них, несомненно, были квалифицированные мастера пропаганды. Меня больше интересует современное развитие пропаганды.

— Большая часть психологии современна, — фыркнул Эвери.

— Очень мало из достижений прошлого имеет научную ценность. Возьмем, к примеру, историю моей родины — Северной Америки. Пропагандисты рекламы и труда, создатели капитала работали на таком примитивном уровне, на основе такой примитивной теории, что часто производили эффект, обратный желаемому. Они были частью массового психологического аппарата, вызывающего панику и ведущего к военному поражению. Диктаторы, сменившие их, были полны собственной истощающей идеологией, они никогда не осмеливались выйти за пределы ее догм. Самозванные освободители были заинтересованы лишь в том, чтобы самим захватить власть. Не их пропаганда привела к ним людей, а тирания диктаторов, и вскоре они стали также не популярны. Военные руководители времен перерыва использовали психоимитаристический анализ, это верно, но единственно серьезная работа была выполнена в Бразилии... Позднее, в теократический период, исследования в этой области продвинулись вперед из-за угрозы со стороны империи Монгку. Тогда впервые был проведен политико-математический анализ. Но лишь после победы Венеры, установления временного мира на Земле и изгнания теократов из Америки исследования в этой области продвинулись вперед. Затем были окончательно сформулированы положения психодинами-

ки и использованы для окончания Марсо-Венерианской войны и объединения Солнечной системы, причем большая часть работы была проделана миролюбивыми профессорами, интересующимися только своей наукой. Они по-прежнему выполняют большую часть работы.

— Фью!.. — присвистнул Умфандума.

— Незавершенная наука? Я думал... — начал было Лоренцен.

— О да, работы продолжаются все время. Но уже получены замечательные результаты. Контроль экономических циклов, например, наиболее эффективное размещение городов, стабилизация валюты, постепенное продвижение человечества от варварства к первой подлинно зрелой цивилизации, цивилизации, в которой <I>каждый<D> душевно нормален. — Что-то появилось на полном лице Эвери и сверкнуло в бесцветных глазах. — Это тяжелая работа. Она займет столетия. Будет множество неизбежных ошибок, помех, неудач. Но тем не менее впервые в истории у нас будут не только благие намерения, но и реальные средства их осуществления.

— Надеюсь, вы правы, — пробормотал Лоренцен и продолжил про себя: — Вы можете избрать руководство из психократов так же, как и из инженеров. Мне не нравится руководство элиты в любом виде — история человечества знала их немало. Все-таки при всех недостатках парламентское правительство остается единственно возможным выходом. Психократы при нем должны быть лишь советниками. Но когда советники пытаются стать руководителями... — Лоренцен вздохнул и оттолкнулся от стены.

— Идите сюда, — сказал он. — Начнем работу.



ГЛАВА ШЕСТАЯ

Поренцен знал, что к незнакомой планете нужно приближаться осторожно, но это было лишь знание. На практике он впервые принимал участие в таком деле и испытывал легкое головокружение.

Когда карты были готовы, приземлились четыре шлюпки с экипажем в сорок человек — остальные находились на борту "Хадсона" на орбите. Фернандес на пути вниз покрывался потом: именно он выбрал посадочную площадку, и будет его вина, если корабль опустится в болото или в полосу землетрясений. Но ничего не произошло.

Именно в этом и заключалось беспокойство — ничего не происходило. Они находились в нескольких километрах от Скамандра на широкой равнине, покрытой группами деревьев. Края равнины скрывались в отдалении в голубой дымке. Когда прекратилась работа двигателей, наступила тишина. Трава, которую они подожгли при посадке, потухла. Люди с напряженным вниманием всматривались в залитый солнечным светом мир снаружи.

Химики и биологи были заняты: им предстояло проделать множество анализов — воздух, почва, образцы растений, доставленные роботами. Торнтон измерил радиоактивность и сообщил, что ее уровень безопасен. Наружу выставили клетку с макаками резус, оставив их на неделю. В течение этой недели никто не выходил из шлюпок. Роботы при возвраще-

нии тщательно стерилизовались во входных тамбурах. Остальным членам команд делать было нечего.

Лоренцен погрузился в чтение микрокниг, но даже Шекспир, Йенсен и "Песня о людях с Юпитера" казались ему скучными. Остальные бродили без цели, перебрасываясь друг с другом замечаниями, зевали, спали и просыпались на следующий день с затуманенной головой. Открытых стычек на шлюпке не было, так как здесь находился Гамильтон, но капитан часто яростно кричал по телесвязи на экипажи других шлюпок.

Фернандес потерял терпение.

— Неужели вы так боитесь заболеть? — заявил он Гамильтону.

— Боюсь, — подтвердил капитан. — Если эволюция на этой планете близка к земной, а похоже, что так оно и есть, то здесь, несомненно, найдутся два-три микроба, способные жить в наших организмах. А я хочу быть уверенным, что мы не занесем эти микробы с собой через люки.

Хидаки и его группа доложили о результатах исследований растений. Они очень напоминали земные, хотя росли чаще и стволы их были прочнее. Некоторые из них были ядовитыми из-за большого содержания тяжелых металлов, но большинство оказалось вполне съедобно. Человек мог бы прожить, питаясь только дикой растительностью. Конечно, требовались дальнейшие исследования, чтобы установить, какие растения употреблять для сбалансирования диеты. Большим событием была первая проба пищи с Троэса. Вкус был неопишуем. Лоренцен подумал, насколько беден земной язык в передаче вкусовых и обонятельных ощущений. Тут был привкус имбиря, корицы и чеснока... Лоренцен улыбнулся и сказал:

— Возможно, душа Эскофью вовсе не в раю. Может, он получил специальное разрешение летать по Галактике и проверять, что можно съесть.

Торнтон нахмурился, и Лоренцен вспыхнул. Но как он может извиняться за шутку? Он ничего не сказал, но всякий раз, вспоминая этот инцидент, морщился.

Гамильтон разрешил есть эту пищу только половине людей и весь следующий день наблюдал за ними.

Снова и снова появлялись животные, в основном маленькие: стремительными теньями они мелькали по краям выжженного пространства в густой траве. Однажды показалось стадо больших четвероногих, похожих на пони: у них была чешуйчатая серо-зеленая шкура, длинные волосатые ноги и безухая голова рептилий. Умфандума ругался от нетерпения, что не может взглянуть на них поближе.

— Если рептилии так развились на этой планете, — сказал он, — то очень вероятно, что тут вообще нет млекопитающих.

— Рептилии и ледниковый период? — скептически спросил Фернандес. — Только не такие большие, друг мой!

— О, строго говоря, не рептилии, но все же ближе к этому типу, чем земные млекопитающие. Здесь есть теплые и холодные сезоны, у них должна быть теплая кровь и хорошо развитое сердце. Но способ размножения у них определенно не плацентарный.

— Еще одно доказательство отсутствия здесь разумной жизни, — сказал Лоренцен. — Эта планета кажется открытой и ждущей людей.

— Да, ждущей... — с внезапной печалью заговорил Эвери.

— Ждущей шахт, городов, дорог, когда холмы будут скрыты и равнины наполнены людьми. Ждущей наших собак, кошек, коров и свиней, которые уничтожат бесконечное разнообразие местной жизни. Ждущей пыли, дыма и толчен.

— Вы не любите человечество, Эд? — саркастически спросил Гуммус-пуджилъ. — Я думал, ваша работа запрещает вам это.

— Я люблю человечество в соответствующем для него месте... на Земле, — ответил Эвери. — Ну ладно. Не обращайтесь на это внимания. — Он пожал плечами и улыбнулся.

— У нас достаточно своей работы, — сказал Гамильтон.

— Не наше дело заботиться о последствиях

— Многие в истории думали так, — ответил Эвери. — Солдаты, инквизиторы, ученые, создавшие атомную бомбу... Падно.

— Он отвернулся и вздохнул.

Поренцен задумался. Он вспомнил зеленый шум песов Аляски, дикую красоту лунных пиков. Мало осталось в Солнечной системе мест, где человек может быть в одиночестве. Жаль, что и Трозс...

Через неделю принесли обезьян. Умфандума осмотрел их, потом убил и вскрыл. Анализы он проводил с помощью Хидаки.

— Все в норме, — доложил он. — Я обнаружил у них в крови несколько типов местных бактерий, но они совершенно безвредны и не взаимодействуют с организмом. По всей вероятности, не могут размножаться в химических условиях человеческого тела. У нас не будет от них даже легкой пихорадки.

Гамильтон кивнул седой головой.

— Хорошо, — сказал он. — Я считаю, что можно выходить.

Он вышел первым. Последовала короткая церемония поднятия флага Солнечного Союза. Поренцен вместе с остальными стоял с обнаженной головой. Ветер развеивал его волосы под чужим небом. Он думал о том, что на фоне этого ландшафта, такого пустынного, вся церемония была святотатством.

В течение нескольких дней все были заняты устройством лагеря, роботы и люди работали много и напряженно, почти круглосуточно. Здесь всегда было светло. Зеленый и красный от двух компонентов двойного солнца, свет от огромного щита Сестры, нависавшей над ними в небе, окруженный яркими бликами звезд. Работа замедлялась из-за странных стычек, хотя люди, оказавшиеся изолированными от своей родины, родной планеты, вроде могли бы не ссориться. Но ссоры продолжались. Сеть непрочных построек возникла вокруг шлюпок, заработал главный генератор — появилось электричество. Обнаружили источник воды, одели его в трубы, поставили стерилизатор — появилась свежая вода. Кольцо детекторов, сигналов тревоги и пулеметов окружило лагерь. Были поставлены постройки, служившие спальнями, кают-

компанией, лазаретом, лабораториями и механическими мастерскими... Металлические, полуцилиндрические здания совершенно не соответствовали окружающей местности.

После этого Лоренцен почувствовал себя пятым колесом в телеге. Астроному больше нечего было делать. Он установил телескоп, но из-за двух солнц и яркого спутника было всегда слишком светло для эффектных наблюдений. В суматохе и спешке лагеря он начал тосковать по дому.

Однажды Лоренцен вместе с несколькими членами экипажа на их единственном вертолете отправился к Скамандру, чтобы ознакомиться с ним и отобрать образцы. Река была необычной — медленно движущаяся, широкая, коричневая полоса. С одного покрытого тростником берега не был виден другой. Рыбы, насекомые и растения не интересовали Лоренцена. Как дилетант в зоологии, он больше интересовался крупными животными: парафилонами, астемаксами и тетрантелусами (как их называли зоологи). Охотиться было легко. Ни одно животное раньше, по-видимому, не встречалось с людьми. Их было легко застрелить, когда они с любопытством приближались к лагерю. У всех на поясе висело оружие, но, хотя здесь водились и хищники — по ночам слышался их рев, — в общем опасаться здесь было нечего.

Высоких деревьев не было, равнину группами усеивали низкие кустарники. Они были невероятно прочны, топор тупился о стволы, и лишь плазменный резак мог уничтожить их. Биологи на основе дендрологии определили, что возраст кустарников составляет несколько столетий. Пользы от них не было: человеку придется ввозить свои саженцы, чтобы получить пригодные для пиломатериалов деревья. Но список съедобных растений и животных рос очень быстро. Человек мог оказаться здесь голым и одиноким, но если знал, как высекать огонь из кремня, то прожил бы вполне комфортабельно.

Но что же тогда произошло с людьми из первой экспедиции "Да Гама"?

В их исчезновении нельзя винить природу, она не была враждебной. Во многих районах Земли чело-

век был в меньшей безопасности, чем здесь. Сейчас, в летний сезон, дни стояли теплые, а дожди лили умеренно прохладные. Конечно, зимой здесь будет снег, но при наличии огня и теплой одежды погибнуть от холода невозможно. Низкое содержание в воздухе двуокиси углерода означало некоторые изменения условий дыхания, но к этому легко было привыкнуть, они почти не ощущались. Освещение было странным: иногда зеленоватым, иногда красноватым, иногда смешением этих двух цветов с многочисленными оттенками и двойными тенями, отбрасываемыми двумя солнцами, но оно не было неприятно и, конечно, не могло служить причиной сумасшествия. Здесь были ядовитые растения, у нескольких человек появилась неприятная сыпь, когда они попробовали их, но даже самый тупой человек быстро научился бы их избегать. Местность была тихой и спокойной, лишь слышался свист и шелест дождя, иногда гром, иногда отдаленные крики животных и шуршание крыльев в небе, но все это было облегчением после лязга и грохота цивилизации.

— Что ж...

Лоренцен бродил, измеряя период обращения планеты и главных небесных тел. Остальное время он пытался помогать другим, разговаривал со свободными, играл в разные игры или просто сидел и читал. Безделье было не его виной, но все же Лоренцен чувствовал себя виноватым. Может, посоветоваться с Эвери?

Прошло двенадцать тридцатичасовых дней Троэса. И появились чужаки.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Телескоп покачивался, передвигаемый часовым механизмом. В его поле зрения внезапно попали какие-то фигуры. Сработало реле, и контур обратной связи направил телескоп на приближающиеся объекты. Когда они подошли поближе, включился сигнал тревоги — сирена заревела в спокойном воздухе.

Фридрих фон Остен спрыгнул с койки, на которой дремал.

“Майн либер Готт!” Он схватил оружие, расстегнул кобуру пистолета и выбежал из постройки. Другие люди высовывали головы, оторвавшись от работы, и торопились занять посты у огневых точек.

Фон Остен добежал до командного пункта и, балансируя на краю траншеи, поднес к глазам полевой бинокль. Их было де... восемь... Они неторопливо шли к лагерю. Они были слишком далеко, чтобы разглядеть подробности, но солнце отражалось в металле.

Он взял микрофон интеркома и хрипло проговорил:

— Всем занять свои позиции. Капитан Гамильтон здесь?

— Слушаю. Я на корме шлюпки номер один. Они похожи на... разумные, не так ли?

— Да. Мне кажется, похожи.

— Прекрасно. Оставайтесь на месте и держите их на прицеле, но стреляйте только, когда я прика-

жу. Это приказ. Что бы ни случилось, стреляйте только по моему приказу.

— Даже если они начнут стрелять в нас?

— Да.

Сирена взвыла по-новому. Сигнальные устройства! Общая тревога!

Лоренцен бросился к отведенному для него месту. Лагерь был охвачен смятением. Слышались крики, топот ног, пыль кружилась в воздухе и оседала на стволах оружия. Взлетел вертолет, чтобы охватить происходящее с птичьего полета.

“Или с полета тетралтерусов, — подумал Лоренцен. — Здесь нет птиц. Это не наш мир”.

Он вошел в убежище. Здесь находилось человек двенадцать, неопытных в военном деле, собранных главным образом для того, чтобы не мешали. Круглое красное лицо Эвери оказалось перед ним: лучи Лагранжа-1, проходя через окно, делали его нечеловеческим.

— Туземцы? — спросил он.

— Да, похоже. — Лоренцен прикусил губу. — Их с поддюжины, идут пешком. Какого дьявола мы испугались?

Из затемненного угла выплыло лицо Торнтон.

— Нам нельзя допустить неосторожность, — сказал он, — и дать им шанс. Мы не знаем, какими силами они располагают. Поэтому будьте мудры, как змеи...

— ...И кротки, как голуби, — закончил за него Эвери.

— Но таковы ли мы? — он покачал головой. — Человек все еще ребенок, и ваша реакция — детская. Страх перед неизвестным. Со всей энергией, которой мы владеем, мы боимся. Это неправильно.

— “Да Гама” не вернулся, — сухо напомнил Торнтон.

— Не думаю... Туземцы, не знающие даже городов, не могут быть ответственны за это, — возразил Эвери.

— Но кто-то ответствен, — сказал Лоренцен, чувствуя холодок на спине. — У них может оказаться оружие, например бактериологическое.

— Это детский страх, еще раз говорю вам, — голос Эвери дрожал. — Мы все когда-нибудь умрем. Надо встретить их открыто и...

— И поговорить с ними, так? — улыбнулся Торнтон. — Как ваш лагранжский, Эвери?

Наступило молчание. Шум снаружи тоже стих. Лагерь ждал.

Лоренцен взглянул на хронометр. Он отсчитывал минуты: одну, две, три... Время ужасно замедлилось. В кабине было жарко и пыльно. Лоренцен чувствовал, как пот струйками стекает по телу.

Так прошел час. Затем послышался условный сигнал сирены:

“Все в порядке... выходите... но сохраняйте осторожность”.

Лоренцен выскочил из убежища и оказался рядом с тем местом, где стояли чужаки. Полукруг людей с ружьями ждал, пока они приблизятся. Впереди, выпрямившись, неподвижно стоял Гамильтон и смотрел на чужаков ничего не выражающим взглядом. Они тоже глядели на него, прочесть что-нибудь на их лицах было невозможно. Лоренцен оглядел их и принялся изучать подробности. Он видел раньше фильмы о внеземных существах, но эти были не настолько чужими, как многие обнаруженные ранее, и все же было потрясением видеть их непосредственно перед собой. Он впервые по-настоящему осознал, что человек не уникален, что он не является чем-то особым в бесконечном разнообразии живых существ.

Они стояли на задних конечностях — ногах, передние казались непропорционально маленькими. Тяжелый, как у кенгуру, хвост уравнивал тело и, вероятно, служил мощным оружием ближнего боя. Руки были тонкими, гуманоидными, по четыре пальца на каждой руке, один противопоставлен остальным, каждый палец имел лишний сустав и заканчивался острым синим ногтем, или когтем. Головы круглые, уши с кисточками, плоские черные носы, заостренные подбородки, усы над широкими ртами и черными губами и удлиненные золотистые глаза. Они казались млекопитающими, тела их были покрыты ровной серой шерстью, приобретающей более темный

цвет на голове и образующей маску вокруг глаз. Пол, вероятно, мужской, хотя Лоренцен не был в этом уверен. Одеты они были одинаково — длинные блузы и мешковатые брюки, по-видимому, сотканые из растительного волокна. На ногах что-то вроде мокасин, у всех кожаные пояса, поддерживающие разнообразные сумки, нож или топор и что-то похожее на рог с порохом, за спиной небольшие ранцы, в руках предметы с длинными стволами, похожие на гладкоствольные ружья, заряжающиеся с дула.

В первый момент все они были неотличимы друг от друга, затем Лоренцен заставил себя находить индивидуальные отличия и обнаружил, что они различны, как и люди.

Один из них заговорил — какое-то гортанное мяуканье. Когда его рот открылся, можно было разглядеть длинные синие собачьи зубы, но, как и у человека, зубы были специализированы для одного вида пищи.

Гамильтон оглянулся.

— Они не похожи на военный отряд. — Его голос и низкое гудение ветра были единственными звуками, нарушавшими тишину.

— Эвери, вы лингвист, можете понять что-нибудь в их речи?

— Нет... еще... — Лицо психолога покрылось потом, голос дрожал. Лоренцен удивился, почему он так возбужден. — Они произносят отдельные слова.

— Черт побери, — сказал Гуммус-луджилъ, — я этого даже не слышу. Они все для меня одинаковы.

Заговорил другой чужак. Напрягаясь, Лоренцен уловил паузы между фонетическими группами. Он изучал в колледже курс сравнительной лингвистики, но сейчас мало что помнил из него.

— Они действуют как... не знаю как, — сказал Гамильтон.

— Но ясно, что мы для них не великие боги, спустившиеся с неба.

— Этого нельзя было и ожидать, — покачал головой Эвери.

— Если они так развились, что обладают ручным пороховым оружием, их общество должно быть слож-

но устроено. Их мушкеты лучше тех, что были у европейцев во времена Ньютона.

— Откуда они здесь взялись? — воскликнул Фернандес.

— Здесь нет городов, нет дорог, нет даже деревень. Я сомневаюсь, есть ли на планете хоть один дом!

Гамильтон пожал плечами.

— Я надеюсь это выяснить, — голос его стал резким.

— Эвери, вы изучаете их язык. Фон Остен возглавляет охрану лагеря. Распределите своих людей так, чтобы за каждым из этих созданий наблюдал один из наших. Но никаких грубых действий, пока они не станут делать явно подозрительное. Не удерживайте их, если они захотят уйти. Остальные занимаются своими делами, но сохраняют готовность. Никто не выходит за пределы лагеря, не предупредив меня.

Толпа медленно разбрелась. Чужаки послушно последовали за Эвери. Лоренцен услышал, как Фернандес пробормотал:

— Все-таки туземцы! И достаточно высокоразвитые.

— Да, — подтвердил голос Гуммус-пуджиля. — Похоже, что из колонизации ничего не выйдет. Это будет смертельным ударом по стремлению людей к звездам.

Лоренцен заторопился вслед за Эвери.

— Могу ли я помочь вам, Эд? — спросил он. — Знаете, я ведь свободен.

— Вы не лингвист, Джон, — ответил психолог. — Боюсь, вы мне только мешаете.

— Вам нужна помощь, — настаивал Лоренцен, несмотря на довольно прямой отказ. — Кто-то должен делать записи и...

Эвери задумался.

— Ладно, — сказал он наконец. — Надо начинать.



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чужакам отвели одну из спален, и они с готовностью согласились. Людей оттуда разместили по другим спальням. Туземцам показали лагерь и шлюпки, но невозможно было понять, что они об этом думают. Люди заметили, что когда туземцы спали, то один из них всегда караулил. Они не смешивались с людьми и использовали свою посуду для приготовления туземной пищи. Они уже несколько дней не выходили из лагеря и напряженно работали с Эвери и Лоренцем.

По-видимому, они называли себя рорванами — примерно так человеческое горло произносило это слово. Были у них и индивидуальные имена: Силиш, Янусарран, Аласву... Указывая на предметы и демонстрируя действия, люди начали составлять элементарный словарь и перечень фонем: это был гибкий язык, в нем оказалось больше пятидесяти фонем. Большую роль в нем играла интонация, но по своим записям и наблюдениям Эвери решил, что этот язык не аналогичен китайскому.

— Я уверен, что слова в нем изменяются, — сказал он, — но не могу уловить их грамматики. Возможно, разная интонация связана с изменением слов, но... — он печально вздохнул.

— Но почему бы не научить их английскому или испанскому? — спросил Лоренцен.

— Не хочу занимать их такой трудной работой. Возможно, это группа странников и случайно наткнулась на нас. В любой момент они могут уйти. Не забудьте, они могут быть кем угодно, от официальных послов до бродяг и бандитов или кем-то еще, для чего в земном языке нет подходящего названия. Мы ничего не знаем ни о структуре их общества, ни о них лично, — проведя рукой по своим редким волосам, Эвери взглянул на записи. — Черт возьми, для меня их язык по-прежнему не имеет смысла.

— Разрешите мне просмотреть их записи, — попросил Лоренцен.

— Я немного разбираюсь в лингвистическом анализе.

— Не сейчас, Джон. Я хочу их перепечатать. Я приготовлю для вас копию.

На следующий день Лоренцена попросили отправиться на вертолете с экспедицией для сбора образцов. У него не было повода для отказа, так что изучение языка пришлось отложить. Когда он вернулся, Эвери с кривой усмешкой протянул ему пачку листов.

— Держите, — сказал он. — Вчера, пока вас не было в лагере, я добыл много информации, но она привела меня в еще большее затруднение. Большая часть ее противоречит тому, что, мне казалось, я знаю.

Лоренцен провел над копией записей много часов и в конце концов был вынужден признать свое поражение. Названия большинства предметов варьировались без всяких видимых причин. Например, Сестре соответствовали слова: Орну и Оманий, Вэласки, Арбвуджангиз, Зулей и свистящий шум, неизвестный ни в одном земном языке. К тому же казалось, что в других предложениях все эти слова приобретают совершенно иные значения. Это не было проявлением синонимии. Каким-то нелепым образом слово зависело от всего контекста. К тому же в разговоре не удавалось идентифицировать отдельные предложения.

Лоренцен с разочарованием вынужден был отказаться от дальнейших поисков. Эвери упрямо продол-

жал работать, засиживаясь допоздна, чтобы поразмыслить над полученными за день материалами. Он был единственным, кто не считал эту работу напрасной.

— Какого дьявола мы тут сидим? — спрашивал Гуммус-пуджилъ.

— Тут есть туземцы, они настолько цивилизованы, что колонизация невозможна. Почему бы нам не отправиться домой, не напиться как следует и забыть об этом грязном месте?

— Нам, видимо, следует завершить исследование, — тихо сказал Лоренцен.

Гуммус-пуджилъ вытащил большую старую трубку и принялся ее раскуривать. Тонкие черты его лица исказила насмешка:

— Исследуйте мой зад! Вы знаете так же хорошо, как и я, что это практическая экспедиция. Нам лучше потратить время на поиски другой подходящей планеты.

— Не знаю, найдем ли мы ее, — вздохнул Лоренцен. — Все дело в финансировании. У парламента всегда найдется много дел, на которые стоит потратить общественные фонды, не предаваясь несбыточным мечтам. Придется рассчитывать только на пожертвования тех, кто хотел бы улететь с Земли на другую планету.

— А вы бы хотели? — спросил турок.

— О... да. Вероятно, да. Но я никогда не думал покидать Солнечную систему навсегда, — с внезапным озарением добавил он. — А для вас это много значит, Кемаль?

Инженер кивнул:

— Да, я уже в том возрасте, когда хочется оседлой жизни. Хочется где-нибудь осесть и создать семью. Но что может сделать человек в системе? Работать всю жизнь на кого-нибудь другого? Я хочу сам быть хозяином. Я думал... К черту! — Он замолчал и пустым взглядом уставился на равнину.

— Еще остается надежда, — сказал Лоренцен. — Возможно, туземцы живут под землей. Может, они не станут возражать, если мы колонизируем поверхность.

В этом случае они даже выиграют — торговля и тому подобное.

— Возможно... — В глазах Гуммус-пуджиля сверкнул, но тут же погас огонек. Турок сжал волосатую руку в кулак. — Но что произошло с первой экспедицией? Я подозреваю, что туземцы убили их и уничтожили следы...

— Сомневаюсь, — сказал Лоренцен, хотя в глубине души ощутил поднимающийся страх. — Как они могли добраться до корабля на орбите? Как мог персонал быть настолько неосторожен, чтобы допустить это? Нет, я по-прежнему думаю, с ними что-то случилось в космосе. Случайный метеорит или...

— Подобные вещи давно уже не происходят с космическими кораблями.

— Может произойти, если совпадет несколько маловероятных событий. Или... Послушайте, вы говорили, что была попытка саботажа на "Хадсоне"?

— Да. Погодите, вы имеете в виду...

— Я ничего не имею в виду, Кемаль, но дома есть группировки, настроенные против попытки колонизации. Секция ресурреакционистов, например, заявляет, что это не соответствует воле Господа. Все фанатики, все эти монархисты, коллегисты, евгенисты понимают, что их крайне незначительные шансы захватить власть исчезнут совсем, если люди двинутся из системы. Есть группа Хиодона с ее псевдонаучными идеями о внеземных болезнях, вторжениях и мутациях колонистов на что-то отличное от людей и враждебное им, понимаете?

— Бомба, спрятанная в "Да Гама"? — Гуммус-пуджиль потер подбородок. — Сделать это было бы не слишком трудно: их корабль не строился с самого начала, как наш... И конечно, трудно себе представить, как можно было проникнуть к нашему конвертору. Все наши рабочие до последнего электрика были тщательно проверены правительством. Но могло быть, могло быть...

— В таком случае, — в Лоренцене нарастало возбуждение, — нам нечего бояться.

— Зато этим ублюдкам нужно бояться меня. — Рука турка потянулась к оружию.

Прошел еще один день. Встало сине-зеленое солнце, рассеялся туман, роса с металлическим блеском упала на траву. А через шесть часов встало красное солнце и начался день. Плыли тонкие красные и зеленые облака. Двойные тени повторяли их цвета. Растительность мерцала множеством оттенков, когда ее шевелил ветерок. Первый солнечный закат был не столь эффектен, так как Лагранж-2 находился еще высоко в небе, но конец дня был жутким. Парадоксально: становилось прохладно, даже холодно, когда светило одно меньшее солнце, но его красный диск казался устьем огромной печи. Второй солнечный закат был, как обычно, великолепным взрывом малинового, оранжевого и зеленого. Затем наступила ночь со сверкающим великолепием звезд. Взошла Сестра: один край ее диска был красным, другой сине-зеленым, а центр затенен и слабо освещался лишь отраженным светом Троэса. На горизонте Сестра казалась невероятно огромной, заполняя полнеба. Взойдя, она по-прежнему оставалась такой же громадной, поэтому человек, привыкший к Луне, не мог избавиться от ощущения, что она падает на него. Ее свет был похож на серебряное сверкание инея. Ночь была длинной, тихой и чужой человеку.

Ночь захватила Лоренцена. Он бродил в холодной тишине, думая о чем-то своем, и чувствовал, как изменяются земля и небо вокруг него. Возможно, в конце концов ему захочется вернуться сюда. Новая планета будет широко открыта для любого человека, и он сможет создать свою собственную обсерваторию на космической станции, постарается проверить свои идеи, глядя на свою землю и понимая, что она принадлежит ему и его детям.

А туземцы?.. Настроение Лоренцена вновь упало.

Прошел еще один день и еще один.

Лоренцен сидел на своем обычном месте с книжкой в руках, когда услышал, что его зовут. Он поднял голову. Лагерный громкоговоритель произнес голосом Гамильтона:

— ... явиться в помещение капитана.

Лоренцен встал, недоумевая, и отправился в штаб.

Гамильтон сидел за столом в одной из построек. Рядом с ним стоял со взволнованным видом Эвери. Торнтон, Фернандес, Гуммус-пуджилъ и фон Остен тоже были здесь. Все ждали.

— Все здесь, — сказал капитан. — Докладывайте, мистер Эвери.

Психолог прочистил горло.

— Я немного продвинулся в рорванском языке, — сказал он так тихо, что было трудно расслышать слова. — Не сильно. Я по-прежнему не представляю их грамматику, а также не могу выделить элементарные языковые единицы. Но мы уже можем беседовать о простых вещах. Сегодня они сказали, что хотят уйти домой. Я не совсем уверен в причине этого, но думаю, что они хотят рассказать о своих открытиях.

— Они уйдут все? — спросил Торнтон.

— Да. Я предложил отвезти их домой по воздуху, но они отказались. Почему — не знаю. Я уверен, что они меня поняли. Я показал им вертолет и пояснил жестами. Возможно, они не доверяют нам. Они настаивают на том, чтобы идти пешком.

— Где их дом? — спросил Лоренцен.

— Где-то на западе, в горах. Это все, что я смог выяснить. На расстоянии четырех недель пути.

— Ну, — спросил фон Остен, — что же будем делать?

— Рорванцы очень не хотели, чтобы мы следили за ними с воздуха, — медленно сказал Эвери. — Не знаю почему, возможно, какое-то табу, но, вероятнее всего, боятся, что мы будем бросать им на головы бомбы. Не забывайте, они так же плохо знают нас, как и мы их. Если мы будем следить за ними, я думаю, они сумеют спрятаться в горах, и мы никогда не сможем возобновить контакт. — Он подался вперед. — Однако, мне кажется, у них нет возражений, если мы будем сопровождать их пешком.

— Прямо в ловушку? — Фон Остен покачал головой так, что его светлые волосы взлетели в воздух.

— Не кажитесь большим ослom, чем есть, — сказал Гуммус-пуджилъ. — Они не могут не понять, что остальная часть отряда отомстит им.

— Неужели? — фон Остен вспыхнул и ударил себя кулаком в грудь для убедительности. — Но как остальная часть отряда узнает, где мы?

— По радио, конечно, — нетерпеливо сказал Гамильтон.

— Вы возьмете с собой портативную рацию...

— Но если туземцы узнают, что у нас есть радио?

— Хорошее соображение, — согласился капитан. — Похоже, они никогда не слышали об этом явлении. И мне кажется, им никто не говорил об этом... — Он побарабанил пальцами и продолжал:

— Мистер Эвери хочет отправиться с ними, и я согласен, что мы должны послать несколько человек. Возможно, это наш единственный шанс установить контакт с местным населением или правительством, чем бы оно ни было. Надо поближе познакомиться с их технологией и со всем остальным. В конце концов они, возможно, не будут возражать против колонизации. Мы этого не знаем, и наша обязанность — узнать. Вы, джентльмены, сейчас в лагере не нужны. Ваша работа выполнена, логически вы и должны составить отряд контакта. Вы будете поддерживать с лагерем постоянную радиосвязь и на всем протяжении пути проводить наблюдения. Не хочу скрывать от вас возможность опасных ситуаций. Вас могут подстергать болезни, змеи или что-нибудь еще. Но в целом, я думаю, особых опасностей не будет. Дело это чисто добровольное и не будет никакого позора, если кто-нибудь откажется. Итак, все согласны отправиться в путь?

Лоренцен не был уверен, что хочет, но вынужден был признаться себе, что слегка боится и, пожалуй, хотел бы остаться в лагере. Но, черт возьми, все остальные согласились.

— Конечно, — сказал и он.

Позднее Лоренцену пришло в голову, что остальные тоже боялись оказаться единственными. Забавное существо человек.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Первые три-четыре дня были мучительными, затем мускулы привыкли, и люди стали ежедневно проходить по сорок километров без особого напряжения. Путешествие было однообразным. До горизонта растянулись только прерии. Дождь людей не останавливал. Они шли в водонепроницаемых костюмах, а рорванцы, казалось, вовсе его не замечали. Встречалось много широких рек, но все они были мелкими — можно перейти вброд — и давали возможность наполнить дорожные фляги. Длинноствольные ружья туземцев на расстоянии одного-двух километров поражали обильную дичь, а когда не попадались животные, вокруг было множество диких растений, стебли, листья и корни которых были вполне питательными. Гуммус-пуджилъ, несший рацию, ежевечерне связывался с лагерем (передача шла на Морзе, чтобы туземцы не поняли, что такое радио). Гамильтон установил треугольником три робостанции, которые пеленговали их передачи, и таким образом всегда знал, где находится отряд. Его сообщения не содержали ничего особенного, только дальнейшие уточнения того, что они и так уже знали.

Рорванцы для нахождения пути использовали компасы и карты, отличающиеся от земных, но все же можно было понять их назначение. Карты были начерчены от руки, хотя это не значило, что туземцы не знают печати. Линии на картах были тонкие, слов-

но проведенные китайской тушью. Карты были исполнены в характерной меркатовой проекции с решеткой линий, а начальный меридиан проходил через южный магнитный полюс. Похоже, туземцы знали истинную форму своей планеты.

Лоренцен постепенно научился различать характерные особенности каждого из туземцев. Аласву говорил быстро, был порывист и разговорчив. Силиш медлителен и тяжеловесен. Янусарран имел вспыльчивый характер. Джугау казался наиболее интеллигентным, он проводил много часов с Эвери. Лоренцен старался принимать участие в уроках языка, но без особого успеха. Они уже вышли за пределы элементарных сведений, хотя Эвери утверждал, что по-прежнему говорит с трудом.

— Вы должны научить меня тому, что знаете сами, Эд, — просил астроном. — Вдруг с вами что-нибудь случится... Что мы тогда будем делать?

— Подадите сигнал, прилетит вертолет и заберет вас, — ответил Эвери.

— Но, черт побери, мне интересно!

— Ладно, ладно. Я составлю для вас словарь, но убежден, он вам не особенно поможет.

И действительно, словарь не помог. Что с того, что вы знаете, как назвать траву, звезду, дерево, ходить, бегать, стрелять? Что делать дальше с этими словами? Эвери просиживал вечера у костра, беседуя с Джугау. Красно-коричневый свет озарял его лицо и отражался в нечеловеческих глазах туземца. Их голоса поднимались и опускались в мяукачье, гроыхании, свисте, их руки двигались жестикулируя — и все это не имело для Лоренцена ни малейшего смысла.

Фернандес взял с собой гитару и наигрывал по вечерам свои песни. Аласву изготовил небольшую четырехструнную арфу с резонирующими стенками и производившими дрожащий эффект струнами и присоединился к Фернандесу. Вместе они производили комичное впечатление: Аласву наигрывал кукарачу, а Фернандес пытался подражать рорванским мелодиям. У Гуммус-пуджиля были с собой шахматы. Через некоторое время Силиш уловил смысл игры, и они

стали устраивать соревнования. Это было мирное, дружеское путешествие.

Поренцена угнетала тщетность их действий. Иногда ему хотелось, чтобы он не попадал на борт "Хадсона", хотелось вернуться на Луну, заниматься своими инструментами и фотографиями. Конечно, они открыли новую расу, но... Какое дело до всего этого человеку?

— Нам не нужны ксенографические наблюдения, — сказал он Торнтону. — Нам нужна планета.

Марсианин поднял брови.

— Вы действительно думаете, что эмиграция может разрешить проблему народонаселения? — спросил он. — Нельзя таким путем переселить более нескольких миллионов человек. Допустим, сто миллионов за пятьдесят лет, если организовать челночные перевозки, и не забудьте, на все это потребуются деньги. Новорожденные быстро заполнят вакуум.

— Знаю, — сказал Поренцен. — Обо всем этом я слышал и раньше. Я имею в виду другое... нечто психологическое. Просто знание, что здесь передний край, что тут, прижавшись спиной к спине, человек сможет начать все сначала. Что любой человек из народа будет здесь сам себе хозяин. В этом громадное отличие от Солнечной системы. Это основное отличие от тяжелого социального угнетения полностью изменяет взаимоотношения людей.

— Я удивлен. Не забудьте, что самые жестокие человеческие войны в истории последовали после открытия Америки и вторично после заселения планет Солнечной системы.

— Но теперь будет не так. Человечество, я уверен, устало от войн. Оно нуждается в чем-то новом, более значительном.

— Оно нуждается в Боге, — с пуританской страстью сказал Торнтон. — Последние два столетия показали, что Бог наказывает забывших его людей. Они не спасутся, улетев к звездам.

Поренцен покраснел.

— Не понимаю, почему вы всегда смущаетесь, когда я говорю о религии, — сказал Торнтон. — Я

хотел бы обсудить ее на разумной основе, как остальные предметы.

— Мы никогда не придем к соглашению, — ответил Лоренцен.

— Напрасная трата времени.

— Вы хотите сказать, что не будете слушать? Что ж, — пожал плечами Торнтон, — я не особенно верю в колонизацию, но любопытно было бы посмотреть, что же из этого выйдет.

— Мне кажется... Я думаю, что бы ни случилось, ваш марсианский дом будет избавлен от последствий, — проговорил Лоренцен.

— Нет, не обязательно. Господь может и нас наказать. Но мы выживем. Мы живучий народ.

Лоренцен вынужден был признать его правоту. Соглашаетесь вы с сектантами или нет, невозможно отрицать, что они боролись за свою мечту как герои. Они колонизовали огромную, пустынную, заброшенную планету и заставили ее расцвести. Их распевające псалмы батальоны сокрушили империю Монгу и победили Венеру. Верующие, как бы их ни называли — христиане, сионисты, мусульмане или представители любой другой веры, потрясавшей историю, обладали особым ценным качеством. Но разумный человек не мог понять их веры. Если он понимал ее, то уже переставал быть разумным.

Лоренцен посмотрел на мешковатые фигуры рованцев. Какие мечты скрываются в этих нечеловеческих головах? За что они смогли бы раболепствовать и убивать, обманывать и умирать? За свою планету?





ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мигель Фернандес родился в Латинской Америке, в Области, известной под названием Уругвай. Семья его была древней и богатой, он был одним из немногих, кто никогда не голодал. У него были книги, музыка, театры, лошади, лодки. Он играл в поло за свой континент в мировых первенствах и переплыл на яхте Атлантику. Он даже проделал большую стратегическую работу на Луне и Венере. Он смеялся со множеством людей, любил множество женщин и ушел к звездам с песней.

Он умер на Троэсе.

Это произошло с жестокой быстротой. Через две недели кончились открытые прерии и начался медленный подъем к голубым очертаниям гор, возвышавшихся на горизонте. Это была земля высоких грубых трав, больших групп деревьев, холодных рек с быстрым течением. Здесь всегда дул ветер, а неба не было видно из-за множества летающих животных. Продвижение вперед замедлилось, так как рорванцы кружили, отыскивая пологие склоны, но тем не менее в день проходили около тридцати километров. Эвери сказал, что спрашивал, сколько им еще придется идти, но не понял ответа.

Отряд растянулся цепочкой среди разбросанных валунов. Все вокруг было полно жизни: тетраптеры размахивали всеми четырьмя крыльями, маленькие зверьки убегали в испуге. Останавливались и смотре-

ли на путешественников немигающими глазами рога-
тые рептилии. Лоренцен шел впереди рядом с Алас-
ву, пытаясь пополнить свой рорванский словарь, ука-
зывая на разные предметы и прося назвать их. Он
увидел на склоне маленькое разноцветное животное,
что-то вроде ящерицы, и указал на него.

— Беланзу, — сказал рорванец. Благодаря прак-
тике Лоренцен научился различать некоторые фоне-
мы. Раньше все они звучали для него одинаково.

— Нет, — астроному казалось странным, что Эвери
все еще не знает слов "да" и "нет". Быть может, язык
рорванцев не обозначал эти понятия. Однако "нет"
он сказал по-английски.

— Я знаю это слово, оно обозначает "камень". А
я имею в виду эту ящерицу. — Лоренцен подошел к
животному поближе и снова указал на него. Двойное
солнце отражалось на переливчатой шкуре.

Аласву заколебался.

— Шинарран, — сказал он наконец, взглядевшись
получше. Лоренцен занес это слово в блокнот и по-
шел дальше.

И тут же услышал крик Фернандеса.

Лоренцен обернулся. Геолог упал, ящерица вце-
пилась ему в ногу.

— Что за черт?!

Лоренцен бросился обратно, вскарабкался на
скалу и успел увидеть, как Торнтон схватил ящери-
цу за горло, бросил на землю и раздавил голову
сапогом.

Все столпились вокруг Фернандеса. Он смотрел
на них полными боли глазами.

— Холодно, — проговорил он по-испански.

Торнтон разрезал штанину. Все увидели укус и
пурпурный цвет вокруг него.

— Яд! Быстро аптечку первой помощи! — вы-
крикнул марсианин.

— Вот. — Эвери мягко отстранил Торнтона и
склонился над Фернандесом. Как психолог он был
знаком с медициной. Его нож сверкнул, разрезав тело.

Фернандес дышал с трудом:

— Не могу... дышать... Мать божья... Я не могу
дышать...

Эвери склонился к ране, но тут же выпрямился.

— Нет смысла высасывать, яд уже добрался до груди, — голос его был тусклым. .

Рорванцы беспомощно толпились вокруг, глядя так, будто хотели что-нибудь сделать, но не знали что. Глаза Фернандеса закатились, он перестал дышать.

— Ему парализовало органы дыхания. Надо сделать искусственное. — Гуммус-пуджилъ взял руки уругвайца в свои огромные лапы.

— Бесполезно, — Эвери попытался нащупать его пульс. — Сердце остановилось.

Поренцен стоял очень тихо. Никогда раньше он не видел умирающих. В этой картине не было ничего величественного. Фернандес лежал, нелепо свернувшись. Лицо его посинело, маленькая струйка слюны все еще текла из уголка рта. Ветер прорвался между людьми и взъерошил ему волосы. Смерть — непривлекательное зрелище.

— Вызываю лагерь, — Гуммус-пуджилъ схватился за рацию. — Ради бога, вызываю лагерь. У них есть средства оживления.

— Только не от этого яда, — сказал Эвери. — Он пахнет как синильная кислота. А быстрота действия!.. Боже, он уже во всей крови!

Они долго стояли молча.

Гуммус-пуджилъ вызвал Гамильтона и доложил о случившемся. Капитан застонал.

— Бедный маленький чертенок! Нет, бесполезно везти его в лагерь.

Ответ капитана пришел по радио в виде точек и тире. Рорванцы смотрели. Выражение их лиц было непонятно. Может, они считают это каким-то ритуалом — люди разговаривают со своим богом.

— Спросите, что нам делать, — сказал Эвери. — Скажите, что рорванцы собираются продолжать путь, и я хочу идти вместе с ними.

— Похороните геолога и поставьте опознавательный знак, — пришел ответ. — Не думаю, чтобы в этих обстоятельствах следовало считаться с его религией. Кто-нибудь из вас хочет вернуться в лагерь?

Вертолет готов... Нет? Ладно, тогда идите дальше и, ради любви всех людей, будьте осторожнее.

Потребовалось немало времени, чтобы выкопать могилу теми инструментами, которые были у них с собой. Рорванцы помогали, а потом принесли груды обломков, чтобы образовать могильный холмик. Эвери взглянул на Торнтона.

— Не скажете ли вы несколько слов? — очень мягко спросил он.

— Если хотите, — ответил марсианин. — Он был, знаете ли, не моей веры, и здесь нет никого его религии. Поэтому я просто скажу, что он был хорошим человеком.

Было ли это лицемерием, размышлял Лоренцен. Торнтон, для которого Фернандес был папистом. Проклинавший его за шумливость Гуммус-пуджилъ. Фон Остен, называвший его "собакой" и "дураком". Эвери, для которого Фернандес был еще одним поводом для беспокойства. Я сам, никогда не сблизившийся с этим человеком. Даже рорванцы... Все они стояли вокруг могилы. Они больше ничего не могли сделать для мертвого под этими скалами. Хотели ли они сделать больше, пока он жил?

Когда они кончили, было слишком поздно пускаться в путь. Они собрали сухие ветки и траву для костра, поужинали и сидели молча.

Джугау и Эвери начали свои лингвистические занятия. Фон Остен угрюмо свернулся и уснул. Остальные рорванцы шепотом переговаривались друг с другом. Костер громко стрелял, за освещенным кругом виднелась залитая луной земля, ветер свистел в деревьях. Тут и там в темноте раздавались крики животных. Это была не земная ночь — люди никогда не знали такой ночи, не знали этого холодного звездного неба с огромным двойным полукругом созвездий, не слышали таких звуков. Как далеко от дома! Долго придется блуждать душе Мигеля Фернандеса, пока она доберется до зеленых равнин Земли.

Лоренцен почти бессознательно бормотал слова древней песни и смотрел на смутно вырисовывающийся, красный от костра могильный холмик. Тень и свет колебались на нем, и казалось, он шевелится,

словно человек, лежавший под ним, слишком любил жизнь, чтобы успокоиться.

Подошел Гуммус-пуджилъ и тяжело опустился рядом с Лоренцем.

— Одного нет, — пробормотал он. Колеблющийся свет выхватил резкие черты его лица. — Сколько еще погибнет?

— Гамильтон откровенно опасался как раз таких вещей, — сказал Лоренц. — Не землетрясений, не чудовищ, не большеголовых спрутов, а змей, микробов и ядовитых растений. Он был прав.

— Существо с цианидом в пасти. Что у него должен быть за метаболизм? У него не может быть, как у нас, крови. — Инженер вздрогнул. — Холодная ночь.

— Это можно преодолеть, — ответил Лоренц. — Если больше опасаться нечего, тогда еще не так плохо.

— О, конечно, конечно. Я бывал в переделках и похуже. Тут эта проклятая внезапность... Вы ведь тоже едва не дотронулись до нее. Я видел.

— Да... — Лоренц почувствовал озноб при этой мысли. Только сейчас до него дошло: Аласву не предупредил его. Лоренц заставил себя успокоиться и последовательно обдумать все происшедшее. Рорванец Аласву не оттащил его от ядовитой ящерицы.

Лоренц посмотрел на маленькую группу туземцев у костра. Они сидели в тени, только глаза сверкали во тьме. О чем они думают? Что готовят для пришельцев со звезд?

Лоренцу захотелось сказать Эвери... Нет, пока не стоит. Возможно, это случайность. Возможно, эти ящерицы редки, может, эта группа рорванцев никогда не видела их раньше? Аласву сам был в нескольких сантиметрах от него. Туземцы не могут быть так глупы, чтобы обставить убийство всех людей как несчастный случай!

Но "Да Гама" так и не вернулся.

Лоренц с усилием повел плечами, чувствуя усталость и возбуждение. Его подозрения ребяческие, и он знал, что Эвери так и воспримет их. Если же рассказать фон Остену, немец захочет расстрелять

рорванцев на месте. Гуммус-луджилъ и Торнтон... Нет, не сейчас. Вначале Лоренцен должен убедиться сам, прежде чем выставять себя на посмешище.

Он посмотрел в темноту на западе. Они направлялись туда: в горы, в каньоны, в ущелья, где на узких, скользких тропах могло случиться всякое. И они не могут повернуть назад, хотя не имеют ни малейшего представления, что их ожидает.





ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Местность быстро поднималась, пока они не начали пробираться через путаницу скалистых холмов, среди огромных зарослей кустарника, через журчащие реки, где холодная вода кусала ноги, точно зубами. Было трудно идти за рорванцами, легкие фигуры которых быстро передвигались по неровной местности. У Лоренцена пересыхало в горле, когда он, тяжело дыша, спешил за ними.

Однажды вечером, через неделю после того как умер Фернандес, Гамильтон спросил по радио:

— Что за чертовщина с вашими проводниками? Вы опять свернули к северу. Почему они не ведут вас прямо?

Гуммус-пуджилъ удивился, но передал вопрос Эвери:

— Спросите у этих волосатых уродов. Я уже болен от ходьбы.

— Я спрашивал, — сказал психолог. — Разве я вам не говорил? Но ответ относится к совершенно непонятным, непереводаемым фразам языка. У меня создалось впечатление, что впереди опасная территория и мы должны обогнуть ее.

Гуммус-пуджилъ передал ответ Гамильтону, который закончил разговор щелчком языка, соответствующим ворчанию.

— Мы почти ничего не можем предпринять, — вздохнул турок.

— Возможно, они хотят сделать нас кривоногими и тем самым беспомощными, — рассмеялся Торнтон.

Фон Остен схватился за оружие:

— Они ведут нас прямо в...

— Спокойнее, — протянул руку Эвери. — Боюсь, что мы ничего не можем поделать. Нас ведут они.

Лоренцен нахмурился. Это звучало не совсем правильно. Положение все больше и больше казалось ему сомнительным. Он достал карту территории, сделанную при помощи аэрофотосъемки, и долго изучал ее. Насколько он мог видеть, в той территории, которой они избегали, не было ничего необычного. Конечно, там могли быть враждебные племена или что-нибудь еще, но...

На каждый вопрос, который Лоренцен мог бы задать, существовал ответ. Но все ответы были слишком конкретны для данного случая, они не давали последовательной картины. Ладно, ядовитая ящерица была незнакома рорванцам, это совершенно очевидно. Но почему она незнакома им? Любое опасное животное имеет дьявольски широкую зону распространения. Не могли же рорванцы прийти настолько издалека, чтобы эта территория была им неизвестна? Да, туземный язык может быть исключительно трудным, но, черт побери, общество, владеющее технологией, какой вроде бы владели рорванцы, должно располагать доступными терминами и понятиями. Когда западная наука проникла на Восток, китайцы говорили о ней на французском или английском — их собственный язык был для этого неподходящим. Но язык рорванцев казался похожим по структуре на индоевропейские языки, и у Эвери не должно возникнуть тех трудностей, о которых он все время говорит.

Тем не менее вечерами он подолгу беседует с Джугау. Он утверждает, что это уроки языка, но...

Допустим, что это не так.

Лоренцен сидел неподвижно, чтобы позволить этой мысли поглубже проникнуть в сознание. Хотелось отвергнуть ее. Ему нравился Эвери, и на этой новой Земле было так мало того, что можно было

доверить друг другу... "Нет, наверное, я становлюсь параноиком", — подумал Лоренцен.

Однако оставался "Да Гама" — громадный, повисший в пространстве вопросительный знак.

Лоренцен лежал в спальном мешке, чувствуя под собой жесткую землю, слушая шум ветра и дыхание реки, вздрагивая от крика какого-то незнакомого животного. Тело устало, но в голове кипело столько вопросов, что Лоренцен никак не мог успокоиться. Что случилось с первой экспедицией? Кто пытался саботировать вторую? Почему произошло столько помех и задержек, прежде чем она смогла стартовать? Почему Эвери не сумел скомплектовать однородный экипаж? Такие разные (почему?) люди, как они, не могли составлять экипаж космического корабля, это слишком большая ошибка для психолога. Почему рорванцы — единственные млекопитающие, встретившиеся здесь до сих пор? Почему не видно никаких следов их деятельности с воздуха? Почему у них такой недоступный для понимания язык? Если же это не так, почему тогда Эвери лжет? Почему рорванцы не сумели распознать опасность, которая должна быть так же хорошо им известна, как нам на Земле кобра? Их метаболизм сходен с человеческим, поэтому ящерица представляла угрозу и для них. Почему они вдвое удлиннили путь к себе домой? Почему, почему, почему?..

На каждый вопрос можно было найти ответ, либо прямо данный Эвери, либо полученный как правдоподобная гипотеза. Но, взятые все вместе, они нарушали принцип Оккама: каждое объяснение повергало остальные, выдвигало новую гипотезу, противоречащую другой. Было ли что-то объединяющее во всех этих фактах? Или все это лишь случайные стечения обстоятельств?

Сишиш караулил. Он ходил вокруг тухнущего костра, мелькал тенью, только отблески в глазах и на мушке выдавали его. Снова и снова поглядывал он на спящих. О чем он думал? Что планировал? Он мог охотиться, петь и играть в шахматы с людьми, но они были ему более чужды, чем бактерии в его крови. Способен ли он ощутить родство с людьми или он

из тех чудовищ, что проглотили первый корабль и готовятся уничтожить людей со второго?

Эвери не мог лгать. Он был правдивым и дружески настроенным парнем. Психолог должен быть более умелым, но просто он никогда не имел дела с гуманоидами других миров. Может, рорванцы обманули его для каких-то своих целей? Или подкупили? Но чем можно его подкупить?

Лоренцен заворочался, пытаясь уснуть. Сон не шел. Слишком о многом нужно было подумать, слишком многого опасаться. Наконец пришло решение: он никому не может сказать о своих подозрениях. В их отряде нельзя с кем-нибудь уединиться. И нельзя говорить: возможно, рорванцы немного усвоили английский. И в конце концов у него же нет доказательств, только подозрения. Спокойно, спокойно...

Но у него есть начало рорванского словаря. Предположим, Лоренцен, никому не говоря, попытается расширить его. Он может сделать математический анализ записей — до сих пор он не делал этого, ограничиваясь лишь запоминанием слов. Но если вы уверены, что изучаемый язык в основе флективный и его структура мало отличается по строению от индоевропейских языков, то, внимательно прислушиваясь к разговору, можно узнавать знакомые слова и определять систему склонения и спряжения, а новые слова будут ясны из контекста. Будет нелегко и потребует много времени, но это можно сделать. Многие слова можно узнавать, просто спрашивая, если вопросы не вызовут подозрений...

Наконец Лоренцен задремал.



ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Я говорю вам, это убийство! Слова с шумом вылетали изо рта фон Остена. Немец топнул ногой, и скала гулко ответила ему.

Скалы вокруг него и Торнтон круто вздымались вверх к ледяному голубому небу, их острые белые вершины вырисовывались на фоне этого неба, нижние склоны обрывались во тьму ущелий, где стремительно неслись горные реки. Местность за последние несколько дней сильно изменилась, огромная каменная громада гор шла от равнины к морю. Просыпаясь по утрам, путешественники обнаруживали тонкий слой снега на обнаженной земле, дыхание белым паром вырывалось из ноздрей. Охота была бедной, уже несколько дней у них почти не было воды. Продвижение вперед замедлилось из-за бесконечных подъемов и спусков по острым, как лезвие ножа, ущельям. Договорились встать лагерем на несколько дней, чтобы заготовить продукты для последнего участка пути.

Торнтон взвесил ружье в руке и спокойно встретил гневный взгляд немца.

— Рорванцы не могли знать, что ящерица непременно встретится им на пути, — сказал он.

— Да, но у них всегда есть шанс расправиться с одним из нас. — Фон Остен расправил плечи под тесноватым для него комбинезоном. — Тут слишком много незнакомого нам, и не можем же мы все вре-

мя держаться вместе. Что-то неправильно в этих туземцах. Мы должны перебить их всех, а из одного извлечь правду.

— Мы не знаем их трудного языка, — сухо заметил Торнтон.

— Ха, языка! Они не хотят, чтобы мы его знали. Не может быть такого сложного языка, как у них. Когда они не хотят отвечать на вопрос, то просто говорят этому слабоумному Эвери “не понимаю” или же какую-нибудь ерунду, а он принимает это за выходку их языка. Нет, они заговарят понятно, если мы заставим их сделать это. — Фон Остен подался вперед и стукнул в костлявую грудь Торнтона. — А куда они нас ведут? Я смотрел по карте. Гораздо быстрее и легче было свернуть на юг и потом идти на север вдоль берега. Мне кажется, весь этот разговор об опасной территории, которую мы должны обогнуть, вздор и обман.

Торнтон пожал плечами:

— Откровенно говоря, и я подозреваю это. Но почему вы обратились именно ко мне?

— Вы единственный, кому я могу доверять. Эвери глуп. Лоренцен слишком слаб. Гуммус-пуджиль откажется помогать только потому, что это моя идея. Лишь мы с вами можем что-нибудь сделать.

— Гм... — Торнтон потер подбородок: небритая борода неприятно покалывала. — Вероятно, я смог бы вам помочь, но я не хочу вмешиваться. Вполне возможно, что рорванцы намерены убить нас. Это самый легкий путь отвлечь внимание людей от их планеты. Если “Хадсон” тоже не вернется, третьей экспедиции, вероятно, не будет, на это-то и рассчитывают туземцы. Но не забудьте, им еще нужно уничтожить основной лагерь, а из-за нашего исчезновения там весьма встревожатся. А как исчезнет космический корабль? Как они добрались до “Да Гама”? Ведь он должен был до сих пор находиться на орбите, даже если им удалось уничтожить всех высадившихся с него людей...

Фон Остен нахмурился.

— Я думаю, у них есть оружие, которое они нам не показывают. Может, у них есть и космические корабли?

— Почему тогда их войны вооружены гладкоствольными ружьями? Не будьте дураком.

Обожженное солнцем лицо немца покраснело. Помолчав, он спокойно сказал:

— Пожалуйста, следите за своими словами. Я хочу действовать вместе с вами. Но если вы будете так... Не думали ли вы, что эти мушкеты могут быть частью игры? Если мы поверим, что у них нет ничего лучшего, то и не будем их опасаться.

— Во имя великого Иеговы! — присвистнул Торнтон и вдруг повернулся. — Идемте, мы ведь должны охотиться.

— Новая идея?

— Я хочу обдумать ее. Я дам вам об этом знать.

Они принялись осторожно подниматься по крутому склону в гору. Вновь и вновь они останавливались и осматривали горную местность в полевые бинокли. Сухой снег скользил по острым скатам, но нигде не было признаков жизни. Торнтон чувствовал сильный голод и сдерживался. Сейчас не приходится жаловаться на отсутствие мяса.

Если рорванцы не так примитивны, как стараются выглядеть, это открывает возможности для самых мрачных предположений. Если они близки к межпланетному уровню технологии, тогда способны обнаружить "Хадсон" на подходе, к тому же на экваториальной орбите он неоднократно пересекал диски Сестры и солнц. Его можно было легко заметить даже в маленький телескоп. Даже если рорванцы находятся на уровне порохового оружия, у них все равно могут быть телескопы. Но если у них развитая технология, они могут жить под землей, синтезируя пищу. Этот обычай мог возникнуть у них в период атомных войн. Но почему же они не сделали этого до сих пор? Может, вначале хотят узнать как можно больше? В этом случае притворяться примитивными туземцами — лучший способ избежать подозрений.

Торнтон покачал головой. Все-таки это не объясняло всего, по-прежнему оставалось много вопросов,

не имеющих ответов. Но, вполне возможно, фон Остен прав. Что делать в таком случае? Выстрел из атомного ружья уничтожит всех рорванцев в лагере. Может, одного оставить и выпытать у него все? Диктаторы научили человечество, как добывать сведения у существа, способного испытывать боль. Сообщение по радио, быстрое возвращение в лагерь, эвакуация всего персонала на "Хадсон" и отступление в глубокий космос. А что дальше? Троэс по-прежнему останется загадкой. Я не смогу увидеть, как солнечный патруль совершает карательную экспедицию, однако она произойдет. Нельзя от нее отказаться, иначе в один прекрасный день рорванцы обрушатся с неба на Землю.

Звери будет взывать к небесам, заявляя, что это было неспровоцированное убийство. Он, несомненно, обвинит их в уголовном преступлении, когда они вернутся в систему. Поренцен, хотя и неохотно, поддерживает его. Гуммус-пуджилъ займет неопределенную позицию... А как Гамильтон? Капитан может заковать их и оставить в качестве наказания здесь: никакие чувства не останавливали его при выполнении долга, как он его понимал.

У меня тоже есть долг! О Господи, как тяжек путь!

Может, лучше не останавливаться перед мятежом и уничтожить всех людей, кто не поддержит его? А это, несомненно, будет означать суд по возвращении в систему, тюрьму и психическое изменение структуры мозга... Жена и дети Торнтон будут плакать одни в своем доме на Марсе и с еще большей гордостью держаться перед соседями.

Но рорванцы не люди. Поучианские священники сомневаются, есть ли у чужаков душа. Во всяком случае, они язычники... Торнтон знал, какую мучительную борьбу с собой ему придется выдержать до того, как он примет решение. Но он также знал, что решение обязательно будет...

— Вон! Смотрите туда!

Услышав шепот фон Остена, Торнтон поднял полевой бинокль. Высоко над головами, перегнувшись

через край обрыва, на них смотрела рогатая голова — добыча!

Два выстрела раздалось одновременно. Животное вскрикнуло и исчезло. Торнтон отчаянно бросился бежать, перепрыгивая через камни и балансируя на краю обрыва. Ледяной воздух обжигал легкие. Торнтон знал, что должен схватить животное, прежде чем оно упадет.

Верхний край обрыва зависал над ними. Торнтон карабкался, цепляясь за скалы. Фон Остен шумно дышал рядом, выискивая точки опоры. Все равно что взбираться на высокий забор. Они достигли вершины.

И провалились!

Это произошло слишком быстро. Торнтон не понял, что случилось. Он ощутил лишь падение, что-то острое скользнуло по спине и рассекло кожу. Свист воздуха и скрежет скал в ушах, затем грохот и тьма.

Долгое время, приходя в себя, Торнтон ощущал лишь боль. Потом зрение прояснилось, и он сел, схватившись за раскалывающуюся голову.

— Фон Остен, — простонал он.

Немец был уже на ногах. Он выглядел встревоженным.

— Все в порядке? — спросил он. Тон был небрежным. Фон Остен уже осмотрел марсианина, пока тот был без сознания, и не нашел серьезных повреждений.

Торнтон ощупал себя. На спине тянулась длинная царапина, голова болела, из носа шла кровь, на теле было множество синяков, но сколько — он не мог сосчитать.

— Да, со мной все нормально.

Фон Остен помог ему встать.

— Проклятие витает над этой планетой, — сказал он. — Здесь все убивает людей. Кажется, мы попались.

Торнтон осмотрелся. Склон, по которому они взбирались, был внешней стороной ямы диаметром в шесть метров и глубиной в четыре. Застреленное ими животное находилось на противоположной стороне, а они, к несчастью, угодили в яму. Стены были почти

отвесными, сплаженные за столетия ветрами, а маленькое отверстие на дне ямы, очевидно, служило для отвода воды.

Торнтон обошел яму, осматривая края ловушки. Фон Остен, пострадавший меньше, предпринял несколько яростных попыток взобраться наверх, но в конце концов вынужден был от них отказаться. Без инструментов и оборудования ничего нельзя было сделать.

— Еще два очка в пользу рорванцев, — хрипло проговорил он.

— Но они не могли знать...

— Они привели нас в этот опасный край. У них всегда есть шансы заманить нас в ловушку. Боже небесный! — фон Остен погрозил кулаком небу.

— Не упоминайте имя Господне всуе, — Торнтон опустил на колени и стал молиться. Он не просил о помощи — все в воле Господней. Окончив молитву, он почувствовал себя спокойнее.

— Остальные будут искать нас, когда мы не вернемся к вечеру, — сказал он. — Они приблизительно знают, куда мы пошли.

— Да, но эта чертова территория слишком обширна, а долго мы на таком холоде не продержимся. — Фон Остен вздрогнул и обхватил себя руками.

— Мы можем время от времени стрелять, — предложил Торнтон. — Возможно, удастся вызвать снежный обвал. Однако пока стрелять не нужно, все равно в ближайшие часы искать нас не будут. А сейчас разорвите, пожалуйста, пакет первой помощи и перевяжите мне спину.

После этого им оставалось только ждать.

Когда зашло голубое солнце, стало холоднее. Тени начали заполнять яму, воздух сделался похожим на густую жидкость. Внизу ветра не было, но люди слышали его тонкий свист над ямой. Они пытались двигаться, чтобы согреться, но не было сил. После второго солнечного захода они прижались друг к другу в бездне тьмы под резким, холодным светом звезд. Время от времени они начинали дремать, но просыпались от дрожи. Они были почти без сознания, но время тянулось ужасно медленно, всю ночь их преследова-

ли галлюцинации. Однажды Торнтону послышалось, что кто-то зовет его, и он мгновенно проснулся. Голос звучал глухо где-то внизу, он обвинял марсианина в грехах, и Торнтон понял, что это не те, кто их разыскивает.

Кончилась долгая ночь. Когда первые лучи света озарили узкий клочок неба над головой, они удивились, что до сих пор живы.

Вновь и вновь брали они в окоченелые руки ружья и стреляли в воздух. Эхо отдавалось вокруг. Торнтон с усилием припоминал топографию окружающей местности... Трудно было об этом думать, но он понял, что окружающие скалы не позволяют звуку распространяться далеко. Их никогда не найдут. Их кости будут лежать здесь, пока двойная звезда не превратится в пепел.

Взошло первое солнце. Они не видели его, однако оно растопило ночной иней, дюжина холодных ручейков побежала в яму. Фон Остен оттирал замороженный палец, стараясь вернуть его к жизни. Торнтон хотел помолиться, но слова молитвы не шли на ум, словно Бог проклял и забыл его.

Солнечный свет уже озарял всю яму, когда появились рорванцы. Торнтон увидел, как они смотрят на него через край ямы. Вначале он не узнал их — сознание было затуманено. Затем пришло понимание, и он с усилием очнулся от забвения.

Фон Остен выкрикнул проклятие и схватился за оружие:

— Собаки-ублюдки!..

Торнтон вовремя выбил у него из рук ружье.

— Идиот! Они пришли нас спасать.

— Неужели? Они пришли посмотреть, как мы умираем!

— Чего вы добьетесь, стреляя в них? Отдайте мне ружья, дьявол!

Они вяло боролись. Три рорванца, стоя на краю ямы, смотрели на них. Ветер раздувал их мех, но лица-маски были совершенно невыразительны. Рорванцы молчали.

Торнтон отобрал у немца ружья и глянул наверх. Чужаков уже не было. Холодная рука сжала сердце.

Так просто, так легко. Если рорванцы хотят всех перебить, они уже их убили. Они просто скажут всем, что не нашли и следа пропавших.

Так просто, так легко... Торнтон почувствовал, что мысли путаются.

— Великий Боже, — прошептал он сквозь зубы, — уничтожь их. Смети их с лица земли.

А что-то в глубине души безумно хохотало и кричало, что Бог устал от людей, что рорванцы — новый избранный народ, они изгонят грешное человечество прямо в ад.

Торнтон почувствовал в себе смерть, он был обречен замерзнуть и умереть здесь, в тридцати тысячах световых лет от дома. Бог отвернул лицо от Джоаба Торнтона. Он склонил голову, чувствуя на глазах слезы.

— Да будет воля твоя...

Вновь появились рорванцы, на сей раз с веревкой. Они обернули веревку вокруг одного и начали спускать его в яму, чтобы спасти землян.





ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Тропа заканчивалась крутым спуском, скалы обрывались к сверкающему далеко внизу морю. Это напоминало Лоренцену часть калифорнийского побережья — суровая красота гор, травы, кустов и низкие темнолистные деревья по склонам. Широкий белый берег внизу... Но здешние горы выше и круче. Лоренцен вспомнил слова Фернандеса о том, что ледниковый период на Троэсе наступил вслед за недавним периодом тектонической активности. Вероятно, огромный спутник делает здесь процесс диастрофизма более быстрым, чем на Земле. Лоренцен подумал о маленьком геологе и его могиле. Они потеряли милого Мигеля.

Хорошо, что спасены Торнтон и фон Остен. Лоренцен вспомнил долгий разговор, который произошел у него с марсианином после этого события. Торнтон рассказывал о своих планах короткими, отрывистыми фразами, чувствуя внутреннюю необходимость убедить себя. Он признал, что был неправ. Если рорванцы замыслили убийство, то почему спасли его? Лоренцен никому не говорил об этом разговоре, но добавил к своему списку еще один вопрос.

Фон Остен по-прежнему враждебно относился к чужакам, но старался не проявлять этого. Торнтон, потрясенный происшедшим, ударился в другую крайность — теперь он доверял рорванцам не меньше Эвери. Марсианин размышлял над теологической

проблемой: имеют ли рорванцы душу? Гуммус-луджилль бодро и святотатственно ругал бесконечное путешествие. Лоренцен чувствовал себя в эти дни очень одиноким.

Он делал успехи в языке. Он уже мог следить за разговором Эвери и Джугау и убедился, что это были вовсе не уроки. Психолог, неопределенно улыбаясь, ответил на его вопросы с легкостью, которая заставила Джона Лоренцена заикаться и говорить бессвязно. Да, конечно, он уже хорошо овладел языком, и рорванец рассказывал ему всякие интересные подробности о своей расе. Нет, он не хотел бы терять время и учить Лоренцена тому, что знает сам: позже, Джон, позже, когда мы будем посвободнее.

Лоренцен был рад сбросить с себя эту тяжесть: прекрати, поверь Эвери на слово, перестать размышлять и бояться. В свое время будет дан ответ на все вопросы. Это его не касается.

Лоренцен стискивал зубы и заставлял себя продвигаться в своих исследованиях все дальше. Ему не приходило в голову, что он сильно изменился. Раньше он не был таким угрюмым и агрессивным. В том, что не касалось его исследований, он походил на других людей, склонен был позволять другим думать и решать за себя. Теперь он уже никогда таким не будет.

Спуск к морю был изнурительным, но занял всего несколько дней. Спустившись к ровной береговой линии, Лоренцен почувствовал себя так, словно у него начались каникулы. По словам Эвери, Джугау утверждал, что им осталось до цели лишь несколько дней пути.

В этом месте береговая линия равнины с трудом оправдывала свое название. Она сужалась до полоски километровой ширины, покрытой травой и деревьями, а дальше начинались высокие скалы — подножие гор. Берег походил на калифорнийский — широкая полоса прекрасного песка, собранная в пологие дюны, омываемая соленой водой. Но на Земле никогда не бывает такого яростного прибоя, ревущего и пенящегося у берега, не бывает и такого мощного прилива, который дважды в день заливает весь

берег. Никакой добычи здесь не попадалось, и отряд питался травами и кореньями.

Лоренцен чувствовал, как в нем нарастает напряжение по мере того, как позади оставались километры пути. Еще несколько дней и... ответ? Или новые вопросы?

Смерть посетила их, прежде чем они достигли конца пути.

В первый же день, когда они добрались до места, где скалы обрывались прямо в море, их застиг прилив. Скалы и обветренные валуны, наполовину погрузившись в песок, образовывали невысокую стену на их пути. За стеной берег изгибался длинной, узкой петлей, образуя залив, ограниченный десятикилометровой высоты утесом. Вода в заливе была исколота зубьями скал, разрывающих ее поверхность. Устье залива в километре от берега было бело от яростных волн, разбивающихся о линию рифов.

Лоренцен остановился на стене, неуверенно глядя вперед, на узкую полоску песка.

— В прилив песок заливают водой, — сказал он. — А прилив приближается.

— Но не так уж и быстро, — заметил Гуммслуджиль. — Нам понадобится не более получаса, чтобы перейти залив. Мы даже не замочим ног. Вперед!

Он спрыгнул на песок. Лоренцен пожал плечами и последовал за ним. Рорванцы шли впереди, двигаясь с грацией, которая стала уже привычна за последнее время.

Они были на полпути, прижимаясь к подножию скалистого берега, когда в залив ворвалось море.

Лоренцен увидел, как над рифами внезапно вырос белый занавес. Гул прибоя превратился в ревущую канонаду. Лоренцен отпрыгнул назад и побежал вдоль берега.

Волна приближалась с бешеной скоростью. Лоренцен закричал, когда ледяные зубы сомкнулись вокруг его колен. Вторая волна шла за первой в зеленой и белой ярости, брызжа пеной в лицо, и море захватило его по горло. Лоренцен упал, вода сомкнулась над головой. Он встал, и ему показалось, что кто-то тут же ударом кулака сбил его с ног.

Барахтаясь в воде, Лоренцен сопротивлялся, но не мог удержаться: его уносило отливом прибоя. Сапоги тянули вниз. Вода поглотила его и тут же выплюнула. Гребнем прибоя его понесло к скалам.

Ухватившись за что-то во вспенившейся воде, Лоренцен осмотрелся полуслепыми глазами. Впереди возвышался утес. Лоренцен старался удержаться на поверхности. Он услышал чей-то короткий предсмертный крик, и море сомкнулось над ним.

Вверх... вниз... попытаться доплыть... Но скользкий камень не держался в руках. Лоренцена вновь подхватила волна и понесла назад, а потом вперед на скалу. Лоренцен сомкнул руки и повис на ней.

Вода шумела вокруг него и под ним, но Лоренцен ничего не видел и не слышал, ничего не чувствовал. Он лежал слепой, глухой, полумертвый и немой. Только воля к жизни удерживала его.

Потом все кончилось, вода с ревом отступила. Лоренцен почувствовал, что его тело лишь наполовину погружено в воду, и с большим трудом взобрался на утес. Когда он сделал это, море вернулось, но Лоренцен сумел опередить его. Волна потянулась за ним, но он уже был наверху. Почти в истерике он убежал от волны и упал на траву, где долго лежал неподвижно.

Постепенно к нему вернулись силы и сознание. Ветер бросал в лицо остро пахнущую пену, шум моря заглушал голос. Здесь были и остальные, они безмолвно стояли рядом и смотрели друг на друга. Глаза людей и рорванцев встретились с выражением ужаса.

Наконец, они пересчитали уцелевших. Не хватало Гуммус-пуджиля, Аласву и Янусаррана. Силиш застонал, его стон прозвучал как человеческое выражение боли. Лоренцен чувствовал себя разбитым.

— Надо осмотреть все вокруг, — Эвери говорил громко, но в гневном шуме моря его голос казался шепотом. — Может быть, они живы... где-нибудь...

Начался отлив. Фон Остен вскарабкался на стену и осмотрел залив. На противоположной стороне он увидел две фигуры. Они махали руками.

— Гуммус-пуджиль и кто-то еще живы! — закричал немец. — Они живы!

Силиш прищурился, пытаясь рассмотреть их при свете закатного солнца, блесневшего на воде.

— Янусарран... — Голова его поникла.

— Что это было? — выдохнул Эвери. — Что обрушилось на нас?

— Это место — ловушка, — заикаясь, проговорил Лоренцен. — Конфигурация залива, крутой наклон дна... Прилив наступает как полчища ада. На Земле бывают подобные штуки, но здесь прилив гораздо выше. Если бы мы только знали!..

— Рорванцы знали, — побелевшими губами выговорил фон Остен. — Они хотели погубить всех нас!

— Не будьте дураком, — ответил Лоренцен. — Прилив погубил одного из них и чуть не уничтожил всех остальных. Это был несчастный случай.

Фон Остен удивленно посмотрел на него, но замолчал.

Прилив быстро отступал. В сумерках они пересекли залив и присоединились к Гуммус-пуджилю и Аласву. Рорванцы собрали плавник для костра, а турок передал сообщение о случившемся по своей чудом уцелевшей рации. Нигде не было и следа Янусаррана. Вероятно, его унесло в море, а может, его тело плавало у рифов и поджидало рыб.

Рорванцы выстроились в ряд и опустились на колени, вытянув руки в сторону воды. Лоренцен слушал похоронное пение и смог перевести большую часть текста: "Он ушел, он исчез, он больше не ходит, для него нет больше ветра и света, но его (память?) жива среди нас..." Горе их неподдельно, подумал астроном.

Наступила темнота, лишь узкий круг света лежал возле костра. Большинство спало. Дежурный рорванец ходил взад-вперед, Эвери и Джугау, как обычно, сидели и разговаривали. Лоренцен устроился поблизости от них и притворился спящим. Может быть, этой ночью, подумал он, отыщется ключ. Вначале Лоренцен плохо понимал, о чем они говорят, но вскоре уловил нить разговора. Его словарь был уже достаточно велик.

Он понимал!

Эвери говорил медленно и с трудом.

— Я (непонятно) не делать — думать остальных. Многие не (непонятно) смеются (?) над тем, что я говорю...

Хитрость заключалась в том, чтобы суметь перевести услышанное, устанавливая смысл незнакомых слов по контексту, причем быстро, чтобы не потерять нить разговора.

— Я надеюсь, остальные не думают (или не подозревают). Они не очень рады тому, что я сказал им.

Джугау угрюмо ответил:

— Быстро (непонятно), ты их (непонятно) время (?) к Зурле мы пройдем тени (?) они.

С необыкновенной ясностью мозг Лоренцена переводил: "Ты должен быстро рассеять их подозрения, прежде чем мы придем к Зурле и они увидят тень (или обман)".

— Не думаю, чтобы они подозревали. С чего бы? Кроме того, у меня власть, они будут меня слушаться. В худшем случае, им можно сделать то же, что и первой экспедиции (?), но я надеюсь, что в этом не будет необходимости. Это не очень приятно делать (?).

Резкий взрыв фанатизма.

— Если понадобится, сделаем. Ставка тут (?) больше, чем несколько жизней.

Эвери вздохнул и потер глаза, как бесконечно усталый человек.

— Я знаю, пути назад нет. Даже ты не понимаешь, как много поставлено на карту (?), — Эвери посмотрел на холодные, острые звезды. — Возможно (?), все это — вся вселенная (?), все время и пространство... — В его голосе звучала боль. — Это слишком для одного человека.

— Ты должен!..

— Иногда я боюсь...

— Я тоже. Но это важнее наших жизней.

Эвери невесело рассмеялся.

— Я говорил тебе, Джугау, что даже ты не понимаешь, насколько...

— Возможно, — холодно ответил Джугау, — но ты зависишь от меня так же, как я завишу от тебя, может, даже больше. И ты должен подчиняться мне в этом.

— Ты прав, должен...

Лоренцен не мог понять остальной части разговора, так как он перешел на слишком отвлеченные темы. Но он услышал достаточно! Лоренцен лежал в спальном мешке, и его начал бить озноб.





ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Горный хребет неожиданно изогнулся внутрь, становясь в то же время ниже, а склоны его стали более пологими. Появились роскошные пастбища, деревья, луга и бегущие между холмами ручьи. Рорванцы ускорили шаг.

Им встретился еще один представитель их расы, так же одетый и вооруженный. Раздались свистящие крики радости. Джугау и Силиш подбежали к нему и быстро посовещались, затем рорванец кивнул и убежал.

— Он пошел передавать новость, — сказал Эвери, поговорив с Джугау. — Вся деревня хочет встречать нас. Они очень дружелюбно настроены, эти рорванцы.

— Гм... — Гуммус-пуджилъ внимательно поглядел на него. — Кажется, вы все-таки неплохо овладели их языком.

— Да, за последние несколько дней я нашел ключ, и все стало на свои места. Очаровательная семантика у этого языка. Я еще не до конца понимаю значения некоторых слов, но могу переводить обычный разговор.

— Да? В таком случае кто эти парни?

— Делегация в другой город, возвращающаяся домой после... после депового совещания по какому-то вопросу... Я не вполне понимаю это слово. Они наткнулись на нас и довольно быстро поняли, кто мы

такие. У них хорошие познания в астрономии, примерно на уровне нашего восемнадцатого века, и Джугау быстро схватил все, что я рассказал ему о подлинном устройстве вселенной — ее размерах и тому подобное.

— Где же их обсерватории? — не удержался от вопроса Лоренцен. — Как они определили конечную скорость света? Они же не могут в своей системе использовать опыт Ремера...

— Еще не знаю, — раздосадованно ответил Эвери. — Не будьте таким догматиком, Джон. Разве их наука должна развиваться тем же путем, что и наша?

Лоренцен замолчал. Не стоит выдавать себя, иначе он рискует получить нож в спину.

— У них, как мы и предполагали, подземные города, — продолжал Эвери. — Этот обычай возник давно, несколько тысяч лет назад, когда климат на планете был гораздо холоднее, чем сейчас. Подземные жилища требуют меньше строительных материалов и их легче обогревать, но теперь это всего лишь традиция, как наше табу на наготу в общественных местах.

— И фермы у них под землей? — нахмурился фон Остен.

— Они никогда не развивали сельское хозяйство. Круглый год здесь много диких съедобных растений. Но у них есть стада пастбищных животных, которых используют на мясо. Они содержатся по соседству, но не в самом поселке. Я только не понял почему. Джугау говорил мне, но я не могу понять.

Аласву прислушивался к их разговору, склонив голову набок, словно понимая, о чем идет речь. Несомненно, он понимает, подумал Лоренцен. В его желтых глазах был слабый радостный блеск.

— Не удивительно, что они оказались способными развить цивилизацию, — сказал Торнтон. — Талантливая раса... Очевидно, без первородного греха... Вы не знаете, сколько их?

— Население многочисленно, не менее ста миллионов, хотя никто из нашего отряда не знает точного числа. Там, куда мы направляемся, всего лишь

маленькая деревушка, но больших городов, как у нас, у них нет вообще, они расселены более свободно.

Лоренцен взглянул на психолога. За недели путешествия Эвери похудел, загорел, но в его внешности по-прежнему не было ничего впечатляющего. Он был, как и раньше, маленький, круглый, вежливый и добродушный. Всякий сказал бы, что он скучный, но надежный, благожелательный и слегка застенчивый. И он принимает участие в каком-то грандиозном обмане! Какая-то цель сделала его столь безжалостным, что для него ничего не значили судьба двух кораблей и будущее семи миллиардов человеческих существ. Лоренцен подобрался поближе к массивному, внушающему спокойствие Гуммус-пуджилю и едва удержался, чтобы не рассказать ему все.

Одна из гор, возвышающаяся на восточном горизонте, протянула отроги к самому морю. Когда отряд приблизился к ним, показалось низкое укрепление, стоящее перед холмом. Окружающая земля была голой, вытопанной тысячами ног. Деревья перед холмом становились толще, некоторые достигали трехметровой высоты и образовывали рощу. Из этой рощи показались рорванцы. Они двигались спокойно, говорили мало, не было рокота возбуждения, присущего земной толпе. Их было пятьдесят-шестьдесят, как определил на глаз Лоренцен, примерно поровну мужчин и женщин. Женщины были одеты в юбки и сандалии. Четыре груди выглядели не по-человечески, но явно свидетельствовали, что их обладательницы — млекопитающие. Некоторые мужчины держали мушкеты, остальные были не вооружены. Они окружили людей и в целом держались дружелюбно. Из толпы послышался шелест голосов.

— Почему нет детей? — спросил Торнтон.

Эвери перевел вопрос Джугау и, выслушав ответ, сказал:

— Все дети в специальных... я думаю, их можно назвать яслями. Семейная организация здесь совершенно другая по устройству и функциям, нежели у нас.

Пробираясь через толпу, они подошли к входу в холм — большому искусственному туннелю десяти

метров шириной и около трех высотой. Лоренцен заставил себя с трепетом войти внутрь. Увидит ли он вновь солнце?

Толстые колонны поддерживали потолок туннеля, уходящего в глубь холма со многими ответвлениями во все стороны. Воздух был прохладный и свежий: Лоренцен видел в стенах вентиляционные отверстия.

— Хорошие насосы, — прокомментировал Гуммус-луджилъ. — И они используют электричество, — он кивнул на светящиеся трубки, размещенные на потолке и стенах. — Их технология не может соответствовать уровню восемнадцатого века.

— Чего и следовало ожидать, — сказал Эвери. — Многие технические изобретения в нашей истории были сделаны совершенно случайно. Если бы ученые прошлого тщательно изучили трубку Крукса, у нас задолго до 1900 года было бы радио и радар.

В коридорах стояла тишина, лишь слышался шелест воздуха в вентиляторах да топот ног. Туннель тянулся под уклон добрых полкилометра. Заглядывая в боковые проходы, Лоренцен решил, что они, очевидно, ведут в жилые помещения.

Главный ход заканчивался большой кубической пещерой. В ней было много входов, затянутых какой-то тканью, похожей на шерстяную.

— Подземный город, — с улыбкой проговорил Эвери.

— У них, кажется, не очень много художественного вкуса, — заметил Лоренцен. Все помещения были мрачными, очень чистыми, но без следа украшений.

Джугау что-то сказал, и Эвери перевел:

— Это новый поселок. У них не было времени обжиться тут. Это, скорее, военный пост. Мне кажется, женщины у них сражаются наравне с мужчинами.

— Выходит, они не все объединены? — проворчал фон Остен.

— Да, я понял, что на континенте существует несколько разных наций. Сейчас у них мир, они объединяются, но совсем недавно тут была серия ужасных войн, поэтому все нации сохранили армии.

Глаза немца сверкнули.

— Они могут снова начать.

— Сомневаюсь... даже если мы попытаемся помочь им в этом, — ответил Эвери. — Мне кажется, они не хуже нас знакомы с принципом “разделяй и властвуй”.

Один из рорванцев жестом указал на два входа и что-то быстро проговорил.

— Мы почетные гости, — объяснил психолог. — Нас приглашают и просят чувствовать себя как дома.

Внутри помещение имело все тот же скупой вид. За каждой дверью находились две комнаты и ванная. Обставлены они были низкой каменной мебелью: стулья, диваны и столы. Очевидно, камень здесь был более привычным материалом, чем дерево. Еще тут была горячая и холодная вода, сливная система, нечто вроде мыла. Очевидно, в деревне была общая кухня.

Эвери ушел, разговаривая с Джугау и несколькими жителями деревни, которые казались представителями местной власти. Фон Остен осмотрел помещения, предоставленные людям, и вздохнул:

— Стоило забираться так далеко, чтобы увидеть это...

— А мне нравится, — возразил Торнтон. — Их аппаратура, общий вид и план поселения, образ жизни — это интересно.

Немец нахмурился и сел:

— Для вас, может быть. Что касается меня, то я пролетел тридцать тысяч световых лет и не вижу, что оправдало бы это путешествие. Нет даже доброй стычки в конце концов.

Гуммус-луджилъ стал раскуривать трубку. Лицо его было печально.

— Да, я согласен. Без разрешения рорванцев селиться на их планете... Все путешествие теряет смысл. Мы не можем колонизировать планету, населенную сотней миллионов хорошо вооруженных туземцев с высокоразвитым военным искусством. Они устроят нам настоящий ад, даже располагая собственным оружием, а я готов держать пари, что очень скоро они усвоят и наше.

— Их можно покорить!

— Но какой ценой? Сколько жизней придется потратить? И все для блага нескольких миллионов человек, которых мы сумеем перевезти сюда. Парламент никогда не даст на это согласие.

— Ну... Рорванцев можно убедить... — сказал Торнтон, сам не веря в свои слова. И никто не верил. Раса, способная построить электрический генератор, не может быть столь глупа, чтобы позволить высадиться у себя дома нескольким миллионам агрессивных чужаков. Последствия этого они легко могут предвидеть.

Эвери вернулся примерно через час. Он старался выглядеть бодро, но голос звучал устало:

— Я говорил с местными вождями. Они отправили сообщение правительству своей нации. У них есть несколько телеграфных линий. Это новое для них изобретение. А правительство, несомненно, свяжется с другими. Нас просят немного подождать, пока они смогут прислать к нам своих ученых.

— Каковы шансы, что они позволят людям жить здесь? — спросил Гуммус-пуджилъ.

— Что я могу сказать? — пожал плечами Эвери. — Это будет решаться официально, но вы знаете ответ не хуже меня.

— Да, думаю, знаю. — Инженер отвернулся, плечи его поникли.





ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Остаток дня прошел в осмотре поселка. Тут было на что посмотреть. Гуммус-пуджилъ особенно заинтересовался двигателями. Ему сообщили, что они получают энергию от электростанции в горах. Он осмотрел и маленькую, но прекрасно оборудованную химическую лабораторию. Фон Остен ознакомился с арсеналом, который включал несколько больших самодвижущихся пушек, стрелявших пороховыми зарядами, различные гранаты, мины и экспериментальный незнакомый глайдер, который, несомненно, будет функционировать, когда его закончат. Торнтон перелистывал печатные книги, расспрашивал при посредничестве Эвери о состоянии рорванской физики — оказалось, что она дошла до уравнений Максвелла и сейчас работала над идеей радио. Лоренцен старался показать свой интерес и надеялся, что делает это успешно. Один из чужаков бросал на него взгляды, которые могли ничего не означать, а могли предвещать смерть.

Вечером состоялся банкет. Весь поселок собрался в украшенном главном зале за особо приготовленными кушаньями вперемежку с выступлениями музыкантов. Глава поселка произнес короткую речь о "руках, скрещенных в космосе", и Эвери ответил в том же духе. Лоренцен изобразил скуку, которую испытывал бы, если бы не понимал ни слова. Внутри у него все звенело от напряжения. Весь день продолжался

этот фарс. Рорванцы задавали Эвери вопросы об его нации, ее истории, науке, верованиях, намерениях — все, что с точки зрения астронома соответствовало нормальному интересу к людям. Но к чему этот торжественный обмен вопросами и ответами, если предполагалось, что только Эвери понимает их? Делалось ли это для Лоренцена, предупредил ли их Эвери, что астроном может знать больше, чем показывает? И если так, то насколько Эвери уверен в том, что знает Лоренцен?

С каждой минутой Лоренцен чувствовал себя все хуже. Вопросы в вопросах? А что делать, что делать?.. Лоренцен посмотрел вдоль длинного сверкающего стола. Вокруг сидели рорванцы в ярком варварских одеждах в противоположность тускло-коричневой, грязной одежде людей — ряд против ряда, лицо против лица, все лица улыбающиеся и совершенно недоступные пониманию. Что скрывалось в этих золотых глазах? Сидел ли он за столом с подлинными хозяевами вселенной, с богами, играющими в простых крестьян и солдат? Когда рорванцы улыбались, в их ртах виднелись длинные клыки.

Наконец, вечерний кошмар закончился. Лоренцен был насквозь мокрый от пота и не мог удержать дрожи в руках. Эвери взглянул на него. Во взгляде была лишь симпатия, но что думал психолог на самом деле? Боже небесный, а был ли он человеком? Хирургическая операция, синтетическое тело — что скрывалось за круглой маской лица Эвери?

— Вы плохо выглядите, Джон, — заботливо сказал Эвери.

— Немного устал, — пробормотал Лоренцен. — Все придет в норму после хорошего сна. — Он искусно зевнул.

— Да, конечно, день был слишком длинный. Пойдемте спать.

Они пошли в сопровождении группы чужаков. Почетный караул — или настоящая охрана? — шел за людьми до самых их помещений. Они занимали два соседних помещения, и Эвери сам предложил, чтобы Лоренцен и Гуммус-луджилль заняли одно, а трое остальных — второе. Если они пробудут здесь не-

сколько дней, это поможет избежать столкновений турка с фон Остеном, но...

— Спокойной ночи, ребята... Увидимся утром... Спокойной ночи...

Лоренцен откинул занавес, отделявший их помещение от главного прохода. Они оказались в пещере, холодно освещенной электричеством с потолка, где царила самая глубокая тишина, какой не бывает в земных городах с их безустанным темпом жизни. Гуммус-пуджилъ с довольным видом взял со стола бутылку.

— Хорошее у них вино... — Одним щелчком он выбил пробку.

— Дайте, мне нужно выпить. — Лоренцен поднес бутылку к губам, но тут же опомнился. — Нет!

— Что? — Гуммус-пуджилъ удивленно посмотрел на него. — Давайте, смелее.

— Боже, нет! — Лоренцен со стуком опустил бутылку на стол. — В ней может быть наркотик.

— Что? — опять спросил инженер. — Вы хорошо себя чувствуете, Джон?

— Да. — Лоренцен услышал стук своих зубов и замолчал, сделав глубокий вдох. — Послушайте, Кемаль, я надеялся, что мы останемся одни. Я хочу вам кое-что рассказать...

Гуммус-пуджилъ провел рукой по темным волосам. Лицо его застыло, глаза стали настороженными.

— Конечно, выкладывайте.

— Пока я говорю, вы лучше проверьте пистолет и ружье. Вы уверены, что они заряжены?

— Да. Но что... — Гуммус-пуджилъ смотрел, как Лоренцен откидывает занавес и выглядывает наружу. Все было пусто и тихо в резком электрическом свете. Ничто не двигалось, ни звука, ни шороха, будто весь поселок спал. Но где-то тут бессонные умы, и они думают, думают...

— Джон, — сказал Гуммус-пуджилъ, — я попрошу Эда осмотреть вас.

— Я не болен. — Лоренцен повернулся, положил руки на плечи турку и усадил на кровать с силой, какой и не подозревал в себе. — Черт побери, я хочу, чтобы вы меня выслушали. А потом сами ре-

шайте, сошел ли я с ума или мы в той же ловушке, в которую угодил "Да Гама".

Губы Гуммус-пуджиля сурово сжались.

— Говорите, — очень спокойно сказал он.

— Ладно. Вас ничего не удивляет в рорванцах? Нет ли в них чего-то странного?

— Нет... Есть, конечно, но не можем же мы ожидать, что чужаки будут действовать так же, как мы...

— Конечно. Всегда находится ответ на любой встающий перед нами вопрос. — Лоренцен расхаживал взад-вперед, сжимая и разжимая кулаки. Странно, но он совершенно перестал заикаться.

— Подумайте снова над этим вопросом, обдумайте все странности в целом. Группа рорванцев, путешествующая пешком по огромной пустой равнине, случайно находит нас. Вероятно ли это? Они господствующая раса, разумная раса. Они млекопитающие, единственные млекопитающие на этой планете. Любой биолог-эволюционист изумится этому факту. Они живут под землей и не имеют сельского хозяйства, используют поверхность только для охоты и сбора растений. Традиция, моральный кодекс, говорим мы, но любой моральный кодекс должен иметь смысл, а этот не имеет. Наши проводники не сумели распознать ядовитую ящерицу, которая, вероятно, широко распространена и представляет угрозу для них самих. Даже если они никогда лично не видели ее, то обязательно должны были слышать о ней, как американец слышал о кобре. Дальше еще хуже. Они попали в ловушку прилива, потеряли одного из своих в шестидесяти километрах от собственного дома! Они ничего не знали об этом проклятом месте! Я говорю вам, рорванцы подделка, фальшивка. Они играют с нами. Они такие же туземцы на этой планете, как и мы сами.

Молчание было таким, что Лоренцен слышал отдаленное гудение двигателей. Его сердце билось так сильно, что заглушило все, кроме слов Гуммус-пуджиля:

— Иуды! Если вы правы...

— Говорите тише. Конечно, я прав. Только это объясняет все. Это объясняет также, почему нас так

долго вели сюда. Вначале они должны были построить все это. А когда придут их "ученые" и "представители рорванского правительства", то они будут с рорванского космического корабля!

Гуммус-пуджилъ медленно, удивленно покачал головой.

— Никогда бы не подумал...

— Да. Нас вели, давали гладкие, подходящие объяснения, когда мы чему-нибудь удивлялись. Вначале им помогал языковой барьер. Мы, естественно, не задавали вопросов, и они не должны были отвечать прямо. Это вовсе не такой уж трудный язык. Я самостоятельно изучил его, как только решил, что это не трудно. Когда я вначале пытался его изучать, мне давали множество неверных советов и сведений — просто лгали! Например, у них вовсе нет вариативных изменений наименований предметов, во всяком случае, не больше, чем в английском или в турецком. Как только я отбросил ложную информацию...

— Но зачем? Зачем они это делают? Что надеются выиграть?

— Конечно, планету. Если мы дома сообщим, что здесь высокочивилизованные туземцы, Земля утратит интерес к Троэсу и рорванцы смогут колонизировать планету. Вот тогда планета уже действительно будет принадлежать им, и мы не сможем ее отобрать.

Гуммус-пуджилъ встал. Лицо его было угрюмо. За несколько минут изменился его взгляд на многое.

— Отлично сделано, Джон! Черт меня побери, если вы не правы. Но... Вы думаете, они хотят убить нас?

— Нет. Помните, они спасли Джоаба и Фридриха, когда легко могли бы оставить их умирать. Думаю, они не убьют нас, если только не заподозрят, что мы знаем правду. Наш отрицательный доклад дома ценнее, чем наше исчезновение.

— Что ж, — Гуммус-пуджилъ улыбнулся, белые зубы осветили его широкое, смуглое лицо, — тогда все просто. Мы играем с ними, пока не вернемся в лагерь, а потом говорим...

— Это не так просто, Кемаль! Эвери в сговоре с ними!



ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На этот раз инженер ничего не сказал, но рука его сама потянулась к висевшему на поясе пистолету.

— Эвери... старина Эвери... — сказал Лоренцен, чувствуя, что внутри нарастает истерический смех. — Он подделывал лингвистические сведения. Он давал большинство ответов на наши вопросы. Он учил рорванцев и засиживался допоздна, говоря с ними... — Лоренцен кратко пересказал подслушанный разговор.

— Вы считаете, что исчезновение "Да Гама" связано с ними? — хрипло спросил Гуммус-пуджиль.

— Все совпадает, не правда ли? Первая экспедиция исчезла. Вторая встретила при подготовке множество помех, вплоть до внезапной смены всего руководства института. Правительство помогло набрать добровольцев для экспедиции, и у нас получился самый плохо подобранный, конфликтующий, недееспособный экипаж, какой поднимал когда-либо корабль в космос. Наш Эвери с самого начала был психологом экспедиции, но не делал ничего, чтобы уладить эти конфликты. Эвери занимает официальный пост, он один из советников, на которых все больше и больше опирается парламент... И когда мы, несмотря ни на что, все-таки прилетели, появились рорванцы. А если мы захотим полететь домой с положительным сообщением... Что ж, "Да Гама" уже исчез.

Пот блеснул у них на лицах. Они стояли друг против друга, тяжело дышали, и Лоренцен вновь начал дрожать.

— Но правительство... — почти простонал Гуммус-луджилъ.

— Не официальное правительство. Парламент действует в чашке с золотыми рыбками. Психократы, советчики, незримая власть. Они повсюду имеют своих людей. Одного патрульного корабля, укомплектованного их людьми, вполне достаточно, чтобы позаботиться о "Да Гама". Да и о нас тоже...

— Но почему? Во имя Господа, почему?

— Не знаю. Может, никогда и не узнаю. Но представьте более старую цивилизацию, чем наша. Может, рорванцы и есть подлинные хозяева Галактики, может, психократы на Земле лишь их орудие, а может, и те и другие — игрушки в руках обитателей какой-нибудь иной планеты. Они не хотят, чтобы люди вышли в межзвездное пространство.

Вновь наступило молчание. Они думали о миллиардах солнц и о великой холодной тьме между ними.

— Ладно, — задумчиво сказал наконец Гуммус-луджилъ. — Но что же нам делать теперь?

— Не знаю, — с отчаянием отозвался Лоренцен. — И может, стоит подождать, выиграть время, пока сможем поговорить с капитаном Гамильтоном один на один. Но, с другой стороны, нам могут и не дать такой возможности.

— Да, может случиться все что угодно. Если кто-то или что-то узнает, что нам известно... Или, возможно, рорванцы решат не рисковать, не оставлять все на потом и уничтожат нас и лагерь, пока Гамильтон ничего не подозревает. — Гуммус-луджилъ взглянул на передатчик, стоявший в углу. — Сомневаюсь, чтобы можно было вести передачу отсюда. В стенах слишком много металла. Он будет экранировать. Нужно выйти наружу.

— Хорошо. — Лоренцен встал и взял ружье. — Сейчас такое же подходящее время, как и всякое другое.

В лагере были установлены робомониторы, которые автоматически записывали все сообщения их

передатчика и в случае необходимости поднимали тревогу.

Астроном снова выглянул в главный коридор. Ничто не двигалось, тишина, гробовое молчание, лишь гулкий стук сердца. Лоренцен задал себе вопрос, сумеют ли они выбраться из пещеры и вернуться незамеченными. Если даже и нет, все равно следовало рискнуть. Пот заливал лицо, Лоренцен не мог унять нервную дрожь, но работу все равно нужно было сделать. С этим связано нечто большее, чем просто овладение Троэсом. Солнечная система, все человечество должно знать, кто здесь подлинный хозяин, иначе никогда в оставшиеся дни Лоренцен не будет знать мира.

Гуммус-луджилъ надел на плечо лямку приемопередатчика и встал, хмурясь. В одной руке у него было ружье, за поясом нож. Приготовления закончились, пора выходить.

Они вышли в коридор. Глаза задержались на потолке, закрывавшем вход в соседнее помещение. Там был Эвери. Хорошо бы застать Торнтона и фон Остена одних, но они не могли рисковать разбудить человека или существо, называвшее себя Эдвардом Эвери.

Мимо длинного ряда дверей — шаги, казалось, грохотали на весь поселок — они шли из центрального помещения к выходу в безмолвной пустоте туннеля.

Из бокового прохода внезапно вышел рорванец. Он держал мушкет и преграждал им дорогу. Желтые глаза сверкали внезапной тревогой.

— Куда вы идете? — спросил он.

Лоренцен вовремя удержался от ответа: предполагалось, что он не знает языка. Он улыбнулся, развел руками и подошел поближе. Ружье рорванца задрожало. Если бы они были неожиданными гостями... Наконец рорванец принял решение и оттолкнул их назад.

— Конечно, — горько прошептал Гуммус-луджилъ, — а завтра скажут, что это для нашего же блага, потому что тут много опасных хищников. Подойдите к нему, Джон. Не угрожайте, а попытайтесь спорить...

Лоренцен кивнул. Он приближался, пока мушкет не уперся ему в живот.

— Послушай, — терпеливо сказал он рорванцу, — мы всего лишь хотим прогуляться. Разве нельзя? Все, что нам нужно, это небольшая прогулка.

— Нет! — выкрикнул охранник и попытался оттолкнуть его.

Гуммус-пуджилъ оказался рядом с Лоренцем, схватил мушкет рорванца и потянул в сторону. Лоренцен тоже ухватился за мушкет, вдвоем они вырвали его у противника. Турок выбросил вперед кулак. Рорванец упал на спину. Гуммус-пуджилъ оседлал его и схватил за горло.

— Все в порядке, — сказал он через мгновение. — Разорвите его одежду на полосы. Нужно связать его и заткнуть рот. Может, лучше было бы убить этого ублюдка, но...

Через минуту они вновь быстро шли по туннелю. Шума было мало, тревоги никто не поднял. Но в любой момент пещера может ожить.

Перед ними появился выход из пещеры. Черно-синяя тьма и безжалостная яркость звезд Геркулеса. Они выбежали наружу. Вокруг были деревья, над ними небо, в отдалении слышался крик какого-то животного.

— Сюда, подальше от пещеры. Этот чертов часовой!.. Но теперь ничего не поделаешь, надо действовать. — Гуммус-пуджилъ присел на корточки над передатчиком, пробежался по клеммам. — Он должен прогреться. Что будем делать после?

— Не знаю. Попытаемся где-нибудь спрятаться.

Лоренцен старался успокоить дыхание. Ему казалось, что биение сердца слышно повсюду.

Панель передатчика осветилась, загорелся красный глазок. Гуммус-пуджилъ надел наушники и сделал несколько пробных ударов ключом.

— Нет, еще не прогрелся...

Послышался высокий скрежещущий звук, пронзивший Лоренцена словно меч. Лоренцен отскочил назад, поднял ружье и глотнул воздуха.

— Боже, нашли часового!

— Или у них где-то спрятан детектор, который поднял тревогу, как только мы начали передачу. — Гуммус-пуджилъ мрачно выругался.

У входа в туннель показались гибкие фигуры, черные на светлом фоне. Сквозь вой сирены пробился голос рорванца:

— Прекратите! Прекратите передачу, или мы убьем вас!

Гуммус-пуджилъ начал передачу.

Лоренцен побежал зигзагами между деревьями. Гибкие ветки хватали за ноги, Лоренцен споткнулся, выругался, так как больно ушиб локоть о невидимый в темноте ствол. Следовало отвлечь внимание врагов от передатчика. Гуммус-пуджилъ должен прожить достаточно долго, чтобы передать сообщение. Лоренцен открыто крикнул, бояться было некогда.

Грянули выстрелы дюжины мушкетов. Он услышал яростное жужжание свинца мимо ушей, несколько пуль ударило в ствол, за которым он прятался. Это был толстый ствол, разделявшийся на высоте полутора метров на две главные толстые ветви. Лоренцен пристроил ружье в развилке и установил переключатель на автоматический огонь. Рорванцы бежали к нему.

Автомат заговорил короткими очередями без предательских огненных линий. Неопределенная масса бегущих теней раскололась. Лоренцен услышал крики боли, увидел, как падают враги, и даже в этот момент почувствовал сожаление. Джугау, Аласву, Силиш, Менуша, Сиппарру — вы были хорошими товарищами... Все-таки вы были почти моими друзьями...

Рорванцы отступили от рощи и светлого пятна входа в пещеру. Они окружили рощу, но каждый раз автоматные очереди останавливали их. Заговорило что-то вроде пистолета-пулемета, посылая горячие белые трассы в темноту под деревьями. Итак, они пустили в ход свое настоящее оружие. Лоренцен отступил и ждал смерти.

Из туннеля появлялись все новые враги. Лоренцен стрелял, заставляя их отступать, но кое-кто прорвался через поставленную им свинцовую завесу. Ружейный приклад жестко прижимался к щеке. Лорен-

цен смутно ощущал влажную, твердую почву под ногами. Отблеск света на небе говорил о том, что на восточном горизонте восходит Счастье или Сестра.

Что-то сверкнуло у входа в пещеру. Лоренцен увидел падающих и бегущих рорванцев. На светлом фоне появились две фигуры

— Торнтон и фон Остен. Они услышали шум и побежали на помощь.

Немец стрелял в направлении трасс пистолета-пулемета. Внезапно трассы исчезли. Фон Остен взревел и кинулся от входа в туннель, но двигался он недостаточно быстро. Лоренцен слышал металлический щелчок. Фон Остен повернулся на пятках и упал, как тряпичная кукла. Торнтон прижался к земле и пополз в тень.

Ночь была полна теней и летящего металла. Рорванцы окружили рошу и непрерывно обстреливали ее.

— Джон, где вы? — настойчивый, как змея, шепот пробился под сучковатые ветви.

— Здесь, Кемаль.

Турок подполз на животе к дереву Лоренцена и встал с автоматом в руке. Первые бледные полосы света легли на его лицо. В его голосе не чувствовалось торжества, для этого не было времени.

— Я передал сообщение, — быстро пробормотал он. — Не было времени на подробности, сказал только, что у нас стычка с туземцами и что они вовсе не настоящие туземцы. Что теперь?

— Теперь, — ответил Лоренцен, — остается только держаться, сколько сможем.

— Да, я попросил парней на базе, как только они получат сообщение, запеленговать нас и послать сюда несколько вооруженных шлюпок. Может, продержимся до тех пор...

Справа послышались выстрелы. В роше появилась чья-то быстро бегущая фигура.

— Сюда! — крикнул Лоренцен. — Сюда, Джоаб!

Они с Гуммус-пуджилем упали на землю и отползли в сторону.

Марсианин, незаметный в черном костюме, подполз к ним. Он тяжело дышал, в лунном свете его лицо было белым как мел.

— Мы услышали шум... увидели, что вас нет... Эвери твердил, что нужно остаться, но... Рорванцы пытались остановить нас, мы прорвались... Что случилось?

Лоренцен не ответил. Он полз впереди, направляясь к месту, где была наиболее густая тень. Несколько деревьев образовывали круг — почти сплошная баррикада. Они проскользнули между стволами и ветками, нацелив автоматы в трех направлениях.

Рорванцы стали наступать. Через какое-то мгновение все превратилось в рев и гром, все кричало и ревели, золотые сверкающие глаза появлялись из темноты и исчезали. Было брошено несколько гранат, но они разорвались снаружи баррикады. Автоматы людей гремели, свистели пули рорванцев. Заработал второй пистолет-пулемет — настоящая буря смерти.

Но атака захлебнулась. Нападающие подались назад, исчезая в темноте. Несколько раненых чужаков отползли в сторону, несколько мертвых лежали там, где настигла их смерть. Резкий запах дыма ощущался в холодном воздухе.

Тишина продолжалась, казалось, целую вечность. Затем из темноты раздался человеческий голос:

— Вы согласны на переговоры?

Это был Эвери.





ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Хорошо, — сказал Гуммус-пуджиль, — идите сюда один.

Луна поднялась выше, ее длинный луч осветил психолога, выступившего из-за дерева. Рорванцев было не видно и не слышно: они лежали, окружая рошу. После шума битвы тишина казалась абсолютной.

Эвери подошел к кругу деревьев и посмотрел на стволы автоматов.

— Можно мне войти? — тихо спросил он.

— Гм... Да, думаю, можно, — ответил Гуммус-пуджиль.

Психолог протиснулся между стволами. Глаза Лоренцена привыкли к темноте, и он видел выражение ужаса на лице Эвери. Тот же ужас дрожал в голосе психолога.

— Чего вы хотите? — резко спросил астроном.

— Хочу знать, отчего вы все сошли с ума и обрушились на наших хозяев — дружественных туземцев?

Гуммус-пуджиль сардонически рассмеялся. Торнтон пожал плечами и пробормотал:

— Не очень-то они оказались дружественными, когда убили фон Остена.

— Они не туземцы, и вы знаете это не хуже меня, — ответил Лоренцен. — Вы должны знать! Или вы один из них, замаскированный под человека?

— О чем вы говорите? — закричал Эвери. — Вы сошли с ума!

— Кончайте, — устало сказал Лоренцен и в нескольких холодных словах рассказал о своих выводах. — То, что произошло сейчас, подкрепило мои подозрения, — закончил он. — Они обнаружили нашу передачу. У них пистолеты-пулеметы не хуже наших. Они пытались убить нас, чтобы мы не смогли передать сообщение на базу.

Торнтон присвистнул и крепко сжал губы. Эвери кивнул с огромной усталостью.

— Ладно, — без всякого выражения сказал он. — Что вы передали в лагерь?

— Все, что сказал вам.

— У вас не было на это времени. Азбукой Морзе...

— Вы проиграли, — Лоренцен почувствовал восхищение умом, скрывавшимся за невыразительным лицом психолога. — Мы передали, что у нас столкновение с туземцами и что рорванцы не туземцы. Этого вполне достаточно. Гамильтон сумеет сложить два и два, так же как и я.

— Передайте это рорванцам, — добавил Торнтон. — Если они убьют нас, то шлюпки из лагеря отомстят.

Внезапно Эвери разъярился. Он сжал кулаки, стоя в центре их группы, и сплюнул на темную землю:

— Вы дураки! Вы слепые идиоты! Как вы не понимаете, рорванцы правят Галактикой! Вы выступаете против Галактической империи!

— Сомневаюсь, — пробормотал Гуммус-пуджиль.

— Вызовите лагерь, скажите, чтобы они оставались на месте. У них не будет ни единого шанса. Рорванская наука на десять тысяч лет опередила земную. — Голос Эвери стал спокойнее, но говорил он по-прежнему быстро. — Возможно, еще не поздно возместить ущерб. Если вы поможете мне, подтвердите рассказ, который удовлетворит Гамильтона, все еще можно будет уладить. Но Солнечная система никогда не должна узнать о своем истинном положении. Я объясню все позже, только вам троим. А теперь быстрее остановите шлюпки!

Он почти убедил их. Гуммус-пуджиль опустил ружье и полуобернулся к передатчику. У Торнтонна отвисла нижняя челюсть. Тогда Лоренцен рассмеялся.

— Отличная выдумка, Эд, — сказал он. — Чертовски отличная! Но она, знаете ли, не пройдет.

— О чем вы говорите? Если шлюпки прилетят сюда, то будут уничтожены. Рорванцы сметут весь лагерь, уничтожат корабль...

Мозг Лоренцена работал необыкновенно четко и хладнокровно, как высокие холодные небеса над ним. Быстро и твердо прозвучал его ответ:

— Если рорванцы такие всесильные, то почему не уничтожили нас дезинтегрирующим лучом? Почему не заглушили нашу радиопередачу? Хотелось бы знать, для чего им потребовалась эта хлопотливая и сложная маскировка? Нет, Эд, вы опять блефуете. — И Лоренцен с гневом добавил: — А теперь, клянусь Господом, или говорите правду, или убивайтесь отсюда.

Что-то сломалось в Эвери. На него было неприятно смотреть. Он съежился, опустил голову. Лоренцен был рад, что почти ничего не видно.

— Сейчас идет погрузка на шлюпки, — сказал Торнтон. — Им потребуется несколько минут, чтобы долететь сюда.

Сестра поднялась высоко над горами, ее чуждый лик превратился в сине-зеленый полукруг, окаймленный тысячами холодных звезд. Легкий ветерок пронесся по роще и зашуршал листьями. Где-то в тени заговорили два рорванца. Глухо звучали нечеловеческие голоса. Где-то далеко шумел морской прибой.

— Ну что ж, хорошо, — прошептал Эвери.

— Это ведь план вашей клики в земном правительстве, не так ли? — безжалостно подавил слабое сопротивление психолога Лоренцен. — Ваши люди ответственны за исчезновение "Да Гама" и за все помехи нашей экспедиции. Скажите, вас подкупили рорванцы?

— Нет-нет! Они случайно оказались тут, когда прилетел "Хадсон". — Эвери говорил так тихо, что его с трудом было слышно. — Их дом находится, я думаю, в десяти тысячах световых лет от Солнца.

Это землеподобная планета, их цивилизация стоит на том же уровне, что и наша. Они тоже ищут пригодные для колонизации планеты. Их экспедиция нашла Троэс и стала исследовать его, когда появились мы. Они обнаружили наш корабль, когда мы пересекали диск спутника. Конечно, они встревожились. Они не знали, кто мы и чего хотим. Ничего не знали. Они перевели свой корабль на орбиту, перпендикулярную нашей и подальше от нее. Естественно, поскольку мы ничего подобного не ожидали, то никто из нас не заметил их корабля. Они успели замаскировать свои посадочные шлюпки и лагерь, прежде чем мы стали фотографировать поверхность планеты... Они следили из космоса, как мы высадились, разбили лагерь и начали работать. Нетрудно догадаться, что у нас те же самые намерения, что и у них, но, конечно, они хотели быть уверенными в этом, хотели знать о нас как можно больше и в то же время как можно меньше сообщить о себе. Тогда они решили выдать себя за туземцев... Отряд, который привел нас сюда, был высажен в нескольких километрах от лагеря после того, как в их корабельных мастерских изготовили оружие и все остальное.

— Отличная идея, — пробормотал Торнтон. — Прекрасная стратегия. Естественно, мы показали примитивным туземцам больше, чем показали бы космонавтам с чужого корабля, возможно, врагам и конкурентам.

— Тем временем, — будто не слыша его, продолжал Эвери, — остальные строили этот подземный городок. Героический труд, даже с их техникой и атомной энергией. Они решили создать видимость цивилизованных туземцев... Вы правильно угадали, Джон. И я угадал, изучив их язык еще в лагере. Было несколько противоречий, я сопоставил их... Для психолога этого достаточно. Я поставил Джугау перед фактами и сказал, что хочу им помочь. С этого времени я действовал вместе с рорванцами...

— Но почему? — взорвался Гуммус-пуджилъ. — Почему, черт побери?

— Я не хотел, чтобы "Хадсон" разделил судьбу "Да Гама".

Вновь наступило молчание. Затем...

— Вы имеете в виду гибель? — пробормотал Торнтон.

— Нет. Позвольте объяснить, — прозвучал спокойный, усталый голос. — Вы знаете правило, что возвращающийся корабль, с которого люди высаживались на другие планеты, обязан сделать предварительный доклад патрульной службе на одной из ее баз на Церере, Тритоне, Ганимеде или же Япете — на той базе, которая окажется ближе. На этой базе он должен пройти карантин перед возвращением на Землю. Мы знали, что "Да Гама" сделал доклад на базе Цереры, и предположили, что он доложил о пригодности Троэса к колонизации. Мы позаботились, чтобы база на Церере была укомплектована нашими людьми. Когда корабль прилетел туда, экипаж перевели на другой. Но никому не причинили вреда. Помните Новый Эдем, прекрасную планету в Тау Кита, где живут цивилизованные туземцы? Мы заключили с ними соглашение. Люди с "Да Гама" теперь там. Это не тюрьма, они вольны жить как хотят, мы даже доставили туда женщин. Но мы не хотим, чтобы они вернулись в Солнечную систему.

— У многих из них были семьи, — вставил Гуммус-луджиль.

— Некоторые легко перенесли разлуку с ними. А семьи получили хорошую пенсию... И я не хотел, чтобы вы разделили их судьбу. Тогда сделать это пришлось бы и мне. А у меня тоже есть жена и дети. Меня избрали психологом этой экспедиции, и я был готов никогда не увидеть родную планету. А тут у меня появился шанс. Если бы мы вернулись домой и доложили о неудаче, Троэс был бы забыт.

— Отлично, — сказал Лоренцен. — Итак, психократы хотят удержать людей от колонизации. После того как межзвездные путешествия оказались экономически невыгодны, людей решили совсем отучить от звезд. Теперь объясните нам почему?

Эвери взглянул вверх. Его лицо было искажено мукой, но в голосе звучала слабая надежда.

— Это все к лучшему, — ответил он. — Я хочу, чтобы вы действовали со мной заодно, провели Га-

мильтона и всех остальных. Когда мы вернемся, то можем рассказать им о недоразумении, о мятеже, о чем угодно. Говорю вам, будущее нашей расы зависит от нас.

— Каким образом?

Эвери глядел на холодный блеск звезд.

— Человек не готов к такому шагу, — спокойно сказал он. — Наши знания опередили нашу мудрость, и мы оказались в длившемся два столетия аду, из которого только-только выбрались. Психодинамисты в правительстве выступают против самой идеи межзвездных путешествий. Остановить их сейчас уже поздно, но мы надеялись, что человечество откажется от них под влиянием разочарования. Через тысячу лет человек будет готов к этому. Но не сейчас. Он еще недостаточно вырос.

— Это ваша теория, — выпалил Гуммус-пуджиль, — ваша глупая теория!

— Это история и уравнения, которые интерпретируют, объясняют и предсказывают историю. Наука наконец достигла такой ступени, когда человек может управлять своим будущим, своим обществом. Война, бедность, голод, смута — все, что ранее происходило бесконтрольно, как природные катастрофы, может быть остановлено. Но вначале человек, вся человеческая раса должна созреть. Каждый индивидум должен стать нравственно здоровым, умеющим критически мыслить, способным к воздержанию. Невозможно быстро изменить общество. Потребуется тысяча лет тонкого, медленного, искусного тайного руководства, пропаганда, образование, скрытое взаимодействие религии, экономики и технологии, чтобы добиться такого состояния культуры, какого мы хотим. Это не будет похоже ни на что предыдущее. Человек не должен быть слепым, жадным, напористым, безжалостным животным. У него должно быть самообладание, чувство собственного достоинства и удовлетворенность... Должна быть мысль, все должно мыслить так же естественно, как дышать. Только тогда мы сможем выйти в Галактику.

— Долго же придется ждать, — пробормотал Гуммус-пуджиль.

— Это необходимо, говорю я вам! Или вы хотите, чтобы наша раса навсегда осталась звериной? Физически мы сильно развились, пришло время развиваться умственно, душевно, если хотите. У нас — психократов — есть правильное представление о дороге, по которой нужно идти, о медленно управляемой эволюции общества. У нас достаточно данных, и мы уже создали условия для строительства Утопии. Совсем недавно в Англии основан университет, еще через два столетия Европа станет центром цивилизованного общества. Экономическое равновесие постепенно проникает в Азию. Индия становится ведущим членом союза, созерцательная индийская философия должна смягчить агрессивность людей Запада. Как я уже сказал, мы планируем все это. Не в подробностях, но мы знаем, куда идти.

— Кажется, я понял, — задумчиво сказал Лоренцен. Ветер подхватил его слова, лунный свет блеснул в его глазах. — Межзвездные путешествия уничтожат все это.

— Да, да! — Эвери теперь говорил легко, его слова действовали на слушателей, звучали торжественно, как пророчество.

— Предположим, люди установят, что Троэс пригоден для колонизации. Рорванцы не смогут сопротивляться, у них нет нашего таланта военной организации. Именно поэтому они и решили обмануть нас. Если обман не удастся, они подчинятся и отправятся на поиски другой планеты. Это изменит все положение человечества. Вся психологическая атмосфера станет совершенно иной. Если несистематические поиски могут дать нам одну пригодную для человека планету за двадцать лет, то флот охотников будет отыскивать каждые четыре-пять лет гораздо больше территории, чем нам нужно. Люди поймут, что они все-таки могут эмигрировать. Ориентация общества изменится и будет направлена вовне, а не внутрь. Ничто не сможет остановить этот процесс. Наши психодинамические данные потеряют всякую ценность, мы вновь окажемся во мраке. Подъем эмиграции произведет суматоху, которую мы не сможем контролировать. Созданные нами условия рухнут, и мы не

сможем построить их заново. Колонисты будут формироваться главным образом из недовольных элементов, большинство их будет недружелюбно настроено к правительству Солнечной системы. Это вызовет множество беспорядков, массу непредсказуемого. Всем этим нельзя будет управлять! Человечество расселится так широко, что не будет поддаваться никакому контролю. Идея объединенной Галактики — чепуха, нечего и думать об этом. Здесь даже не сможет существовать торговля или регулярное общение. Своими путями станут развиваться миллионы эксцентричных маленьких цивилизаций, появятся новые знания о физической вселенной, мутации... И человек вновь станет жертвой случайностей. Наступят хаос и страдания, подъем и падение культур, войны и угнетение, отныне и до конца времен!

Эвери остановился, его слова повисли в молчании. Все четверо стояли неподвижно, прижимаясь друг к другу в окружении вооруженных чужаков. Они как будто чего-то ждали.

— Хорошо, — сказал наконец Эвери, — вы получили мой ответ. Теперь я жду вашего. Поможете ли вы объяснить мне все, согласитесь ли вернуться и молчать до конца жизни? Я знаю, что прошу многого, но сможете ли вы смотреть в лицо будущему, которое предали?





ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Они смотрели друг на друга.
— Вы должны решать быстро, — сказал психолог. В его голосе прозвучало неожиданное спокойствие. Он встретился с их взглядами и улыбнулся в темноте. — Шлюпки придут с минуты на минуту.

Гуммус-луджилъ ковырял землю носком сапога, на его лице было страдание. Торнтон вздохнул. Именно Лоренцен почувствовал в себе твердую решимость и заговорил:

— Эд, а откуда вы знаете, что все это правда?

— Я работал над этим всю жизнь, Джон.

— Это не ответ. Мне кажется, нынче ночью вы уже превысили свою долю семантически нагруженных слов. Я спрашиваю, что случится, если человечество останется в Солнечной системе... И если не останется.

— Это вероятностная определенность. Мы знаем, как следует делать историю. Конечно, все может случиться, например в Солнечную систему вторгнется черная звезда, но...

— Но вы одновременно говорите, что если человек выйдет к звездам, то будущее его станет непредсказуемым и мрачным.

Гуммус-луджилъ и Торнтон одновременно подняли головы и взглянули на Лоренцена.

— Непредсказуемо в деталях, — раздраженно ответил Эвери.

— Но в общем я могу предвидеть...

— Неужели? Сомневаюсь. Больше того, я не верю в это. Физическая вселенная содержит в себе все возможности, она слишком велика, чтобы быть заключенной в рамки какой-либо человеческой теории. И если где-то в Галактике дело пойдет плохо, то в другом месте оно пойдет хорошо, много лучше, чем вы можете даже представить себе.

— Я не говорю, что мы навсегда останемся на месте, Джон. Только вначале мы должны научиться сдержанности, доброте и достаточно сложному процессу мышления.

— Пока мы все не будем скроены по единому образцу — *вашему* образцу! — резко сказал Лоренцен. — Я утверждаю, что человек, скорчившийся в маленьком убежище, чтобы думать свои думы и созерцать свой пуп, больше не человек. Я утверждаю, что, несмотря на все ошибки и прегрешения, мы чертовски далеко ушли от животного, бегавшего в джунглях всего лишь двести поколений назад. Мне нравится человек таким, какой он есть, а не каким является в представлении теоретиков. Никто не позволит подогнать целую расу под единый образец. У нас всегда были и есть отличия, были, есть и будут бунтовщики и еретики. Они необходимы нам.

— Вы поддаетесь эмоциям, Джон, — сказал Эвери.

— Это увертка, Эд, скрывающая тот факт, что все это вопрос эмоций. Это дело предпочтения и веры. Я лично считаю, что ни одна маленькая группа не имела права навязывать свою волю кому-нибудь другому. А именно это и делаете вы, психократы. Очень мягко, вежливо, конечно, но я задаю себе вопрос, какими одиночками чувствуют себя члены экипажа "Да Гама". — Лоренцен повернулся к остальным. — Я голосую за то, чтобы рассказать всю правду, выйти к звездам и принять все последствия этого. Хорошо ли, плохо ли, но я хочу увидеть эти последствия и думаю, что большинство людей согласны со мной.

Глаза Эвери устремились на остальных.

— Я... Я с вами, Джон, — сказал Торнтон и пояснил: — Человек должен быть свободен.

— Мне нужна маленькая ферма, — сказал Гумус-пуджиль. — И если мой праправнук не сможет иметь свою ферму, то вся раса может катиться в ад или куда похуже!

Эвери отвернулся. На его глазах блеснули слезы.

— Мне очень жаль, Эд, — прошептал Лоренцен.

Оставалось рассказать все Гамильтону. "Хадсон" вернется домой. Он не будет докладывать патрулю, а отправится прямо на Землю и сообщит обо всем по радио. Тогда будет поздно оказывать какое-либо противодействие. Падет правительство, будут назначены новые выборы, психократы лишатся власти. Лоренцен полагал, что некоторые из них позже вернутся: в своем роде они были хорошими людьми и еще потребуются человечеству в будущем. Но это уже не будет преградой, когда люди поднимут глаза к звездам.

— Я попрошу рорванцев убить вас, — дрожащим голосом сказал Эвери. — Я не хочу этого, но вы сами меня вынуждаете. Вы угрожаете будущему человечества, может быть, будущему всей вселенной. Надеюсь, вы довольны собой!

Он отпрыгнул в лес и исчез. Лоренцен видел мелькающие в темноте тени. Рорванцы отступают назад, к своим космическим шлюпкам, подумал он. Может, они возьмут с собой Эвери, спрячут, пока не утихнет гнев людей.

Вдали Лоренцен услышал нарастающий гром ракет Гамильтона.

Погибли два человека и множество чужаков — созданий, также способных мыслить и чувствовать. Правительство Солнечной системы последует за ними для того, чтобы люди могли устремиться в небо. Не был ли Эвери в конце концов прав?

Лоренцен смутно сознавал, что никогда не узнает ответ на свой последний вопрос. А может, на него и не существует ответа.



Содержание

ЗВЕЗДНЫЙ ЛИС.....	5
ЧАСТЬ 1. КАТЕРНИКОМ РЕПРЕССАМИ.....	7
ГЛАВА 1.....	7
ГЛАВА 2.....	19
ГЛАВА 3.....	31
ГЛАВА 4.....	39
ГЛАВА 5.....	49
ГЛАВА 6.....	58
ГЛАВА 7.....	65
ГЛАВА 8.....	74
ГЛАВА 9.....	87
ЧАСТЬ 2. ПОРШЬ АРСЕНАЛ.....	103
ГЛАВА 1.....	103
ГЛАВА 2.....	112
ГЛАВА 3.....	123
ГЛАВА 4.....	137
ГЛАВА 5.....	150
ГЛАВА 6.....	161
ГЛАВА 7.....	177
ГЛАВА 8.....	187

ЧАСТЬ 3 АДМИРАЛТЕЙСТВО	193
ГЛАВА 1	193
ГЛАВА 2	204
ГЛАВА 3	215
ГЛАВА 4	224
ГЛАВА 5	235
ГЛАВА 6	243
ГЛАВА 7	253
ГЛАВА 8	266
ГЛАВА 9	276
ГЛАВА 10	290

ПЛАНЕТА, С КОТОРОЙ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ	304
ГЛАВА ПЕРВАЯ	304
ГЛАВА ВТОРАЯ	308
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	316
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	321
ГЛАВА ПЯТАЯ	330
ГЛАВА ШЕСТАЯ	338
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	344
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	349
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	356
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	360
ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ	366
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	370
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	378
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	385
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	391
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	396
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	403
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	411

Пол Андерсон
ЗВЕЗДНЫЙ ЛИС

Литературно—художественное издание

Ответственный за выпуск

Гусейнов Ильгар

Ответственный редактор

Гаков Вл.

Редактор

Бархатов Н.

Корректор

Суворова Н.

Лицензия ЛР № 061867 от 03.12.92.

Подписано в печать с готового набора 27.03.95.

Формат 84х108/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс».

Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Физ. печ. л. 13,0.

Тираж 20 000 экз. Зак. № 3089.

Издательство «Сигма-пресс».

107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

ЛР № 070335 от 28.01.92.

«Амбер, Лтд». 665830, Ангарск, квартал 76,9.

Отпечатано с готового набора в ордена

Трудового Красного Знамени

ПО «Детская книга» Роскомпечати.

127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

